

10312.

LIBRARY

OF

THE

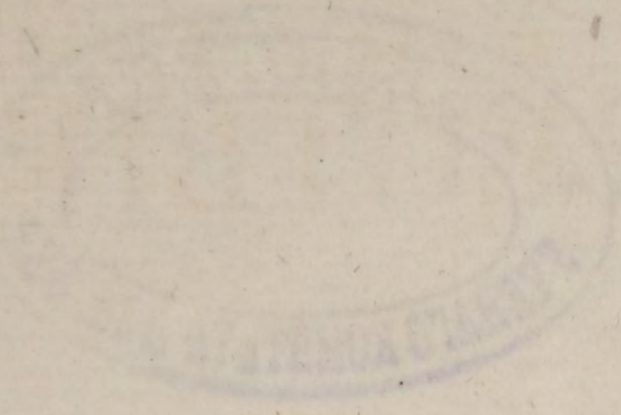

ВСЕОБЩЕЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ.
IV.

10 3/4

ВСЕОБЩЕЕ

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВОКРУГЪ СВѢТА,

СОДЕРЖАЩЕЕ

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ДОНЫНѢ
МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ, КАКЪ-ТО: МАГЕЛЛАНА, ТАСМАНА, ДАМ-
ПЬЕРА, АНСОНА, БАЙРОПА, ВАЛЛИСА, КАРТЕРЕТА, БУГЕН-
ВИЛЯ, КУКА, ЛАПЕРУЗА, БЛЕЯ, ВАНКУВЕРА, АНТРАКСТО,
ВИЛЬСОНА, БОДЕНА, ФЛИНДЕРСА, КРУЗЕНШТЕРНА, ПОРТЕРА,
КОЦЕБУ, ФРЕЙСИНЕ, БИЛЛИНГСГАУЗЕНА, ГАЛЛЯ, ДЮЦЕРРЕ,
ПАУЛЬДИНГА, БИЧЕЯ, ЛИТКЕ, ДИЛЛОНА, ЛАПЛАСА, МОРЕЛЛЯ,
И МНОГИХЪ ДРУГИХЪ,

СОСТАВЛЕННОЕ

ДЮМОНЪ-ДЮРВИЛЕМЪ,

КАПИТАНОМЪ ФРАНЦУЗСКАГО КОРОЛЕВСКАГО ФЛОТА,

СЪ

ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

КАРТЪ, ПЛАНОВЪ, ПОРШРЕШОВЪ, И ИЗОБРАЖЕНІЙ ЗАМѢЧАТЕЛЬ-
НѢЙШИХЪ ПРЕДМЕТОВЪ ПРИРОДЫ И ОБЩЕЖИТІЯ ВО ВСѢХЪ ЧАСЯХЪ
СВѢТА, ПО РИСУНКАМЪ СЕНСОНА, СОПРОВОЖДАВШАГО ДЮМОНЪ-
ДЮРВИЛЯ ВЪ ЕГО ПУТЕШЕСТВІИ ВОКРУГЪ СВѢТА.

Часъ четвертый.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

ПРИ Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чѣмъ по оппечатаваніи представлены были
въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Мая
27-го дня 1836 года.

Цензоръ Д. Перевощиковъ.

65928

**ВСЕОБЩЕЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ.**

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Китай и Японія.

ГЛАВА XXXIV.

КИТАЙ. ПЕРЕЪЗДЪ ИЗЪ МАКАО ВЪ КАНТОНЪ.

Въ десяти часовъ утра на другой день, мы явились на нашемъ пакетботѣ, который немедленно пустился въ путь. Погода была прекрасная и благоприятная, и скоро проплыли мы заливъ Макайскій. Тутъ вступили мы въ пролокъ рѣки, широкій въ этомъ мѣстѣ на три льё, и пересѣкаемый въ разныхъ мѣстахъ утесистыми, голыми островами. Только одинъ изъ нихъ, *Линтинъ*, населенъ народомъ, самымъ негоднымъ изъ всѣхъ племенъ здѣшней стороны, но смѣлымъ болѣе Кишайцевъ, и пошуму проводящимъ всю жизнь въ контрабандѣ опиума. Хотя употребленіе этого зелья всеобщее во всемъ Кишаѣ, но законы запрещаютъ его подъ строжайшимъ взысканіемъ. Уголовное уложеніе назначаетъ каждому продавцу и потребителю опиума разные наказанія, начиная съ ударовъ бамбука до висѣлицы. Но строгость законовъ недействительна при пошачкѣ исполнителей ихъ. Мандарины

являюпся чрезвычайно снисходительны къ провозителямъ опиума, приобрѣтающимъ это снисхожденіе большими подкупамъ. Высшіе чиновники также не опіказываются опъ участія въ тайныхъ торговыхъ сдѣлкахъ. Бывшая прежде въ Макао, торговля опиумомъ перешла послѣ того въ Вампоа, портъ Кантонскій, а наконецъ, съ 1821 года, въ Линшинъ.

Въ Бенгалѣ нарочно спрорася особенныя суда для этого запрещеннаго шорга; оплично идя на парусахъ, хорошо снабженныя людьми и хорошо вооруженныя, они идушъ прошивъ муссоновъ, и приспашу въ Линшинъ. Тушъ окружающъ ихъ лодки коншрабандисовъ; легкія, хошя и очень длинныя, онѣ безъ парусовъ, но, при помощи двадцати гребцовъ съ того и другаго борда, лодки эти спрѣлоу лешашъ по водѣ. Англійскіе корабельщики продающъ въ Линшинъ шоваръ свой не иначе, какъ за наличныя деньги. Получивъ плату, они пересыпающъ опиумъ изъ ящиковъ въ мѣшки, чшобы удобнѣе было спряшашъ его коншрабандисамъ. Едва перегрузка въ лодки сдѣлана, онѣ, управляемыя пашьюдесяшью человѣками каждая, пускающъ по самому быспрому прошоку, спарающъ избѣжашъ опъ богдыханскихъ спорожевыхъ жонкъ, въ случаѣ необходимости быющъ съ ними каменьями и копьями, и сгружающъ пошомъ свою коншрабанду въ уединенныхъ заливахъ, а иногда даже въ самомъ Кантонѣ. Когда свезли опиумъ на берегъ, немедленно принимающъ шерешъ его въ порошокъ, и раскладывашъ въ маленькіе сосуды, для легчайшей разноски, но обыкновеннѣе скашывающъ порошокъ въ шарики, кошо-

рые прячутъ разнощики въ плащѣ и въ рукавахъ. Посредствомъ такихъ хитроспешей, злое зелье распространяется по всему Кипаю, и проникаетъ даже въ чертоги самого богдыхана. Въ извѣстные времена года, посылаютъ изъ Кантона къ богдыхану разные подарки, а въ замѣну ихъ получаютъ разные льготы, и между прочимъ привилегіи, посредствомъ которыхъ корабли дѣлаются недоступны обыкновенному осмотру. Желая показать однакожь, что таможенная служба поддерживается съ строжайшею исправностью, каждые три мѣсяца, въ назначенный, и напередъ извѣстный день, мандаринъ приплываетъ изъ Кантона въ Линшинъ, въ великолѣпной жонкѣ. Онъ лично удостовѣряется, что государственныя постановленія по таможеннымъ тщательнo приводятся здѣсь въ исполненіе, что никакого тайнаго торговца опиумомъ нѣтъ на островѣ, и что даже ни одинъ Европейскій корабль не останавливается въ пристаняхъ Линшинскихъ. Увѣдомленные напередъ, Англійскіе корабли опшлываютъ на время осмотра въ море, а контрабандисты тщательнo прячутъ запрещенный товаръ. Все ограничивается обрядомъ свидѣтельствва, и кончится богатыми подарками, безъ труда успокоивающими совѣсть правосуднаго мандарина. Полагаютъ въ 45-ть милліоновъ франковъ цѣнность опиума, ежегодно ввозимаго въ Кипай. Опиумомъ такъ дорожатъ въ Кипаѣ, что тщательнo собираютъ оспанки его послѣ куренья, перечищаютъ ихъ, и продаютъ дешевою цѣною бѣднякамъ.

Мы проплыли столь близко мимо Линпина, что могли различить множество Европейскихъ кораблей, стоявшихъ на рейдѣ его, вопреки богдыханскому запрещенію. Одни выгружали ящики съ опиумомъ на понтоны, мѣста для повѣрки вѣса продавцамъ и покупателямъ; другіе нагружались сачинскимъ пшеномъ, привезеннымъ изъ Ява и Манилла прибрежными плаващелами, чтобы воспользо-ваться льготою, данною ошъ правительствомъ, которое снимаетъ двѣ шреши пошлины за плаваніе по Тигровой рѣкѣ, если судно нагружено этимъ припасомъ. Спеченіе кораблей и дѣятельность обмѣновъ дѣлаютъ изъ Линпина значительное мѣсто для торговли. Обищатели здѣшніе могли-бы обогатиться, если-бы не сдирали съ нихъ немилосердныхъ поборовъ ненасытные мандарины, попускающіе за то самую наглую контрабанду. Не думая быть благодарны Европейцамъ за то, что получаютъ ошъ нихъ средства пропитанія и наживы, шужемцы здѣшніе обходятся съ ними нагло, и—горе Европейскому кораблю, если онъ разобьется близъ береговъ Линпина! Якорное мѣсто, посѣщаемое только при С. В. муссонѣ, находится здѣсь на западной сторонѣ острова; входъ въ него удобенъ, и грунтъ надеженъ для якоря.

Линпинъ остался за нами; мы плыли потомъ мимо безплодныхъ, пуспынныхъ, гористыхъ береговъ; рѣдкія и шощія деревья показывались коегдѣ на крайней оконечности ихъ къ рѣкѣ; по временамъ выспавлялись, шо необработанные пещаники, шо болошистыя низменности, и шолько шамъ

и сямъ мелькали кучки хижинъ , убѣжища бѣдныхъ рыбаковъ. Далѣе это дикое мѣстоположеніе кончилось ; рѣка , дополъ широкая , сжимается здѣсь между двумя сѣнами утесовъ , среди которыхъ бѣлѣютъ въ разныхъ мѣстахъ красивыя деревенки , окруженныя опоясками зелени и садовъ. Торговля и военныя жонки , кампаны всякаго рода и разнаго груза , покрываютъ рѣку и плаваютъ во всѣхъ направленіяхъ , между тѣмъ , какъ множество лодокъ , съ ихъ рапановыми парусами , поддержанными и раздѣленными бамбукомъ , переходятъ отъ одного берега къ другому , съ грузами скопины , зелени и другими запасами.

Черезъ нѣсколько часовъ плаванія , мы были въ томъ мѣстѣ рѣки , которое Португальцы называютъ *Vossa de Tigris* (Тигрова пасы). Здѣсь Чу-Кіангъ , или Тигровая рѣка , сжимаясь поспешенно берегами , представляетъ самый узкій проходъ , по причинѣ высокаго , круглаго острова , занимающаго самую средину рѣчнаго теченія. Изъ двухъ пропашковъ , образуемыхъ здѣсь рѣкою , судоходенъ только правый , охраняемый безобразнымъ укрѣпленіемъ , послѣдованнымъ опашами на берегу рѣки. Ничего не можешь быть ничтожнѣе и беззащитнѣе этой Китайской крѣпости. При входѣ въ пропашокъ представляется родъ какого-то замка , развалины снабженныхъ множествомъ пушекъ , а выше ихъ , въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ пропашка , прошивъ острова , прикрытаго также нѣсколькими окопами , протягивается зубчатая сѣна , и въ амбразурахъ ея помѣщено до 20-ти пушекъ. Обширная сѣна , опять

съ зубцами, идетъ отъ оконечностей баштарей, и подымаея чешыреугольникомъ на возвышенность, довольно крупую, оставляя такимъ образомъ обширную отгородку, совершенно открытую огню кораблей, кошорые захотѣли-бы пройди по пропоку. Былъ случай испытанія этой грозной крѣпостной защиты и мужества ея охранителей, когда проходилъ здѣсь, въ Ноябрь 1816 года, капитанъ Мексуэль, съ фрегатомъ *Альцеста*. Ему приказано было идти прямо въ Каншонъ, и дожидаться тамъ Англійскаго посла, лорда Амгерста, который долженъ былъ отправиться отъ устья рѣки Цей-го по Желтому морю. Мексуэлю хотѣли запрешить проходъ черезъ Тигровую пастъ—онъ прошелъ насильно, и рассказъ его объ этомъ подвигѣ такъ любопытенъ, что я приведу его здѣсь:

«Китайскія укрѣпленія означеннаго проѣзда были недавно возобновлены» — говорилъ повѣствователь. «Тутъ построили новую баштарею о 40-ка пушкахъ, такъ, что 110 пушекъ различнаго калибра составляли защиту всѣхъ крѣпостей, считая отдѣленіе на островѣ *Вангъ-Тонъ*, лежащемъ противъ берега. Всѣ части укрѣпленій, находящіяся въ полувисрѣлѣ одна отъ другой, снабжены были на это время гарнизономъ изъ 1200 человекъ. *Чумпи*, лежащее немного подалѣе другихъ, защищаея 12-ю или 14-ю пушками, но его можно проплыть внѣ пушечныхъ висрѣловъ. Пока мы приближались сюда, нѣсколько военныхъ жонкъ составили противъ насъ линію, имѣя пушекъ по шести и человекъ по 60-ти каждая. Мы насчитали 17-ть, или 18-ть такихъ

жонкѣ , и къ намъ явился переводчикъ мандарина , приказывая положить якорь , подѣ опасеніемъ , что корабль нашъ , въ противномъ случаѣ , упоиашъ выстрѣлами . Онъ сопровождалъ свое изъясненіе другими грозными рѣчами . « Я пройду сквозь огонь баштарей—отвѣчалъ ему Капитанъ—а потомъ поведу тебя на большой мачтѣ , за то , какъ ты смѣлъ такъ дерзко говорить съ Англичанами . » Дѣйствительно , веревку лодки его перерубили , а его самого оставили на кораблѣ плѣнникомъ . Тогда жонки начали стрѣлять холостыми зарядами ; имъ отвѣчали тѣмъ-же , какъ будто принимая это за салютацию . Такъ продолжалось дѣло , пока Альцеспа не подошла къ Чумпи . Кипайцы открыли огонь съ крѣпости , и нѣсколько ядеръ просвисало въ нашихъ снастяхъ . Въперъ спихъ ; отвѣчать было невозможно ; слѣдовало отпавовишься . Только къ 9-ти часамъ вечера дѣло приняло другой оборотъ . Альцеспа двинулась снова ; на многихъ жонкахъ зажгли сигналы тревоги , и крѣпости были освѣщены на всемъ ихъ прострѣненіи . Въ каждой амбразурѣ появился огромнѣйшій фонарь , будто свѣшлый шаръ , представляя этимъ превосходное средство къ вѣрному прицѣлу . Сильный , но дурно направленный огонь загорѣлся съ острова и съ берега ; мы отвѣчали огнемъ медленнымъ , но правильнымъ , сколько могли достать наши пушки безъ задержки корабля , непрерывно шедшаго впередъ . Въпра почти вовсе не было , и пальба способствовала еще болѣе его уничтоженію , а это сдѣлалось причиною , задержавшею насъ нѣсколько времени , пока мы при-

плыли на видъ главной баштарей. Наконецъ, мы подошли къ ней на нисполешный выспрѣлъ, и прежде нежели защитники успѣли навеспи на насъ всѣ свои громоносныя оружія, мы выпалили въ нихъ съ полнаго борда — дождь карпечъ засвисшалъ надъ ихъ головами, сопровождаемый проекранимъ: ура! раздавшимся съ нашего корабля.—Этого было довольно на береговую спорону: фонари пошухли и баштарей замолчали. Противоположная спорона продолжала спрѣлять, но ядра лешѣли черезъ корабль, и попадали прямо въ Кишайскую крѣпоснь на берегу рѣки.—Миновавъ опасную спочку шѣснины, мы пошли тихо, не забошясь о Кишайской пальбѣ. Цѣлый часъ продолжался нашъ проѣздъ, и мы не пошеряли ни одного человѣка; шолько два ядра попали въ корпусъ корабля; снасти не были повреждены нисколко. Съ выгодами позиціи Тигровой паспи, Европейскіе аршиллерисшы могли-бы расщепать насъ въ дребезги.»

Черезъ нѣсколько дней потомъ, капитанъ Максуэль пріѣхалъ въ Каншонъ шребовашъ удовлешворенія за обиду, нанесенную Англійскому Королевскому флагу. На это опшвѣчали не прямо, но околичносшями, увѣряя, что недоразумѣніе оказалось въ позволеніи на проѣздъ Англійскаго корабля, и мандарины, начальшшововавшіе крѣпосшями, не имѣя надлежащихъ повелѣній, принуждены были дѣйшшовашъ по общимъ своимъ инспрукціямъ Въ слѣдствіе шакоего обороша, Кишайцы замаяли все дѣло, увѣряя потомъ, что все оно состояло въ недоразумѣніяхъ по поводу салютацій.

Передъ устьемъ Тигровой рѣки обыкновенно стоишь богдыханскій флотъ, наблюдая за безопасностью Кантона и спокойствіемъ южныхъ морей. Мы насчитали около придцати жонкъ, тяжелыхъ, неловкихъ по виду и превысокихъ кораблей, у которыхъ въ заднихъ частяхъ пробило множество маленькихъ окошечекъ, освѣщающихъ каюты капитана и офицеровъ. По срединѣ палубъ стояли на нихъ рядками по нѣскольку пушекъ разнаго калибра, выставляя наружу свои жерла, раскрашенныя красною краскою. Все вмѣстѣ взятое не показалось намъ ни красиво, ни спрашно. Мы не замѣтили даже въ этомъ флотѣ Небесной имперіи опрятной и спройной наружности, чѣмъ отличаются купеческіе кампаны Кишайцевъ.

Можно сказать, что настоящая Кишайская земля начинается только съ Восса de Tigris. Передъ этою грозною засавою, гористая, дикая, безплодная область предана во власть контрабандистовъ и рыбаковъ; нигдѣ не видно тушъ обработки поспоянной и послѣдовательной. Но за крѣпостями, къ Кантону, начинается другая область, полная жизни и богатства, по сдвигаясь луговинами вдоль берега, по волнуясь холмами въ долинахъ, и непрерывно являя взорамъ плашеля городокъ, мѣстечко, домикъ, мелькающіе изъ-за зеленыхъ обшавокъ деревъ и рощицъ.

Отъ времени до времени видѣли мы селенія даже на самомъ берегу рѣки, у которыхъ лѣшницы, сходящія въ воду, образуютъ присани. Тушъ каждый пловецъ причаливаетъ къ жилищу своего хозяи-

на. Дома, вышнупые по берегу, не лишены изящества. У нѣкоторыхъ, на периспилахъ, поддержанныхъ деревянными столбами, выдвигаются внѣшнія галлерей, перилы кошорыхъ украшены выпуклыми изображеніями. На верхушкахъ кровель у многихъ домовъ видны украшенія, въ видѣ, либо рыбаго хвоста, либо коровьихъ рогъ — фигуръ совсѣмъ некрасивыхъ, но Кишайцы и спавятъ ихъ не для красоты, а по суевѣрнымъ предосторожноспямъ. Отъ мѣста до мѣста, по всему берегу показывающіяся на вершинахъ холмовъ Кишайскіе *та*, несправедливо называемые отъ Европейцевъ пагодами: это сушь зданія, въ 5, 7, 9-ть этажей, съ изогнутыми навѣсами на каждомъ этажѣ. Долго думали, будто эти *та* имѣютъ какое нибудь религіозное назначеніе; но ихъ отдѣльная постановка, столпообразная, узкая форма и вышина показывающъ несправедливостъ такого мнѣнія. Посвящены ли эти зданія памяти какихъ нибудь событій, или это памятники какихъ нибудь знаменитыхъ людей, или просто бельведеры, казенные и частные? Одно знаемъ мы удовлетворительно, что всѣ постройки зданій такого рода и такой формы чрезвычайно древни, и что нынѣ Кишайцы уже не строятъ болѣе подобныхъ башенъ.

Весь берегъ Тигровой рѣки, отъ Тигровой павши до Кантона, покрытъ безчисленнымъ народонаселеніемъ. Если гдѣ не образуешь оно селенія, то гнѣздишся отдѣльно, на каждомъ холмикѣ и протокѣ, занимая хижинки, довольно опрятныя, и даже укрываясь въ старыхъ лодкахъ, кошорыя по-

крывающъ сверху навѣсомъ изъ соломы, и преобразуютъ такимъ образомъ въ жилье.

По мѣрѣ того, какъ поднимались мы вверхъ рѣки, плаваніе наше становилось шруднѣе, ошъ множества песчаныхъ опмѣлей. Мы пробились черезъ вшорую шѣснину береговъ, льѣ въ пяши ошъ крѣпостей; шущъ нерѣдко корабли особенно зашрудняюща большими мѣлями. Наконецъ, послѣ часового, или двухъ-часоваго плаванія ошскуда, среди долинь, пересѣкаемыхъ каналами и покрытыхъ засаженіями сарачинскаго шшена, прибыли мы въ Вампоа, шрешью шѣснину, за которую не переходяшъ Европейскіе корабли, и кошорую можно почишашъ Каншонскою присшанью. Тушъ видѣли мы до 15-ти кораблей Ошшъ-Индской Компаніи; одни совсѣмъ были гошовы къ ошплышю; другіе шолько что прибыли; иные ожидали нагрузки чаемъ; ошальные выгружали огромные шюки хлопчатой бумаги. Впрочемъ, кромѣ эшихъ кораблей, взорамъ нашимъ явились предшавшели почти всѣхъ морскихъ державъ Европы—корабли Голландскіе, Испанскіе, Французскіе, Дашскіе, Поршугальскіе, и особенно Сѣверо-Американскіе.

Въ Вампоа, рѣка Чу-Кіангъ дѣлишся на два рукава, узкіе и мѣлкіе, кошорые сливаюшся ошашъ, льѣ въ пяши далѣе, уже подъ самымъ Каншономъ. Прошокъ, называемый рѣкою *Жонкъ*, болѣе заняшъ плаваніемъ. Всѣ окрешности усыпаны селеніями, почти сплошь, шакъ, что шсмотря на общность ихъ, можно-бы подумашъ, что это одинъ безконечный городъ. Не взирая на постоянное пребываніе Европейцевъ, обшашели здѣшнихъ окрешностей ошаша-

ются непріязненны и недружелюбны. Изъ Кантона привозятъ сюда все что нужно для снабженія кораблей Европейскихъ, потому-ли что правитель-ство Кипайское такъ приказываетъ, или что характеръ жителей здѣшнихъ удаляетъ ихъ отъ сношеній съ чужеземцами. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ напрасно старались установить какіе нибудь промѣны между жителями Вампоа и кораблями Европейцевъ, здѣсь стоящими на якорѣ. Даже небезопасно кому нибудь изъ людей корабельнаго экипажа пускайся въ окрестныя селенія. Любопытный наблюдашель, торгошъ, ученый Европейскій, почти всегда ворошится съ изорваннымъ плащомъ и испытавши множество обидъ, нерѣдко прибиные. Труссы, когда сила бываетъ равна, Кипайцы спановляясь весьма храбры, если ихъ двадцать прошивъ одного; шутъ со всѣхъ сторонъ набѣжитъ народъ съ длинными бамбуковинами, бросится на беззащитную жертву и готовъ расперзать ее.

Отъ Вампоа до Кантона, рѣка болѣе и болѣе оживляется — вы предчувствуете, предугадываете близость обширнаго города: различныя формами суда плаваютъ во множествѣ, какъ спрѣлы мелькая по водѣ, съ грузами овощей, рыбы, мяса, плодовъ; они пересѣкаютъ другъ другу дорогу, обгоняютъ другъ друга, и никогда не спалкиваются — такъ искусно управляютъ кормщики длиннымъ весломъ, служащимъ вмѣсто руля. Видъ этихъ лодочниковъ, называемыхъ по-Кипайски *водяными людьми*, открытый, добрый; и они шумливы, иногда дерзки, но всегда мирны и веселы. Одѣяніе ихъ составля-

юшъ широкіе шаровары , бѣлая рубашка, изъ грубой бумажной ткани ; это прикрывается родомъ блузы, падающей до колѣнъ, у кошорой отверзтіе, не напереди, а съ правой стороны груди, означено пуговками. Длинная коса, висящая по всей спинѣ , и широкополая соломенная шляпа, оспирая къ верху, дополняютъ этошъ спранный нарядъ.

Въ одной льѣ опъ Каншона , намъ указали населеніе, славное въ окрестностяхъ своими садами и оранжереями. Тушъ возвращаютъ самыя рѣдкія деревья и расшенія. Баронъ хошѣлъ воспользоваться случаемъ, чшобы при небольшомъ опдыхѣ взглянуть на Кипайскую флору. Въ самомъ дѣлѣ , мы увидѣли здѣсь великолѣпные сады и огороды. Между избранными расшеніями замѣшили мы большую піону , бѣлыхъ , красныхъ и смѣшанныхъ цвѣшовъ , прелестную *лимодору* (нагорникъ), пауковый ванильникъ , замѣчательный шѣмъ , чшо онъ можетъ возрасшашъ безъ воды и безъ земли , двуличневую *кетмію* (проскурнякъ), *амбретту* (выхухольникъ), *Японскую камелію* , двойной смѣшанный цвѣшокъ , большую *алцею* , алыи *амарантъ* , чудный *rasse-velours* (родъ амаранта), *лавровую розу* , и наконецъ *yu-lan* , родъ манголіи , у кошораго цвѣшы являющіеся прежде нежели распухнушіе листочки.

Лучшіе изъ пахучихъ цвѣшовъ были здѣсь: *франшипаны* , двойные *жасмины* , сладкіе *базилики*. Мы видѣли *хлоранту* , или *нигрину* , называемую Кипайцами *chi-lan* , листочки кошорой иногда прибавляютъ они въ чай , чшобы придашь ему особенный запахъ , пахучую маслину , Кипайскую розу ,

драгоценнѣйшую изъ всѣхъ извѣстныхъ розъ, шуберозу, и широколистную, съ сильнымъ запахомъ, *гарденію*.

Соршы плодовъ показали намъ особенно много-различны. Тутъ видно было множество родовъ фигъ, шелковицы, персиковъ, миндаля, ананасовъ, розовыхъ яблоковъ, *лиги* (*savonier*), чрезвычайно уважаемаго Кипайцами, померанцевъ, банановъ, *ou-long-chou* и *карамболий* (*carambolier axillaire*). Всему этому не уступало богатство овощей. Мы нашли тутъ: горохъ *soya*, *полистахій*, у котораго цвѣты образуютъ красивые, красные букеты, Индійскую *цитизу*, изъ которой дѣлаютъ знаменитое *бобковое молоко*, предлагаемое опъ богдыхана посланникамъ на торжественныхъ аудіенціяхъ, огромную сладкую *рѣдку*, лукъ, чеснокъ, перецъ, сладкіе *пашаны*, *инбирь*, *Восточную капусту*, изъ которой выжимаютъ масло, годное для спола. Тутъ-же были два рода *шабаку*, *лаковое деревцо*, *шафранъ*, *картама*, спорышъ (*genouée*), *вѣрная рафіа*, служащая вмѣсто вѣровъ простому народу, *зюелюбъ* (*corette*), бѣлая крапива, а наконецъ множество *врачебныхъ расеній* — *пальмовый ревень*, *чернобыльникъ* (*armoise*) и *оспенный корень* (*squine*).

Наша небольшая ботаническая прогулка не могла продолжиться сколько хотѣлось-бы намъ, по привязчивости какого-то дряннаго мандариника. Онъ заспорилъ, что не имѣя *шапа*, которымъ позволялся-бы намъ выходъ здѣсь на берегъ, онъ не можетъ допустить насъ къ нарушенію закона. Спорить прошивъ этого спорогаго исполнителя

законовъ было неловко; народъ, собравшійся толпою, могъ заспуишья за него, и мы съ досадою ошправились къ нашей шлюпкѣ. И безъ того око-ло насъ раздавались уже ругашельсшва; мы ихъ не понимали, но очень поняшны были намъ грозныя, наглыя шѣлодвиженія здѣшняго неприступнаго на-рода.

Зрѣлище Каншонскихъ предмѣспій засшавило насъ забышъ досаду на наглецовъ. Приближаясь къ этому обширному городу, мы поражены были преж-де всего множесшвомъ корабельныхъ верфей; по-шомъ ошкрылись, по обоимъ бокамъ рѣки, длинныя прошяженія деревянныхъ домовъ, посшроенныхъ на сваяхъ и выдвинутыхъ надъ водою; многіе даже вовсе не касались земли, возвышаясь въ рѣкѣ, и образуя, какъ будто пловучія улицы, на прошя-женіи многихъ миль. Чѣмъ долѣе вдвигались мы въ узкій проѣздъ, ошцававшійся между эшими непо-движными надводными сшроеніями, шѣмъ шруднѣе было намъ различашъ все всшрѣчавшееся. Оглушен-ные звуками гонговъ, обыкновеннымъ призывомъ покупашелей здѣшними купцами, спущанные мно-жесшвомъ предметовъ, мелькавшихъ справа, слѣва, спереди, сзади, мы были въ какомъ-шо омороченіи, состояніи неописанномъ, мірѣ неопредѣленныхъ идей, при кошоромъ ошказываешся руководсшво-вашъ нами разумъ, и какъ будто ошсшавляешъ насъ на игру нашимъ чувсшвамъ, увлекаая ихъ самыми фаншасшическими образами. Все вмѣсшѣ сосшавля-ло такой шумъ, шакое смѣшеніе криковъ и зву-ковъ, шакое пещрое и бышрое движеніе людей

и лодокъ, при спраннымъ зрѣлищѣ домовъ, съ ихъ флагами, лавокъ, съ ихъ вывѣсками, что глаза и уши едва могли опѣдавать опчепъ въ различныхъ впечатлѣніяхъ.

Все это прекрашилось тогда только, когда мы пристали у набережной, на лѣвомъ берегу, гдѣ находящаяся Европейскія факторіи. Тутъ очутились мы на своей землѣ. Поспавленные на высотѣ прекрасныхъ пристаней, флаги, Американскій, Англійскій и Голландскій, казалось, вызывали на борьбу Кишайскую наглоспъ. Они показывали намъ неупральную землю, гдѣ чужеземецъ поспавилъ кочевой таборъ свой на неприступной опчизнѣ Кишайца. Жилища и складочныя мѣспа различныхъ факторій Европейскихъ соспавляютъ здѣсь общность прекрасныхъ зданій; всѣ они посстроены шужеземцами, и принадлежатъ имъ, ибо только шужеземецъ можетъ владѣть въ Кишаѣ недвижимымъ имѣніемъ. Но легко можно было замѣшпшъ, что не шужеземный вкусъ распоряжалъ шущъ устройствомъ. Это уже не была Кишайская архипекшура, нелѣпая, уродливая, вся сложенная изъ разнообразныхъ часпичекъ, но, напрошивъ, прекрасное пропшяженіе домовъ, съ великолѣпными шеррасами и крышыми галлереями, прохладными лѣшомъ, шеплыми зимою; галлереи эшп, опброшенныя, какъ будто арки опъ моспа, опъ нижнихъ эшажей, оканчивающіяся на предѣлахъ улицы. Между улицею и побережьемъ идетъ спѣна, образуя собою одну изъ споронъ обширныхъ, усыпанныхъ пескомъ загородокъ, гдѣ выгружаются шовары.

Мы вышли изъ пакетбота нашего передъ Англійскою факторією , гдѣ уже ждали насъ. Письма изъ Макао, и рекомендація Барону , прямо отъ Калькутскаго Генераль-Губернатора , доставили намъ пріемъ самый дружескій и самый великолѣпный. Изъ конторы факторіи, Англійскій Резидентъ повелъ насъ по смѣжной улицѣ , обсаженной богатыми домами. Тутъ живутъ почти всѣ Европейцы. Онъ указалъ намъ на одинъ изъ эшихъ домовъ, лучше всѣхъ отдѣланный, и уведомилъ, что здѣсь пригошовлена для насъ квартира ; мы заняли парадныя комнаты. Можно было замѣтить, что домъ эшотъ посроенъ не для одного только щегольства: въ залахъ нижняго этажа, прикащики и Китайцы-переводчики писали фактуры, повѣряли образчики, печатали письма, пробовали на оселкахъ и потомъ сшивали пiаспры, наложенные кучами. Но только эшотъ уголъ и обличалъ настоящее занятіе хозяевъ ; повсюду въ другихъ частяхъ дома богатая мебель, огромныя зеркала , часы , бронза , щегольскіе ковры, показывали роскошь, привольную и утонченную. При взглядѣ на все эшо, лицо Барона прояснилось; невольно вытянулся онъ, и потчасъ принялъ тонъ и манеры , подходившіе къ великолѣпію нашей квартиры. Совсѣмъ не принимая вида глупой, барской горделивости, Баронъ явился знашнымъ человекомъ, рожденнымъ среди всѣхъ эшихъ удобствъ жизни, съ дѣйствва знакомыхъ ему и не бывшихъ диковинкою.

Вечеромъ, когда насъ позвали ужинать , Баронъ одѣтъ былъ со всею утонченностью мастерскаго

шуалета; въ его одеждѣ было что-то изысканное и вмѣстѣ простое — этому не лѣзя выучиться, и даже изъяснить это трудно, но свѣтскіе люди знаютъ тайну подобнаго наряда. Баронъ достигъ своей цѣли; онъ успѣлъ *озадачить* Кантонское общество Англійской знами. Насъ окружили съ привѣтами, намъ начали задавать праздники, спарались намъ угождать. За споломъ, мы сидѣли подлѣ самого Резиденца. Не стану описывать роскоши угощенія, обилія хрусталя и серебра, разнообразія кушаньевъ, выбора винъ и щегольского десерта. Богатое щеславіе Англичанъ, соединенное съ утонченною нѣгою Креоловъ, находишь въ здѣшней сторонѣ одно услажденіе — хорошій столъ. Послѣ этого сами судите: чего надобно было ожидать? Моимъ сосѣдомъ на сей разъ пришелся одинъ изъ тѣхъ добрыхъ, услужливыхъ колонистовъ Европейскихъ, въ родѣ Верже и Вильмоша, съ которыми успѣваешь скоро ознакомишься, и которыхъ вездѣ встрѣишь путешественникъ, какъ подарки providѣнія, разбѣянные на пуши его, для услажденія заботъ спраннической жизни. Генрихъ Моршонъ, новый пріятель мой, находился въ Кантонѣ въ числѣ Компанейскихъ чиновниковъ. Замѣтивъ мое удивленіе на роскошь жишья Кантонскаго, онъ опвѣчалъ мнѣ вздохомъ. «Не считаешили вы насъ большими счастливцами, при нѣкоторыхъ удобствахъ нашей жизни?» — спросилъ меня Моршонъ. — По крайней мѣрѣ, *vous en avez l'air* (шакъ кажешся) — опвѣчалъ я. — «Да, правда, мы спараемся забыть свое горе, и смачиваемъ его шам-

панскимъ , но , повѣрьте , что намъ здѣсь скука смертельная. Надобно-же развлечь ее чѣмъ нибудь? Какъ жили Воспока развлекающъ ее опиумомъ , чтобы не чувствовалъ тоски настоящаго и уловивъ хоть мечту , мы гуляемъ и роскошничаемъ. Да , къ чему ведешь насъ все это? Навѣрное къ сплину, или что еще хуже , опягощенію желудковъ и опвычкѣ опъ истинной жизни. Намъ недостаешь здѣсь именно того, что могло-бы сдѣлать жизнь нашу настоящей жизнью — обществу женщинъ.»—Въ самомъ дѣлѣ, я ихъ вовсе не вижу!—«И не увидите , потому, что здѣсь нѣтъ ни одной Европейской женщины. Эти узкоглазые болваны боясь ихъ , и богдыханскою волею запрещено Европейскимъ женщинамъ пребываніе въ Кантонѣ.»—Почему-же это?—«Почему! Подите спрашивайте у этого невидимаго Сына Небесъ , который живетъ въ своемъ *Юень-Мингъ-Юень*, у этого Воспочнаго самрапа, полу-Манджура, полу-Китайца, которому особенно нравится именно то, что особенно нелѣпо. Боясь-ли, чтобы наши Европейки не подали дурнаго примѣра Китайскимъ красавицамъ, не научили ихъ жить на волю, не въ заперти, не заславили опказаться опъ своихъ крошечныхъ пожекъ — хотяшъ-ли , чтобы мы считали здѣшнюю сторону мѣстомъ временнаго пребыванія, мѣстомъ изгнанія, и не думали прочно заселяшъся здѣсь : то и другое можешь бышь ; да кто спанешь добивашъся изъясненія у Его Богдыханства обо всемъ , что нелѣпо въ Китаѣ? Такъ ему угодно. Вошь одно, что мы знаемъ.»—Видя, что горячность, съ

какою говорено было все это, удивила меня, Мортонъ спѣшилъ прибавить: «Извините, если это шевелило меня такъ сильно — не повѣрите, какъ я сердитъ на Кантонъ! Вошъ ужъ два года, что я оставилъ въ Мадрасѣ мою добрую жену и двухъ-лѣтнюю дочь. Неволя заспавила меня разлучиться съ ними — я пожертвовалъ настоящимъ для блага будущаго. Тащилъ съ собою семью, съ тѣмъ, чтобы подвергнуть ее обидамъ здѣшняго запрещенія, или оставилъ въ Макао на жертву какогонибудь нечаяннаго бунта—избави Богъ!»—Но, почему, господа, не постараетесь вы уничтожить это нелѣпое распоряженіе, вы, Бришанцы, которые не боитесь Вангъ-Тонскихъ пушекъ?—«Мы ужъ думали объ этомъ, и въ 1828 году многіе изъ здѣшнихъ чиновниковъ отважно привезли съ собою свои семейства, и хотѣли оставить ихъ въ здѣшней факторіи. вмѣсто негодованія, всѣ Кантонцы сбѣгались любоваться нашими Англичанками, и впечатлѣніе, произведенное ими, было самое благопріятное. Мы было думали, что дѣло какънибудь уладится, но черезъ нѣсколько дней Вице-Король загремѣлъ въ своемъ *шапѣ*, или приказѣ, прошивъ такой неслыханной новоси. Онъ потребовалъ немедленнаго изгнанія нашихъ колонистовъ. Не можете представить, до какой степени это оскорбительное и повелительное прѣбываніе взволновало наше самолюбіе! Мы заспорили. Мы сослались на достоинство Компаніи, на дружбу нашу съ Кишайцами. Дамы наши не оставляли Кантона, и для подкрѣпленія спора, тысячи полторы мапировъ

сошли съ кораблей , составляя спражу на всякій случай. Кишайцы остановили промѣны ; Компанейскимъ кораблямъ запрещено было плаваніе по Чу-Кіангу ; революція сдѣлалась ужасная , и Компанія прислала новыхъ управляющихъ въ Кантонъ. Послѣ этого дѣло было уже проиграно. Самолюбіе новыхъ пришлецовъ не сспрадало опъ уступки , а между тѣмъ имъ приказано было уступить. Компаніи надобенъ чай , и за эту негодную праву не послушались ни печали, ни слезъ нашихъ Англичанокъ , показавшихъ смѣлоспъ характера и уступившихъ только въ самой крайности. Съ тѣхъ поръ , мы опяшь овдовѣли, и за нашими богатыми ужинами , при всѣхъ кушаньяхъ и винахъ, при блескѣ свѣчъ и фарфора, у насъ нѣтъ ни веселья, ни поэзіи; всякій живешъ здѣсь мимоходомъ , и думаетъ только о томъ, какъ-бы поскорѣе уѣхать опсюда.»—А сколько должно продолжишься изгнаніе , которое вы стараетесь усладить такъ роскошно?—«Три, пять, десянь, двадцанъ, придцанъ лѣтъ, смощра по волѣ Компаніи и по чесполубію чиновника; насъ заваливають жалованьемъ: 300 фуншовъ сперлинговъ въ первый годъ, 400 во второй, 500 въ третій, 1000 въ пятый 3000 въ десятый; нѣкоторые изъ старшихъ получаютъ по 5000 ф. с. ежегодно. Этимъ можно упрочить себѣ беспечную будущность , и кто уменъ , тотъ возвращается опсюда съ деньгами.»—Думаю , пошому что куда-же вамъ дѣвать ихъ здѣсь? — «Вотъ то-то и бѣда , что выходишь иначе. Не повѣрише, что за нелѣпую роскошь, что за пусные расходы ввели мы здѣсь въ моду! Мы

щеголяемъ тѣмъ, кто болѣе испрашивъ по пус-
 сякамъ. Пустъ-бы еще старшіе, кошорымъ необ-
 ходимъ блескъ для ослѣпленія шуземцевъ; но млад-
 шіе чиновники могли-бы наблюдать болѣе порядка
 и экономіи, а между тѣмъ они-то и спрашивъ бо-
 лѣе. Всего чаще, проживши здѣсь много лѣтъ,
 ѣдутъ обратно такими-же бѣдняками, какими
 пріѣхали сюда.»—По крайней мѣрѣ, васъ можемъ за
 все эшо награждать удовольствіе въ жизни, дру-
 жеское согласіе—васъ такъ немного здѣсь.—«Прав-
 да, только согласія здѣсь такъ-же мало, какъ и
 наслажденія. Къ несчастью, зависъ и корысть
 дѣйствуюшъ здѣсь болѣе, нежели гдѣ нибудь въ
 другомъ мѣстѣ. Не только факторія Англійская
 въ вѣчной враждѣ съ другими факторіями, но даже
 и между Англичанами вражда вѣчная: Компанія
 пользуется монополіею, и послѣ эшого каждый сво-
 бодный торговецъ врагъ ея. Чиновники Компаніи
 непрерывно должны преслѣдоваъ разныя покуше-
 нія частныхъ людей, нарушающія права исключи-
 тельнаго шорга. Мы раззоряемъ эшихъ бѣдняковъ,
 пошому, что мы сильнѣе, богаче, знакомѣе здѣсь,
 не говоря уже о шомъ, что для насъ открыта
 Англія, а они должны шихонько въ нее прокрады-
 вать (вы знаете, что до 1834 года, только
 Компаніи предославлено было привозитъ чай въ
 Англію): кто можемъ послѣ эшого съ нею соперни-
 чать?»—Кажешся, что шеперь эшо не продолжишя
 (говоря такимъ образомъ, я не думалъ бытъ пред-
 вѣщашелемъ).—«Но Компаніи, повѣрьте мнѣ, мало
 горя: у нея здѣсь все заведено, все устроено, ка-

пишала огромные; лучшіе чай всегда ей доспаны, и если разрушатъ ея привиллегію, тѣмъ прочнѣе будетъ ея стараніе снабжать Англію хорошимъ чаемъ, а это вѣрное ручательство за выгоду, лучше всякой монополіи. Соперничество страшно только бѣднякамъ—богачъ долженъ желать его; оно всегда будетъ въ его выгоду.»

Разговоры наши продолжились до самаго конца ужина. Говоря объ уничтоженіи чайныхъ монополій Компаніи, мы не воображали, что 4-е Апрѣля 1834 года, Кантонское торжище будетъ открыто для всѣхъ Англійскихъ кораблей на равныхъ правахъ. Уничтоженіе Компанейской монополіи чаемъ было тогда такъ-же неизвѣстнымъ будущимъ, какъ теперь неизвѣсны слѣдствія, какія должна повести за собою столь важная перемѣна въ торговлѣ Остъ-Индской Компаніи съ Китаемъ.

ГЛАВА XXXV.

КИТАЙ. КАНТОНЪ. ТРИ ГОРОДА ВЪ ОДНОМЪ.

Баронъ такъ-же скоро подружился съ Морпюномъ, какъ и я. Съ другаго дня по прїѣздѣ нашемъ, мы шрое были уже неразлучны. Послѣ заѣпрака у нашего новаго, добраго знакома, мы положили вмѣстѣ осматривать городъ. «Ксшапи, и я пойду — говорилъ Морпюнъ. — «Эши господа Кишайцы такъ вѣжливы съ нами, что до сихъ поръ увольнялъ я себя ошъ взаимнаго имъ визиша.» Онъ позвалъ своего служишеля. «Зоншики намъ, Мью, и шы пове-дешъ насъ по Каншону.» — Черезъ нѣсколько ми-нушъ, мы пуспились въ наше спрансповованіе. — Осшавивъ факшоріи направо, а рѣку назади, мы во-шли въ извивисшыя, набишыя домами городскія улицы. Двѣ главныя, названныя Англичанами: *Новая Китайская* (New-China-Street) и *Китайская* (China-Street), съ чесшью могушъ занять мѣсто въ Евро-пейскихъ сполицахъ. Онѣ длинны, ровны и удиви-тельно опряшны. Дома, деревянные, почти всѣ

съ галлереями у нижнихъ этажей , съ кровлями странно срубанными, далеко выдвинутыми наружу. Всѣ фасады расписаны яркими красками , особенно въ шѣхъ домахъ, гдѣ внизу находящіяся лавки. вмѣсто безпорядочнаго смѣшенія поваровъ , какимъ щеголяющъ магазины у насъ въ Европѣ, Кантонскіе торговцы дѣлящіяся по разрядамъ торговли : тушъ собраны поргаша фарфоромъ, здѣсь торговцы чаемъ; въ одномъ мѣстѣ продающъ только шелковыя шкани, въ другомъ только бумажныя. Но среди раздѣленія торговой промышленности, одно общее всѣмъ — удивительное искусство разложить, показать, представить въ порядкѣ и числѣ поваръ. Ничего не можешь быть обольстительнѣе мастерства въ Китайскомъ расположеніи самыхъ послѣднихъ бездѣлокъ. Какъ хорошо расставлены эти лаковыя мебели, съ ихъ золотымъ, матовымъ рисункомъ, опѣненнымъ по блестящему полю! Какое безконечное терпѣніе выказано въ работѣ этихъ вѣровъ изъ слоновой кости, этихъ красивыхъ зонтиковъ! А роскошь этого искусно подобраннаго фарфора? А эти чайники, которыми все еще такъ дурно подражаютъ наши Европейскія мануфактуры? И эти крепы тысячи цвѣтовъ, столь хорошо обрисовывающіе формы шѣла, столь плосныя, столь мягкіе—прекрасныя шарфы, прочныя, блестящія канфы и канги, шкани, вышитыя шелкомъ, ковры, ширмы, шпоры? Что за чудеса промышленности, неиспощимой на изобрѣшеніе и работу!

По улицамъ, гдѣ расставлены всѣ эти обольстительныя приманки, толпа, непроходимая и пре-

занятая, шѣснися, шолкаешся, движешся. Ганиспы въ паланкинахъ; бродящіе шоргаши, неся запасы на какомъ-шо родѣ коромысла, съ кошораго уравнивающихся два кружка, а середина кошораго ушверждаешся на плечѣ; Кишайцы всѣхъ званій, всѣхъ занятій—все это наполняешъ узкіе проходы, оспашающіеся между домами. Въ мѣстахъ, гдѣ улица, расширяясь, образуешъ родъ площадей, обыкновенно спановившихся съ своею подвижною лавочкою, съ своимъ однозвучнымъ колокольчикомъ, Кишайскій Фигаро, и подѣ ошкрытымъ небомъ, среди шума и шолкошни, брѣешъ своею шреугольною бришвою безволосую голову соопчича, красишъ ему брови, чистишъ ему плашье. Подлѣ держашся—продавецъ кушанья, бродячая кухня; шорговка, съ корзиной, повѣшенной на шеѣ и наполненной закусками; кочующіе лавочники, кошорыхъ легко узнаешъ по спранному и нелѣпому крику ихъ. За шѣмъ, вспрѣчаешся Каншонскій гражданинъ, шѣмъ горделивѣе, шѣмъ важнѣе, чѣмъ выше его званіе; его опличише по жилешу съ мешаллическими пуговками, по длинному, развѣвающимся кафшану, по бришой головѣ, по ужасной косѣ, по шелковымъ башмакамъ, по зоншику съ бамбукомъ. Въ нисшихъ званіяхъ, кафшанъ идешъ шолько до половины бедръ, и шаровары, широкія сверху, завязывающія выше икръ. Иногда шакже, вмѣсто зоншика, бѣдные Кишайцы носяшъ просто вѣеръ. Мандарины и богатые люди никогда не выходятъ безъ служишеля, кошорый провожаешъ ихъ, и держишъ зоншикъ надъ головою своего господина.

Проспонародный костюмъ показался намъ довольно однообразенъ у всѣхъ. Обыкновенно: родъ куртки, рубашка голубаго цвѣта, большая соломенная шляпа, кончающаяся къ верху конусомъ. Народъ рабочій показываетъ собою видъ силы и здоровья, такъ, что любо смотрѣть на него. Бѣдно, но опрятно одѣтые, просполоудины не носятъ на загорѣломъ лицѣ своемъ ни малѣйшаго слѣда грубаго и скопскаго выраженія—вы замѣчаете только важность, съ какою-то особенною рѣшительностью. Не шумливые, не вздорливые, какъ бываетъ это между чернью въ самыхъ образованныхъ земляхъ, люди, занятые даже грубою, тяжелою работою, кажутся здѣсь живущими во взаимномъ согласіи, и чрезвычайно привѣпливы одинъ къ другому.

Среди этого спрашнаго волненія народа, мы не видали ни шлѣгъ, ни лошадей, даже собаки встрѣчающіяся весьма рѣдко. Изъ женщинъ немногія, и то самыхъ нисшихъ званій, осмѣливающія вмѣшиваться въ толпу мужчинъ. Мы долго шѣснились на Ново-Кишайской улицѣ, среди домовъ съ плоскими крышками, убранныхъ цвѣтными шариками, среди двухъ рядовъ угловатыхъ и ошвѣсныхъ выѣсокъ, на коихъ золошыми буквами по красному полю написаны имена хозяевъ и роды шоваровъ. Моршонъ вводилъ насъ въ нѣкошорыя изъ лавокъ, гдѣ шорговали его знакомые. Тупъ вездѣ ласково удовлетворяли всѣмъ нашимъ вопросамъ, показывали намъ шовары, и мы не знали: чему удивляться болѣе, прочности-ли работы, или искусству выдѣлки? Купцы говорили съ нами изломаннымъ Анг-

лійскимъ языкомъ, которому носовое произношеніе ихъ придавало особенный характеръ. Намъ показали на этомъ базарѣ предметы роскоши, поддѣланные подъ образцы, привезенные изъ Парижа и Лондона, столь хорошо, что незнашокъ могъ-бы обмануться и почестъ ихъ Европейскими. Терпѣливые, ловкіе, смысленые, Кишайскіе масперовые доспигли до поддѣлки самыхъ превосходныхъ лакированныхъ и серебряныхъ издѣлій нашихъ, и такъ какъ работы стоятъ здѣсь гораздо дешевле, нежели въ Европѣ, то, вмѣсто требованія опъ насъ, Кишай опускаетъ теперь множество издѣлій на манеръ Европейскихъ, не только въ Индію, но даже въ Англію.

За торговыми улицами, смѣжными съ факпоріями Европейцевъ, начинается другой городъ и другой народъ. Въ China-Street, вы находитесь еще на землѣ неупральной, въ атмосферѣ на половину Англійской, на половину Кишайской; появленіе чужеземца встрѣчаютъ здѣсь ласково, не отворачиваются при его приближеніи; съ поспѣшнымъ Европейскимъ говорятъ, смѣются; корысть побуждаетъ здѣсь предразсудокъ и національное отворачиваніе. Но когда перешли вы эту торговую грань, фізіогноміи перемѣняющіяся, лица мрачнѣютъ. Тѣ же купцы, которые такъ ласково принимали васъ въ своихъ лавкахъ, отворачиваются опъ васъ въ той части города, гдѣ находясь ихъ жилища и ихъ семейства. Спросите о дорогѣ: обидный, грубый смѣхъ будетъ вамъ единственнымъ отвѣтомъ. Горе вамъ, если вы, когда мимо васъ несуть па-

ланкинъ какой нибудь знапной Кипайки, не приль-
неше какъ нибудь къ спѣнѣ, чпобы избѣжашъ шолч-
ка носильщиковъ паланкина! Васъ собьюшъ съ ногъ,
черезъ васъ пойдутъ, васъ прибуюшъ, ограбятъ, и
съ трудомъ успѣете вы спасчисъ и убѣжатъ опъ
эшого негоспепріимнаго народа!

Но и въ эшой часпи города, совершенно Кипай-
ской, всѣмъ владѣетъ мѣлочная и гурповая тор-
говля; магазины занимаютъ нижніе эшажи домовъ;
споловые комнапы находяпся сзади лавокъ; въ
верхнихъ комнапахъ помѣщаются шовары и при-
кащики. Цѣлый день, хозяева домовъ сидятъ у
дверей, съ шрубкою въ зубахъ, и ждутъ при-
хода покупателей. Хозяинъ обыкновенно бываетъ
гордъ и важенъ; покупателю указываетъ онъ на
сидѣльцевъ лавки, копорые показываютъ ему пре-
бруемую вещь и торгуются въ цѣнѣ; хозяинъ вмѣ-
шиваешся рѣдко, и то развѣ шолько для оконча-
нія шорга.

Такъ какъ всѣ эши люди имѣютъ по два дома,
одинъ для своей шорговли, другой для жишья соб-
ственно, то и невозможно опредѣлять народона-
селенія Каншонскаго пространствомъ, какое зани-
маетъ эшотъ обширный базаръ. Вотъ что было
причиною преувеличенныхъ ишговъ, копорые для
него подводили многіе: миссіонеръ Лекомтъ опре-
дѣлялъ число жишелей Каншона въ полшора
милльона, Дюгальдъ въ милльонъ, иные гораздо
болѣе обоихъ числишелей. По странной прошиво-
положности, если одни слишкомъ много назначали

для народонаселенія Каншонскаго, другіе слишкомъ сбавляли и уменьшали его. Такъ Соннера, Кукъ и Малтебрюнъ не придерживались никакого правдоподобія, опредѣляя на весь Каншонъ отъ 400,000 до 250,000 жителей. Кажется, самый вѣрный цифръ будетъ между 500,000 и 600,000. Желая продолжитъ нашу первую прогулку такъ далеко, какъ только было намъ это возможно, мы осмѣлились дойти до входа въ *Монгольскій*, или *Китайскій городъ*, строго закрытый для Европейцевъ. Тутъ увидѣли мы узкія, низенькія, небрежно охраняемыя ворота, и спѣшу, черезъ кошорую ничего не стоило перелѣзть. Въ этой часи Каншона живутъ вице-король и чиновники, находящіеся подъ его начальствомъ. Изъ воротъ могли мы видѣть каменный домъ мандарина, построенный, безъ всякихъ украшеній, въ одинъ этажъ. Обширные дворы окружаютъ его со всѣхъ сторонъ, и тяжелыя ворота, кажется, болѣе годились бы для тюрьмы, нежели для жилища вельможескаго. Моршонъ разсказалъ намъ, какимъ образомъ площадь подлѣ этихъ воротъ бываетъ иногда театромъ самыхъ странныхъ явленій. Когда Европейцы подадутъ прошеніе вице-королю, черезъ его мандариновъ, и удовлетвореніе не послѣдуетъ скоро, они полагаютъ, что просьба оспалась въ рукахъ нисшихъ чиновниковъ, и что надобно поступитъ рѣшительнѣе, если хотѣтъ дать ей надлежащій ходъ. Просители собираются толпою, человекъ двадцать, тридцать, вооружаются дубинами, единственнѣе оружіемъ, позволеннымъ Европейцу

въ Кишаѣ , и нечаянно нападають на лавки запрещеннаго имъ города. Тутъ бьютъ они по спѣнамъ , по прилавкамъ , по головамъ , во что попало , и производящъ такой ужасный шумъ , что мандаринъ , кошорому ввѣрено благочиніе въ городѣ , рѣшаешся наконецъ унять вздорливыхъ буяновъ. Тогда окружають его , кричащъ , принуждають взявъ списокъ съ поданной просьбы , такъ , чтобы послѣ публичнаго волненія не лзя было ему запереться въ принятіи просьбы. Дѣло иногда удается хорошо , но бываетъ , что оно обращается и въ невыгоду забіячливыхъ просишелей. Если Китайцы предвари-тельно замѣняящъ предположенное нападеніе Европейцевъ , то прячутся въ ближнихъ улицахъ , и сами съ дубьемъ нападаютъ на безпокойныхъ просишелей. Тутъ чья возьмешъ , и—вошъ какъ производящя дѣла Европейцевъ въ такой спранѣ , гдѣ съ большими издержками содержатъ Европейскія государства своихъ консуловъ и шорговья конторы !

Мы уже сполько насмотрѣлись на Каншонъ , что могли опредѣлить его физіогномію. Одинъ изъ соснавляющихъ его городовъ прошли мы во всю длину ; въ другой заглянули. Первый можно назващъ *полу-Европейскимъ предмѣстьемъ* , заспроеннымъ около факторій шорговыхъ , и богатымъ ошъ эшого сосѣдства. Другой , насшоящій *Китайскій городъ* , есшъ мѣсно пребыванія чиновниковъ и правишеля.

Въ первомъ изъ эшихъ городовъ свирѣсшвовалъ ,

4-го Ноября 1823 года, достопамятный пожаръ, испребившій около 40,000 домовъ. По закопшѣлымъ опѣ дыма спѣнамъ, видимымъ въ разныхъ сторонахъ, легко еще и теперь представишь себѣ это бѣдствіе, живое въ воспоминаніи всѣхъ здѣшнихъ жителей. Загорѣлось ночью, въ одной изъ самыхъ многочисленныхъ часовенъ города. Раздуваемый жестокимъ сѣвернымъ вѣтромъ, огонь обхвапиль богатые магазины, гдѣ находились шолько стараяхъ вещей, распопиль даже мешаллы, лившіеся пошомъ горящими потоками по улицамъ, и опѣ дома къ дому, изъ улицы въ улицу, опѣ одного квартала къ другому разнесся шакъ быстро, что вся обширность города представилась пламенѣющею печью. Вообразише, среди этого безмѣрнаго пожара, *сто тысячъ* Кишайцевъ, изгнанныхъ изъ жилищъ свирѣпостью огня, бѣгущихъ къ рѣкѣ, шщешно умоляющихъ о спасеніи плывучее опдѣленіе Кантона, которое спѣшило удалишся опѣ береговъ; вообразише полунагихъ дѣшей, въ зимній холодъ, Европейцевъ, осажденныхъ въ своихъ коншорахъ и принужденныхъ бросишь все для своего спасенія; вообразише суда, лодки, нагруженные бѣгущими, шонушія въ рѣкѣ; перенесишесь въ это смѣшеніе раздирающихъ сердце воплей, шшона, слезъ, гдѣ штысячи ужасовъ опѣ огня и воды не были еще единспвеннымъ бѣдствіемъ. Среди этого позорища гибели, въ городъ ворвалось болѣе 5000 разбойниковъ, жадныхъ добычи и крови, завладѣвшихъ дымящимися развалинами, грабившихъ все, что попадалось въ жилищахъ, разрушав-

шихся въ пламени. Злодѣи безжалостно рѣзали пѣхъ, кого щадилъ огонь, завладѣли попомъ пепелищемъ Канпона, и едва только 30,000 присланнаго войска могли изгнать ихъ изъ спрашнаго припона, гдѣ основали они свое временное владычество. Тогда можно было оцѣнить великость пошеръ, сосчитавъ дѣшей, стариковъ, женщинъ, погибшихъ въ смятеніи пожара; цѣлыя семейства исчезли совершенно, и почти въ каждомъ оплакивали какую нибудь потерю. Кто-бы повѣрилъ, слыша разсказъ объ этомъ бѣдствіи, что черезъ два года будутъ уже изглажены слѣды столь спрашнаго событія? Сгорѣвшій городъ, будто волшебною силою, выстроился вновь, и сдѣлался еще красивѣе, обширнѣе, величественнѣе прежняго. Нынѣшняя постройка факторій, столь просшая и столь щегольская съ пѣмъ вмѣстѣ, эти строенія и прочныя набережныя, обширныя магазины, боковыя улицы, возникли послѣ пожара.

Подлѣ двухъ Канпоновъ, одного Европейскаго, другаго Кишайскаго, должно поставили и третій городъ, который видѣли мы съ самаго пріѣзда нашего, и который назвалъ я *пловугимъ отдѣленіемъ* Канпона. Онъ составляется изъ кампановъ, или судовъ, которые, стоя на якоряхъ, въ нѣсколько рядовъ унизываютъ собою оба берега рѣки, на протяжении многихъ лѣтъ. Тутъ каждое семейство занимаетъ свою отдѣльную лодку, опрятную, красивую, съ рогоженнымъ навѣсомъ. Это городъ бѣдняковъ; они живутъ тутъ, презираемые другими званіями, но довольные, спокойные и трудо-

любивые. Женщины бываютъ шунъ хозяйками и лодчицами; онѣ *правятъ* здѣсь, въ полномъ смыслѣ этого слова, потому, что *правятъ* хозяйствомъ и лодкою, употребляя половину ея для переевоза желающихъ, когда въ другой половинѣ помѣщается вся семья лодчицы; мужъ ея бѣгаетъ между шѣмъ по Каншону сухопутному — онъ коммиссіонеръ, дрягиль, мѣлочникъ, поденьщикъ.

Ничего не можешь бышь разишельнѣе зрѣлища этого водянаго города, въ кошоромъ пловучія жилища, по сближающа, по раздѣляются по часпямъ, по, слѣдуя силѣ печенія, крѣпятъ свои причалы къ берегу, по предаются на волю рѣчныхъ волнъ, перемѣняющъ положеніе ежечасно, переворачивающа, движуща при каждомъ приливѣ. Надобно видѣть, какъ этотъ жилой флотъ совершаетъ свои различныя движенія, съ какимъ порядкомъ и правильностью каждое судно выдвигается и снова вдвигается здѣсь въ свое мѣсто. Ничего не можешь бышь любопытнѣе зрѣлища этого народа, жителей его, кошорые родятся и умираютъ на своихъ баркахъ и лодкахъ, никогда не оставляющъ ихъ, не ищущъ себѣ крова на сухомъ пуши, и не завидуя жребію людей, защищаемыхъ отъ непогоды каменными спѣнами. Рѣдко женщины и дѣти оставляющъ, хоть-бы на часъ, свои пловучія помѣщенія. Управление и содержаніе лодки шребуютъ ихъ безпреспаннаго присутствія. Палимая солнцемъ, особливо при отраженіи лучей его въ водѣ, бѣдные Кишайки водянаго города вообще загорѣлы, но черты лицъ у нихъ пріятны и выражаютъ доброшу,

шѣло ихъ гибко, шалія у нихъ прелесшная, всѣ члены нѣжны и складны. Платье лодочницы, сшитое по Кишайской модѣ, дѣлается обыкновенно изъ шемной и грубой шкани; оно закрываетъ рубашку, изъ бѣлой шкани, надѣшую сверхъ шароваровъ; волосы на головѣ поднимають пукомъ на верхушку.

Но не одни суда, служащія прибѣжищемъ бѣднаго народа, составляютъ надводное опдѣленіе Кантона. Среди безчисленныхъ кампановъ и барокъ, видишь здѣсь множество огромныхъ судовъ, или расшивъ, въ нѣсколько эшажей, похожихъ на пловучія купальни, построенныя по рѣкамъ въ многихъ Европейскихъ городахъ. Эши громады раскрашены, раззолочены, обременены горшками цвѣтовъ, внутри убраны красивыми люстрами и великолѣпною мебелью. Въ иной изъ нихъ устроена гостинница, въ другой опшведено мѣсто для публичныхъ праздниковъ, и наконецъ многія суть жилища Кишайскихъ нимфъ веселья. Едва зайдетъ солнце и прохлада освѣжитъ берега, Кантонскіе жишели шолпами идушъ въ пловучій городъ, мѣсто забавъ и наслажденій: здѣсь шѣснитъ народъ у Кишайскихъ ресторашёровъ; тамъ собираются опдыхашъ и слушаашъ музыку; одни наслаждающъ здѣсь освѣщеніемъ, другіе ушонченносшями веселья и развраша. Волны Чу-Кіанга сверкающъ, освѣщенныя безчисленными огнями; вездѣ видны бумажные фонари, пропитанные масломъ, раскрашенные, блестящіе зелеными, красными, синими, фіолетовыми огнями; на всякой плывущей лодкѣ зажигающъ тогда цвѣпной фонарь, огонь котораго будто бѣжитъ по

волнамъ , между шѣмъ какъ ряды неподвижныхъ огней у береговъ свѣпяща въ водѣ и играющъ въ безконечныхъ отраженіяхъ. Это время музыки, веселья и праздника, и непроходимая толпа движется шумъ въ знаменитыхъ ресторацияхъ, объѣдаясь славною похлѣбкою изъ салангановыхъ гнѣздъ и рыбными соусами.

Ни одинъ изъ обыкновенныхъ вечеровъ на рѣкѣ Кантонской не сравнится однакожъ съ вечерами праздниковъ, совершаемыхъ въ Кипаѣ каждое новолуніе. Тогда веселье народное бываетъ въ полномъ разгулѣ; Чу-Кіангъ весь горитъ огнями; ракеты и фейерверочныя шпуки шипятъ, змѣяща, хлопаютъ во всѣхъ сторонахъ; гонги усиливаютъ свои дикіе звуки, похожіе на громовой раскатъ; народъ шумитъ, оркестры не умолкаютъ, лодки скользятъ и мелькаютъ во всѣхъ направленіяхъ, и безумная веселость продолжается во всю ночь, до утра.

Такимъ образомъ, съ самаго перваго дня нашего пріѣзда въ Кантонъ, мы успѣли взглянуть на общность его, и намъ оставалось только собирать подробности. Мы взяли обратную дорогу къ факторіямъ, предводимые Мъу, слугою Морсона, ловкимъ, услужливымъ, и едва-ли не первымъ бездѣльникомъ изъ всей Небесной Имперіи.

При его пособіи, продолжительную прогулку нашу кончили мы не испытавши ни малѣйшей непріятности. Въ опдаленныхъ часяхъ города, прав-

да, загораживали намъ дорогу кой-какія рожи, недовольныя и сердитыя, но Мъу успѣвалъ прогоняшь ихъ, сказавши имъ нѣсколько какихъ-то словъ. Я просилъ изъясненія Морсона на эти таинственныя слова. « Чортъ его знаетъ! » отвѣчалъ онъ. « По-Кишайски говоришь не такъ легко выучишься, какъ вы думаете, и припомъ у насъ съ Кишайцами введенъ особенный языкъ, забавная смѣсь испорченнаго Малайскаго, Португальскаго, Англійскаго и Кишайскаго. Думаю, что наглецовъ, грозившихъ намъ, Мъу спращалъ именемъ мандарина; по крайней мѣрѣ, это лучшее средство отвязаться отъ нападка. Кишайскіе слуги здѣшніе могутъ назваться почти приспавниками нашими отъ Кишайскаго правительсва; они составляютъ особенное, уважаемое отдѣленіе жишелей Кантона, и пользуются довѣренностью земляковъ; ихъ поддерживаешь и защищаешь покровительсво высшаго званія служителей, обыкновенно называемыхъ *compradores* (факторы, или поставщики), которые поддерживаются въ свой чередъ уже отъ мандариновъ. Comprador—это иншендантъ въ домѣ Европейца, назначаемый и надзираемый мандариномъ; ему поручають всѣ покупки для домашняго хозяйства; онъ поставщикъ всѣхъ припасовъ для спола, онъ и экономятъ—закупаешь все, и прошивъ счетовъ его мы не смѣемъ спорить, потому, что мандаринъ, которому на него пожалуешься, дѣлился съ нимъ во всемъ, что онъ украдетъ у своего хозяина. Тутъ круглая порука, и плутовство опредѣляется самымъ законнымъ образомъ,

по премъ спешенямъ: мандаринъ назначаетъ Европейцу *компрадора*; эшошъ, нанимаетъ для него слугъ, своихъ помощниковъ, и всѣ вмѣстѣ обкрадываютъ Европейцевъ; младшіе получаютъ меньше, старшіе больше—главный счетъ изъ этого обширнаго круга плутовства доспается мандарину и вице-королю. Все это дѣлается такъ явно, что мы хохочемъ отъ чистаго сердца. Вотъ вамъ недавній примѣръ: Голландскій Резидентъ получилъ бочку превосходнаго Констанцскаго. Бочка была единственная въ цѣломъ Кантонѣ. Нѣсколько разъ собиралъ насъ къ себѣ хозяинъ этой бочки, подчивалъ насъ—вино было въ самомъ дѣлѣ превосходное, но Резидентъ надобѣлъ безпрестаннымъ повтореніемъ о томъ, какъ шрудно имѣть подобное вино, и кончилось шѣмъ, что одинъ изъ гостей его ударился съ нимъ объ закладъ, обѣщая поподчивать его виномъ нисколько не хуже. Всего забавнѣе, что пробу спорному вину опредѣлили на другой-же день. Голландецъ догадывался въ чемъ была шупъ хитрость, взялъ всѣ мѣры предоспорожности, и—не смотря ни на что, дюжина бушылокъ вина его перешла ночью въ погребъ его прошивника, и Голландецъ проигралъ закладъ. —

«Но какъ-же можете вы терпѣть при себѣ послѣ этого вашихъ Кишайскихъ бездѣльниковъ?» А что-жь прикажете дѣлать, если другихъ слугъ нѣгдѣ намъ взять? Не самимъ-же сдѣлаться слугами! Они обкрадываютъ насъ, шпионятъ за нами, но за то они самые ловкіе слуги. Едва-

ли какой нибудь Европеецъ сравнится съ ними въ презвоспи , дѣятельности , умѣ , покорности , старательности , искусствѣ услужить. И какой-же Европейскій слуга не обманываетъ припомъ своихъ господъ ?

ГЛАВА XXXVI.

КИТАЙ. КАНТОНЪ. ГУПУ. ГАНИСТЫ.

Окна кварширы нашей выходили прямо на набережную, гдѣ могли мы подробно видѣть непрерывную торговую дѣятельность Кантонскихъ факторій. Внимательно смогрѣлъ я на это позорище—суда, привозившія и опвозившія грузы товаровъ; дрягилей Кишайскихъ, переносившихъ на себѣ огромныя тяжесты; повѣрку, перевѣску привоза и вывоза; спарашельность, хлопошливость таможенныхъ чиновниковъ, одѣтыхъ подобно другимъ Китайцамъ и передающихъ одинъ другому распоряженія; шушки и кулачные бои между Кишайцами и Европейскими мапрозами; вмѣшательство высшихъ чиновниковъ, прибѣгавшихъ на всякій шумъ, если только дѣло шло о пользахъ таможенного сбора. Все это занимало меня и увлекало мое вниманіе. Но мои наблюденія были-бы ребячествомъ, если-бы я не посмѣлся присоединить къ нимъ ключа для разгадки всѣхъ этихъ таможенныхъ и торговыхъ

движеній и устройствъ здѣшней торговли. Никто лучше Мортона не могъ вразумить меня во всѣ подробности, и онъ согласился удовлетворить любопытству моему, съ самою дружескою привѣтливостью. Вотъ что слышалъ я отъ него:

Когда разсуждаемо было о томъ, чтобы *Тсиангъ-Джиннамъ* (Западнымъ людямъ) позволишь пославить ногу на землѣ Кишайскаго государства, двѣ мысли особенно занимали Кишайское правительсво: первая—образовать торговлю, которая приносила-бы ему выгоды; вторая—сохранить Кишай отъ всякаго покушенія честолюбивыхъ пришельцевъ на прочное пребываніе въ Кишаѣ.

Терпѣть ихъ, но угнѣждать постоянно, пресѣчь имъ всякое непосредственное сношеніе съ Кишайцами и затруднять ихъ во всемъ, но такъ, чтобы не опогнать отъ себя рѣшительно—такова была цѣль сложныхъ дѣйствій, какія предписала себѣ Кишайская полишка при сношеніяхъ съ иностранцами въ Кантонѣ. Къ этой цѣли направили множество частныхъ распоряженій: запрещеніе Европейцамъ привозить съ собою женщинъ; запрещеніе выstupать за предписанную черту города и пріобрѣтать недвижимыя имѣнія въ Кишаѣ; запрещеніе Кишайцамъ посѣщать иностранцевъ свободно и безъ дѣла, учить ихъ Кишайскому языку, говорить съ ними о чемъ нибудь другомъ, кромѣ торговли, и проч.

Когда все это было запрещено, открыли Европейцамъ маленькій уголокъ Кантона. Но и тутъ, правительство Кишайское не захотѣло само войд-

ши въ прямыя торговыя сношенія съ ними ; оно смѣшало пользы частныхъ людей съ пользами чужеземцевъ , предославляя себѣ шолько поборъ и окупъ за эши пользы. Въ слѣдствіе эшого, исключительная привиллегія на торговлю съ иностранцами дана была особенному торговому обществу, сославленному изъ богатѣйшихъ купцовъ Каншонскихъ. Привиллегія эша казалась для нихъ прибыльною , но ее опушали тяжкими обязанностями. Общество называется *Конгъ-Гангъ* , и опъ шого произошло названіе двѣнадцати членовъ его : *Ганисты* (hanistes). Когда Европейскій корабль являешся въ Вампоа , онъ долженъ избрать изъ ганистовъ *фактора* (factor), или *ругателя*, кошорый отвѣчаетъ Богдыхану , не шолько за ввозную и вывозную пошлину , но и за всѣ дѣйствія и поступки прибывшихъ на корабль ; за шо , порука эшопъ дѣлаешся маклеромъ всѣхъ продажъ и покупокъ , всѣхъ привезенныхъ на корабль и вывозимыхъ на немъ товаровъ.

Таможенный директоръ Каншонскій есть начальникъ ганистовъ. Онъ называется *Гупу* , шо есть *правитель пошлинъ* , назначается Богдыханомъ , и живешъ въ обширномъ домѣ подлѣ факторій Европейскихъ. На дверяхъ эшого дома, вмѣсто герба , прибиты чешыре доски съ изображеніями головъ драконовыхъ, и съ привосокупленіемъ къ эшому цѣпей и плешей , какъ будшо показывающихъ , что хозяину дома предославлено право суда и наказанія. Помощниками Гупу служатъ при переводчика (*linguas*) и цѣлое войско осмошрщиковъ.

Когда корабль выбралъ себѣ ганиста, Гупу обыкновенно отпрапляется на эшотъ корабль, съ шолною своихъ подчиненныхъ. Предлогомъ посѣщенія берется измѣреніе корабля, какъ средство для взысканія пошлины, слѣдующей за стоянку въ гавани. Но настоящею цѣлью посѣщенія бываетъ полученіе подарка, шоваромъ или деньгами. Посѣщеніе совершается съ нѣкошорыми обрядами; посѣшителямъ предспавляющъ угощеніе; они до него не допрогивающъ, по заведенному обычаю. Когда Гупу отправишъ обратно, корабль принадлежишъ уже не хозяину Европейцу, но Кишайскимъ караульнымъ, копорыхъ оснавишъ онъ на кораблѣ. Караулъ эшотъ, при малѣйшей неоспорожности, превращается въ безспыдное воровство; забывшая споловая вещь, споловое бѣлье, всякая бездѣлка плохо оставленная, все будешъ украдено, если не остерегушъ. Желая поскорѣе избавишъ отъ оффиціальныхъ мошенниковъ, спѣшащъ перегрузишъ шоваръ въ лодки и отправишъ на нихъ въ факшоріи. Перегрузку эшу производяшъ подъ надзоромъ десяти, или двѣнадцати шаможенныхъ комиссаровъ, записывающихъ все, что свозишъ съ корабля. Мапрозы провожающъ ихъ до мѣста выгрузки, непрерывно наблюдая за ловкими руками и ненасышными карманами почшенныхъ спомришелей Кишайскихъ. Въ складочныхъ магазинахъ, на берегу, начинается новый разбой: особенные комиссары, посланные отъ Гупу, разспамривающъ, разбирающъ, раскладывающъ и облагающъ пошлиною всѣ шовары, по мѣрѣ того, какъ они привозяшъ и распаковы-

ваются. Въ этомъ пересмотрѣ, бездѣльничество доходитъ до высокой степени. Чтобы прибавить какой нибудь лишекъ въ пошлинѣ, комиссары перемѣняющъ по своему названію и назначенію предметовъ—одѣялы называются сукнами, оконничныя стекла зеркалами, кремни агашами; мѣру тканей упрояющъ, учепверяющъ, и прошивъ всего этого нѣтъ ни споровъ, ни повѣрки, потому, что съ одной стороны, присутствующіе Европейцы ничего не понимаютъ что такое говорятъ и пишутъ чиновники Кишайскіе; съ другой потому, что ганишовъ вовсе не слушаютъ, сколько-бы они ни кричали и ни спорили. Такое-же плутовство, такой-же обманъ бывающъ когда провѣряется нагрузка и берется съ нея пошлина, но только, по причинѣ большей извѣстности качества, вѣса и мѣры Кишайскихъ товаровъ, и происходящей отъ того легчайшей оцѣнки ихъ, произвольное примѣненіе тарифа дѣлается сноснѣе и поспѣшнѣе.

Но это еще не все. Корабль сдалъ привозный товаръ, нагрузился чаемъ, куркумою, другими Китайскими товарами; ему надобно плыть. Тутъ начинается окончательный счетъ пошлинъ по тарифу, и пока отвѣтствующій ганишъ не передастъ въ таможенную казну полной суммы всего слѣдующаго по вычетамъ таможи, отъѣзднаго *шапа* ему не выдадутъ, и корабль долженъ будетъ терять время и прашить расходы по пустому, платя лишнее за стоянку и за все.

Согласись, что все это, вмѣстѣ взятое, составляетъ превосходную систему распоряженій,

при которой не явился у Европейцевъ большой охоты на торговлю съ Кишайцами, и всегда оставшись они подъ властью правительства Кишайскаго, тяжелою и унижительною. Рѣдко начальникъ таможи пускается на прямое приписаніе факшорій; онъ обыкновенно гнетъ и шенишъ ганишовъ, компраторовъ, слугъ. Чуть только переводчикъ, приставленный къ кораблю по повелѣнію Гупу, забылъ какую нибудь опредѣленную мѣлочъ обряда—его бьютъ бамбуковинами; чуть Европейецъ выступилъ изъ опредѣленныхъ для него правилъ—ганишпа принуждаютъ расплашиться за нарушеніе увава. Иногда, бѣда неидетъ даже и на деньгу: одинъ Кишаецъ изъ числа ганишовъ, за то, что какой-то Европейскій корабельщикъ, бывшій на его поручительство, хотѣлъ скрытно перевезти на берегъ ящикъ съ кремнями, былъ осужденъ на заключеніе въ шюрму, просидѣлъ въ ней цѣлый мѣсяцъ, и едва отдѣлался, заплативъ выкупъ 20,000 піаспровъ! Невольники и жершвы таможенныхъ смоприселей, умѣющихъ всячески вымучивать у нихъ огромныя суммы, ганишпы стараются вознаграждать себя приписаніемъ Европейцевъ, повышая и понижая непрерывно и неожиданно цѣны товаровъ. Съ своей стороны, Европейцы стараются всячески защищаться, и изъ всего этого выходитъ сѣпленіе хипросшей, инпригъ и взаимныхъ торговыхъ тонкостей въ промѣнахъ по Кантонскимъ факшоріямъ. Ганишпы, говоря собственнo, невольное орудіе въ рукахъ Гупу, и отъ того пороки ихъ должно приписывать несчастному поло-

женію ихъ, болѣе нежели безсовѣстности врожденной и личной. Подвергнушые системѣ невыносимыхъ обязанностей, непрерывно обременяемые непомѣрными взяшками, принужденные даришь за всякую льгошу по дѣламъ, расплачивахся за всякую прихоть, не только начальника таможи, но и самаго правителя Кантонскаго, иногда они рѣшительно раззоряются, и на цѣлое общество ганишовъ падаетъ тогда отвѣстность по взысканіямъ съ неплащаго должника, потому что Пекинское правительство не хочетъ терять ни одной копѣйки изъ своего дохода. Можно понять, что при всѣхъ столь унизительныхъ условіяхъ быша, честность дѣлается для бѣдныхъ ганишовъ сущою невозможностью. Ихъ грабятъ, имъ не даютъ никакого средства защиты, имъ пресѣчена вся возможность требовать правосудія высшаго начальства—что оспаривается имъ дѣлать? Грабятъ самимъ и дѣлихся. Жалоба, даже малѣйшая угроза жалобою на Гупу, наказывающа конфискаціею всего имѣнія ганиша, и ссылкой его самого въ Тапарію. Послушные рабы, эти бѣдные Кипайскіе торговцы обязаны еще, при каждомъ новолуніи, испытывать торжественное униженіе: приходилъ къ начальнику таможи, благодарилъ его, и въ награду за то терпѣлъ самый горделивый пріемъ; нерѣдко, знаменитый обиратель кармановъ ихъ не соизволяетъ даже допускать поздравляющихъ съ праздникомъ въ свое присутствіе, и передаетъ имъ милосивый отзывъ черезъ своихъ писцовъ.

Должно послѣ всего отдать справедливость, что

въ ганиспахъ находишся еще довольно чеспиноспи, не смотря на ихъ трудную и унизишельную жизнь. Смѣло можете поручишь имъ въ сохраненіе деньги, и даже если ящики съ чаемъ, черезъ ихъ руки перешедшіе, при повѣркѣ въ Европѣ окажутся маловѣснѣе, ниже доброшою прошивъ фактуры, ганиспы вѣряшъ на слово, и немедленно пополняюшъ всѣ понесенные убытки.

Превосходное средство для выгодъ торговли, общество ганисповъ служишъ еще Кишайскому правительству политическою чучелою, для прикрыванія своихъ дѣйствій: при помощи Конгъ-Ганга, Кишайское правительство никогда не входитъ прямымъ образомъ въ сношенія съ иностранцами. Случись такъ, что припѣсенные Европейцы спалибы сильно жаловаться, правительству до послѣдней крайности будетъ оныгрываться невѣдѣніемъ. Начни Европейцы жаловаться рѣшишельно—оно заговоришъ, но сложишъ всю вину на ганисповъ. Такимъ образомъ, бѣдняки эти точно мячикъ, бросаемый съ рукъ на руки припѣсеніями мандариновъ и неудовольствіями Европейцевъ; никто не уважаетъ, не любитъ ихъ, всѣ на нихъ жалуясь, всѣ ихъ обвиняюшъ. Право, извинишельно, если за всѣ такія непріятности и за всѣ униженія, они стараются вознаградишь себя хоть какими нибудь барышами....

Изъ числа Европейскихъ торговыхъ обществъ, или факторій, въ Кантонѣ находящихся, и подчиняющихъ себя установленію Конгъ-Ганга, первою считается Англійская Компанія, поставленная внѣ

ряда другихъ; попомъ слѣдуютъ факторія Голландская и Сѣверо-Американскіе купцы; наконецъ торговцы, являющіеся въ меньшемъ количествѣ, Французскіе, Испанскіе, Португальскіе, Шведскіе, Датскіе.

Должно сознаться, что Франція далеко отстала въ Кипайской торговлѣ отъ другихъ Европейскихъ народовъ. Едва-ли пять, шесть кораблей Французскихъ въ годъ являютъ флаги свои на приспани Макао, или Вампоа. Что это означаетъ со стороны Французскихъ торговцевъ: расчетъ, или безсиліе? Развѣ неизвѣстны имъ выгоды и средства Кантонской торговли? Или, зная ихъ, пошому самому не хотятъ они заводить бесполезной борьбы съ соперничествомъ Англичанъ въ Кантонѣ? Кажется, что и другое равно причиною удаленія Французовъ отъ Кантонскаго торговища. Впрочемъ, первая и главная причина совсѣмъ не зависитъ отъ частныхъ купеческихъ расчетовъ: она соединяется съ важнымъ вопросомъ о тарифѣ Французскихъ таможенъ, объ этой *покровительствующей*, какъ называютъ ее у насъ, тарифной системѣ, когда надобно-бъ было называть ее убійственной системою для Французской торговли и промышленности. Дѣйствительно: въ какую-бы часъ свѣта ни направилъ плаваніе свое Французскій корабельщикъ, всюду преслѣдуютъ его наши таможенные установленія, съ своими запрещительными ужасами. Еще не наполняя корабля своего товаромъ, капитанъ его долженъ хорошенько рассчитать и сообразить: сколько, и не все-ли при-

дешя ему отдашь неумолимому охранителю каждой Французской гавани, таможенному надзору? Забота объ этомъ всюду преслѣдуетъ его, и нигдѣ не угрожаетъ она ему шакъ, какъ съ приближеніемъ его къ берегамъ Кишайскимъ. Прошивъ Кишай направлены самыя снѣснительныя правила нашего таможенного: «*Не позволямъ!*» Всѣ шелковыя шкани Кишайскія объявляющяся во Франціи контрабандою—этимъ хотяшъ защищашъ шелковыя издѣлія Ліонскія, хотя имъ вовсе не нужна такая защита, и хотя опъ этого они болѣе теряютъ, нежели выигрываютъ. Кишайскіе предметы роскоши — лаковыя издѣлія, вѣера, зонтики, мѣлкая мебель, обременены у насъ такою пошлиною, что цѣна ихъ послѣ этого никогда не допусшшъ до всеобщаго употребленія, и навсегда ославшшъ ихъ дорогою рѣдкостью. Кишайка запрещена во Франціи совершенно, хотя никто и при дозволеніи не смалъбы носить ее, и хотя Французскіе торговцы сами гошovy снабжашъ Кишайцевъ такою-же шканью, дешевле и лучшей доброты.

Но вопъ что еще хуже: когда послѣ всеобщаго мира, Французская торговля рѣшилась было на опышъ сношеній съ Кишаемъ, учредили тарифовъ Французскихъ, по видимому, посовѣсшились немного опваги частныхъ людей, и вздумали пособишъ новому торговому движенію: пошлина на Азіатскій сахаръ была уменьшена. Что-же? Я говорилъ уже, описывая торговлю Филиппинскихъ острововъ, какое ободреніе родилось было опъ самой небольшой сбавки пошлинъ. И въ Кишай

оказалось по-же самое, были попомъ и слѣдствія
тѣ-же самыя. Вывозя отсюда сахаръ, Французскіе
корабельщики имѣли въ немъ вѣрный предметъ вы-
воза, котораго безъ этого у нихъ не было, по
причинѣ малаго требованія на чай во Франціи и
запрещенія Кишайскихъ шелковыхъ тканей и ки-
шаекъ (которыхъ и безъ этого у насъ не кому
продать). Въ сахарѣ видѣли они такимъ образомъ
предметъ, могущій замѣнить балластъ, и по при-
возѣ во Францію довольно ходкій, безъ убытка
сбываемый. Не лзя не удивиться, какъ оживилась
было отъ этого маленькаго разсчета вся наша
торговля съ Восточною Индіею. Въ Бордо, Гаврѣ,
Нантѣ, Марсели начали спростить немедленно ог-
ромныя шрехъ-мачшовыя суда, на манеръ Англій-
скихъ *country-ships*, и множество сахару навезе-
но было во Францію изъ Манилла, Турана и Кан-
тона. Но дѣятельность не продолжилась. При-
вилегированныя колоніи наши возопіяли. Если
угодно, онѣ имѣли на это право: мы велимъ имъ
брать произведенія Французскихъ мануфактуръ, а
онѣ основаны для того, чтобы Франція брала ихъ
произведенія. Выгодны-ли подобныя условія, раз-
суждашь не дѣло колонистовъ. Кажется и никто
разсуждашь объ этомъ не подумалъ. Спарыя при-
вилегіи возобновили, и дѣятельность нашей Ин-
дійской и Кишайской торговли потчасъ упала;
корабли, снаряженные для Кантонской факторіи,
проданы съ убыткомъ для спростителей. Такъ спра-
ведливо, что ложная система есть истинный ла-
биринтъ ошибокъ, изъ котораго трудно выбрашь-

ся, какъ-бы кто уменъ ни былъ, пока рѣшительно не сломаеше этого лабиринта.

Впрочемъ, торговыя отношенія Франціи къ Китаю никогда не могли спастъ на ту степень, на которой стоятъ отношенія факторій Англійской и Голландской. Въ странѣ дышащей самымъ усонченнымъ плутовствомъ, Европейцу надобно избрать вѣрное средство защиты, и это средство — строгая точность въ дѣлахъ и отношеніяхъ. Во все время, факторіи Англійская и Голландская соперничали эшимъ; за каждую связку шовара, выходящую изъ ихъ конторы, онѣ строго заставляли производителей ручаться своимъ именемъ, пребуя, чтобы фактура была точно выполнена счетомъ и доброшою шовара. Доказанное безчисленными опытами, это усвердило довѣренность покупателей, и факторіи щашельно поддерживаютъ донинѣ такую довѣренность. Она дошла до того, что теперь Китайцы даже не повѣряютъ шовара, покупаемаго у Англичанъ и Голландцевъ. Такъ нѣкогда поступали они и съ Французскими привозами, но многократно обманутые капишанами и купеческими прикащиками, спекулянтами, дѣйствовавшими раздѣльно, не понимавшими пользы хорошей репутаціи шорговой, ганисты спали недовѣрчивы, разборчивы, подозрительны съ Французскими шорговцами, и даже неохотно вскупаютъ съ ними въ дѣла. Торгуясь съ Французомъ, кажется, какъ будто они берутся за непривычное имъ дѣло, и все это падаетъ на выгоды шорговли, дѣлая предпріятія Французскихъ корабельщиковъ

маловыгодными. Дѣйствуя обществу, наблюдая въ дѣлахъ съ Кипайцами строгій общественный надзоръ, дружно устанавливая весь размѣръ и всѣ подробности дѣлъ своихъ, Англичане не боялись въ слѣдствіе сего соперничества Французовъ, своевольныхъ и невольниковъ въ одно время—своевольныхъ пошому, что нѣтъ на нихъ никакой общей обязанности; невольниковъ пошому, что на нихъ лежали тяжкія оковы тарифа Французскаго. И такъ несчастныя слѣдствія ограниченій и запрещеній нашей Французской таможи, что никакая монополія, столь губительная для Англичанъ, не можетъ сравниться съ вредомъ нашихъ Французскихъ тарифовъ! Какъ будто нарочно, для поясненія истинныхъ понятий о торговлѣ, для утвержденія всего, что говоришь теорія, въ Кантонѣ должны были явиться Американцы, новички въ здѣшнихъ дѣлахъ, но почти опередившіе уже Англичанъ и всѣхъ другихъ народовъ. У купца Сѣверо-Американскаго нѣтъ монополій, заставляющихъ его въ промѣнѣ слѣдовать однообразному направленію; нѣтъ также и тягостныхъ плашежей, которыми онъ долженъ окупать товаръ свой по привозѣ въ общество. Смѣло беретъ и везетъ онъ все, что кажется ему выгодно, платя пошомъ незначительную ввозную пошлину. Свободно дѣйствуя внѣ, свободно дѣйствуя у себя, легче перенося припязанія Кипайца, пошому, что только съ Кантонскою таможеню надобно ему имѣть затруднительныя отношенія, онъ смѣло поступаетъ при выборѣ пошребнаго ему товара, идетъ послѣ того, куда

ему угодно, въ Манчестерѣ и Бирмингамѣ закупаетъ шоваръ и въ Кантонѣ соперничаетъ эшимъ шоваромъ съ самими Англичанами, продаетъ дешевле ихъ, пошому, что не обязанъ на столько расходовъ, какъ они, покупаетъ то, на что не лзя имъ рѣшиться, въ слѣдствіе своихъ различныхъ спѣснительныхъ поспановленій. Все это сдѣлало то, что мало по малу, Американцы разбили въ Кишаѣ Бришанскую монополію, какъ ловкіе пиролеры разбиваютъ тяжелую пѣхошу, выбѣгая изъ засадъ, и приводя въ недоумѣніе, откуда берутся всѣ эти смертельные выстрѣлы, разрѣжающіе тяжелодвижимые полки непріателя? Соперничество Американцевъ и Англичанъ въ Кантонѣ явило удивительный примѣръ дѣйсвій ловкихъ, оборотливыхъ мѣлочныхъ торгашей противъ богатыхъ, опытныхъ, но связанныхъ привычками и условіями старинныхъ купцовъ. Въ послѣдніе годы, Американцы устѣяли кораблями своими Тигровую рѣку. Не всѣ обороты ихъ были одинаково удачны, но здѣсь надобно смолрѣть, не столько на слѣдствія въ настоящемъ, сколько на то, что обѣщаютъ они въ будущемъ, на живость этой раждающейся торговли Американской, на преуспѣяніе торговой дѣятельности, несвязанной ни шарифами, ни исключеніями, словомъ — на рѣшеніе вопроса, кошорое производится нынѣ повсюду на практикѣ, торговцами всѣхъ націй, и должно опытомъ подтвердить теоретическіе выводы Политической Экономіи.

Теперь Американцы вспрѣшашъ однакожь въ Кантонѣ сильное соперничество въ новыхъ постановленіяхъ Остѣ-Индской Компаніи, и въ свободѣ Англійской торговли, ими доставляемой. Два сильные народа вступающъ послѣ того въ битву съ равными силами. Освобожденіе Англійской чайной торговли, уничтоженіе Компанейскихъ монополій, создадутъ въ Кантонѣ отдѣльную, частную торговлю Англичанъ. Изъ этого, безъ сомнѣнія, должно произойти новое образованіе Кантонскихъ факторій. Англійская Компанія рѣшительно не захочетъ уступать соперничеству другихъ. — Она должна будетъ измѣнить сущность дѣлъ своихъ — безъ этого не лзя. Такимъ образомъ, ей придется, можетъ быть, взять въ образецъ экономическое сооруженіе кораблей, которое изобрѣли Американцы, которому подражаютъ Голландцы, которое перенимаютъ частные Англійскіе торговцы, и о которомъ до сихъ поръ не думали Французы. Компанія, вѣроятно, откажется отъ своихъ огромныхъ кораблей и обширныхъ заведеній, отъ безмѣрнаго шпаша чиновниковъ и спрашнаго жалованья этому шпашу, отъ своего манера дѣйствовать привычкою и исключительными привилегіями, отъ системы подкуповъ, которая необходимо надобна была ей всюду для успѣха.

Хлопоты и затрудненія Компаніи будутъ большія, потому, что не съ одними чужеземцами надобно будетъ ей сражаться; каждый Англичанинъ будетъ ея соперникомъ, при одинаковыхъ средствахъ для выгодной покупки и продажи. Что по-

слѣдуетъ изъ этого — угадать невозможно. Компанія на шоржищѣ Каншонскомъ, безъ привиллегій своихъ, уже не Компанія прежняя, но просто торговое общество съ большими капиталами. За нее станутъ опытнось въ дѣлахъ, заведенныя изспари связи, денежные средства, кредитъ. Противъ нея будетъ тяжелая привычка къ старому, столь свойственная богачамъ, горделивая увѣренность на свои силы, трудность убѣдиться въ необходимости реформы по управленію и направленію дѣлъ. Но если Компанія пойметъ необходимость реформы, и захочетъ исполнить ее, будетъ-ли у нея достаточно силъ и средствъ пребороть всѣ препятствія противъ этого исполненія? — Да, это очень сомнительно.

Если дѣйствователямъ по Кипайской торговлѣ предстоитъ, можетъ быть, преобразование, то напрошивъ, ничего не лзя представить себѣ неизмѣннѣ предметовъ, составляющихъ сущность этой торговли. Главный, самый прибыльной, исключительно принадлежащій Кипаю товаръ, по торговлѣ съ Европою, есть и будетъ чай. Думаю, всѣ знаютъ уже, что чай листочки дерева, болѣе или менѣе насаждаемаго почти во всѣхъ обласяхъ Кипайскаго государства. Но особенно родится чай въ обласяхъ между 25-мъ и 33° широты, въ гористыхъ мѣстахъ и по склоненіямъ тамошнихъ холмовъ. Растетъ онъ медленно, продолжительно, и достигаетъ надлежащей зрѣлости только въ шесть и восемь лѣтъ. Тогда деревцо бываетъ 4-хъ и 5-ти футовъ вышиною. Различіе въ сорхахъ

чаю долго приписывали Европейскіе естествоиспытатели различію чайныхъ деревцовъ, съ которыхъ Кипайцы собирають листочки. Теперь намъ уже достоверно извѣстно, что чайное деревцо бываетъ одного рода, и различіе въ сортахъ чаю происходитъ единственно отъ степени зрѣлости листочковъ, времени сборки ихъ, приготовленія, свойства почвы, климата и мѣста, гдѣ оно растетъ; словомъ: причины различія чаю въ Кипай-же, отъ которыхъ происходитъ въ Европѣ различіе винъ, и потому не только чай бываетъ неодинаковъ въ разныхъ областяхъ, но даже въ одной и той-же области, смотря по мѣстности и обработкѣ.

Только черезъ три, или четыре года послѣ насажденія чайнаго деревца начинаютъ сборку съ него листочковъ; она производится два раза въ годъ, весною (въ Апрѣлѣ) и осенью (въ Сентябрѣ). Листочки первой сборки даютъ лучшій и болѣе уважаемый чай. Когда листочки сняты и разобраны, погружаютъ ихъ въ кипящую воду, на полминуты, вынимають отшуда, даютъ имъ обсохнуть, и бросаютъ ихъ потомъ на желѣзные сковороды, огромныя и плоскодонныя, смазанныя сверху печей особеннаго устройства. Печи эти бываютъ сильно разогрѣты; листочки проворно мѣшаютъ на горячихъ сковородахъ, и потомъ разбрасываютъ ихъ на столы, покрытыхъ скамершиями. Тутъ привычныя маслера начинаютъ свертывать листочки, вода по нимъ ладонями рукъ, пока еще листочки не просыхли, и между тѣмъ огромнымъ

вѣромъ освѣжаютъ воздухъ при этой работѣ. Для чаю обыкновеннаго скапываютъ вдругъ помногу листочковъ, но въ чаяхъ лучшихъ сорповъ почти каждый листочекъ свертывается отдѣльно. Всевозможныя предосторожности принимаются, чтобы въ хорошихъ сорпахъ сохранить ароматъ и изящный вкусъ распенія. Если вѣришь разсказамъ Кишайцевъ, служащій для употребленія Богдыханскаго чай сажаетъ на особенной почвѣ, въ извѣстныхъ мѣстахъ, отъ отборныхъ деревцовъ, и многочисленныя предосторожности въ сборкѣ и пригошовленіи его доходятъ до смѣшнаго суевѣрія. Только дѣшамъ, или несовершеннѣйшимъ юношамъ, позволяютъ общипывать листочки съ деревца, и шупъ на руки имъ надѣваютъ перчатки, чтобы прикосновеніемъ пальцевъ не заморить свѣжести чая. Въ пригошовленіи берутъ попомъ не менѣе осторожности. Впрочемъ, чай столь высокаго сорта почти не доходитъ въ Европу; нѣсколько ящиковъ его, какъ говорятъ, получается только въ Россіи, гдѣ продаютъ его дороже 25 рублей за фунтъ. Два главныя различія чаевъ суть: чай *зеленый* и чай *черный*, подраздѣляемые еще на безчисленное множество разныхъ сорповъ и разборовъ. Сорпы чаю зеленаго вообще бываютъ зеленоватаго цвѣта, иногда сѣроваватаго, или сѣрозеленаго; вообще вкусомъ они крѣпче и запахомъ ароматнѣе черныхъ, копорые цвѣтомъ болѣе или менѣе темны, на вкусъ слабѣе зеленыхъ, и наспой съ нихъ бываетъ цвѣта болѣе жидкаго. Зеленый чай, употребляемый въ Россіи, въ Сѣверной Аме-

рикѣ, въ Англійской Индіи, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европы, идетъ главнѣйше изъ обласей *Кіангъ-Нанъ*, *Кіангъ-Си* и *Ше-Кіангъ*. Черные чаи, привозимые въ Англію, производятъ область *Фокіенъ*, за исключеніемъ шреши, которую сославляють чай, вообще называемый Англичанами *бое*, его вывозятъ изъ сѣверной части Кантонской области, называемой *Вопингъ*. Впрочемъ, однѣ и тѣ-же области равно производятъ чаи зеленые и черные. Въ числѣ зеленыхъ должно оплечать: чай *гизонъ* или *гейсвинъ* (*hyswin*), самый употребительный, зелено-голубоваго цвѣта, длинными лиспочками, весьма вяжущій на вкусъ, и запаха весьма крѣпкаго; чай *жемтужный*, скапанный круче гизона, почти шариками, темнѣе цвѣтомъ, пріятнѣе запахомъ, выдѣлываемый изъ нѣжныхъ, молодыхъ лиспочковъ; чай *пороховой*, ошборный изъ двухъ упомянутыхъ соршовъ; лиспочки его еще круглѣе скапаны, вкусъ и запахъ его пріятнѣе, и потому онъ дорогъ и рѣдокъ. Наконецъ, самый лучший соршъ называется *жуланъ*, но его мало въ торговлѣ. Черные чаи суть: *сугонъ*, темный, почти черный; это самый обыкновенный, крѣпче зеленыхъ, выдѣлывается изъ нѣжныхъ лиспочковъ, и бываетъ худо свернутъ; чай *пеко*, называемый Французами *thé à pointes blanches*, Русскими *цвѣтознымъ чаемъ*; его выдѣлываютъ изъ молоденькихъ, еще покрытыхъ пухомъ лиспочковъ; онъ пріятнѣе, ароматнѣе всѣхъ соршовъ, и особливо хорошъ для употребленія тѣхъ, у кого раздражительны нервы, и кто по этому не можетъ переносить другихъ соршовъ чаю. —

Всѣ сорпы чаевъ, послѣ пригошовленія ихъ, ссыпаятся въ ящики, сколоченные изъ шонкихъ дощечекъ, куда предварительно влагается обкладка изъ шонкихъ свинцовыхъ лиспочковъ, плотно запаиваемая, чтобы сохранилъ ароматъ чаю.

Количество чаю, вывозимаго въ Европу и въ Америку, Рускими черезъ Кяхшу, другими Европейцами, и Американцами, черезъ Каншонъ, составляетъ ежегодно до шестидесяти пяти миллионовъ фунтовъ. Изъ этого количества, Рускіе берутъ 26-ть, Англія и ея колонія 28-мь, Сѣверо-Американцы 6-ть, Голландцы 3, остальные народы 2,000,000. Вывозъ чаю изъ Канниона составляетъ сумму цѣнности въ $3\frac{1}{2}$ миллиона фунтовъ стерлинговъ (77,500,000 франковъ). Остальное количество вывоза отсюда товаровъ состоитъ въ шелкѣ, сырцѣ и обработанномъ, шелковыхъ тканяхъ, хлопчатой бумагѣ и тканяхъ изъ нея, сахарѣ, краскахъ, кошенили, камфарѣ, фарфорѣ, черепахъ, мускѣ, Кипайской бумагѣ, стеклянныхъ королькахъ, ящичкахъ и другихъ лаковыхъ мѣлочахъ, бамбукѣ, рогожкахъ, мебели, и проч.—Цѣнность чаю, получаемого Англичанами, равняется равно цѣнности всѣхъ другихъ товаровъ, какіе берутъ они въ Китаѣ. Прежде довольно значительная торговля Рускихъ производилась караванами въ Пекинъ, но уже давно прекратилась она, и всѣ торговые сношенія Китая съ Россіею ограничиваются только промѣнами въ *Кяхтѣ*, городѣ, находящемся на границѣ Монголіи, противъ Китайскаго городка *Маймагина*. Рускіе увѣряютъ, будто чай, провозимый

ими въ Европу сухимъ путемъ , черезъ Сибирь , бываешъ ароматнѣе того , кошорый доставляешся моремъ , переходя черезъ палящій зной экватора , при чемъ будшо-бы теряешъ онъ настоящій вкусъ свой. Но если это и дѣйствительно правда , за шо перевозка его черезъ степи сѣверной Азіи дѣлаешъ его болѣе цѣннымъ. Прежде Рускіе получали еще опъ Кишайцевъ значительное количество бумажной шкани , вообще называемой ими *китайкою* (особенный родъ нанки), но теперь замѣнили ее собственнымъ издѣліемъ. Въ обмѣнъ за чай, шелковые шкани, лаковые вещи, сахаръ, и особеннаго рода грубый чай, называемый Рускими *кирпичнымъ*, употребляемый Монголами и Сибиряками , Рускіе отдающъ мѣха и шкуры звѣрей, сукна, кораллы, и проч. —

Предметовъ, привозимыхъ въ Кантонъ изъ Европы, далеко недоспало-бы на замѣнъ вывоза, если бы Бенгальскій опиумъ не уравнивалъ преобладаній Европейцевъ. Съ 1818-го по 1834-й годъ , ввозъ опиума въ Кишай дошелъ опъ 5000 ящиковъ до 15,000. Теперь ввозится его въ Кишай ежегодно на 80-тъ милльоновъ франковъ, и все *контрабандою* ! Если положишь народонаселеніе Кишай въ 140,000,000 человекъ — цифръ самый достоверный—по крайней мѣрѣ, самый вѣроятный, шо выйдешъ ужасное потребление этого губительнаго зелья: почти *фунтъ* ежегодно на *шестьдесятъ шесть* человекъ , и ввозъ Индійскаго яда сравниваешся вполне съ количествомъ чая , вывозимаго на Англійскихъ корабляхъ. Другія спашьи привоза въ

Кантонъ суть: шелковыя и бумажныя ткани, Англійскіе и Голландскіе камлопы, спаль и желѣзо въ издѣліяхъ, морскіе припасы. Благодаря требованію на опиумъ, при малочисленности всѣхъ другихъ привозныхъ Европейскихъ товаровъ, нѣтъ уже теперь надобности, какъ прежде, возить въ Кантонъ піаспры и слишки серебра для заплавы за вывозные Кишайскіе товары. Это уравниваетъ пользы съ обѣихъ сторонъ, избавляетъ отъ излишнихъ припязаній и своевольныхъ требованій, и равно выгодно Европейцамъ и Кишайцамъ, производя соревнованіе промышленности, дающей жизнь милльонамъ народа: въ этомъ заключается важный успѣхъ нынѣшней торговли Европейцевъ съ Китаемъ, а не въ томъ мнимомъ выигрышѣ, что мы перестали плавать за товары Кишайскіе золото и серебро. Многіе въ Европѣ не шакъ думаютъ, и — истинно не лзя понять, какъ въ наше время, не шуща, люди разсудительные могутъ имѣть подобныя дѣтскія понятія! Кто не станеть смѣяться, если почтемъ богачемъ только такого человека, который склалъ въ сундукъ свои деньги, и умираеть голодомъ, сидя на этомъ сундукѣ, и думая, что онъ раззорится, если употребить часть денегъ своихъ на покупку плаща, хлѣба, мебели? Но люди, которымъ все еще мерещатся выгоды торговаго баланса, и богатство только въ приливѣ серебра и золота — право, забавнѣе подобнаго чудака. Пусть пересмотрятъ они всю испорію, съ шѣхъ поръ, какъ говоритъ она о появленіи на бѣлый свѣтъ, шакъ называемыхъ ими, драгоценныхъ

металловъ, пусть оглянутся кругомъ: ни одинъ народъ, кажется, не пишался и не питается золотомъ и серебромъ, не замѣнялъ и не замѣняешь имъ ни жилища, ни одежды. Золото и серебро суть средства удовлетворять необходимымъ потребностямъ, а послѣ удовлетворенія необходимости, если угодно, спрашиваемъ и наслажденіямъ. Если у народа есть уже необходимое, онъ хочетъ излишняго. Умные умѣютъ все это уравнивать, оставляя запасъ на будущее, глупые мошajúть и спрашиваютъ безъ запаса; но, все пусть не золото, не серебро цѣль: они только средства, и никто не станеть собирать ихъ, если величе ему *только собирать*. Въ самомъ Китаѣ, прибыль опъ чая повела за собою пребываніе опиума, пошому, что получаютъ вкусъ употребляя что нибудь, а употреблять невозможно, если нѣтъ средства достать предметъ употребленія. Теперь пусть Европейцамъ открытъ, привычки къ потребностямъ явились съ обѣихъ сторонъ, и остановишь торговыхъ сношеній своихъ не могутъ ни шѣ, ни другіе, безъ сильнаго общаго потрясенія. Какія-бы опасенія ни шайлъ Пекинскій Дворъ, онъ видитъ себя попавшимъ въ неразрушимыя связи съ Европейцами, и принужденъ дозволять то, чего запрещать не можетъ. Чѣмъ далѣе, шѣмъ болѣе привыкаютъ Китайцы къ торговлѣ съ Европою, убѣждаясь опытомъ, что безмѣрное народонаселеніе Китая находишь здѣсь источники дѣятельности и богатства. Переселенія, совершаемыя вопреки строгихъ постановленій Китайской имперіи, кон-

шрабанда, производимая въ столь огромномъ количествѣ, измѣненіе въ отношеніяхъ къ Европейцамъ — все предвѣщаетъ Кишаю переворотъ, если не скорый, то, по крайней мѣрѣ, неизбежный. Въ первый разъ, можетъ быть, Кишайцы постигаютъ, что неподвижность законовъ и обычаевъ не можетъ быть вѣчною, и что успѣхи торговыхъ сношеній неминуемо ведутъ за собою успѣхи общественности.

Вотъ что слышалъ я отъ моего привѣтливаго Моршона, и старался записать, такъ, какъ слышалъ отъ него, безъ порядка, но сколько могъ вѣрнѣе. Когда мой добрый пріятель объяснилъ мнѣ сущность Кантонской торговли — «Этого не довольно — сказалъ онъ — что вы знаете теперь дѣла наши съ Кишайцами: вамъ надобно еще узнать людей, съ которыми производятся у насъ дѣла. Одинъ изъ ганистовъ нашей факторіи даетъ сегодня обѣдъ главнѣйшимъ изъ Компанейскихъ Англійскихъ чиновниковъ; вы пойдете съ нами: вамъ надобно это видѣть.»

И вотъ, въ чепыре часа по полудни, мы были уже на пути къ жилищу Панъ-ке-куа, почешнаго ганиста Кантонскаго. Жилище это состояло не домъ, но цѣлый рядъ отдѣльных строеній, между которыми находились куртины зелени, и разставлены были вазы съ водою, въ которой плавали прекрасныя *ирисы*. Проходя по цѣпи этихъ сади-ковъ и комнатъ, мы проходили путь сквозь крестообразныя арки, столь употребительныя въ живописи на Кишайскомъ фарфорѣ, и наконецъ всту-

пили въ почешную залу, убранныю только фонарями изъ крашеной бумаги; посрединѣ ея поставленъ былъ столъ, окруженный стульями изъ плешенаго бамбука.

Первое блюдо обѣда нашего состояло въ роскошномъ салангановомъ супѣ; его подали намъ въ маленькихъ фарфоровыхъ чашечкахъ; вкусъ его подходилъ на супъ съ вермишелью, и мнѣ понравился. Въ особыхъ блюдахъ, не въ счетъ кушаньевъ, поставили на столъ разныя, возбуждающія аппетитъ снѣди. Тушъ были: вкусные червяки, соленые, сушеные и вареные, соленая рыба, вешчина, Японская кожа, моченая въ водѣ, наконецъ *суаа*, сокъ, выжимаемый изъ бобовъ, и почишаемый Кишайцами весьма полезнымъ для желудка. Между шѣмъ, пока забавлялись мы, заспавляя изъясняясь намъ всѣ эши превосходныя снадобья, множесство окрошекъ, излишнихъ соусами, носили около стола. Мы насчитали двадцать перемѣнъ; блюдамъ не было счепа. Намъ изъясняли, и мы повѣрили на-слово, что имѣли честь быть угощаемы голубями, душеными въ соку, фрикасе изъ лягушекъ, солеными гусеницами, акульими перьями, маседуаномъ изъ ушокъ и цыплятъ, и что все это пропитано удивительною вышажкою изъ мокриць. Дичину, фазановъ, куропапокъ, разрѣзанныхъ въ кусочки, подносили намъ на крошечныхъ шарелочкахъ. Не имѣя, вмѣсто вилокъ и ножей, ничего, кромѣ какихъ-то тоненькихъ палочекъ изъ слоновой кости, полированныхъ и обдѣланныхъ въ серебро, мы не знали, чѣмъ донести намъ какойнибудь кусокъ до на-

шихъ ршовъ. Баронъ, казалось мнѣ, рѣшался уже просто поспиничать, а я старался поймать палочками хоть какіе нибудь кусочки, но, спасибо Моршону—онъ вмѣшался въ наше затруднительное положеніе. Кое-какъ научились мы брать кушанье, и не боясь, что желудки наши не смогутъ справиться со всѣмъ предлагаемымъ нашему вкусу, рѣшились опробовать — даже ѣсть всѣ Кишайскія окрошки, аккуль, червей, гусеницъ, морскихъ кубышекъ, морскихъ раковъ, полченныхъ скилловъ, и тысячу другихъ вещей, безъ именъ, но каждая съ своимъ особеннымъ вкусомъ и запахомъ. Казалось, что мы ударились объ закладъ съ Барономъ, кто кого перещеголяетъ въ похвалѣ гастрономіи Кишайской, кто изъ насъ лучше другаго оправитъ себя, полнѣе другаго наполнивъ себѣ желудокъ всякими жирными соусами и пахучими мясами. Безпрестанно запивали мы произведенія Кишайской кухни *сей-гингомъ*, или *камчу*, подогрѣтымъ пойломъ, похожимъ на бѣлое вино. Камчу пьютъ изъ маленькихъ мешаллическихъ чашечекъ, похожихъ на фіалы Древнихъ; слуги, съ огромными серебряными кувшинами въ рукахъ, безпрестанно подливаютъ это питье госпямъ. Когда головы наши поразогрѣлись отъ угощенія, было предложено нѣсколько *тостовъ*: за здоровье Богдыхана, за успѣхи Компаніи, за благополучіе *Квонгъ-Ганга*, за счастливый путь намъ, почетнымъ госпямъ ганиста. Послѣ провозглашенія каждого тоста, надобно было брать чашечку съ камчу обѣими руками, и дѣлать *гинъ-гинъ*, то есть, качать головою

нѣсколько разъ, выпивая потомъ все что было въ чашечкѣ, и показывая другимъ дно ея, чтобы доказать, что она точно остаеися пустая.

За первую переменною кушанья слѣдовала вторая, состоявшая изъ пирожного и печенья. Къ этому подали салатъ изъ молодыхъ бамбуковыхъ ошпысковъ, и графины съ какою-то водою, копорая пахла чѣмъ-то — пріятнымъ шолько для Кишайскаго носа. На послѣдокъ принесли десертъ — корзины цвѣтшвъ, подносы, заставленные двадцашью родами конфекшвъ, укладенные превосходными пирошками и различными фруктами — померанцами, сахарными мандаринами, бананами, личи, орѣхами, яблоками, виноградами, грушами; иныя изъ этихъ лакомствъ принадлежали жаркимъ климашамъ, другія были привезены изъ сѣвернаго Кишай.

Вспавши изъ-за спола, мы очень хорошо чувствовали, какъ нелегко Европейцу обѣдать у Кишайца. Къ счастью, заведенный здѣсь обычай — пить чай шопчасъ послѣ спола, помогъ намъ спастись отъ всякихъ непріятныхъ слѣдствій, при пособіи нѣсколькихъ благодѣшельныхъ чашекъ чаю. И *какого* чаю, и *гдѣ* еще мы пили его? Въ Каншонѣ, въ домѣ знаменишаго Кишайскаго шорговца чаемъ! Послѣ этого надобно-бы дать обѣщаніе уже *никогда* и *нигдѣ* не пить болѣе чаю во всю жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, это было что-то превосходное: аромашъ, вкусъ чудный — что-то такое бархашное, и вмѣстѣ съ пѣмъ пріятное, и шоль усладительное пришомъ, что ничто не могло сравниться съ этимъ драгоцѣннымъ пишемъ. Боясь,

чтобы не потерялось какое нибудь изъ драгоценныхъ свойствъ Кишайскаго нектара, его подавали намъ въ закрытыхъ чашкахъ, и напрасно спали-бы мы просить сахару, дерзая поршнись такою прибавкою чудный вкусъ чаю: Кишайскіе служители посмотрѣли-бы на насъ съ изумленіемъ, а хозяинъ разсердился-бы за такое безчестіе. Старый эпошъ ганишъ, почтенный эпошъ Панъ-ке-куа почелъ-бы прѣбываніе наше просто наглою насмѣшкою; онъ походилъ въ подчиваньи своимъ чаемъ на шѣхъ Европейскихъ знапоковъ въ винахъ, копорые не потерпятъ, чтобы *кремень и букетъ* ихъ драгоценностей не былъ принятъ въ желудокъ госпя съ подобающимъ сисшемашическимъ благоговѣніемъ. Извѣстный во всемъ Каншонъ, какъ самый первый знапокъ чаевъ, Панъ-ке-куа подчивалъ насъ теперь самымъ первымъ изъ всѣхъ чаевъ всего Кишайя. Правда, ему надобно было по совѣсти такъ поступить: оправивши насъ своею Кишайскою снаряженіемъ, надобно было дать намъ какого нибудь прошивоядія. Мы разспались дружески, уже при наступленіи ночи. Служители, съ фонарями изъ крашеной бумаги, провожали насъ до факторій.

Начавши эшимъ обѣдомъ наши Каншонскія гулянки, мы уже не хотѣли оспановиться въ разгульѣ и весельяхъ. На другой день, будшо ревнуя почести, оказанной посѣщеніемъ нашимъ товарищу, другой участникъ Квонгъ-Ганга, Чунъ-Куа-Дзи, задалъ намъ большой обѣдъ, уже на Англійскій манеръ, но за обѣдомъ слѣдовалъ Кишайскій спектакль. Театръ сгородили на ошкрышомъ воздухѣ,

въ саду, устроивъ его изъ холстинъ и крашенныхъ досокъ; сцену, въ двадцать фузовъ шириною и пятнадцать вышиною, увеличивала перспектива. Намъ хотѣли показати одну изъ самыхъ знаменитыхъ труппъ Китайскихъ актеровъ, наканунѣ только прѣхавшую изъ Пекина, и располагавшую прожити въ Кантонѣ нѣсколько недѣль.

Представленіе началось, только что сѣли мы за обѣдъ, оглушающими звуками цымбаловъ, трубъ и шамъ-шамовъ; къ этому присоединились звуки арфы, люлли, стукъ барабановъ. Послѣ самой оглушительной увертюры, слѣдовала большая историческая пантомима, въ которой пять Богдыхановъ были попеременно возводимы на тронъ, и свергаемы съ трона. Такая борьба великихъ особъ и цѣлыхъ династій не могла совершаться безъ сильной драки, и въ самомъ дѣлѣ—на сценѣ дрались цѣлый часъ, дрались опчаянно и жестоко. Воины, богато одѣтые, украшенные лентами всякихъ цвѣтовъ, бросались другъ на друга, съ дубинами, щитами, саблями. Они повершывались во всѣ стороны съ удивительною быстротою, и спрашно размахивали оружіемъ, но все такъ искусно, что ни разу не задѣли другъ друга, какъ ни шѣсно было поприще битвы ихъ. Музыка одушевляла всѣ эпизоды битвы, слѣдуя за каждымъ движеніемъ сражавшихся, успѣхами и неудачами дѣйствующихъ лицъ, и превращалась наконецъ въ несносный ревъ, когда, въ слѣдствіе гибели четырехъ похищителей, законный наслѣдникъ прекратилъ, вступленіемъ своимъ

на прародишельскій пресполь, продолжишельныя междоусобія.

Послѣ паншомимы явились знаменишые актеры въ драмѣ, одной изъ самыхъ любимыхъ драмъ Кипайской публики. Сидя между Моршономъ и Барономъ моимъ, спарался я разгадашь, чшо такое играешся, прося изъясненія знапоковъ въ шемныхъ мѣспахъ. Вошъ что могъ я выразумѣшь изъ всего видѣннаго и слышаннаго мною: какая-шо Кипайская Герштруда вздумала убишь супруга своего; пользуясь временемъ его опдыха, она крадепся шихонько по сценѣ, держа въ рукахъ маленькій топоръ, бьетъ по лбу бѣднаго мужа, и убѣгаешъ. Жестоко раненый, мужъ вспаешъ съ кровавою раною на лбу, шапаешся, поешъ, оплакиваешъ свою горькую учашъ, какъ дѣлаюшъ эшо герои, умирающіе въ нашихъ операхъ. Пошомъ падаешъ онъ, и—конецъ дѣлу. Но убицу подозрѣваюшъ въ смерти мужа, берушъ подъ спражу, ведушъ къ судѣ, и рѣшаюшъ содрашъ съ нея кожу. Приговоръ исполняюшъ на сценѣ. Да эшого мало: въ слѣдующемъ актѣ, Кипайская Герштруда являешся не шолько нагая, но совсѣмъ ободранная. Женщинъ не доускаюшъ у Кипайцевъ на сцену, и пошому обыкновенно, либо эвнухъ, либо молодой, еще безбородый мальчикъ, предспавляюшъ женскія роли. Ободранной пресшупницѣ остаешся еще сполько силъ, чшо она плачешъ и поешъ добрые полчася. Можете предспавишь, сколь опвращишельно и безобразно было все эшо зрѣлище, и какъ ни пріучены мы шеперь къ ужасамъ сцены новѣйшими романшическими

драмами, но, право, Кишайская драма была для насъ вовсе невыносима. Напрошивъ, Кишайскіе собесѣдники наши выражали воспоргъ свой громкими рукоплесканіями.

Репертуаръ Кишайскій обилуетъ сочиненіями въ такомъ спрашномъ родѣ. Нигдѣ ошвращительная нагоша ужасныхъ каршинъ и грубая наглосшь разговора не доведены до такой степени, на какой находящся онѣ на Кишайской сценѣ. Ошсущствіе женщинъ, кошорымъ строго запрещено смолрѣшь на всѣ сценическія позорища, вѣрояшно, много способствовало ко введенію такого спраннаго вкуса въ драматическую словесность Небесной имперіи.

Историческія драмы Кишайцевъ бывають двухъ родовъ: однѣ сочинены до завоеванія Кишай Монголами, другія появились послѣ сей эпохи. Первыя, гдѣ акшеры являющся въ старинныхъ костюмахъ Кишайскихъ, лучше по составу своему, и болѣе уважающся. Въ шѣхъ и другихъ, декламировка акшера естъ что-то похожее на однообразный речитативъ; дѣйствующее лицо понижаешь и повышаешь голосъ свой, смолря пошому, что надобно ему выразить—гнѣвъ или печаль. На каждомъ окончаніи куплета, или перерывѣ, раздающся звуки духовой музыки, стараясь выразить положеніе или спрасти акшера. Роль оркестра въ Европейской мелодрамѣ довольно походитъ на участіе Кишайскихъ дудокъ въ исторической драмѣ Кишайцевъ. Промежушки въ разговорѣ дѣйствующихъ лицъ опредѣляющся музыкальною интермедіею, а при сильныхъ мѣстахъ пьесы шамъ-шамы и гонги при-

нимающа за рабоу , чпобы придашь болѣ силы выраженію. Обыкновенно слѣдуетъ за тѣмъ пѣснѣ , веселая или печальная , выражая радость или опчаяніе.

Китайскій театръ строго придерживается Аристотелевскихъ правилъ , хотя Китайцы и не слыхивали объ имени Спигирскаго философа. Поспоянно наблюдаешся на Китайской сценѣ *единство дѣйствія*. Если надобно перемѣнить мѣсто , зритель долженъ воображать , что оно перемѣнилось. Такимъ образомъ , если полководцу надобно отправишся въ опдаленный походъ , онъ сядишся верхомъ на палочку , беретъ плешку , хлещетъ ею по полу , и объѣзжая два , при раза около сцены , поетъ между тѣмъ пѣсню , для развлеченія дорожной скуки. Потомъ , когда думаютъ , что довольно уже пѣсни и прогулки , актеръ останавливаетъ , соскакиваетъ съ своего решиваго коня , говоритъ : « Мое спранспованіе кончилось , » и начинаешъ новый речешивъ. Публика очень хорошо можетъ понять изъ этого , что герой драмы переѣхалъ назначенное проспранство , и находишся въ новой сторонѣ.

Иногда , если недостаетъ декорацій , ихъ замѣняютъ весьма остроумными выдумками. Согласно всѣмъ нашимъ піишикамъ и рипорикамъ , мы придаемъ разуміе и слово бездушнымъ и неговорящимъ предметамъ—спѣнѣ , дереву , камню , рѣкѣ. Въ Китайской драмѣ дѣло бываетъ на оборотъ: люди превращающа въ предметы неодушевленные и неговорящіе. Надобно-ли изобразить на сценѣ взятіе

крѣпоси , а спѣнъ подъ рукою нѣшъ , потчасъ становящся рядомъ нѣсколько человѣкъ ; герой лѣзешъ на эту спѣну , ломаетъ ее , и бѣдная спѣна терпешъ , падаетъ и не шевелишся , разломанная на часши. Это напоминаетъ остроумное изъясненіе Ника Бошшома (*Midsummer Night's Dream*) : « Надобно , чшобы одинъ изъ насъ предсавлялъ спѣну ; вошъ надобно его помазашъ извесшкою , глиною и землею , и будешъ онъ походишъ на спѣну. »

Когда спектакль даешся походнымъ образомъ , сценическія приготовленія всего менѣе бывающъ запруднишельны. Спряшъ наскоро деревянный сарай , покрывающъ его бамбуковыми лисьями , и дѣляшъ на двѣ часши , *сцену и фойе* , гдѣ одѣвающся актеры. До начала пьесы , являешся директоръ походной пруппы , съ бумагою въ рукахъ , на кошорой написано названіе пьесы , какую приговляющся играшъ ; пошомъ приносишъ онъ на сцену креслы , спола , ширмы , предсавляющіе все , что велашъ имъ предсавляшъ—крѣпоси , горы , города , дома. Акшеръ даешъ разумѣшъ зрителямъ значеніе каждой вещи. Онъ говоришъ , наримѣръ : « А , вошъ дверь (разумѣешся , двери нѣшъ) , и вошъ я опворю ее » — и онъ дѣлаешъ шѣлодвиженіе , какъ будшо опворяешъ дверь. Зришель обязанъ послѣ этого вѣришъ , что въ назначенномъ мѣспѣ дверь шочно сущесшвуешъ , и что ее опворили.

Но если всѣ эти театральныя вольности мѣшающъ сценическому очарованію , въ замѣну шого , актеры не запрудняющъ зришелей догадкою , ка-

кое именно лицо выступаетъ на сцену, пошому, что каждое изъ дѣйствующихъ лицъ объявляетъ при входѣ своемъ, какъ бывало это, говорятъ, въ древнихъ Греческихъ драмахъ: « Я буду шѣмъ-шо, » Агамемнонъ, Эдипъ—« Шунъ-дзи-пхей-чао, Тзунъ-пхей-сы-шуанъ. » Еснъ у Кишайцевъ пьесы, въ которыхъ дѣйствіе продолжается сто лѣтъ. Европѣ издавна извѣстна Кишайская трагедія: *Сирота изъ поколѣнія Чао*, плохо переведенная опцомъ Премаромъ, но доставившая Вольперу содержаніе трагедіи его: *l'Orpheline de la Chine*. Эта пьеса находилась въ числѣ ста другихъ такого-же рода, собранныхъ вмѣстѣ Кишайцами, какъ образцы вкуса и изящества. Кажется, что съ того времени, когда сдѣлано было это собраніе, искусство драматическое упало въ Кишаѣ, и театръ Кишайскій, какъ нашъ Французскій театръ, сдѣлался добычею спрашнаго романтическаго своеволія, представляя только безстыдные фарсы.

Актеры, игравшіе у Чунъ-Куа, не оставили насъ безъ подарка пьесою новаго рода. Едва только кончилось представленіе большой драмы, начался водевиль, истинный водевиль, начиненный куплетами, колкостями, двусмысленностями, засмѣивавшими зрителей помирають со смѣха. Вообразите, что водевиль, который *le Français, né malin* (по словамъ Буало), починалъ своимъ изобрѣщеніемъ—вошъ гдѣ отыскался онъ — въ Кишаѣ, и со всѣми его условіями, съ настоящимъ его характеромъ! Въ числѣ актеровъ водевиля Кишайскаго были лица, въ которыхъ, не зная Кишайскаго языка, можно

было угадать роли Перле, Потье, Одри Каншонскихъ, пошому, что такой актеръ не могъ сдѣлать ни одной гримасы, ни одного тѣлодвиженія, даже открытъ рта, или пройдши по сценѣ, безъ того, чтобы не произвестъ всеобщаго хохота и не возбудить самаго веселаго восторга зрителей. Роли женщинъ были выполняемы эвнухами, молодыми, довольно пріятной наружности, хорошо одѣтыми, хорошо причесанными. Въ одной изъ сценъ водевиля была представлена внутренность Кишайскаго гарема, и шесть Кишаекъ, сидя за работою и размахивая шелкъ, пѣли довольно пріятную пѣсню, общимъ хоромъ.

Такимъ образомъ, одно послѣ другаго, высмотрѣли мы за одинъ разъ балетъ, историческую драму, комедію, водевилъ, и гошovy уже были опказаться опъ дальнѣйшаго продолженія зрѣлища, когда явились Кишайскіе эквилибристы, и показали намъ разныя гимнастическія шпuky, доказывавшія необыкновенную силу и проворство. Одинъ изъ нихъ, насмѣящійся аплетъ, съ исполинскими формами тѣла, выдвинулъ впередъ грудь свою, и образовалъ изъ нея родъ подножія, на которое прыгали его товарищи, перескакивая пошомъ черезъ плечи его. Поставили послѣ того посреди сцены высокій столъ, и придцашъ чело-вѣкъ скакали черезъ него, поочередно и вмѣстѣ, дѣлая на воздухѣ разныя кривлянья. Наконецъ, какъ будто въ довершеніе энихъ Омировскихъ игръ, исполинъ-аплетъ поставилъ подлѣ себя трехъ товарищей, и пошомъ еще шестерыхъ, которые всѣ

обхвашили его руками; онъ поднялся, обвинный такимъ образомъ, какъ будто легкою цѣпочкою, девятью сильными людьми. Для большаго доказательства силы его, одинъ изъ эквилибристовъ спалъ еще на головѣ его, составляя такимъ образомъ пирамиду.

Добрый знакомецъ нашъ, ганистъ Панъ-ке-куа не хотѣлъ остаться побѣжденнымъ онъ госпединаго Чинъ-Куа, узнавши все, чѣмъ онъ насъ подчивалъ, и черезъ нѣсколько дней потомъ вздумалъ угостить насъ еще разъ, особеннымъ праздникомъ, который былъ для насъ занимательнѣе всѣхъ другихъ. По милосердному позволенію, выпрошенному подъ рукою у Вице-Короля, намъ позволено было посѣтить настоящую Кишайскую землю, ту часть города, которая простирается по другому берегу Тигровой рѣки, противъ факторій. Тамъ былъ устроенъ у нашего знакома превосходный садъ, и онъ, казалось, былъ въ совершенномъ воспоргѣ, что можешь принять и угостить насъ въ настоящемъ своемъ домѣ. Будучи ошличенъ званіемъ мандарина, съ золотыми шариками, и человекъ весьма богатый, Панъ-ке-куа имѣлъ значительный вѣсъ въ той части города, гдѣ жилъ, и по этому могъ распорядиться такъ, чтобы мы не были оскорблены Кишайскимъ непріязненнымъ простолудьемъ. Родъ особеннаго надзирашеля, ловкій Кишаецъ сопровождалъ насъ, и безпрестанно повсорялъ какія-то таинственные слова, послѣ чего никто изъ проходящихъ не показывалъ неудовольствія, видя насъ въ запрещенной части горо-

да. По мѣрѣ приближенія нашего къ Кишайскому отдѣленію, лучше и красивѣе раскрывалась передъ нами картина его, съ высокими башнями, фигурными ворошами, выгнушими, угловатыми кровлями зданій. При вступленіи въ городскія вороша, могли мы обозрѣть всю песпрюю общность города. Чѣмъ далѣе шли мы, тѣмъ оживленнѣе и веселѣе являлась она передъ нами, перерѣзанная каналами, обсаженная набережными и магазинами, гдѣ безпрестанно складывали повары съ большихъ лодокъ. Множество узкихъ, но освѣженныхъ чистымъ воздухомъ улицъ, представляли намъ, по обѣ стороны, ряды домовъ, прочно построенныхъ, и отъ одного мѣста до другаго обширныя отдѣленія, закрытыя заборами. Эти заборы означали жилища мандариновъ. Черезъ четверть часа ходьбы, путеводитель нашъ остановился подлѣ низенькихъ, незначительной наружности ворошъ; онѣ отворились по данному отъ него знаку. Мы вступили въ тайное Кишайское жилище, убежище нашего почтеннаго Панъ-ке-куа. Вороша были со сводомъ внутрь жилища, и по какому-то темному корридору прошли мы до низенькой залы, составлявшей самую средину жилья. Отсюда, во всѣхъ направленіяхъ, видны были переходы, аллеи, дворики, образовывавшіе собою что-то похожее на лабиринтъ.

Хозяинъ ожидалъ насъ въ главномъ отдѣленіи дома, на срединѣ почешной комнаты. Едва успѣли мы отвѣчать на его Кишайскія привѣтствія нашими Европейскими учтивостями, намъ подали

чай и конфекты. Убранство этой приемной комнаты было богато, но безъ всякаго вкуса въ уборкѣ; ее сославляла смѣсь шеземныхъ и иноземныхъ украшеній и мебели, и все это было наставлено, набросано безъ порядка. Французскія зеркала, неловко поставленныя, закрывали стѣны, а часами съ музыкою были заставлены все столы. Изъ четырехъ сторонъ комнаты, при казались совершенно глухими; четвертая была открыта, въ садъ, во всю длину и вышину. На-зиму, эта сторона задвигается бамбуковою плешушкою, убранною черепками усприць, обдѣланными весьма искусно, но такая подвижная закрывка дѣлаетъ комнату шемною, и худо защищаетъ отъ холода.

Задняя часть комнаты была занята высокимъ, узкимъ столомъ, въ видѣ жершвенника, и на немъ стояло изображеніе какого-то Кишайскаго божества, передъ которымъ разставлены были цвѣшны и плоды. Передъ этимъ жершвенникомъ находилось почешное сѣдалище, родъ канапе, возвышеннаго усшупомъ надъ поломъ комнаты; оно было сдѣлано изъ полированного дерева и украшено зеркальцами. Табуретъ и подушки ставяшся на него — первый для того, чтобы положить книгу, поставишь чашку съ чаемъ, другія, чтобы сидя опирашся на нихъ локшями. Только двое могутъ усѣсться на этомъ почешномъ мѣстѣ, пошому что весьма рѣдко при особы одинакаго достоинства сходяшся у Кишайцевъ для бесѣды. Кишайцы сидяшъ на-манерь Турковъ, поджавши подъ себя ноги. Для насъ поставлены были особенныя канапе и

креслы. Закрывшия двери вели изъ почешной комнаты въ другіе внутренніе покои. Въ каждомъ изъ угловъ почешной комнаты поставлены были столики, разнообразнаго вида, украшенные различными предметами роскоши — вазами, часами, цвѣтами, музыкальными орудіями, а на одной изъ стѣнъ видѣнъ былъ цѣлый пукъ длинныхъ, тоненькихъ трубокъ; въ разныхъ мѣстахъ висѣли съ потолка лампы, или фонари, зажигаемые только по торжественнымъ днямъ. Одни изъ нихъ дѣлаются прозрачные роговые, въ видѣ шаровъ, другіе изъ цвѣтнаго флера, восьми-угольные, иные стеклянныя и бумажныя, и все украшаются бахрамами, кисьями, стеклянными шариками. Въмѣсто обоевъ, стѣны комнатъ покрываютъ живописью по лаку, на которой золотыми буквами изображаютъ надписи и нравственные изрѣченія. Въ дни религіозныхъ праздниковъ, Кишаецъ пестритъ свою почешную комнату съ удивительною роскошью, развѣсиваетъ въ ней золотыя и шелковыя шкани, и жжетъ, въ шеченіе нѣсколькихъ часовъ, палочки благовоннаго дерева на своемъ домашнемъ алтарѣ.

Другія комнаты, которыя одну за другою показывалъ намъ хозяинъ, представляли почти такія же подробности и такую же уборку. Въ иной только, въмѣсто нравственныхъ изрѣченій, стѣны украшены были довольно грубыми картинами, зеркалами, или сплошною живописью. Но библіотека представляла нѣкоторое опличіе отъ другихъ комнатъ. Множество рукописей было тутъ расположено, въ особенномъ порядкѣ и устройствѣ,

на полочкахъ, укрѣпленныхъ по одной стѣнѣ. Кишайцы знаютъ и употребляютъ въ дѣло шипографское искусство, но книгъ печатныхъ у нихъ почти нѣтъ; рукописи, писанныя опмѣнно красиво, досихъ поръ замѣняютъ имъ печатанье. Для письма употребляютъ они сушенныя чернила, столь извѣстныя у насъ подъ именемъ *туши*, или *Китайскихъ зернилъ*; напираяющъ немного размоченной палочки такихъ чернилъ на кусокъ мрамора, или какого нибудь драгоценнаго камня, берутъ краску кисточкою, и рисуютъ ею буквы по желтоватой, тонкой, бархатистой на осязаніе бумагѣ, весьма обыкновенной въ Китаѣ, но опмѣнно уважаемой въ Европѣ, подъ названіемъ *Китайской* (*dérariég de Chine*). Кромѣ извѣстнаго намъ рода тонкой бумаги, въ Китаѣ есть еще особенный родъ, который менѣе уважаеся, но по опдѣлкѣ его гораздо драгоценнѣе. Бѣлизна этой бумаги удивительна, а плотность ея такова, что сгибаясь, она не ломается. Такая бумага служишъ обыкновенно для Китайскихъ каршинокъ; она чрезвычайно бархатиста, и пошому придаетъ изображеніямъ пшицъ и цвѣтовъ особенный колоритъ, кошорому мы подражать не можемъ. — Чернилица, или лучше сказать, писальный камень нашего хозяина, состояла изъ агаша, обдѣланнаго въ золото; онъ говорилъ намъ объ ней, какъ о родовой драгоценности; отецъ его написалъ съ этого камня множесшво письменныхъ памяшниковъ, и онъ хотѣлъ передать его своимъ дѣшамъ, чтобы и они также почерпали изъ него наслѣдсшвенныя вдохновенія.

На полочкахъ другой стѣны, прошивъ полочекъ съ книгами, видно было множество разныхъ предметовъ Естественнаго : куски ископаемаго дерева, окаменѣлости, образчики драгоценныхъ камней, ониксы, агапы, аметисты; шпиль-же были бронзовыя спашуйки, и собраніе монетъ, гдѣ находились всѣ роды золотой монеты, какая только обращается въ торговлѣ; каждая изъ нихъ обозначалась Китайскимъ ярлычкомъ; мы видѣли шпиль-цежины, суверены, луйдоры, наполеондоры, квадрупли, и проч. — Далѣе разспавлены были рѣдкія шпиль-произведенія: превосходныя издѣлія лаковые и фарфоровыя, Японскія вещи, весьма уважаемыя въ Китаѣ, по блеску цѣшмовъ и прочности лакировки.

Изъ нижняго этажа перешли мы въ верхнія комнаты, преимущественно назначаемыя для домашняго обихода. Ихъ составляли ряды покоевъ, всѣ съ каминами на холодное время года. Въ каждомъ находились кровати, и все показывало, что шпиль-живущъ постоянно, но Моршонъ, давно знакомый съ ганишомъ, и очень дружный съ нимъ, напрасно просилъ его показати намъ отдѣльныя комнаты, занимаемыя его женами; тщетны были и наши просьбы. Все, что могли мы вымолиши у него, состояло въ томъ, что онъ рѣшился показати намъ свою церемоніальную комнату, гдѣ, съ большою пышностью, развѣшено было его мандаринское одѣяніе и почешное одѣяніе старшей супруги его, какъ жены мандарина.

Одежду мандарина составлялъ широкій, нисходящій ниже колѣнъ, зеленого цвѣта кафтанъ, съ прорѣзами на обоихъ бокахъ, и съ рукавами широкими и висячими. Кафтанъ эшопъ былъ изъ шелковой прочной ткани, цвѣта яркаго, вышитый снѣжными узорами. На груди его изображались два дракона, почешный знакъ достоинства мандаринскаго, опшѣенный на оспальномъ пространствѣ фаншаспическими фигурами, похожими на шѣ, которыя опливаются по шелковой обѣяри. Опкрытый спереди, кафтанъ эшопъ давалъ замѣшнш широкія шелковыя шаровары, къ низу висѣвшія на голенищахъ сапоговъ изъ черной кожи, съ загнушыми носками, съ полстыми подошвами, почпи въ вершокъ; сверхъ кафтана надѣвалось агашовое, или коралловое ожерелье. Шляпа — важная часть наряда — была круглая, пуховая, сине-фіолетоваго цвѣта, украшенная чернымъ барханомъ, и на верхушкѣ ея укрѣпленъ былъ синій шарикъ — предметъ чесшлюбія Кишайцевъ, споль-же драгоцѣнный Кишайцу, какъ драгоцѣнна Европейцу какая нибудь звѣзда и ленша! Шарикъ на шапкѣ естѣ опличительный, всегдашній знакъ достоинства мандарина — эшо Кишайская шабель о рангахъ. Первый классъ мандариновъ носилъ шарики розовые, второй красные, третій синіе. Общность всего этого одѣянія была блестяща и внушала уваженіе. Панъ-ке-куа одѣлся передъ нами въ полный нарядъ свой, и онъ весьма хорошо шелъ къ его физіогноміи, холодной и важной. Для дополненія своей одежды, онъ вынялъ даже, изъ-подъ сшекланнаго

колокола, мандаринскій жезлъ свой, кошорый удостоился получитьъ прямо изъ рукъ самого богдыхана. Жезлъ эшотъ сосставляла палочка въ нѣскольکو дюймовъ длиною, изъ драгоцѣннаго дерева, въ кошорое врѣзаны золошья украшенія. Подлѣ церемоніальныхъ плашьевъ мандарина и суируги его находились драгоцѣнныя украшенія и уборы невидимой подруги Кишайскаго чиновника. Эшими уборами могла-бы подорожишь богашая Европейская дама. Жемчугъ, алмазы въ нѣскольکو карашъ, рубины, агаши блиспали въ дорогой оправѣ, сосставляя выборъ щегольской и весьма цѣнный. Не лзя было опредѣлишь всему видѣнному нами цѣны, менѣе 300,000 франковъ.

Изъ комнашъ ошиправились мы въ садъ. Тушъ ничего не было еспешивеннаго, и все было поддѣльное: пригорки, ручейки, ушесы; во всемъ эшотъ, при маленькомъ размѣрѣ, являлась какая-шо забавная пародія на огромныя созданія природы. Ни одна аллея не прошигивалась прямою линією. Желая досшигнушь всевозможнаго смѣшенія всего, что шолько могъ выдумашъ, художникъ, при расположеніи сада, не щадилъ ни перспективы, ни сильныхъ опшическихъ нечаянностей. Каждый предметъ, казалось, посшавленъ былъ шущъ съ намѣреніемъ удивишь; для эшого изрыли шущъ землю, насшавили на ней кіосковъ самыхъ спранныхъ формъ, навалили ушесовъ, накопили водопадовъ, набросали мосшиковъ, исковеркали деревья и расшесприли лужки; все въ эшотъ загороженномъ углу было направлено къ миніашюрному передраз-

ниванью красонъ дикихъ и величественныхъ, какъ будто хошѣли эшимъ ушѣшишь бѣдныхъ зашворницъ, супругъ мандарина, кошорымъ, какъ всѣмъ женщинамъ въ Кипаѣ, сшрого запрещенъ свободный воздухъ полей и лѣсовъ. Тушъ могутъ онѣ, запершыя въ сшѣнахъ, лишенныя даже способноши ходишь, въ маломъ видѣ наслаждашья поддѣлкою всего, что внѣ шюръмы ихъ свободно шворишь могущая природа. Зимой, когда дождь препятшвуешъ гуляшь по дорожкамъ сада, усыпаннымъ пескомъ, шеррасы изъ плишняка, или изъ муравленыхъ кирпичей, предшнавляюшь имъ мѣста для прогулки, безъ опасенія вымочишь свои крошечныя ножки.

Нашъ поразило всего болѣе въ эшомъ саду, не ушстройство поддѣльныхъ холмовъ и ушесовъ, не извилины лабириншовъ, не уродливостъ разнообразныхъ моспиковъ, не кіоски съ цвѣшными спеклами, но блескъ, красона, благоуханіе тысячъ цвѣшовъ, всюду песпрѣвшихъ передъ нами. Хозяинъ показывалъ намъ цвѣпы свои одинъ послѣ другаго, и сшрахъ какъ гордился ими. «Шеснь садовъ почшеннаго господина Таши-пхай-дзина,» говорилъ онъ, «самые великолѣпныя во всемъ Каншонѣ, не предшавяшь вамъ шакого богатшва и разнообразія камелій, какъ мой маленькій садикъ!» Въ самомъ дѣлѣ, шрудно было даже исчислишь все разнообразіе эшихъ прелесшныхъ цвѣшовъ. Цѣлая аллея была убрана ими. Тушъ видно было еще множешво деревьевъ въ маломъ видѣ—буковъ, яселей, вязовъ, возвращенныхъ искусшвенно, въ формахъ и видѣ насшоящихъ буковъ, яселей и

вязовъ. Иной изъ такихъ уродцевъ росъ еще при-
помъ на спинѣ фарфороваго буйвола, на головѣ
птицы, на хвостѣ собаки. Въ такихъ нелѣпыхъ
изобрѣшеніяхъ, чѣмъ спранныѣ мысль, чѣмъ пруд-
нѣ исполнишь ее, тѣмъ болѣе прельщаетъ она
Кишайца; не соразмѣрность, но неправильность
есть для него самое высшее выраженіе искусства.
Коверкашь природу, придаваешь ей каррикатурный
видъ уродливой спарухи, переворачиваешь спрой-
ность ея, такъ, чтобы произраспаніе являлось
угловатое и горбатое—вошь къ чему стремишься
искусство Кишайскаго садовника. Не хотѣшь-ли
этимъ Кишайцы показашъ намъ эмблему образо-
ванія своего, дряхлаго, щогаго, и между тѣмъ
ухищреннаго, и гордаго именно эшою ухищрен-
ностью?

Подробное разсмотрѣніе Кишайскаго дома и
жишья, продолжительная прогулка по садамъ, и
вниманіе къ тому что мы видѣли, все эшо заспа-
вило насъ обрадовавшись обѣду, и потомъ пообѣдавъ
очень хорошо; къ тому-же и обѣдъ на эшомъ разѣ
былъ безъ чиновъ, а кушанья Кишайскія перемѣшаны
были съ Англійскими. вмѣсто шеплаго камчу, къ
десерту хозяинъ велѣлъ принести превосходнаго
Шампанскаго. Баронъ встрѣпилъ эшого пришельца
изъ Европы, какъ спараго, добраго знакомаго, а я
какъ земляка. Мы охотно пили его оба, Моршонъ
не думалъ уступать, и даже самъ госшепріимный
Панъ-ке-куа соединился съ госпиями. Подвеселясь
нѣсколькими бокалами Шампанскаго, эшомъ Ки-
шаецъ спалъ совсѣмъ другой человекъ — шушилъ,

смѣлся, рѣшился даже—показать намъ, но только какъ можно скрыпнѣе и оспорожиѣе, одну изъ женъ своихъ; она гуляла въ саду, и мы, спряшанные за садовыми курщинами, могли хорошо разсмотрѣть супругу мандарина, ребенка, кошораго вела она за руку, и служанку, шедшую за ними. Одежду госпожи составляло длинное шелковое плащье, богато вышитое, и немного разрѣзанное къ низу, спереди, такъ, что можно было видѣть изъ-подъ него широкую исподницу, сшитую изъ легкой шафты. Полусапожки, сшитые на сшупнѣ, и широкіе къ верху, были превосходной работы. Молодая и красивая, не смотря на узкіе глаза, Кишайская красавица опличалась особенно искусною уборкою волосовъ, собранныхъ на темѣ головы, и точно полированныхъ — такъ сильно были они намаслены. На лбу у нея былъ надѣтъ родъ *севинье*, съ брильянтомъ, а по обѣимъ сторонамъ головной уборы приколоты искусственные цвѣты. Серьги и ожерелья изъ благовонныхъ шариковъ дополняли уборъ. На лицѣ, бѣломъ и румяномъ, видны были слѣды большого употребленія припираньевъ. Брови явно выведены были черною краскою, и яркій алый цвѣтъ нижней губы рошика также обличалъ подкраску. Дипя и служанка не представляли собою ничего особеннаго. У служанки видно было въ головной уборкѣ нѣсколько длинныхъ булавокъ, заколотыхъ на манеръ Тирольской, и, по обычаю всѣхъ простолюдинокъ, у кисшей рукъ ея были надѣты оловянные, грубой работы запястья.

Съ перваго взгляда можно было замѣтить, что жена нашего ласковаго хозяина, какъ и всѣ Кишайки, была почти совершенно лишена употребленія ногъ. Она не шла — она едва тащилась, шаталась на ногахъ, и ее можно было почестъ разслабленною ногами. Этому неудобству подвергающіяся почешныя Кишайки, по милосердію нелѣпой уродливости, на которую осуждаютъ ихъ съ самаго дѣтства. Малосердію ноги измѣряются здѣсь преимущественно званіемъ для женщины, и отъ того съ дѣтства подвергаются бѣдныхъ дѣвочекъ ужасной пышкѣ, зашивая имъ ноги въ крѣпкія перевязки; четыре пальца подгибаются отъ этого подъ подошву насильно, и только одинъ большой палецъ образуетъ окончаніе ноги. Въ слѣдствіе такого мучительнаго принужденія природы, нога взрослой Кишайки рѣдко бываетъ болѣе $5\frac{1}{2}$ дюймовъ въ скупѣ.

Дославивъ намъ удовольствіе видѣть то, что строго запрещено показывать Европейцамъ, хозяинъ нашъ повелъ насъ въ комнату, гдѣ собрались тогда его дѣти и внуки. Ихъ было всѣхъ около десятка, и надъ ними надзиралъ учитель — насмѣшная фарфоровая Кишайская кукла. Маленькіе Кишайцы разыгрались съ нами, и угрюмый педагогъ напрасно журилъ и унималъ ихъ. Дѣти были рѣзвы, веселы, бѣленькія, краснощекія, но уже оплеченныя шипомъ пуземной физіогноміи. Съ пяти лѣтъ, каждый изъ нихъ начиналъ свое ученіе, подъ руководствомъ узкоглазаго философа-учителя, и каждый до 16-ти лѣтъ долженъ корѣть надъ

простонародною грамошою , послѣ чего переходить къ высшей азбукѣ мандаринской.

Когда мы вышли изъ дѣшской комнашы , было уже чешыре часа по полудни. Мы все видѣли въ домѣ нашего пріятеля , и обиталище Кишайское становилось для насъ тягостнымъ; его запрешныя смѣны, его поддѣльная природа, воздухъ его , тяжелый и душный, все это заславляло насъ желать поскорѣе дохнуть вѣшнимъ воздухомъ, освѣжиться полемъ, свободнымъ небосклономъ. Мы просились съ хозяиномъ, въ самыхъ нѣжныхъ и дружескихъ выраженіяхъ.

Едва спутили мы за порогъ , какъ намъ пришло въ голову , что смѣшно будетъ ворошиться въ факшорію , не испытавши маленькой прогулки по запрещенной Кишайской землѣ. Моршонъ, правда, говорилъ намъ , что эша спорона предмѣстья не слишкомъ безопасна для иноземца, но при веселомъ расположеніи духа, въ какомъ всѣ мы были тогда, едва-ли благоразумная оспорожность могла одержать преимущество надъ другими желаніями. Мы согласно положили опважиться на опасное путешествіе между Кишайцами. При пособіи двухъ золотыхъ монешокъ , факшоръ ганиша согласился провожать насъ и удалять всякія опасности.

Едва спутили мы сошню шаговъ, какъ уже были награждены за нашу смѣлость новыми отккрытіями. Чего не могла предсавить намъ внушенность Каншона, чего недославало въ нашихъ прогулкахъ по городу полу-Европейскому—нравы, совершенно Кишайскіе, обычаи, одежды , шугемные, безъ при-

мѣсяч чуждаго, все это вспрѣшили мы немедленно. При поворотѣ въ одну улицу, лицомъ къ лицу увидѣли мы какого-то бѣдняка, осужденнаго на наказаніе *кангою*. Полицейскій служитель велъ его на желѣзной цѣпи, держа въ рукахъ плешь. Европейцы называютъ *кангой*, орудіе казни, которое Кипайцы именуютъ *га*. Это собственно два толстые деревянные опрубка, у которыхъ съ внутренней стороны вырублены полукружія. Вложивъ шею преслупника въ кругъ, образуемый ими, накрѣпко соединяють обѣ половины, и мандаринская печать, наложенная на спай опрубковъ, гдѣ на широкой бумагѣ описывается преслупленіе и приговоръ, удерживаетъ спорожа отъ всѣхъ покушеній на жалость, и отъ подкупа, могущаго облегчить спраданіе осужденнаго. Въ двѣ другія дыры, составленныя такимъ-же образомъ, вкладываются руки преслупника. Тяжесть канги бываетъ отъ 60-ти до 200 фунтовъ, смотря по мѣрѣ преслупленія и строгости приговора. Уложеніе подробно объясняетъ, какимъ образомъ, по какому случаю и сколько времени должна канга обременять плеча и шею виновнаго. Наказаніе продолжается иногда мѣсяцъ, два, три, и даже чешыре, безпрерывно. Каждый день служители правосудія приходящъ въ шемницы за шѣми преслупниками, которымъ опредѣлено въ шотъ день являть на себѣ всенародному позору зрѣлище своихъ мученій и неумолимой строгости правосудія. Преслупниковъ шашають на цѣпяхъ къ городскимъ воротамъ, или на большія площади. Тутъ дають имъ

средства облегчать тяжестъ канги только шѣмъ чно позволяющъ прислоняться къ стѣнѣ, или къ дереву. Но такой отдыхъ бываетъ непродолжителенъ. Полагая, что преступникъ перевелъ дыханіе, приспавникъ бьетъ его плешью, и заставляетъ снова идти и нести свою тяжкую колодку. Несчастный жалостно умоляетъ прохожихъ смилостивиться надъ нимъ; умирая отъ голода и жажды, онъ пишетъ только шѣмъ, что жалоспливые люди полагаютъ ему въ рошъ, но изъ тысячи людей, ругающихъ его, едва-ли находилъ одинъ, который дастъ бѣдняку какую нибудь горсть пшена. Осужденный, встрѣтившійся съ нами и согбенный подъ тяжестью канги, казался однакожь веселъ и беззабошенъ; увидя насъ, онъ началъ просить милостыни, и мы отвѣчали ему парюю піаспровъ, которая, кажется, очень хорошо утѣшила его и облегчила его спраданія.

Мы достигли наконецъ до конца предмѣстья, гдѣ увидѣли опрядъ Монгольскій, охраняющій городъ съ этой стороны. Солдаты, составлявшіе здѣсь спражу, были двухъ разборовъ: одни принадлежавшіе къ обыкновенной милиціи; другіе изъ корпуса избранныхъ войскъ, недавно прибывшаго изъ внутреннихъ обласей. Одѣяніе первыхъ грубо, неудобно, обременено ненужнымъ излишествомъ. Двойной кафтанъ, сходящій до икръ, кираса изъ кишайки, съ мешаллическими бляхами, желѣзная шапка, съ лукомъ крашенныхъ волосовъ на оспроконечной верхушкѣ, колчанъ съ стрѣлами, висящій назади плечъ, коробка, родъ чемодана, свѣщенная

на правомъ боку, гдѣ находятся лукъ и запасныя стрѣлы, все это, взятое порознь и вмѣстѣ, не представляетъ ничего, ни воинскаго, ни щеголеваго. Намъ гораздо красивѣе показалось одѣяніе избраннаго войска, которое миссіонеры называютъ *военными тиграми*; оно легко, и состоишь изъ сплошныхъ шароваровъ и куртки, полосатыхъ, съ капишономъ на головѣ изъ той-же шкани, кончащимся съ верху двумя полумѣсяцами, которые довольно похоже изображаютъ уши тигра: опъ этой забавной прибавки къ головѣ воина, и опъ полосатой одежды, обнянушой по всему тѣлу, произошло названіе «военныхъ шигровъ.» Вооруженіе этихъ шигровъ заключается въ довольно плохой саблѣ, и щипѣ изъ ивовыхъ прутьевъ и крѣпкаго бамбука, столь хорошо переплетенныхъ, что щипъ этотъ выдерживаетъ самые жестокіе удары меча. На такомъ защитительномъ оружіи рисующся обыкновенно волшебные знаки, или какія нибудь нелѣпыя, вымышленныя чудовища.

Военная спража пропустила насъ безъ всякаго спроса, и мы спокойно вышли въ чистое поле. Всю окрестность покрываютъ широкіе обширные посѣвы сарачинскаго пшена, попеременно съ чешыреугольными полями пшеницы и бакчами овощей. Каналы усѣяны жонками, плавающими во всѣхъ направленіяхъ, и придающими всей сторонѣ этой видъ дѣятельности и довольства. По мѣрѣ удаленія нашего отъ города, физіогноміи людей, встрѣчавшихся съ нами, являлись недовѣрчивѣе, и безъ сомнѣнія, если-бы сполкнулись мы съ кучею народа,

а не встрѣчали Кишайцевъ по-одиначкѣ , непріятное приключеніе могло-бы кончить нашу отважную прогулку.

Въ зашишьѣ долины рѣшились мы отдохнуть, и съ удовольствіемъ смогрѣли здѣсь на семейство какого-то Кишайскаго крестьянина. Мать , сходя на ногахъ, и держа въ зубахъ свою палочку, придерживала на спинѣ, посаженнаго въ суму, маленькаго, еще груднаго ребенка. Отецъ, сидя близъ дороги, игралъ съ другимъ дитяшей, между тѣмъ какъ прешье дитя , расположивъ передъ собою свою чашку пшена , съ палочками въ рукахъ , принималось за ѣду. Одежда отца не разнилась отъ одежды городскихъ жителей; на поясѣ у него видны были мѣшокъ съ шабакомъ, ножны для ножа , кремень и огниво. Мать, въ цвѣтномъ кишайчапомъ платьѣ , показывала щегольство только въ головномъ уборѣ; волосы ея были такъ хорошо причесаны, какъ будто у знаменитой Кантонской дамы, и такъ напшаны масломъ, что ихъ можно было почистить лакированными. Сзади головы была завязанъ кожаный ремень, и все это скрѣплялось маленькими черепашковыми и костяными булавками.

Далѣе увидѣли мы нѣчто болѣе любопытное: это былъ развозчикъ съѣстныхъ припасовъ, кашившій въ городъ шоваръ свой, въ шѣлежкѣ съ парусомъ. Лоскутъ ткани, растянутой на двухъ палкахъ, на концѣ шѣлежки, двигалъ по вѣпру кочевую лавочку и облегчалъ трудъ его. Въ шѣлежкѣ были наложены правы, стоялъ ящикъ съ чаемъ, и кромѣ того корзины съ фруктами. Трудно

представишь себѣ необыкновенную силу, какую придаетъ вѣтеръ парусу шлежки.

Мы рѣшились-бы на прогулку гораздо далѣе, если-бы не убѣдилъ насъ въ противномъ нашъ Кипайскій проводникъ. Опасеніе его было такъ основательно, что мы наконецъ уступили его просьбамъ, требуя, чтобы за то, онъ показалъ намъ какойнибудь пагодъ. Онъ обѣщалъ, и черезъ двадцать минутъ ходьбы очутились мы передъ входомъ Китайскаго капища. Капище это выходило во дворъ, обнесенный высокими стѣнами, оканчиваясь длиннымъ сводомъ къ внутренней залѣ. Все это было построено тяжело, безвкусно, скорѣе въ Индійскомъ, нежели въ туземномъ родѣ устройсва воздушныхъ *та*. Внутри видны были чешыре деревянные болвана, фузовъ по двадцати вышиною, сидящіе, и довольно соразмѣрныхъ формъ. Поставленные по угламъ храма, каждый изъ нихъ показывалъ особенный характеръ; съ одной стороны видны были два генія зла, съ другой два генія добра. Первые изображали собою самыя отвратительныя фигуры, какія только можете себѣ представить гаже. Мужчина, вымазанный краснымъ, съ волосами Медузы, съ черными усами, съ кровавыми глазами, съ кабаньими клыками во рту, держалъ въ рукѣ огромную саблю, какъ будто угрожая всякому проходящему; женщина, безобразная и огромная подобно мужчине, по одеждѣ и по всему походила на самую злую вѣдму, какая только когданибудь являлась въ чершовскихъ шабашахъ на своемъ помелѣ. Двѣ противоположныя имъ фигуры ра-

зипельно опличались ошъ нихъ; онѣ изображали спарика и спаруху, съ опущенными въ землю глазами, съ руками, положенными на колѣни; ихъ зеленая одежда, ихъ спокойное и привѣшливое положеніе, являли въ нихъ божества крошкія и благошворительныя.

Въ глубинѣ внутренней ограды находился главный пагодъ, родъ прямоугольнаго сарая, съ крышею въ двойную пирамиду, съ покрывкою на вершинахъ муравленою черепицею. Зданіе пагода было пусто, когда мы вошли въ него; въ меньшемъ видѣ, оно напоминало намъ пагоды Пондишери и Мадраса. Главный алтарь, съ мѣдными подсвѣчниками, съ расписными въ подсвѣчникахъ свѣчами, съ вазами, наполненными искусственныхъ цвѣтовъ, и съ покрывкою въ родѣ сѣни, а выше ея съ позолоченною спашуею, изображающею сидящаго чловѣка, въ естественную величину, вопъ все, что поразило взоры наши въ этомъ свящилищѣ. Спашуя представляла *Фо*, Кипайскаго Будду, обожаемаго въ Кипаѣ всѣми нисшими званіями; но всѣ высшія званія слѣдуютъ здѣсь религіи Конфуція.

Главные обряды Буддійскаго вѣрованія Кипайцевъ совершаются въ новолуніе. Тогда бонза, или жрецъ, окутанный своею эпипрахилью, приходитъ въ пагодъ пѣть установленныя молитвы, и всѣ присутствующіе повторають ихъ хоромъ, стоя на колѣняхъ.

Случилось такъ, что едва вошли мы въ пагодъ, бонзы вступили въ него, для посвященія двухъ кандидатовъ въ званіе бонзъ. Каждый бонза по-

мѣстился на круглой рогожкѣ, въ разстояніи фушовъ прехъ одни опъ другихъ, образуя такимъ образомъ кругъ, которому центромъ служилъ главный начальникъ. Этотъ жрецъ одѣтъ былъ въ широкое фіолетовое плащье, а другіе бонзы въ желтые плащья. Стоя на ногахъ, сложа руки на груди, опъ времени до времени падали всѣ они на колѣни, по нѣскольку разъ ударяясь головою въ полъ, и попомъ вспавали опять.

За молишвою слѣдовалъ обрядъ, въ которомъ учаспвовали всѣ сорокъ два бонзы и два новые спавленика, одѣтые еще въ свѣтское плащье. Только послѣ окончательныхъ молишвъ, оба спавленика начали брашь съ алшаря, шшуку за шшукою, духовное облаченіе, и показались наконецъ въ одеждѣ жреческой, сѣраго цвѣта, съ большими рукавами, и съ головою совершенно обришою.

Когда обрядъ посвященія кончился, одинъ изъ бонзовъ подошелъ къ намъ, прося подаянія. Едва бросили мы нѣсколько серебряныхъ монешъ въ кошелекъ его, онъ пригласилъ насъ осмопрѣшь спроенія, назначенныя для жишельсшва жрецовъ пагода. Спроенія эши состоятъ изъ длинныхъ, грубыхъ, низенькихъ, выбѣленныхъ снаружи зданій, раздѣленныхъ внутри на маленькія кельи, фушовъ по восьми квадрапныхъ каждая, сосшавляя такимъ образомъ нечисшья, душныя, шемныя кануры, украшенныя изображеніями идоловъ и крашеными карпинками. Кухня и пекарня, надзираемыя бонзами, казались не шакъ гадки; нѣсколько грубыхъ орудій для работы, глиняные горшки, и особенно огромный же-

лѣзный кошелъ, вмазанный въ печь, составляли всѣ украшенія и снаряды обоихъ заведеній. Трапеза была устроена нѣсколько наряднѣе; алтарь занималъ въ ней углубленіе, и нѣсколько каршинокъ украшали стѣны. Тушъ видѣли мы столы и скамьи, и на каждомъ и на каждой изъ нихъ было означено имя бонза, который имѣлъ право хозяйничать шѣмъ и другимъ. Обыкновенная пища Кишайскихъ бонзовъ состоишь изъ пшена и овощей; мясо имъ запрещено.

Успавъ обрекаетъ также бонзовъ на строгое цѣломудріе. Изъ всего этого видно, что устройство Кишайскихъ бонзовъ похоже на наши Каполическіе монашескіе ордена, и даже по самому плашью своему бонзы походяшь на нашихъ монаховъ. Только среди нисшихъ званій Кишайскіе бонзы пользуются нѣкопрымъ уваженіемъ; они аспрологи и хироманпики, торгуюшь предвѣщаніями худа и добра, опредѣляюшь счастливые и несчастливые дни, совѣшуюшь и приказываюшь простолодинамъ во имя своего бога. Имъ принадлежишь весь мѣлкій обиходъ домашняго богослуженія Кишайцевъ, всѣ эти идола, вымазанные краснымъ, иногда одинакіе, иногда шройные, передъ копорыми день и ночь горяшь лампадки въ лавкѣ Кишайскаго торгоша, кампанѣ моряка, мастерской ремесленника, хижинѣ земледѣльца.

Кромѣ мужскихъ обипелей, ешь также, какъ говоряшь, обипели бонзокъ, но до сихъ поръ Европейцы не имѣли возможности повѣришь, до какой степени справедлива эта молва. Впрочемъ, если

она и правда, Европейцамъ невозможно ничего узнать о нравахъ Кипайскихъ монахинь, ихъ религіозномъ значеніи, вліяніи ихъ на общество и образованіи ихъ.

Прежде нежели мы оставили пагодъ, бонза, пушеводишель нашъ, непременно хотѣлъ показашъ намъ еще священныхъ свиней, питаемыхъ въ пагодахъ благоговѣніемъ поклонниковъ. Блаженные эпи живошныя едва ходяшъ съ жиру; назначенныя жишъ и спокойно умерешъ во храмѣ, они дѣлаюшъ собою честь щедрому усердію благочесливыхъ подавашелей милоспыни. Имъ не спрашенъ ножъ жертвоприношенія, попому что, какъ я сказалъ выше, употребленіе мяса воспрещается бонзамъ, и запрещеніе это они соблюдаютъ строго. Священнымъ свиньямъ пагода осмается околѣвашъ опъ пресыщенія, либо опъ сшароспи.

Хорошо осмошрѣвъ пагодъ и жилища бонзовъ, мы опсправились наконецъ по дорогѣ къ факпоріямъ. Было уже очень поздно, и Кипайцы, какъ намъ казалось, пришли въ неописанное негодованіе, едва увидѣли шрехъ Европейцевъ, спокойно идущихъ по запрещеннымъ предмѣспіямъ Каншона, и даже прилежно заглядывающихъ въ лицо каждой Кипайкѣ, кошорая попадалась на встрѣчу. При переходѣ черезъ одну изъ площадей Каншонскихъ, досада узкоглазаго народа чуть было не перешла въ настоящее возстаніе прошивъ насъ. Баронъ подошелъ къ какой-то лавкѣ, будто шорговашъ разложенные шущъ фрукты, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы разглядѣшъ поближе хорошенькую голов-

ку молодой Кипайской лавочницы. Спарикъ отецъ ея взбѣсился, закричалъ, звалъ на помощь земляковъ, и вошъ—сосѣди и прохожіе сбѣжались съ длинными бамбуковинами. Доходило до того, что только при помощи нашего оружія могли-бы мы спасшійся отъ разъяренной толпы, и то, вѣроятно, кое-какъ, избитые, ограбленные. Но къ счастью нашему, въ паланкинѣ, мимо насъ, несли въ это время полицейскаго мандарина здѣшной части города. Почтенный блюститель правосудія бросился на шумъ, и піаспровъ за дюжину обдѣлалъ все превосходно, пошому что съ помощію звонкой монеты въ Кипаѣ можно дѣлать все что угодно. Мы благополучно доспигли домой, поплакивавши только испугомъ и деньгами. День, проведенный нами, былъ не безъ усалоспи и не безъ убышка, но чего не наглядѣлись мы за то въ Кипаѣ въ одинъ день?

ГЛАВА XXXVII.

**КИТАЙ. СНОШЕНІЯ СЪ ЕВРОПЕЙЦАМИ. ПОСОЛЬСТВА.
НЕЙГОФЪ, МАКАРТНЕЙ, ТЗИНТЗИНГЪ И ФАНЪ-
БРАМЪ, ЛИНДЗЕЙ И ГУТЦЛАВЪ.**

Слишкомъ продолжительна и—едва-ли не беспо-
лезна была-бы исторія первобытныхъ временъ Ки-
шай — смѣсь догадокъ и предположеній, а не вѣр-
ныхъ фактовъ, дѣло безконечныхъ споровъ, гдѣ
уже споль давно бьются Еввропейскіе историки и
изслѣдователи. Въ безразсудномъ ослѣпленіи хва-
спливою ученостью Кишайцевъ, многіе, а особливо
миссіонеры, считавшіе Кишай вшорою опчиною,
и честь Кишайцевъ своею честью, до безмѣрности
увеличили могущество, образованіе, мудрость и
древность земли, кошую спарались просвѣщать
проповѣдью Евангелія. Въ новѣйшее время, безпри-
спрасная повѣрка уничтожила уже многое изъ
ошибокъ, сдѣлавшихся почти общимъ повѣрьемъ.
Теперь идетъ война системою и ученою шакшики—
намъ она вовсе нелюбопытна.

Что не подвержено спору, это решительное незнание Кипая древними Греками и Римлянами. Ни Омиръ, ни Иродотъ не говоряшъ о Кипайцахъ. Утверждали нѣкоторые, будто Императорскій Римъ имѣлъ сношенія съ ними, и ихъ землю означалъ названіемъ *Шелковой земли* (Серики). Утверждались въ этомъ на словахъ Флора, писавшаго черезъ сто лѣтъ послѣ Августа, и говорившаго о посольствѣ Сериковъ къ этому императору, но объ этомъ посольствѣ не упоминаетъ ни одинъ современный писатель.

Дѣло выходитъ опять спорное, такое, которое трудно опровергнуть, и еще труднѣе доказать. Тоже надобно сказать и о глубокой древности Кипая, утверждаемой Кипайскими книгами, гдѣ столько лжей и преувеличеній, и вычепы аспрономическіе оказывающія невѣрны. Царствованія *Фу-Ги* и *Гоангъ-Ти*, будто-бы за чепыре тысячъ лѣтъ до Р. Х., и владычество *Яо*, болѣе близкое и болѣе славное, также такіа дѣла, которыя прежде надобно доказать, а потомъ рассказывать, какъ достоверную быль. Безпорядокъ и шемноша прекращающіяся со временъ *Конфуція* (Кунгъ-Дзея), перваго историка Кипайскаго, такъ-же, какъ былъ онъ первый Кипайскій нравоучитель. Конфуцій опредѣлилъ порядокъ династій царскихъ и правильное лѣточисліе Кипайское.

Сколько можно разсмотрѣть изъ всего, престоль былъ наследственный въ Кипаѣ почти за 2000 лѣтъ до Р. Х., но законное наследованіе его не осщавалось безъ смятеній и жестокой борьбы,

какъ думали это прежде. Во времена новѣйшія, когда лѣтописи Кипайцевъ являющіяся болѣе достоверны, въ теченіе восемнадцати столѣтій, мы видимъ восемнадцать династій, слѣдовавшихъ одна за другою. Изъ числа ихъ ни одна не прекращалась за недоспашкомъ наслѣдниковъ, и всѣ были низвергнуты насильственнымъ, иная измѣною министра, другая возмущеніемъ полководца. Перемѣны, колебавшія весь Кипай, странно противорѣчатъ неподвижности законовъ, нравовъ, языка и обычаевъ Кипайскаго народа. Если отъ этого общаго факта перейдемъ къ изслѣдованію частностей, безъ сомнѣнія, мы найдемъ въ длинномъ спискѣ богдыхановъ, о которыхъ говорятъ Кипайскіе лѣтописцы, нѣсколько власпишелей благодѣтельныхъ, справедливыхъ, добродѣтельныхъ и просвѣщенныхъ, но гораздо большее число было пирановъ, безъ вѣры и правды, опцовъ, губившихъ дѣшей своихъ, дѣшей, воссѣвавшихъ на опцовъ. Какъ всякая другая исторія (Азіятская), и болѣе нежели другая, Кипайская исторія представляетъ намъ возмущенія народа и вельможъ, бѣдствія, спрашныя расплавы за злодѣйство, изгнанія и междоусобія.

Постоянныя сношенія Кипая съ Европою восходятъ не далѣе трехъ-сотъ лѣтъ, хотя и прежде этого времени, нѣкоторые изъ неупоминимыхъ искашелей приключеній опдѣльно посѣщали Кипай. Первымъ изъ всѣхъ былъ, кажется, монахъ, кошораго Кипайцы называютъ *О-ло-пенъ*, и кошораго имени и Европейской опчизны мы не можемъ раз-

гадашь изъ этого испорченнаго названія. Догадываюся, что это былъ Сиріянинъ, сектапоръ церкви Монофизитовъ. Онъ прибылъ въ Си-анъ-Фу, въ девятый годъ чингъ-куанъ (535-й отъ Р. Х.), въ царствованіе великаго богдыхана Тай-Тсунга, истиннаго основателя династіи Тангъ. Богдыханъ—говорятъ Китайскія лѣтописи—отправилъ своихъ чиновниковъ на встрѣчу Олопена, даже до западнаго предмѣстія столицы, ввелъ его въ свои чертоги, и приказалъ перевести священныя книги, имъ представленныя. Надпись, найденная въ Си-анъ-Фу, будто-бы относящаяся къ 784-му году по Р. Х., извѣщаетъ насъ о слѣдствіяхъ этой первоначальной миссіи. Олопень изложилъ богдыхану свое ученіе; мудрецы Китайскіе опознали въ немъ благосклонно, и самъ богдыханъ утвердилъ его, говоря, что всякая вѣра можетъ быть хороша, смотря по мѣсту и времени. Тогда построили храмъ, которому дали двадцать одного священника, и на памятникѣ Си-анъ-Фускомъ написали, что истинный законъ, пошлѣнный въ Китаѣ при династіи Чеу, и унесенный на западъ Лао-Тзеу, являлся возвратившимся къ своему первоначальному источнику, для умноженія славы царствованія великаго поколѣнія Тангъ, владѣющаго Китаемъ. Религія Олопена, или *Христіанская*, какъ говорили потомъ миссіонеры, основалась такимъ образомъ въ Китаѣ съ древнѣйшихъ временъ. Но *Христіанство-ли* это было? И если Христіанство, то, вѣроятно, это была *Несторіанская ересь*, столь сильная въ Азіи. Въ Китаѣ держалась церковь Олопе-

нова около 200-ти лѣтъ, и пошомъ уничижилась казнью и изгнаніемъ ея послѣдователей, по причинѣ перемѣны династїи, или по опасеніямъ политическимъ.

Въ началѣ XIII-го вѣка, множество Греческихъ христіанъ явилось въ Кишаѣ, въ слѣдъ за побѣдоносными полчищами Чингизъ-Хана, завоевавшими Кишай. Монгольскіе государи, даже покровительствовали обращенію новыхъ своихъ подданныхъ. *Хубилай-Ханъ, Ши-тзу* по Кишайскимъ лѣтописямъ, основавъ пребываніе свое въ Пекинѣ, далъ Каплическимъ миссіонерамъ землю внутри города, для построенія церкви. Полишика Монголовъ, дѣйствительно, претовала уменьшенія новою религіею силы древнихъ установленій и прежнихъ вѣрованій Кишай. Впрочемъ, Монголы и не были уже тогда такими варварами, какъ спараются предсавишь ихъ многіе испорики. Ученые изъ Балка и Самарканда, слѣдовавшіе за Тапарскою арміею, передали Кишайцамъ первыя начала Аспрономїи, заимствованныя ими опъ Арабовъ; съ большими издержками привезены были усовершенствованные инструменты для наблюденій, произведены наблюденія, передѣланъ шуземный календарь. Тогда-же соединили длиннымъ каналомъ, претовавшимъ великихъ усилій, двѣ часты Кишай, дошолъ раздѣленный, и успроили сисшму водоходства внутренняго, опъ которой далеко опспала нынѣшняя сисшма водныхъ сообщеній въ Кишаѣ.

Около этого времени посѣшилъ Кишайцевъ *Маркъ-Павель*, эшопъ чудесный путешественникъ,

котораго по возвращеніи его на родину, въ Венецію, почли лжецомъ и мечпашелемъ. Въ юныхъ лѣтахъ явился онъ съ опцомъ своимъ при Дворѣ Хубилая, сдѣлался любимцемъ этого государя, и зная языки Тапарскій и Кишайскій, путешествуя въ качествѣ посланника отъ владыки Кишай и Монголіи, въ земляхъ Тапарскихъ, Кишайскихъ, по островамъ Зондскимъ, въ странахъ Сіамцевъ и Бирмановъ, первый изъ всѣхъ Европейцевъ могъ онъ передать Европѣ достоверныя свѣдѣнія о Восточной Азіи, богатствъ которой тогда и не подозрѣвали. По возвращеніи въ отчизну, послѣ 46 лѣтъ путешествія, Маркъ-Павель рассказывалъ землякамъ обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ. Слушатели его пожимали плечами, сморщили на него съ видомъ жалкаго недовѣрія, и такъ какъ безпрестанно говорилъ онъ о миллионахъ, то его и не называли иначе, какъ *il signor Marco milione* (Господинъ Маркъ миллионщикъ). Къ счастью Марка, его отдаленныя путешествія принесли ему не одно познаніе Азійскаго Востока—онъ ворошилъ богатствомъ, и ему мало было нужды, вѣрялъ ему или не вѣрялъ. Не убѣдивъ современниковъ въ истинѣ словъ своихъ, Маркъ хотѣлъ оставивъ по крайней мѣрѣ потомству память о своей кочевой жизни, и написалъ книгу: *Delle maraviglie del mondo* (о чудесахъ міра). Тутъ, среди ошибокъ и сказокъ, находятся статистическія и географическія свѣдѣнія драгоцѣнныя, замѣчанія о нравахъ и обычаяхъ, важные матеріалы для Азійской исторіи.

Во время владычества Монголовъ , нѣсколько Арабскихъ музульмановъ проникли во внутренность Кишай. Поборники исламизма , еще юнаго и пылкаго , они съ жаромъ принялись за обращеніе Кишайцевъ , доступныхъ всякимъ религіознымъ мнѣніямъ ; нарочно покупали они дѣшей у бѣдняковъ , подвергали ихъ обрѣзанію и воспиывали въ догматахъ Мугаммеда. Но всѣ шакія усилія оспались безплодны. Безмѣрное разстояніе Кишайской опрасли отъ основнаго корня Мугаммедовой вѣры , мало по малу , уничтожило всѣ отношенія между послѣдователями Корана и обожателями Фо и Конфуція.

Христіанство казалось здѣсь прочнѣе и крѣпче. Не только оспашокъ Олопеновыхъ Неспоріанъ поддерживался еще въ Кишаѣ , хотя въ маломъ числѣ , въ концѣ XIII-го вѣка , но кромѣ шого монахъ ордена Францисканскаго , *Іоаннъ де-Монте-Корвино* , прибылъ въ Камбалыкъ (Ханъ-Пеликъ , Пекинъ) и не смотря на ухищренія соперниковъ , поставилъ шамъ католическую церковь , съ колоколами , копорыми торжественно возвѣщалъ основаніе христіанства въ Кишаѣ. Хотя Корвино былъ безъ помощниковъ , но совершилъ обращенія многочисленныя : 6000 Кишайцевъ было крещено , и еще 30,000 готовились къ этому таинству , но злоумышленія завистниковъ разстроили дѣло. Многіе изъ знашнѣйшихъ Кишайцевъ послѣдовали проповѣди Корвино , и въ числѣ обращенныхъ былъ начальникъ Кераишовъ. Не смотря на усиленные просьбы , Римскій первосвященникъ долго не по-

сылалъ никакого подкрѣпленія дѣятельному проповѣднику, при безмѣрныхъ трудахъ его. Кельнскій Францисканъ *Арнольдъ* прибылъ къ нему только черезъ двѣнадцать лѣтъ, и только въ 1344 году, папа Климентъ V-й послалъ въ Кишай *Андрея*, уроженца Перузскаго, возведя церковь Пекинскую въ званіе архіепископіи.

Послѣ Корвино опять прекратились сношенія Европы съ Кишаемъ. Слѣды перяются до 1521 года, когда путешественникъ *Тома Перезъ*, отправленный посланникомъ отъ Фернанда Переза де-Андрара, начальника Португальской эскадры, прибылъ въ Пекинъ. Онъ долженъ былъ вручить богдыхану письмо отъ короля Эммануеля, но какъ бродяга былъ онъ прогнанъ за дерзкія рѣчи, принужденъ бѣжать въ Каншонъ, и наконецъ посаженъ былъ въ тюрьму. Жребій этого Португальца остался неизвѣстенъ: одни говорятъ, будто онъ былъ замученъ, вмѣстѣ съ своими товарищами; другіе, что освобожденъ въ послѣдствіи, остался въ Кишаѣ, женился, и обратился жену свою въ христіанство.

Послѣ него явились въ Кишаѣ миссіонеры, столь знаменитые въ его исторіи. Первый, едва коснувшійся предѣловъ Кишай, былъ іезуитъ *Францискъ Ксаверій*, умершій въ 1552 году, въ Санъ-Шіанѣ, перешедши, по словамъ его товарищей, во все время своихъ благочесивыхъ странствованій, тридцать тысячъ лѣ, пѣшкомъ, черезъ горы, степи, лѣса и палящіе пески. За этимъ проповѣдникомъ вдругъ явились *Валиньянь, Рожеръ, Пазіо*, и ученый

Матей Риччи, наспоющій основатель Кишайскихъ миссій.

Получивъ позволеніе поселишься съ своими товарищами въ Чао-кингъ-фу, въ 1583 году, Риччи понялъ, что дѣйствія его и товарищей, какъ проповѣдниковъ, будутъ гораздо легче и дѣйствительнѣе, если они покажутъ въ себѣ Кишайцамъ, вмѣстѣ съ добродѣтелями и благочесціемъ, ученость и мудрость. Будучи опытнымъ географомъ, Риччи составилъ для Кишайцевъ *карту міра*, на кошорой назначилъ Кишай по самой срединѣ, слѣдуя въ этомъ неизмѣнному вѣрованію шудемному, кошораго ни за что не согласилась-бы уступить горделивая ученость Кишайская.

Но, только послѣ продолжительныхъ и трудныхъ спранспованій по Кишаю, Риччи успѣлъ наконецъ, въ 1600 году, достигнуть Пекина, облеченный одеждою Кишайскаго ученаго. Богдыханъ принялъ его ласково, и казался доволенъ многими изъ даровъ его, особливо спѣнными часами и карманными часами съ боемъ; но и другое было тогда новостью въ Кишаѣ.

Милость Богдыхана облегчила послѣ этого дорогу миссіонерамъ. Замѣчательныя обращенія въ Хрисціанство ознаменовали пребываніе ихъ въ Кишайской столицѣ, не менѣе ученыхъ трудовъ. Когда Риччи скончался, въ 1610 году, подвиги проповѣдниковъ были значительны, и при томъ *Адамъ Шаль*, замѣчательный неменѣе предшественника, наследовалъ миссію Риччи. Онъ уподобился этому патріарху миссіонеровъ, какъ пропо-

вѣдникъ и какъ ученый человекъ. Въ царствованіе перваго богдыхана изъ Манджурской династіи, называемаго Европейцами *Шунъ-чи*, наименованъ онъ былъ однимъ изъ совѣтниковъ *трибунала небесныхъ дѣлъ* (des affaires célestes), съ особеннымъ титуломъ *Магистра утонченныхъ ученій* (Maître des doctrines subtiles).

Богдыханъ оказывалъ даже, какъ говорятъ, столь великое личное уваженіе Шалю, что четыре раза въ годъ приходилъ дружески бесѣдовать съ нимъ, въ его жилищѣ, сидѣлъ въ его кабинетѣ и вкушалъ приномъ плоды изъ его сада. Въ правленіе Шунъ-чи, съ 1650-го по 1664 годъ, миссіонеры окрестили болѣе 400,000 Кишайцевъ. Но по кончинѣ Шунъ-чи, во время малолѣтства *Канъ-хи*, Шаль подвергся жестокимъ преслѣдованіямъ. Обремененный цѣпями, вмѣстѣ съ тремя своими товарищами, девять мѣсяцевъ влечимый изъ судилища въ судилище, осужденный быть разрубленнымъ на 10,000 кусочковъ, онъ обязанъ былъ краткимъ ошдыхомъ только ужасу, какой причинило въ Кишаѣ лунное затмѣніе. Новыя жестокости были потомъ опять усилены противъ него; онъ претерпѣлъ тяжкое наказаніе кангою, и скончался отъ изнеможенія и скорби, 15 го Августа 1669 года.

Астрономическій календарь, начатой миссіонерами, послѣ смерти Шаля переданъ былъ невѣждѣ Кишайцу; но ошибки, отъ того происшедшія, заставили Пекинское правительство возвратитъ іезуитамъ это ученое занятіе ихъ, и знаменитый

миссіонеръ Вербьеспъ сдѣлался продолжателемъ трудовъ Шаля.

Въ это время (1690 года) явилось въ Кишаѣ начало Французскихъ миссій, съ столь различными намѣреніями составленныхъ Колбертомъ и Лашезомъ. Богдыханъ Канъ-хи царствовалъ тогда, и объявилъ себя покровителемъ ученыхъ чужеземцевъ, вѣроятно, не столько по усердію къ вѣрѣ, какую они проповѣдывали, сколько по соображенію пользы, какую могли они распространить въ Кишаѣ своею ученостію. Вмѣстѣ и порознь, члены миссій старались оправдать благосклонность богдыхана трудами, удивлявшими Кишайцевъ. Географы, филологи, естественныиспытатели, физики, астрономы, математичеки, они сдѣлались необходимы для ученыхъ заведеній, находившихся въ столицѣ Кишайской. Знаменистая была эта эпоха для миссіонеровъ, когда столь блестящее поприще было открыто ихъ религіозному и общественному вліянію. Тогда наслѣдовали одинъ другому миссіонеры, бывшіе въ первой присылкѣ 1684 года, и прибывшіе послѣ того — Ташаръ, Фонтаней, Лекомтъ, Ноель, Буве, Фуке, Виделу, Сибо, Паренненъ, Жербильонъ, Амюшъ, Режишъ, и особенно Премаръ и Гобиль.

Двое послѣднихъ до того проникли въ тайны Кишайскаго языка, что книги, писанныя ими, какъ книги Риччи и Вербьеспа, имѣли честь быть помещенными въ собраніе избранныхъ твореній Кишайскихъ, составляющее *сто шестьдесятъ тысячъ томовъ*, каталогъ копорымъ былъ составленъ потомъ

по повелѣнію богдыхана *Кианъ-Лунга*. Премаръ и Гобиль изъяснили и перевели собраніе книгъ, именное *Кингъ*, одинъ изъ древнѣйшихъ памятникъ Кишайской литературы, до миссіонеровъ понимаемый немногими изъ самыхъ ученыхъ Кишайцевъ.

Счастливые, спокойные и уважаемые въ правленіе Канъ-хи, миссіонеры сами начали уничтожать свое выгодное положеніе ссорами, какія возспали у нихъ между браціями разныхъ орденовъ монашескихъ, бывшихъ тогда въ Кишаѣ. Іезуиты, превышая образованіемъ другихъ собратій, почитали необходимымъ, съ самаго начала, смотрѣть сквозь пальцы на нѣкоторые обряды и обычаи Кишайцевъ, заключавшіе въ себѣ болѣе полиищескій и нравственный смыслъ, нежели идолослужительное вѣрованіе. Такъ, напримѣръ, обожаніе предковъ, и поклоненіе, воздаваемое тѣнямъ ихъ, были терпимы іезуитами, потому, что опасно было разрушать столь основной догматъ Кишайской религіи. Но изъ этого произошли спашные споры. Досадуя на успѣхи другихъ орденовъ, Доминиканы и Францисканы возспали противъ снисходительнаго пошворства своихъ соперниковъ, возопіяли объ искаженіи чистоты христіанской религіи идолослужительскими прибавленіями, и сильно начали дѣйствовать въ совѣтѣ Папскомъ, требуя, чтобы Римскій первосвященникъ рѣшилъ важный вопросъ о чистотѣ православія Кишайской церкви. Съ своей стороны, іезуиты, сильные покровительствомъ богдыхана, и опираясь на успѣхи проповѣди, такъ-

же ходатайствовали въ Римѣ , гдѣ за нихъ было много защитниковъ. Долго продолжалась борьба. Посольство слѣдовало за посольствомъ , булла за буллою. То получали повелѣніе строго предписать новообращеннымъ христіанамъ совершенное оставленіе всѣхъ прежнихъ суевѣрій, допуская въ нѣдра церкви христіанской православіе безъ всякихъ , условій ; но , принимая систему дѣйствій менѣе строгую, дозволяли незначительныя послабленія и уваженіе старыхъ предразсудковъ Китайскихъ. Война въ проповѣдяхъ , война полемическими книгами, сдѣлалась наконецъ столь сильна, что возбудила опасеніе правительсва Китайскаго. Изъ всѣхъ обласней присылались богдыхану непрерывныя жалобы. Ордена не пользовавшіеся покровительствомъ богдыхана, желая подорвать силу своихъ соперниковъ , не думали , что губящъ будущность христіансва въ Китаѣ. Они начали вопіять противъ судей, противъ чиновниковъ Китайскихъ; наконецъ заговорили противъ самого богдыхана и его наследника.

Слѣдствія всѣхъ этихъ несчастныхъ раздоровъ оказались однакожь не прежде кончины богдыхана Канъ-хи. Сынъ его, *Ионъ-Чингъ* , едва вступилъ на престолъ, какъ и показалъ себя противникомъ христіанскихъ проповѣдниковъ. Немедленно было объявлено общее ихъ изгнаніе , и только ученые миссіонеры, причисленные къ ученымъ заведеніямъ Пекинскимъ, были исключены изъ общаго осужденія. Смыслъ приказа не казался однакожь ни строгъ , ни оскорбительнъ. Многіе изъ проповѣдниковъ рѣ-

нились, къ несчастію, защищающа, прямо или косвенно, и опѣ того явились съ одной стороны преслѣдованія, съ другой жертвы упорства. Многихъ заключили въ тюрьмы; другіе были погублены казнью; иныхъ подвергли наказанію кангою. Іонъ-Чингъ, прежде изгнанія іезуитовъ изъ Пекина, призвалъ ихъ къ себѣ, и вошъ какъ разсуждалъ онъ съ ними, по пересказу о. Пареннена: «Вы, Люди Западные, хотѣли уничтожитъ наши законы, возмутитъ наши народы. Мнѣ должно воспрепятствоватъ такому покушенію. Что сказали-бы у васъ, если-бы я послалъ къ вамъ нашихъ бонзовъ и ламъ, и они спали-бы возмущающъ у васъ порядокъ? Вы изгнали-бы ихъ. Теперь хошите вы, что-бы мои подданные были христіанами, и приняли-бы вашу вѣру. Хорошо, да за чѣмъ-же вы отвлекаете ихъ опѣ повиновенія моей власти? Начнется возмущеніе, и ослѣпленные слушающа будущъ васъ, а не меня. Знаю, что теперь опѣ васъ опаснѣе еще нѣшъ, но если братья ваши подкрѣпятъ васъ тысячею кораблей, а попомъ десятию тысячами, изъ этого можетъ бытъ дѣло нехорошее.»

И съ того времени (1723, 1724 года) Кишай былъ потерянъ для христіанства. Миссіи сами себя подорвали, и уже не могли возстатъ никакими усиліями.

Нѣсколько іезуитовъ оспались въ Пекинѣ, и удержались тамъ, но не какъ проповѣдники, а просхо какъ ученые люди. Нѣкоторые изъ миссіонеровъ скрылись въ народѣ, и тайно проповѣдывали христіанское ученіе. Правительство оставляло

безъ вниманія такое нарушеніе приказа, пошому болѣе, что успѣхи оказывались ничтожны, въ такой странѣ, гдѣ полишка всегда управляла религіею. Наслѣдникъ Іонъ-Чинга, *Кіанъ-Дунгъ*, поддерживалъ распоряженія своего предмѣстника гораздо спроче; нѣсколько тайныхъ миссіонеровъ были захвачены въ разныхъ обласяхъ, и мало по малу совершенно уничтожилась христіанская церковь въ Кишаѣ; теперь она не существуетъ вовсе.

Спаранія Европейской дипломатіи и Европейскихъ торговцевъ проникнуть въ Кишай, всегда оставались и оставались гораздо безуспѣшнѣе усилій распространить въ немъ христіанскую вѣру. Въ разные времена, отъ различныхъ народовъ Европы посланы были въ Пекинъ посольства, спойшія большихъ издержекъ, но всѣ оканчивались гордымъ отказомъ и неудовольствіями.

Первое изъ такихъ значительныхъ покушеній относится къ 1656 году. На двухъ Голландскихъ корабляхъ, спправленныхъ изъ Батавіа, прибыли въ Кишай полномочными посланниками Соединенныхъ Нидерландскихъ Шшаповъ, Пепръ фанъ-Гойеръ и Яковъ фанъ-Кейзеръ. Остановясь въ Каншонѣ, посланники получили позволеніе ѣхать въ Пекинъ, для представленія ихъ глубокаго почтенія богдыхану. Разсказъ объ этомъ путешествіи, и приключеніяхъ, бывшихъ при томъ, подробно переданъ намъ Іоанномъ Нейгофомъ, мещрдошелемъ посольства; книга его, переведенная на Французскій языкъ по повелѣнію Колберша, и напечатанная на иждивеніе

Французскаго Правительсва, содержишь подробности любопытныя и добродушно рассказанныя.

Послѣ продолжительнаго плаванія по внутреннимъ рѣкамъ и каналамъ, переѣхавши такимъ образомъ обласпи Кіангъ-Зи и Нанкингъ, Посланники прибыли въ Пекинъ, 17-го Іюля 1656 года, гдѣ помѣстили ихъ въ домѣ, зависѣвшемъ отъ дворца богдыханскаго. На другой день явились къ нимъ съ посѣщеніемъ мандарины и освѣдомлялись объ ихъ здоровьѣ, а съ нѣмъ вмѣстѣ, отъ имени богдыхана, пересмотрѣли они всѣ подарки, чшобы дать своему государю объ нихъ опчешъ. «Спрашивали насъ они еще и о томъ,» говоритъ Нейгофъ, «не въ морѣ-ли родящся Голландцы, и не въ водѣ-ли обыкновенное ихъ пребываніе? А если есть у насъ на землѣ какая нибудь спрана, то какъ зовущъ ее, какъ она управляется и въ какой часпи свѣта находишся? Посланники скромно отвѣчали на всѣ сіи вопросы, хошя и были очень удивлены первымъ вопросомъ, который надули въ уши Китайцамъ злые происки Португальцевъ, внушавшихъ богдыхану, будто море была родина и опчизна Голландскаго народа. Посланники открыто сказали, что есть у насъ родная земля, весьма известная, называемая *Голландією*. Но всѣ шакіе опшвѣшны не были довольно сильны къ разувѣренію мандариновъ, и ниспроверженію и уничтоженію коварныхъ навѣшовъ враговъ нашихъ, а потому Посланники разложили всеобщую каршу, и засшавили Китайцевъ своими собственными пальцами увѣришся въ существованіи Голландіи. Мандарины унесли

каршу съ собою , чшобы яснѣе располковать все эшо дѣло Его Богдыханскому Величеству ».

Легко можно вообразить , чшò должно было послѣдовать изъ переговоровъ , когда имъ предшествовали подобныя сомнѣнія. Мандарины спрашивали еще у Петра фанъ-Гойера и Якова Кейзера: какое было правленіе въ ихъ государствѣ , и были-ль они , Посланники , члены семейства царствующаго въ Голландіи государя ? Далѣе былъ вопросъ: откуда шли привезенные подарки , и чшò такое значить: *Батавія*? Наконецъ , подобныя вопросы просперлись до наглости , самой упорной , и привязчивости , самой мѣлочной. Рассказывая все эшо , Нейгофъ складываетъ большую часть оскорбленій на внушенія Адама Шаля , называя его *Адамомъ Скалигеромъ Кельнскимъ* (шаково было Лапинское именованіе эшого іезуита). Шаль находился въ то время въ полной силѣ при Пекинскомъ Дворѣ , и весьма понятно , чшò онъ всячески прошился успѣхамъ посольства , прибывшаго изъ еретической земли.

Долго терзали Посланниковъ унизищельными обрядами и проводили общаніями. Богдыханъ перемѣнилъ тогда мѣсто своего пребыванія , и Посланники принуждены были идти и совершать *коту* , или обрядъ поклоненія , передъ пуснымъ прономъ его. « Привели насъ—говорить Нейгофъ—на одну долину , прошивъ какого-то возвышеннаго входа , гдѣ увидѣли мы маленькій , старый и вешій шронъ , со вѣхъ сторонъ запертый рѣшетками. Здѣсь-то надлежало намъ шановишься на ко-

лѣни три раза, и преклоняшъ головы и плечи наши до земли, по возгласу герольда. »

Наконецъ, послѣ безчисленныхъ опсрочекъ, дипломатическихъ переговоровъ , прямыхъ и косвенныхъ припязаній , богдыханъ назначилъ аудіэнцію Голландскимъ посланникамъ , или, лучше сказать , далъ дозволеніе поклониться ему , вмѣстѣ съ посланниками Монгольскими. Вотъ рассказъ Нейгофа:

« Опѣ мѣша дворцовой ограды повели насъ во внутренній дворъ , гдѣ находился пронъ , и гдѣ присушествовалъ Его Богдыханское Величество. Приближаясь туда, увидѣли мы *двадцать два* человека молодыхъ господъ, державшихъ желшаго цвѣта зонтики, сдѣланные изъ шканей, съ уборами; попомъ еще *десять* другихъ, державшихъ позолоченные круги, въ видѣ солнцевъ, подлѣ кошорыхъ было еще *шесть* человекъ, державшихъ круги, представлявшіе полумѣсячія и полулунія; *шестнадцать* опдѣльныхъ особъ находилось окрестъ сихъ полумѣсяцевъ, держа каждый въ рукахъ большую палку, у кошорой конецъ украшенъ былъ на манеръ букеша космами, или кистями шелковыми, распещренными всякаго рода цвѣтами. *Тридцать шесть* человекъ присоединялось еще къ эшимъ, держа хоругви, съ гербами, въ видѣ золопыхъ драконовъ, что составляетъ гербъ богдыхана. Мы увидѣли попомъ еще *четыре*хъ человекъ, великолѣпно одѣшыхъ, держащихъ каждый позолоченную палицу, орудіе великаго Геркулеса; попомъ *четыре*хъ аллебардисшовъ, и еще нѣсколько носишелей

сѣкирь, символовъ кроваваго жертвоприношенія и власни государя Кипайскаго.

«Въ такомъ порядкѣ находились всѣ означенные особы по правую сторону преспола; лѣвая сторона была обставлена такимъ-же образомъ, и пошомъ обѣ сѣ стороны смыкались и соединялись множествомъ придворныхъ, у которыхъ одежды, всѣ сдѣланныя на одинъ манеръ, были выпканы, вышиты, разцвѣчены золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями.

«Пройдя дверей, по срединѣ залы, къ самому прону богдыханскому, находилось двадцать камней, расставленныхъ порядкомъ, въ которыхъ утверждены были маленькія мѣдныя дощечки, исписанныя буквами и цифрами Кипайскими, означая мѣста и дѣйствія, какія должно было знать и наблюдать, являясь предъ пресполомъ монарха. Вице-король Ту-шангъ далъ знакъ нашимъ Посланникамъ остановиться подлѣ десятаго камня. Тогда герольдъ провозгласилъ громкимъ голосомъ: *«Идите и явитесь предъ трономъ!»* По этому повелѣнію пошли мы впередъ. Онъ закричалъ пошомъ: *«Занимайте вашу степень!»* и мы это исполнили. Онъ вскричалъ еще: *«Наклоняйтесь по-трижды!»* Когда сдѣлали мы это, возгласилъ онъ намъ: *«Возстаньте!»* и окончателью, когда воскликнулъ онъ: *«Возвратитесь на свои мѣста!»* мы возвратились на мѣста свои.

«Повели пошомъ Посланниковъ нашихъ и Монгольскаго Великаго Хана къ возвышенію, на которомъ была небольшая сѣнь, возвышенная на

45-ть , или 46-ть фушовъ ; сюда всходили различными сшупенями , между алебаспровыми опгородками , преискусно сдѣланными. Мы обязаны были еще колѣнопреклоняшся шущъ одинъ разъ , и наклоняшъ голову.

«Когда окончились всѣ сіи обряды, насъ посадили, и подали намъ, въ маленькихъ деревянныхъ чашечкахъ, Ташарскій чай, смѣшанный съ молокомъ. Пошомъ , когда сошли мы опсюда внизъ , многіе знашные господа подошли къ намъ и подчивали насъ чаемъ. Во время эшихъ промежутковъ слышали мы звонъ небольшого колокола , и въ одно мгновеніе каждый изъ насъ спалъ на колѣни , возводя очи свои къ шрону.

«Мы не имѣли тогда счасія хорошо видѣть великаго монарха Кишайскаго на знаменишомъ пресполѣ его , по причинѣ великаго множесшва князей, окружавшихъ пресполъ.

«Впрочемъ скажу, что сидѣлъ онъ на шронѣ, который блишалъ золошомъ, алмазами, карбункулами, рубинами, гранадами, амандинами, амешисшами, изумрудами, сафирами, опалами, хризопрасами, хризолитами, хризобериллами, сардониксами, халцедонами, перлами, и другими драгоцѣнными украшеніями, великой цѣны. Опоры эшого шрона, предсшавлявшія двухъ великихъ драконовъ, покрывали его шакъ, что Посланники не могли вполне рассмотреть лица его. По сшоронамъ были вице-короли , князья царской крови и главнѣйшіе вельможи , и всѣ они пили чай изъ деревянныхъ чашечекъ. Невозможно описатьъ вамъ вполне одѣяній

всѣхъ сихъ господъ , по причинѣ безмѣрнаго ихъ великолѣпія, и довольно уже будетъ съ васъ и по узнать, что были всѣ они въ шелковыхъ плащяхъ голубаго цвѣта, усѣянныхъ змѣями , вышитыми золотомъ, и унизанныхъ алмазами и перлами. Каждый носилъ при себѣ особенный знакъ , дававшій уразумѣть его званіе, достоинство и должность. Сорокъ стрѣльцовъ , безъ мундировъ , но великолѣпно одѣтыхъ, охраняли обѣ стороны прона.

«Едва побылъ богдыханъ съ четверть часа на своемъ пронѣ , какъ поднялся и удалился , будучи послѣдуемъ всѣми своими князьями. Пока Посланники наши сходили съ возвышенія , господинъ посланникъ Яковъ Кейзеръ , на кошораго богдыханъ смотрѣлъ очень внимателью, замѣтилъ, что богдыханъ собою дороденъ, что лицо у него желто, цвѣтъ шѣла бѣлый, ростъ вышины посредственной, глаза блестящіе, какъ двѣ маленькія звѣзды, корпусъ шѣла широкъ и крѣпокъ , а чело исполнено величія. Плащъ его , снизу доверху , казалось , какъ будто сошито было изъ золота и алмазовъ.

«Мы было сначала удивились, видя, что онъ опустилъ Посланниковъ ничего имъ не сказавши , или, по крайней мѣрѣ, не изъяснивъ имъ лично какого нибудь знака уваженія. Но изъяснили намъ послѣ того полмачи наши, что большая часть Воспочныхъ государей показывающа своимъ подданнымъ весьма рѣдко , а еще менѣе иноземцамъ , и что сей обычай шѣмъ спрже наблюдается въ государствѣ Кишайскомъ , ибо государство Китайское продолжается уже сошны тысячь лѣтъ»...

Когда Посланниковъ порядкомъ поводили такимъ образомъ отъ церемоніи къ церемоніи, когда они довольно пошерли кожу на лбахъ своихъ, принимавшіе спущать ими нѣсколько разъ въ землю, передъ трономъ Его Богдыханскаго Величества, Сына Небесъ Шунъ-чи, дали имъ, въ видѣ опуска, при обѣда, при чемъ каждый разъ, не сядя еще за столъ, обязаны они были кланяться въ землю, обращаясь на западъ, то есть, по тому направленію, въ какомъ находилась споловая, гдѣ въ то время обѣдалъ богдыханъ, сидя одинъ. Ихъ не выпускали изъ-за обѣдовъ, пока не проглашывали они порядочнаго количества теплаго камчу, и набивали имъ полны карманы шѣми кушаньями, кошорыхъ они не могли съѣсть.

Окончательно—посольство ни въ чемъ не могло успѣть, кромѣ униженія. Его отослали обратно изъ Кишаня, съ кое-какими подарками Голландскому генералу, управлявшему тогда въ Батавію, Іоанну Машцуйкеру, при богдыханскомъ письмѣ, гдѣ было сказано: «Просили вы у меня дозволенія прѣзжая въ торговать въ моемъ государствѣ, и привозить ваши товары, обмѣнивая ихъ на наши, для общаго удовольствія и для пользы моихъ подданныхъ. Но по причинѣ дальнаго разстоянія отъ вашей земли до моей, свирѣпыхъ бурь, часто сокрушающихъ корабли жестокими вѣтрами, и по причинѣ снѣговъ, градовъ, льдовъ, смыкающихъ часто наши рѣки и наши гавани, весьма грустно было-бы мнѣ слышать о бѣдствіяхъ, которыя легко могутъ приключиться всякому, кого пошлешь

вы къ намъ. Если находите вы однакожь полезнымъ подвергаться всѣмъ этимъ случайностямъ, то совѣтую вамъ посылать въ восемь лѣтъ не болѣе ста человѣкъ, изъ которыхъ двадцать могутъ приходить ко мнѣ, » и проч. и проч. — Такимъ образомъ, двадцати Голландцамъ позволено было являться въ Пекинъ черезъ восемь лѣтъ, и въ этомъ заключалась вся милость, пріобрѣтенная девяносто однимъ днемъ униженныхъ моленій. Письмо, заключавшее въ себѣ богдыханское рѣшеніе, было вручено Посланникамъ шоржесшвенно, какъ величайшая драгоцѣнность. « Края письма — говорили Нейгофъ — были позолочены, и оборотная сторона его была усыяна золошыми и серебряными блесками, и все оно вокругъ было расписано золошыми драконами. Когда сообщили нашимъ Посланникамъ, что содержалось въ немъ, богдыханскій совѣшникъ свернулъ его и положилъ въ кусокъ шкани, шелковой, желшаго цвѣща, а потомъ вложили его въ шрубочку, завернушую въ желшую шкань. Послѣ сего передано было оно Посланникамъ, принявшимъ его съ преклоненіемъ колѣна на землю и съ наклоненіемъ головы. Совѣшникъ богдыханскій взялъ его потомъ ошпашь и привязалъ на спину одного изъ шолмачей, кошорый понесъ его до воротъ дворца, мгновенно отворившихся, когда извѣщено было, что несутъ письмо Его Богдыханскаго Величешва. »

Первое посольство Голландцевъ было послѣдуемо впорымъ, явившимся въ Пекинъ 20-го Іюня 1667 года, и выѣхавшимъ опшуда 5-го Августа. Оно

было слѣдствіемъ перваго , и кончилось подобно ему.

Черезъ нѣкоторое время потомъ , Россія рѣшилась въ свою очередь вступитъ въ тѣснѣйшія дипломатическія сношенія съ Китаемъ. Политическія отношенія Рускихъ и Китайцевъ начались съ распространеніемъ Русской власи въ восточной Сибири. Нѣсколько посланниковъ были отправляемы изъ Москвы въ Пекинъ въ XVII-мъ вѣкѣ. Поспроеніе Рускими городовъ по берегамъ рѣки Амура, на границахъ Монголіи, заставило Китайцевъ приняться за оружіе. Они раззорили селенія Русскія, и отвели въ Пекинъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ Россіянъ. Тамъ поселили ихъ особенною слободою , при которой позволено было плѣнникамъ имѣть священника Русскаго. Въ 1689 году, Русскій посоль Головинъ заключилъ съ Китацами миръ, въ Нерчинскѣ , опредѣлилъ взаимныя границы, отказался отъ Амура, и установилъ шоргъ караванами въ Пекинъ. Такъ оставались дѣла, когда Пётръ Великій вздумалъ отправить къ богдыхану посольство, начальникомъ котораго былъ гвардейскій капитанъ *Левъ Измайловъ*. Докшоръ Бель сопровождалъ Измайлова , и оставилъ намъ описаніе , весьма любопытное.

Посольство отправилось изъ Москвы 9-го Сентября 1719 года, и прибыло въ Пекинъ 18-го Декабря 1720 года. Въѣздъ его въ Китайскую столицу былъ торжественный, при безчисленномъ стеченіи любопытныхъ зрителей. Остановясь въ особенномъ дворѣ, гдѣ жили Рускіе караванные тор-

говцы, и который пошому назывался *Русскимъ домъ*, Посланникъ Пешра Великаго, подобно Голландцамъ, потерялъ много времени переговаривая и споря объ обрядахъ приема. Рѣшено было наконецъ, что Посланникъ долженъ сообразоваться съ обрядами Кишайскими въ Пекинѣ, хотя это и не обязывало Кишайцевъ взаимно слѣдовать Русскимъ обрядамъ, еслибы посольство ихъ явилось въ Петербургъ. Миссіонеры, находившіеся тогда въ Пекинѣ, Паренненъ и Фриделли, старались всячески убѣдить Кишайское правительство на измѣненіе строгости церемоніальныхъ поклоновъ для Посланника великаго Русскаго царя. Но убѣжденія оставались бесполезны: опмѣнили поклоны во все не согласились ни за что, и только уменьшили ихъ. Аудіэнція у богдыхана была наконецъ назначена 28-го Декабря въ *Чанъ-Шу-Іангъ*, богдыханскомъ дворцѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Пекина. Русскій Посланникъ опправился шуда, и вопъ описаніе Белево:

« Черезъ чепвершь часа ожиданія, богдыханъ вошелъ въ приемную залу, заднею дверью, и сѣлъ на пронѣ. Всѣ немедленно вспали. Начальникъ обрядовъ пригласилъ Посланника войдши въ залу, держа его за руку, между шѣмъ, какъ въ другой держалъ онъ царскія грамаши; ихъ положили на сполникъ; по знаку богдыхана, Посланникъ подошелъ къ прону, преклонилъ колѣно, подалъ царскія грамаши; богдыханъ прикоснулся къ нимъ рукою, и спросилъ пошомъ о здоровѣ царя.

« Во все это время , свита Посланника оставалась на ногахъ , внѣ залы пріема. Мы думали , что если граманы приняты , то уже дѣло кончено ; но начальникъ обрядовъ , вывелъ Посланника , и всѣмъ намъ было приказано становиться на колѣни , и по-трижды дѣлать земные поклоны Его Богдыханскому Величеству. Послѣ каждыхъ трехъ поклоновъ , мы должны были подыматься на ноги и преклонять колѣна снова. Начальникъ обрядовъ давалъ знаки всему этому , произнося какія-то Ташарскія слова : *Morgu* и *Boss* , что значило , какъ намъ объясняли : « Поклоняйтесь » и « Вставайте. » Мнѣ кажется , я въ вѣкъ не забуду этихъ проклятыхъ словъ. — Когда поклоны кончились , начальникъ обрядовъ препроводилъ Посланника и шестерыхъ чиновниковъ его свиты , съ переводчикомъ , въ залу пріема. Насъ посадили на подушкахъ , всѣхъ рядомъ , по правую сторону прона , аршинахъ въ шести разстояніемъ , и непосредственно за нами сѣли при миссіонера , одѣтые по-Кишайски , и всюду сопровождавшіе Дворъ. При настоящемъ случаѣ , они служили вмѣсто переводчиковъ. »

Впрочемъ , богдыханъ , царствовавшій въ то время , былъ знаменитый *Канъ-хи* , государь просвѣщенный и мудрый. Удовольствовавшись необходимостью изъ всѣхъ обрядовъ , онъ оставилъ мѣлочныя подробности , и вопреки горделивому безмолвію предшественника своего Шунъ-чи , какъ будто въ награду за неусупку основнаго обряда , дружески разговаривалъ съ Русскимъ Посланникомъ объ Европейскихъ дѣлахъ , о Царѣ , просилъ пере-

дать Петру Великому свое мнѣніе, что напрасно подвергается онъ личной опасности свою высокую особу въ бипвахъ, и особливо плавая по морямъ, гдѣ бури и опасности бывающъ великія, отъ которыхъ не спасающъ ни умъ, ни храбрость. Пошомъ онъ подалъ Посланнику изъ своихъ рукъ чашку *тарасуна*, или горячаго камчу, напишка, перебродившаго изъ смѣшенія разнаго рода зерень.

«По лѣвую сторону прона богдыханскаго—говоришъ Бель—сидѣли пятъ князей, и съ ними вельможи и знашныя придворныя; пошомъ вошли въ залу восемь, или десятъ юныхъ внучатъ Его Величества. Всѣ они были красивы собою, и одѣшы проспо, шакъ, что ничѣмъ не опличались отъ другихъ особъ, кромѣ дракона о пяти лапахъ, который вышипъ былъ на верхнемъ плашѣ каждого изъ нихъ, и полукафшаньевъ изъ желшаго апласа, украшенныхъ такою-же эмблеммою. На головахъ у нихъ были надѣшы небольшіе калпаки, спереди опшороченные соболями. Богдыханъ сидѣлъ на пронѣ, поджавъ подъ себя ноги. На немъ была легкая соболя шуба, мѣхомъ наружу, подбишая овчинками съ мѣлкихъ барашковъ, а подъ эшою шубою видѣнъ былъ длинный кафшанъ, изъ шелковой шкани желшаго цвѣша, съ нашивкою дракона о пяти лапахъ. Такого пятилапаго чудовища никшо не можешъ имѣшъ на своемъ плашѣ, кромѣ богдыхана и его семейства. На головѣ Его Величества былъ надѣшъ маленькій круглый калпакъ, спереди украшенный черною лисицею. На верхушкѣ калпака замѣшилъ я огромную, превосходную жемчужину, по-

хожую фигуру на грушу, съ шарикомъ изъ краснаго шелка, утвержденнымъ подъ жемчужиною. Въ этомъ шолько и состояло все особенное украшеніе монарха, шоль великаго и знаменишаго. Тронъ, шакъ-же какъ и все другое, опличался проспошоу, былъ деревянный, шолько работы превосходной; онъ возвышался опъ полу на пять спупеней, опкрышый къ шой споронъ, гдѣ мы сидѣли, но съ двухъ другихъ споронъ защищали его опъ шеченія воздуха двои огромныя Японскія ширмы.

« Начальникъ обрядовъ и нѣкошорые другіе сановники были въ своихъ государспвенныхъ одеждахъ, изъ парчи, или изъ глазеша, съ большими драконами, вышитыми на груди и на спинѣ. Многіе другіе вельможи, напрошивъ, были одѣшы весьма просто, не имѣя на себѣ никакихъ украшеній; иныхъ опличали шолько большіе драгоцѣнныя каменья — рубины, сафиры, изумруды. »

Послѣ приема Посланника слѣдовалъ пиръ, при чемъ увеселяли гостей Ташарскою музыкою. Богдыханъ прислалъ Посланнику нѣсколько фазановъ съ своего спола. Обыкновенные споры о представленіи подарковъ, посѣщенія мандариновъ, шеашрѣ, увеселенія, праздники всякаго рода, занимали все время Русскаго Посланника, въ продолженіе прехъ мѣсяцевъ, кошорые прожилъ онъ въ Пекинѣ. Богдыханъ, знатнѣйшіе государспвенные чиновники, миссіонеры, шогда весьма сильные при Дворѣ, всѣ были, каждый въ своемъ опношеніи, ласковы и снисходительны чрезвычайно. Праздновали даже пребываніе Русскаго посольства самыми необыкновен-

ными увеселеніями; таковы были, между прочимъ, великолѣпный фейерверкъ и охота, въ которой Канъ-хи, не смотря на 78-ми лѣтнюю старость, принималъ личное участіе. Разсказъ объ этихъ праздникахъ столь любопытенъ, что его не лзя не выписать:

« На другой день увеселенія опять возобновились. Но мы не являлись однакожъ ко Двору до самаго вечера, потому, что фейерверку надлежало быть только послѣ захода солнца, въ пять часовъ по полудни. Сигналь для начала его подали ракетною, пущенною съ галлерей, гдѣ находился богдыханъ, и въ нѣсколько минутъ зажжено было множество тысячъ фонарей; сдѣланы были они изъ бумаги различныхъ цвѣтовъ, красные, голубые, зеленые, желтые, и повѣшены на высокихъ подставкахъ, въ шесть футовъ, разставленныхъ по саду, что составляло зрѣлище чрезвычайно пріятное. По другому сигналу начали пускать ракеты; онѣ взлетали на высоту удивительную и распадалась звѣздами. Ракеты сопровождались пестардами, хлопавшими, какъ будто изъ пушекъ, между тѣмъ, какъ изъ нѣдръ ихъ летѣли огни всякихъ цвѣтовъ.

« Въ противоположной сторонѣ, противъ богдыханской галлерей, висѣлъ огромнѣйшій круглый буракъ, почти 20-ти футовъ въ поперечникъ, между двумя столбами, футовъ 30-ти вышиною. Ракета, пущенная изъ галлерей богдыханской, зажгла фишль, спускавшійся изъ бурака, отъ чего съ ужаснымъ прескомъ отвалилось дно этой машины. Тогда выпало къ низу что-то въ видѣ рѣшешки,

горѣвшее яркимъ огнемъ , и оспавалось минушъ десятию между буракомъ и землею , сверкая разноцвѣтными красками. Когда рѣшетка эта , будио волшебствомъ зажженная , погасла , мы увидѣли финиль , запылавшій по срединѣ бурака. Едва догорѣлъ онъ до верха , приидцаиъ прелесныхъ бумажныхъ фонарей , разныхъ цвѣшовъ , появились изнуири , спускаясь прямою линіею , одинъ надъ другимъ , отъ бурака до земли ; они загорѣлись пошомъ , и образовали столпъ , весьма правильный , составленный изъ цвѣшныхъ огней. Десятию , или двѣнадцатию шакихъ столбовъ выпадали одинъ за другимъ , шакой-же формы , освѣщаясь по мѣрѣ шого , какъ они выпадали , и все это продолжалось до шѣхъ поръ , пока изъ бурака не вышло тысячи фонарей , уменьшавшихся въ величинѣ своей , пошепенно по мѣрѣ появленія , такъ , что послѣдніе фонарики были уже весьма маленькіе , и зрѣлище это было истинно восхишительное. »

Фейерверкъ , данный въ честь Русскаго посольства , кромѣ шого предшавлялъ собою доказательство искусства необыкновеннаго. Надобно было изумляшъся , видя , шо гору , сверкавшую синими и бѣлыми огнями , шоль похоже на живой водопадъ , что зрѣніе невольно обманывалось ; шо явленіе слоновъ , лошадей , шигровъ , бѣгущихъ среди полей , виноградомъ покрыныхъ. Гроздя виноградныя составлялись изъ огней , бѣлыхъ , красныхъ и синихъ.

Богдыханская охоша предшавила пошомъ зрѣлище гораздо болѣе любопытное и драматическое. « Феврала 21-го—говоритъ Бель—въ день , назначен-

ный для охоты, лошади присланы были къ намъ въ первомъ часу по полуночи, для Посланника и всѣхъ шѣхъ, кто долженъ былъ ему сопутствовать. Мы сѣли на присланныхъ лошадей, и послѣ шести миль пуши, на юго-западъ отъ столицы, достигли на разсвѣтѣ до воротъ дворца, называемаго *Шай-За*, гдѣ встрѣшилъ насъ чиновникъ, и проводилъ черезъ лѣсъ къ сельскому дому, почти на одну милю разстояніемъ отъ дворца. Богдыханъ пріѣхалъ сюда наканунѣ и ночевалъ здѣсь. Только что вошли мы въ домъ, Его Величество, вставшій за часъ до нашего прибытія, прислалъ одного изъ своихъ эвнуховъ поздравить Посланника, и приказалъ, чтобы насъ угостили чаемъ и разными кушаньями. Послѣ завтрака, богдыханъ, спрашный охотникъ до хорошаго оружія, попросилъ Посланника прислать ему поглядѣть свое охотничье ружье, и прислалъ намъ посмолѣть многія изъ своихъ ружей; всѣ они были съ фишиями. Кишайцы говорятъ, будто кремни въ ихъ климатѣ волгнутъ, такъ, что нѣтъ возмозности стрѣлять изъ ружей съ курками, но я не замѣтилъ однакожь подобнаго дѣйствія климата надъ нашими ружьями.

«Тогда дали сигналъ къ богдыханскому выѣзду. Немедленно всѣ сановники построились въ рядъ, отъ внутреннихъ ступеней дворца до самой дороги, ведущей въ лѣсъ. Всѣ были пѣшіе, вооруженные луками и стрѣлами, и въ охотничьемъ плащѣ. Нарядъ охотничій тотъ-же самый, что у конныхъ Кишайскихъ офицеровъ въ походѣ. Намъ указали наше мѣсто, и когда Богдыханъ проѣзжалъ мимо

насъ, шо опвѣталъ на поклоны наши самою благо-
склонною улыбкою, давая намъ знакъ слѣдовать за
нимъ. Сложивъ подъ себя ноги, сидѣлъ онъ въ оп-
крышомъ паланкинѣ, несомомъ чешырьмя человекѣми
на носилкахъ, кошорыя лежали на ихъ плечахъ; пе-
редъ нимъ были охотничье ружье, лукъ и пукъ
спрѣлъ. Эшомъ способъ ѣзды на охоту принялъ
богдыханъ съ нѣсколькихъ лѣтъ, когда пересшалъ
ѣздишь верхомъ на лошадяхъ.

«Едва пронесли мимо насъ богдыхана, всѣ мы
сѣли на лошадей, и слѣдовали за нимъ въ нѣкопо-
ромъ разстояніи. Оспановились только достиг-
нувъ луговины въ лѣсу, гдѣ вся свиша образовала
полукругъ, въ срединѣ кошораго помѣстился бог-
дыханъ. Тогда расшянули полукружіе, и выпусти-
ли множество зайцевъ, въ направленіи къ богды-
хану; онъ убилъ многихъ на бѣгу, спрѣлами. При
каждомъ промахѣ давалъ онъ знакъ князьямъ, ко-
торые преслѣдовали добычу и убили шакже много
шшукъ; но кромѣ ихъ, никшо не дерзалъ ни спрѣ-
ляшь, ни оспавляшь своего мѣста.

«Отсюда направили мы путь на западъ, къ мѣспи,
покрышому кустарниками и шросшникомъ, ошкуда
вспугнули къ намъ множество фазановъ, куропа-
шокъ и перепелокъ. Его Величество оставилъ свой
лукъ и свои спрѣлы, взялъ на руку сокола, и спу-
скалъ его, каждый разъ, когда подмѣчалъ близкую
добычу. Соколъ богдыханскій безпрестанно прома-
хивался на воздухъ, но если дичь бросалась въ
шросшникъ, или въ кустарникъ, онъ ее схващывалъ
быстро.

«Продолжая углубляясь такимъ образомъ въ лѣсъ еще на двѣ, или на три мили, мы достигли большаго лѣса, гдѣ находилось много разныхъ звѣрей. Молодые охотники пустились въ чащу, и начали пугать ихъ, пока другіе захватили у нихъ выходы изъ лѣса. Хоша мимо насъ бѣжало множество добычи, но никто не смѣлъ стрѣлять, пока богдыханъ не убилъ оленя, очень ловко попавши въ него стрѣлою съ широкимъ копейцомъ. Послѣ того позволено было стрѣлять князьямъ въ дикихъ козъ; между убитыми нашлась коза мускусовая, кошорую называютъ въ Сибири *кабаргою*.

«Шестъ часовъ были уже мы безпрестанно на лошадяхъ, и по моему счету проѣхали около 45-ти миль. Конца лѣса все еще не было видно. Мы оставили его, повернувъ на югъ, и достигли болотъ, поросшихъ высокимъ шропникомъ, откуда поднялось множество кабановъ, но какъ тогда было время года, въ которое не бьютъ ихъ, то имъ дали полную свободу разбѣжаться. Охота за кабанами считается здѣсь самою опасною, послѣ охоты за львами и шиграми. Каждый старался уклониться отъ свирѣпости этихъ звѣрей; но, не смотря на то, нѣкоторые изъ кабановъ бросались съ бѣшенствомъ въ шѣ мѣста, гдѣ наиболѣе находилось лошадей. Богдыханъ предусмотрительно огородилъ паланкинъ свой отрядомъ людей, вооруженныхъ пиками.

«Послѣ обѣда, богдыханъ прислалъ двухъ изъ своихъ главныхъ эвнуховъ, привѣщивавшихъ Посланика, и извѣстивъ его, что хочетъ показать

ему правлю прехъ шигровъ , кошорыхъ нарочно берегли нѣсколько времени , запершихъ въ желѣзныхъ клѣшкахъ. Шашеръ богдыханскій споялъ на возвышеніи, окруженный многими рядами спражей, вооруженныхъ длинными пиками. Другой отрядъ спражи поставленъ былъ передъ Посланникомъ и его свитою, чтобы охранять ихъ отъ свирѣпости яростныхъ живошныхъ. Перваго шигра выпустилъ изъ клѣшки человѣкъ , прискакавшій на легкой лошади, отворивъ дверцы издалека, помощью веревки. Тигръ выскочилъ, и сначала только радовался, видя передъ собою свободное пространство , качался по правѣ, прыгалъ, рычалъ отъ удовольствія, и все это дало средства всаднику, выпустившему его, ускакать во всю прыть. Но черезъ нѣсколько минутъ веселья , шигръ поднялся сердито , поглядѣлъ вокругъ себя, казался изумленнымъ, видя повсюду людей и копыта—загорчалъ, началъ грозно похаживать. Три раза высрѣлилъ въ него богдыханъ, но разстояніе было велико , и онъ промахивался, хотя цѣлилъ очень ловко. Тогда велѣлъ онъ сказать посланнику , что позволяетъ ему попробовать свое ружье на шигрѣ. Посланникъ зарядилъ ружье одною пулею , поѣхалъ прямо на звѣря , сопровождаемый десятию копейщиками , на случай неудачи; надѣясь, что разстояніе соразмѣрно, онъ приложился, и отъ высрѣла его шигръ мгновенно свалился мертвый.

«Тогда отворили клѣшку втораго шигра , но всадникъ , выпускавшій его , давъ ему время броситься на праву , высрѣлилъ въ него изъ лука

стрѣлою, и, взбѣшенный полученною раною, звѣрь вспрыгнулъ отъ ярости, погнался за всадникомъ, преслѣдовалъ его, столь упорно, что шотъ едва успѣлъ ускакать и укрыться за ряды копейщиковъ. Приблизившись къ этой живой оградѣ, шигръ нѣсколько разъ старался перескочить ее, вспрыгнувъ наконецъ такъ высоко, что упалъ на копья, поднявша къверху, и издохъ, покрытый ранами.

«Третій шигръ, едва только увидѣлъ себя на свободѣ, какъ направилъ бѣгъ прямо къ богдыханскому шапру, и былъ убитъ почти подлѣ богдыхана. Надобно имѣть добрую лошадь и быть хорошо вооруженнымъ для охоты за шиграми въ дикихъ лѣсахъ, гдѣ они должны являться гораздо сильнѣе и проворнѣе, нежели видѣнные нами на правлѣ богдыханской. Легко можно было понять, что отъ долговременнаго сидѣнья въ шѣсной клѣшкѣ, и отъ недоспашка движенія, члены видѣнныхъ нами звѣрей не могли имѣть надлежащей силы и гибкости.

«Травлю шигровъ кончились увеселенія охоты. Послѣ ужина явился отъ Его Величества чиновникъ, и принесъ Посланнику кожу убитого имъ шигра, объявляя, что она принадлежитъ ему по законамъ охоты.»

Среди всѣхъ этихъ праздниковъ, Русскій Посланникъ не забывалъ о цѣли своего посольства, и старался уговорить Кишайцевъ на ближайшія сношенія торговыя и дипломатическія. Русскому Царю хотѣлось имѣть постоянного агента при Пе-

кинскомъ Дворѣ; Кишайцы не согласились, но Посланникъ распался однакожь съ ними дружески. Тщешно уговаривали потомъ Кишайцевъ допустить въ Пекинъ архіерея, кошорый былъ-бы пашыремъ плѣнныхъ Россіянъ и ихъ попомшва, ославшагося въ Пекинѣ. Кажется, что Рускіе нарочно не желали возвращенія плѣнныхъ своихъ, стараясь имѣть всегдашнюю причину къ сношеніямъ съ Кишаемъ. Кишайцы позволили наконецъ быть при Русской слободѣ архимандриту. Въ 1727 году отправился въ Пекинъ полномочный Посолъ Русскій, графъ Рагузинскій, но едва не поссорился съ Кишайцами, по причинѣ горделиваго своего обращенія. Положено было торговать послѣ того только на Кишайской границѣ, въ мѣстечкѣ Кяхтѣ. Опасаясь мщенія Рускихъ за оскорбленіе Рагузинскаго, вовлеченные припомъ въ войну съ Калмыками, Кишайцы присылали дважды посланниковъ въ Пешербургъ, при императрицѣ Аннѣ. Не смотря на двукратное прекращеніе торговли при императрицѣ Екашеринѣ, миръ продолжился, и въ началѣ нынѣшняго столѣтія новый опытъ посольства былъ произведенъ Рускими, но оказался рѣшительно неудачнымъ, такъ, что посолъ, графъ Головкинъ, ворошилъ, едва переѣхавши Русскую границу. Дипломатическія сношенія между Кишаемъ и Россією продолжаются безпрестанно черезъ начальниковъ пограничныхъ областей, а при Пекинской Русской церкви постоянно живетъ Русскій архимандритъ, съ небольшимъ числомъ причетниковъ. Къ сожалѣнію, Рускіе до сихъ поръ

почти ничего не издавали изъ своихъ любопытныхъ извѣстій, прежнихъ и новыхъ, такъ, что Европѣ осмѣялись неизвѣстными подробностями ихъ посольствъ въ Китай и сношеній съ Китаемъ. Только въ последнее время, Іакинѣъ Бичуринъ, нѣсколько лѣтъ бывший въ Пекинѣ архимандритомъ, напечаталъ нѣсколько переводовъ съ Китайскаго, доказывающихъ обширныя свѣдѣнія его въ Китайской лингвистикѣ.

Замѣтимъ, что послѣ посланника Измайлова являлось въ Пекинѣ посольство отъ Папы, въ 1721 году, а потомъ, въ 1753 году, посольство Португальское. То и другое не имѣли никакого успѣха, и кончились спорами объ обрядахъ.

Наконецъ, Англичане вздумали отважиться на опытъ дипломатическихъ сношеній съ Китаемъ. Лордъ Макартней, уполномоченный посолъ Санджамскаго Двора, отправленъ былъ, въ 1792 году, изъ Спинда, на корабляхъ: *Льст*, 74-хъ пушечномъ линейномъ, и *Индостанъ*, Компанейскомъ, въ 1200 тоннъ груза. Путешествіе расположили такъ, чтобы посольству осматрѣть въ Китаѣ области, дошолъ никѣмъ изъ Европейцевъ невидѣнный. Для этого, вмѣсто направленія на Макао и Кантонъ, Макартнею было предписано плыть по Желтому морю, и пристать къ восточному берегу Китая. Проѣхавъ Яву и Кохинхину, эскадра Англійская прошла Формозскимъ проливомъ, направилась къ сѣверу, осматривала берега, останавливаясь нѣсколько разъ, и иногда даже не въ виду берега—такъ мѣлко Желтое море—наконецъ, въ Августѣ

1793 года, достигла устья рѣки *Пеи-го*, цѣли своего путешествія. Здѣсь посолье перешелъ съ своею свитою на Кишайскую яхту, назначенную для плаванія его по рѣкѣ *Пеи-го* въ Пекинъ.

Сопровождаемое естествоиспытателями, физиками, рисовальщиками, посольство Макарина должно было быть гораздо полезнѣе для успѣха знаній, нежели всѣ предшествовавшіе ему путешествія Европейцевъ въ Кишай. Въ продолженіе пуси, рисовальщикъ Александръ снималъ своимъ искуснымъ карандашемъ все, что встрѣчалось любопытнаго, между тѣмъ, какъ Барровъ и Георгъ Сшаунтонъ занимались изслѣдованіями, касательно жилищей и земли.

Сбѣгаясь смотрѣть на невиданныхъ чужеземцевъ, народонаселеніе области *Пе-ги-ли* покрывало оба берега рѣки. Ежечасно, ежемгновенно сцена измѣнялась: то, когда посольская яхта, выгадывая сокращеніе пуси, входила во внутренніе каналы, путешественники видѣли округлявшійся передъ ними какой нибудь одинъ изъ шѣхъ красивыхъ мостовъ, обѣ одной аркѣ, надъ кошорами спроектированы въ Кишаѣ торжественныя врата; то, когда мѣстоположеніе вдругъ возвышалось, плававшихъ изумлялъ Кишайскій способъ гидравлики, замѣняющій у нихъ наши шлюзы: не находя средства перемѣнить уровень воды, Кишайцы поднимаютъ и переносятъ суда изъ одного канала въ другой; это дѣлается посредствомъ складенной изъ камней каменныя, образующей собою наклоненный уголъ, около сорока градусовъ. Суда шлеплютъ вѣтрами

на вершину покапоспи, и когда они достигнутъ почки перехода на другую сторону, охранительные канаты поддерживаютъ ихъ, пока не сойдутъ они на уровень высшей воды; широкіе вѣра, изъ ивовыхъ прутьевъ, поставляемые спереди, защищаютъ между тѣмъ переправляемую жонку отъ сильнаго удара по водѣ.

Въ *Тонгъ-гу-фу* посольство прекратило свое плаваніе по рѣкѣ Пей-го, и отправилось сухимъ путемъ. Три тысячи носильщиковъ тащили на своихъ плечахъ, до самаго Пекина, вещи посольства и подарки, назначенные для Богдыхана. Послѣ нѣсколькихъ часовъ пути, по дорогѣ, выложенной граниномъ, среди безчисленной толпы зрителей, посольство завидѣло вдали стѣны Пекинскія. Обставленные чешыре-угольными башнями, и окруженные ровомъ, стѣны эти составляютъ громаду, въ 25 футовъ толщиной снизу, и въ 12-ть футовъ сверху; высота ихъ отъ 25-ти до 30 футовъ; камнемъ обложена только наружность ихъ, а самый нустръ, между двухъ стѣнокъ, набитъ землею.

Слѣдуя по направленію стѣнъ Пекинскихъ, посольство приблизилось къ однимъ изъ воротъ столицы. Оно остановилось чуть за мостомъ, переброшеннымъ черезъ ровъ, и вступило пошомъ въ Пекинъ на-лѣво отъ полукруглаго поворота стѣны. Всѣхъ воротъ въ Пекинъ считается девять, и постройкою онѣ похожи другъ на друга; только углы, образуемые къ нимъ стѣною, близъ иныхъ оставлены квадратные, около другихъ округлены.

Когда посоль и свита его прошли подъ сводомъ ошверзтія, образуемаго ворошами, Пекинъ раскрылся передъ взорами ихъ. Широкія, въ 20, 30 шаговъ, и длинныя по соразмѣрности улицы, прямо пропущенныя и хорошо содержимыя; дома, въ одинъ этажъ, украшенные расписанными фасадами; красивыя лавки съ товарами, съ вывѣсками раззолоченными, съ вѣющимися значками—все что представляла общность Кипайской столицы послу Британскому. Принужденные ѣхать съ одного конца города на другой, чтобы достигнуть дворца Юанъ-мингъ-Юанъ, находящагося за городской стѣною, Англичане могли разсмотрѣть все великолѣпіе Пекина. Въ иномъ мѣстѣ особенно изумляли ихъ какія-нибудь торжественныя врата, или *пай-зангъ*, воздвигнутыя въ славу, или воспоминаніе знаменитаго человѣка—памятники, обыкновенно, деревянные, рѣзные и раскрашенные, съ прѣмья проходами, и съ кровлею фигурною, изображающею что-то въ родѣ лебединой шеи, или въ формахъ еще болѣе странныхъ и узорчатыхъ; въ другомъ мѣстѣ не лѣзя было не любоваться, подлѣ такого, по обѣму воздвигнутаго зданія, высокою крѣпостью, у которой на стѣнахъ развѣвалось богдыханское знамя, и ходилъ часовой съ пикою въ рукахъ. Въ иномъ мѣстѣ, уже за городской стѣною, возвышалась сквозная высокая башня, *та*, или *тансъ*, лучший образецъ которой находится въ Сьу-Чью, въ тамошнемъ странномъ созданіи Кипайскаго зодчества, башнѣ съ десятию навѣсами, въ видѣ восьми-

угольныхъ раковинъ , обкладенной муравленными кирпичами, обвѣщенной звонкими колокольчиками.

Проѣхавъ городъ во всю длину его , среди удушающей пыли, и въ шолпахъ народа, любопытства копорыхъ не могла упишишь даже бамбуковая палка полицейскихъ служителей, посольство достигло наконецъ до дворца Юанъ-мингъ-Юанъ, гдѣ богдыханъ , бывшій тогда въ Монголіи , назначилъ мѣсто для пребыванія Англійскаго посла и свиты его. Но только докторъ Двинди и Барровъ остановились здѣсь; другіе Англичане убѣдительно просили препроводить ихъ обратно въ Пекинъ, а самъ Макартней, на другой-же день, долженъ былъ отправиться съ часпью свиты въ богдыханское тогдашнее мѣстопребываніе Іе-го.

Юанъ-мингъ-Юанъ , что значить по-Кишайски : « круглый блистающій домъ , » считается однимъ изъ чудесъ сѣвернаго Кишай. Дворецъ эшотъ составляющъ множество спроеній , расположенныхъ съ величественною соразмѣрностію , и раздѣленныхъ дворами, садами и лугами. Фасады зданій его блестятъ золошомъ , лакомъ и красками. Кишай, Японія, Европа соединили здѣсь всякія произведенія свои, для украшенія внутренности эшого великаго дворца. Подарки пословъ , предметы шуземной роскоши, разставлены шупъ, безъ порядка, въ большой пріемной залѣ. Зала эша построена на громадѣ камней, возвышающей ее отъ земли, а крышка зданія , самыхъ страннхъ фигурныхъ формъ , поддерживается деревянными шолбами, между которыми размѣщены окна , на манеръ готическихъ.

Но сады дворцовые еще удивительнѣе дворцовыхъ строеній. Тутъ, на пространствѣ 60,000 акровъ—горы, озера, рѣки, нагромождены, ископаны, устроены руками человѣческими. Природа вся искусственная и поддѣльная, но она поддѣлана въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, что возбуждаетъ невольное изумленіе; горы покрыты здѣсь цвѣщими деревьями, рѣки унизаны красивыми, великолѣпными жонками; на озерахъ разбросано безчисленное множество зеленѣющихъ острововъ. Тамъ и здѣсь, среди этой испещренной цвѣтами и зеленью, искусственной природы, видны прицѣпленные на стремнинахъ утесовъ, взгроможденныхъ по лугамъ, или перенесенныхъ цѣликомъ издалека, съ неимоверными издержками, кіоски, бельведеры, фарфоровыя башни, шоржесшвенныя врата; все это считашъ здѣсь тысячами. Во всякой долинѣ поставленъ тутъ особый увеселительный домъ, или лучше сказать, дворецъ; такихъ дворцовъ находилось въ Юанъ-мингъ-Юанъ — *двести*! У каждого свой особенный фасадъ съ колоннами, свои раззолоченныя, раскрашенныя, разлакированныя стѣны, свои навѣсы и кровли, унизанныя черепицами, алыми, желтыми, голубыми, зелеными, фіолетовыми, изображающими узоры, не столько изящные, сколько снранные. — Мраморъ, кирпичъ, кедръ — все это, вмѣстѣ и порознь, употреблено безъ счесть въ здѣшнихъ зданіяхъ. Самое превосходное изъ всѣхъ строеній, поставленное посреди искусственного озера, расшанутаго на половину льѣ въ поперешникъ, воздвигнуто среди громады искусствен-

ныхъ ушесовъ. Это зданіе изумительно ; въ немъ сто комнатъ , великолѣпно убранныхъ , и опдѣлка всего такъ превосходна , что даже Европеецъ невольно принужденъ удивляться.

Сентября 2-го, лордъ Макартней опправился въ Те-го, тогдашнюю резиденцію богдыхана, успроенную въ Монголіи, подлѣ знаменишой *Великой стѣны*, старинной границы Кишайскаго государства.

Эта пограничная оплотъ , это исполинское созданіе , одно изъ самыхъ удивительныхъ , какія только производила рука человѣческая , громадная каменная мысль , существующая уже двадцать столѣтій , простирается болѣе нежели на 1300 миль протяженія , считая съ западной оконечности его въ Шенъ-Зи, до восточнаго края, въ Пе-чи-ли. Великая стѣна Кишайская вздымается на самыя крушыя горы, нисходитъ въ глубокія ущелья ихъ, перерѣзываетъ собою попоки, и пересѣкается только большими рѣками ; ее составляетъ параллельная кладка въ двѣ стѣны кирпичей, между копорыми промежутки набины землею и камешникомъ ; основаніе ушверждается на огромныхъ дикихъ камняхъ , поддерживающихъ эту безмѣрную громаду. Высота Великой стѣны вообще простирается до 24-хъ, а ширина до 13-ти фушовъ. Черезъ каждые сто шаговъ находящся на ней башни, защищаемыя пушками. Барровъ, въ своемъ описаніи Макартнеева посольства, приводитъ слѣдующія вычисленія, можешь бышь, болѣе остроумныя , нежели исправныя : « Великая стѣна Кишайская такъ огромна — говоришь онъ — что если предполагашь — и это ,

кажется, никѣмъ еще не было оспорено — пропѣ-
женіе ея на 4500 миль, а шолщину вездѣ ту, ка-
кую видѣли мы въ мѣстахъ, черезъ кошорья про-
ѣзжали съ лордомъ Макаршнеемъ, по машеріялы,
употребленные на поспройку всѣхъ домовъ въ
Англии и Шотландіи, полагая ихъ въ числѣ 4,800,000,
и на каждый считая 2000 кубическихъ фушовъ, со-
ставляющъ массу, едва только равную массѣ Великой
стѣны Китайской, не принимая еще въ соображе-
ніе огромныя башни, на ней поставленныя. Однѣ
башни эти, предположивъ, что на пропѣженіи всей
стѣны разставлены онѣ на разстояніяхъ, какія мо-
жешь перелетѣть стрѣла, изъ лука пущенная, бу-
дутъ заключають въ себѣ кирпичей и камня столько
ко, сколько содержится ихъ въ зданіяхъ всего
Лондона. Желая дать себѣ понятіе громадности
Великой стѣны, сообразишь одно то, что маше-
ріяловъ, на нее употребленныхъ, достаточно-бъ
было поспроить стѣну, въ шесть фушовъ выши-
ною и два фуса шолщиною, кошорая два раза обо-
гнетъ весь земной шаръ при этомъ размѣрѣ, счи-
тая по прямой линіи» . . . .

Приписываютъ богдыхану Тзинъ-ши-Гоангу, цар-
ствовавшему за два столѣтія до Р. Х., сооруже-
ніе этого изумительнаго памятника. Желая защи-
щиться отъ набѣговъ воинственныхъ, кочевыхъ на-
родовъ, приходившихъ на Китай изъ средины
Азіи, Тзинъ-ши-Гоангъ совершилъ столь громад-
ное сооруженіе (по словамъ Китайскихъ истори-
ковъ) въ пять лѣтъ, употребивъ на работу ше-
стаго человѣка изъ всего народонаселенія Китай-

скаго государсва. Кончивъ сооруженіе стѣны, назвали ее *Ванъ-ли-Чингъ* (десяти тысячъ ли). Но не смотря на эту охранительную громаду, Кишай дважды былъ завоеванъ въ послѣдствіи, въ первый разъ Монголами, въ другой Манджурами.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Англійское посольство проѣзжало сквозь Великую стѣну, она идетъ двойнымъ рядомъ укрѣпленій, изъ копорыхъ второй начинается опѣ однихъ воротъ ея и оканчивается при другихъ. Охранный корпусъ Монгольскаго войска расположенъ въ срединѣ обширнаго пространства, замкнушаго въ этихъ двухъ стѣнахъ, и онъ раздвигаетъ кочеванье свое далѣе, въ горное ущелье, составляющее дорогу къ *Те-го*. Земля плодородна, не смотря на дикую внешность ея; стада барановъ и воловъ, маленькіе домики, разсѣянные, по отдѣльно, по купами, показываютъ народонаселеніе, не столь тѣсное, какъ въ наслоящемъ Кишаѣ, но за то привольнѣе живущее.

Сентября 12-го посольство прибыло въ *Те-го*, а 14-го было принято на аудіенціи, царствовавшимъ тогда богдыханомъ *Кіангъ-Лунгомъ*. Два мандарина, *Ванъ-та-гинъ* и *Шонъ-та-гинъ*, церемоніймейстеры при посольствѣ, со времени плаванія его по *Пеи-Го*, сопровождали лорда Макарниа до шапра, пригопвленнаго къ его принятію, и находившагося вблизи шапра богдыханскаго. вмѣсто *ко-ту*—этого неизмѣннаго поклоненія при Кишайскомъ Дворѣ, для копораго, какъ говоритъ каписанъ *Максуэль*, надобно имѣть на лбу запасную кожу, лордъ Макарниа только преклонилъ колѣно, когда богды-

ханъ шелъ мимо его, для всшупленія на пронъ свой; въ эшомъ состояло все униженіе, кошорымъ удовольствовалась Кипайская церемоніальность опъ Бришанской гордоспи.

Едва богдыханъ сѣлъ на пронъ, посолъ Англіійскій появился у входа въ шаперъ его, и прямо пошелъ къ прону, неся въ золошой коробочкѣ, украшенной брилльянтами, грамашу своего короля. Богдыханъ принялъ ее, и въ обмѣнъ вручилъ, какъ знакъ *ейши* (символъ миролюбія), агапъ, или змѣевикъ, назначенный Англіійскому королю. Два другіе *ейши*, меньшей цѣны подарены были самому послу и сиреу Спауншону, предназначенному оспашься полномочнымъ посломъ при Пекинскомъ Дворѣ. По обычаю, обѣдъ слѣдовалъ за пріемомъ, и самъ богдыханъ передавалъ изъ рукъ своихъ чашечку съ камчу лорду Макаршнею.

Другой праздникъ данъ былъ въ Іе-го, по случаю дня рожденія богдыханскаго, и Макаршнея пригласили на эшомъ праздникъ. Великіе сановники Кипайскіе, оскорбленные слишкомъ вольнымъ обращеніемъ посла на пріемной аудіэнціи, надѣялись, что обряды при эшомъ приглашеніи дадутъ имъ средсшво опмстиишъ гордому Англичанину, но надежда ихъ не сбылась. Англіійскій посолъ хладнокровно предоспавилъ подданнымъ богдыхана спущашъ лбомъ и сгибашъ колѣна передъ Его Богдыханскимъ Величествомъ, на сей разъ невидимымъ, сидѣвшимъ на пронѣ за занавѣсомъ, но самъ не слѣдовалъ общему примѣру. Среди праздниковъ, Макаршнею спарался всячески заводитьъ рѣчь о тор-

говыхъ дѣлахъ Англіи съ Кипаємъ , главнымъ предметъ своего посольства ; но богдыханъ уклонялся отъ прямой рѣчи , или заграждалъ уста Англійскому дипломату какими нибудь подарками , по посылая къ нему драгоценный камень , по книжечку , самимъ имъ писанную , или кошелек для арсена , а наконецъ прислалъ маленькую коробочку Японскаго фарфора , сшаринной работы , съ оправой драгоценными камнями ; коробочка эта , назначенная отъ Кіангъ-Лунга Англійскому королю , уже восемь летъ принадлежала Кипайскимъ богдыханамъ , какъ увѣряли Макаришней Кипайцы , съ благоговѣніемъ передавая ее.

Продолжительно было-бы входить во всѣ подробности увеселеній , которыми ознаменовалось пребываніе Англійскаго посольства въ Пе-го. Тутъ , одно за другимъ , слѣдовали обѣды , фейерверки , спектакли , шакъ , какъ бывало это при угощеніи другихъ Европейскихъ посольствъ , являвшихся при Дворѣ Пекинскомъ. Вотъ отрывокъ изъ описанія , какое передалъ намъ Макаришней , говоря о придворномъ спектаклѣ ; спектакль этотъ можно было назвать опытомъ научнаго (водянаго) театра.

« Последнею изъ представленныхъ пьесъ — говоришъ Макаришней — была большая пантомима , и по громкимъ рукоплесканіямъ , какія заслужила она , кажешся , что въ понятіяхъ Кипайцевъ эта пантомима составляетъ чудо механическаго изобрѣшенія и сценическаго дарованія. Сколько могъ я понять , хотѣли изобразить на театрѣ бракъ земли и моря. Земля показывала ширь многообразіе своихъ оби-

шапелей и своихъ произведеній, вывела на сцену драконовъ, слоновъ, шигровъ, орловъ, спровокамиловъ, дубы, сосны, деревья всякихъ родовъ. Море не хотѣло уступить ей чести, и по его повелѣнію явились богатства водянаго царства—кишы, пюлени, морскія чудовища, показались корабли, вышли мѣли, раковины, губки, кораллы. Все это было представляемо людьми, скрытыми въ машинахъ, и выполнявшими свои роли превосходно. Когда все подвласное землѣ и морю наполнило сцену, показало себя зрителямъ, раздѣльно и вмѣстѣ, и потомъ выдвинулось впередъ театра, послѣ нѣсколькихъ оборотовъ дѣйствующихъ лица разошлись направо и налево, и дали мѣсто огромнѣйшему кишу; извивая громадное шѣло свое, чудовище приблизилось къ самому переднему краю сцены, прошивъ ложи богдыхана, открыло пасть свою, и извергло изъ нея страшное количество воды, которая хлынула и ушла въ дыры, нарочно сдѣланныя въ партерѣ. Этому особенно аплодировали зрители, и двое, или трое знаменитыхъ Кишайцевъ, сидѣвшихъ подлѣ меня, просили меня обратить особенное вниманіе на видѣнное нами диво. «*Гао! Кунгъ гао* (прекрасно, превосходно)!» восклицали они въ восторгѣ.

Сады и парки *Те-госкіе* считаются одною изъ самыхъ знаменитыхъ рѣдкостей Кишай. Макаришей соглашается, что дѣйствительно они возбуждаютъ удивленіе. Кишайское названіе этой богдыханской резиденціи *Ванъ-Шу-Юанъ* (рай десяти тысячъ деревьевъ), и богдыханъ весьма рѣдко даетъ

дозволеніе осматривать эшотъ рай. Парки здѣш-
 ніе состоятъ изъ двухъ отдѣленій, совершен-
 но различнаго вида: въ одномъ поверхность не-
 ровная, волнистая, и въ срединѣ находится об-
 ширное озеро, устѣянное островами, обставленное
 по берегамъ мысами и заливьями. Тупъ, на ты-
 сячѣ мѣстахъ, разбросаны произведенія искусства,
 которое силилось подражать красотамъ природы,
 и старалось соединить ихъ съ предметами пора-
 зительными: среди дикаго лѣса возвышается па-
 годъ; на красивомъ утесѣ поставленъ дворецъ;
 при выходѣ изъ искривленной дорожки виднѣе
 кіоскъ. Но другая половина парка являетъ кра-
 соты болѣе величественныя и болѣе многочислен-
 ныя: тупъ безмѣрные, смолѣніе лѣса, дикіе у-
 тесы и спремнины, населенные сернами и оленями,
 сосны, дубы, липовенницы, каштаны, шо выходя-
 щіе изъ гребней скалъ, и иглами возвышенные къ
 небу, шо ползущіе по ребрамъ спремнинъ, и ку-
 пающіе вершины свои въ кипящихъ потокахъ водо-
 падовъ; все эшо устѣяно увеселительными домами
 и убѣжищами для охоты, маленькими, красиво по-
 строенными храмами, пустынными обителями —
 нѣтъ пробитыхъ дорогъ, нѣтъ аллей, пескомъ у-
 сыпанныхъ — утесы голые, дикіе видны повсюду.
 Съ трудомъ перебираясь черезъ нихъ, Макаршией
 достигъ наконецъ до павильона, поставленнаго на
 высотѣ горы. «Видъ отсюда,» говоритъ онъ, «про-
 стирается, по крайней мѣрѣ, на 20-ть миль въ
 окружности, и никогда не думалъ я увидѣть что
 нибудь столь богатое, многообразное, величест-

венное ! Все различалъ я отсюда , какъ будто на раскрашенной ландкартѣ : пагоды, дворцы, селенія, фермы, долины, луга, орошенные безчисленными ручьями, горы, украшенныя волнистыми лѣсами, пасбища, покрытыя спадами. Мнѣ казалось, что всѣ эти предметы были у ногъ моихъ, и что мнѣ надобно было только шагнуть, чтобы къ нимъ доспигнуть. »

Съ этой высоты, Макарьей могъ также видѣть, построенный на скалѣ горы Марбури, одинъ изъ великихъ памятниковъ Ламайской вѣры, обитель *Ботала*, или *По-та-ла*. Здѣсь, въ лѣпное время, живетъ *Далай-Лама*, первосвященникъ Буддѣйскаго исповѣданія, таинственный владѣтель Тибета. Храмъ здѣшній, почитаемый лучшимъ изъ всѣхъ Тибетскихъ храмовъ, до 312 фузовъ въ высоту; крышка его сплошь позолочена. Въ зданіяхъ около храма устроено болѣе 10,000 келлій, каждая съ окошкомъ на которую нибудь изъ сторонъ фасада. Башни иobelisks, облитые золотомъ и серебромъ, драгоценныя статуи Будды, разсыпаны здѣсь въ неисчислимомъ множествѣ.

Послѣ недѣли, проведенной въ шумныхъ праздникахъ, Англійское посольство воротилось въ Пекинъ, Сентября 26-го. Во время отсутствія Макарьей, Барровъ и Двинди были жертвою мѣлкой интриги эвнуховъ Юанъ-мингъ-Юанскихъ. Они приходили въ отчаяніе, слыша, какъ успешно идутъ дѣла Макарьей въ Іе-Го, и сердились на Англичанъ жестоко. Удостоившись чести видѣть лицомъ къ лицу повелителя Небесной имперіи, и не хо-

шѣшь бишь передъ нимъ лбомъ объ полъ—это казалось имъ неслыханнымъ оскорбленіемъ чести Кишай, которой иначе не могли объяснить себѣ сшражи богдыханскаго гарема. Въ досадѣ своей, мсшили они всякими мѣлочными привязками за оскорбленіе славы и чести опечесшвенной. Прибытіе Макаршней и богдыхана избавило бѣдныхъ Англичанъ опъ спешней придворнаго міра Пекинскаго.

Въ Пекинѣ начались было снова дипломатическіе переговоры объ обрядахъ поздравленія и необходимости земныхъ поклоновъ. Макаршней держался упрямо въ своихъ условіяхъ, и не смолря ни на какіе происки Кишайскихъ мандариновъ, всѣ припязанія кончились наконецъ, какъ прежде—шолько преклоненіемъ колѣна. Аудіэнція для поднесенія подарковъ была ушверждена, и немедленно послѣ нея Англійскій посолъ получилъ указъ богдыхана, что пребываніе Англичанъ въ Пекинѣ не должно бышь опсрочено далѣе 7-го Окшября. Сопушники Макаршней спѣшили пользоваться остальнымъ временемъ, спараясь подробнѣе разсмолрѣшь сшолицу Кишайскую.

Пекинъ состоитъ собственно изъ двухъ городовъ, совершенно различныхъ; сѣверный именуешся *Кингъ-Чингъ*, или *Манджурскій* городъ, и образуетъ собою почти квадрапъ; южный именуишъ *Лао-Чингъ* (сшарый городъ), или еще *Вай-ло-Чингъ*; онъ составляетъ продолговатый чешыреугольникъ. Въ первомъ обитаишъ Манджуры, во второмъ собственно Кишайцы.

Манджурское ошдѣленіе, безспорно, превосходитъ Кишайское; дома въ немъ красивѣе по наружности и гораздо лучше убраны внутри. Кромѣ двухъ главныхъ своихъ дѣленій, Пекинъ заключаетъ еще 42-тъ предмѣстьевъ, каждое по двѣ мили длиною. Такимъ образомъ, столица Кишайская объемлетъ ужасное пространство земли, и пошому, можетъ быть, многіе возводили народоселеніе Пекина до преувеличенной степени. Гобиль, а въ новѣйшее время Тимковскій (Русскій чиновникъ, сопровождавшій въ Пекинъ одного изъ Русскихъ архимандритовъ), полагали число жителей въ Пекинѣ до 2,000,000; кажется, что уменьшая эпошъ цифръ на 1,400,000, мы болѣе приблизимся къ вѣроятію.

Послѣ главнаго дѣленія на двѣ половины, Пекинъ подраздѣляется на часши, и каждая изъ нихъ составляетъ городъ чрезвычайно обширный; при пакихъ часши считающъ въ Манджурскомъ ошдѣленіи; у каждой своя особенная стѣна. Въ одной изъ этихъ часшей находится богдыханскій дворецъ *Тсу-кинъ-Чингъ*, едва-ли не обширнѣйшій изъ всѣхъ дворцовъ, какіе только существуютъ въ мірѣ. Окружность его составляетъ до 2000 шазовъ. Ошдѣляющъ его ошъ всѣхъ строеній зубчатая стѣна, складенная изъ кирпичей и покрытая желтою черепицею. Внутренность дворца составляетъ пространство дворовъ, обставленныхъ колоннадами, и зданій, убранныхъ съ величайшимъ великолѣпіемъ. Лучшее изъ всѣхъ зданій дворца обширный паршикъ *Туанъ-Мень*; пошомъ слѣдуютъ два

храма, *Тай-Міао*, гдѣ обожаютъ изображенія Ман-джурскихъ богдыхановъ и *Ше-Тсу-Тана*, возведеннаго Кишайцами въ доспоинство духа, благодѣтеля земледѣлія. Въ богатой залѣ *Тай-го-Тіань* (великаго единства) богдыханъ принимаетъ чиновниковъ государства и иностранныхъ посланниковъ. Наконецъ замѣчательно особенное жилище богдыхана; названіе его значить *Пребываніе свѣтлаго неба*. Это самое высокое, богаче всѣхъ убранный, великолѣпнѣе всѣхъ построенное отдѣленіе богдыханскаго мѣстопребыванія. Въ другой половинѣ дворца, или *Гуангъ-чингъ*, отдѣленномъ особенно свѣтлою, видѣнъ славный храмъ Будды, или Фо, съ исшуканомъ этого бога, бронзовымъ, позолоченнымъ, 60-ти футовъ вышиною и со сша руками. Тутъ-же находишся обширный Монгольскій храмъ, *Сунгъ-Чу-Шу*, гдѣ живешъ *Кутухта*, первый изъ прехъ великихъ первосвященниковъ Далай-Ламской религіи, пребывающій въ Пекинѣ; при его жилищѣ находишся типографія, для печатанія книгъ на языкѣ Тибетскомъ. Въ *Гуангъ-Чингъ* устроены еще залы для театральныхъ представленій, сооруженныя *Кіангъ-Дунгомъ*, и видны пять искусственныхъ холмовъ; на одномъ изъ этихъ холмовъ, *Кингъ-Шанъ*, или *Блестящей горы*, возвышенной надъ другими, *Гоей-Тзунгъ*, послѣдній богдыханъ изъ династіи Мингъ, зарѣзалъ дочь свою, и попомъ самъ повѣсилъ на деревѣ, чтобы не опдашся живому въ руки бунтовщика *Ли-тсу-Чинга*. Кромѣ всѣхъ упомянутыхъ мною зданій, въ *Гоангъ-Чингъ* заключаешся еще множесство другихъ, весьма замѣ-

чашельныхъ. Тупъ судилища, храмы, жилища придворныхъ, и даже есть лавки, предоспавленныя нѣсколькимъ привилегированнымъ торговцамъ. Во второй оградѣ воздвигнутъ дворецъ, окруженный обширнымъ каналомъ, черезъ который построена мостъ изъ чернаго ясписа, созданіе странное и смѣлое. Если вѣришь миссіонеру Магаллаену, мостъ этотъ изображаетъ собою дракона, у котораго ноги составляютъ столбы, а изогнутое тѣло арки мостовыя.

Китайское отдѣленіе Пекина уступаетъ богатствомъ Манджурскому, но заключаетъ въ себѣ также замѣчательныя памятники. Храмъ Неба, или *Тіань-Тань*, считается первымъ во всемъ Китаѣ, по своей постройкѣ и убранству. Въ этотъ храмъ ежегодно ѣздитъ богдыханъ въ день зимняго равноденствія, для принесенія жертвы богу. Особенная комната въ этомъ храмѣ, *Чай-Кунгъ* (мѣсто уединенія и покаянія), служитъ богдыхану для жительства во время трехъ-дневнаго поста, которымъ готовится онъ къ такому жертвоприношенію; главная зала кругла, изображаетъ собою небо, и украшена 82-мя столбами, расписанными золотомъ и лазурью. На величественную высоту выставляющія надъ нею при отдѣленіи кровель, каждая особаго цвѣта, голубаго, желтаго и зеленаго. Въ храмѣ живутъ 500 музыкантовъ, опредѣленныхъ для его служенія. Неподалеку отсюда другой храмъ, посвященный изобрѣшашелю земледѣлія. Сюда ежегодно, весною, приходитъ богдыханъ, торжественно берется за плугъ, и проводитъ бороз-

ду по землѣ—обрядъ, умно придуманный и имѣвшій нѣкогда, можетъ быть, политическое значеніе, но теперь просто сдѣлавшійся обрядомъ.

Исчисленіе всѣхъ примѣчательныхъ зданій, какія замыкаешь въ спѣнахъ своихъ безконечный Пекинъ, могло-бы завлечь далеко. Упомяну только еще о двухъ, особенно характеристическихъ памятникѣхъ, касающихся исторіи и религіи Китайцевъ: это храмъ *Тивангъ-Міао* и храмъ Конфуція (*Кунгъ дзе*, или *Конъ-фу-тзе*). Въ первомъ находящаяся скрижали, или поршрешы славнѣйшихъ богдыхановъ, начиная съ Фу-ги до династіи Тзингъ. Фу-ги изображенъ шупъ съ полумѣсяцами на обѣихъ споронахъ головы, писальнымъ грифелемъ въ рукѣ, и своими священными таблицами, передъ нимъ лежащими. Подлѣ него видно изображеніе божества, называемаго Европейцами *Китайскимъ Юпитеромъ*, фантасмическаго генія, съ драконовыми ногами, пшичьимъ носомъ и распросшершими крыльями; поставленный въ кругѣ, обвѣшенномъ маленькими парашанами, онъ взмахиваетъ жезломъ, какъ будто-бы хотѣлъ въ нихъ ударить.—Храмъ Конфуція находится въ богдыханскомъ коллегіумѣ. Здѣсь приносятъ въ память великому мудрецу поклоне-нія и кровавыя жершвы, опъ имени всего государства. Зала жершвованій находится по срединѣ двора, и въ ней, рядомъ съ поршрешомъ великаго Конфуція, находящаяся еще скрижали *Менгъ-дзея*, или *Менція*, и двухъ, или шрехъ другихъ философовъ вшораго разряда; девяносто шесть скрижалей раз-

ныхъ мудрецовъ, составляющихъ претій разрядъ, поставлены отдѣльно.

Обожаніе людей мудрыхъ и ученыхъ, заведенное въ Кишаѣ съ незапамятныхъ временъ, вѣроятно, было главною причиною множеству заведеній ученыхъ и учебныхъ, какими обилуютъ Пекинъ и весь Кишай. Въ столицѣ находится трибуналъ исторіи и лихтерашуры Кишайской, родъ университета, предназначенный для воспитанія семейства богдыханскаго и для собранія лѣтописей Кишай. Кромѣ того замѣчательны: богдыханскій коллегіумъ; богдыханская обсерваторія, построенная въ 1279 году, и обновленная миссіонеромъ Вербьеспомъ, когда былъ онъ предсѣдателемъ математическаго трибунала; типографія; трибуналъ медицинскій; домъ для незаконнорожденныхъ дѣтей; публичныя училища; ослепное заведеніе; собранія предметовъ естествознанія, и наконецъ богдыханская библіотека, гдѣ, по извѣстіямъ Абель-Ремюза, находится около 300,000 томовъ разныхъ книгъ.

Наши Европейскія столицы, какъ-бы ни оплывались онѣ населеніемъ и промышленностью, дадутъ только несовершенное понятіе о шумѣ, движеніи и народонаселеніи Пекина. Въ каждомъ нижнемъ этажѣ дома находится здѣсь лавка; у каждой лавки своя вѣха, украшенная красными, голубыми, зелеными, бѣлыми флагами, для привлеченія проходящихъ; на каждой такой вѣхѣ вывѣска, гдѣ не только означено имя торговца, но исчислены еще его торговая родословная, похвалы ему, и частныя достоинства, рекомендующія его вниманію по-

купателей, подлѣ исчисленія главныхъ предметовъ его торговли. При пестротѣ и смѣшеніи такихъ вѣхъ, значковъ и вывѣсокъ, каждая улица Пекина походила на пристань, покрытую множествомъ кораблей, расцвѣщенныхъ флагами. Улицы Пекинскія наполнены кромѣ того безчисленнымъ множествомъ переносныхъ лавочекъ, подвижныхъ цырюленъ, бродящихъ заведеній мѣдниковъ, чебошарей, кузнецовъ. Посреди этихъ, непрерывно движущихся и работающихъ мастерскихъ, видѣше и осѣдлые мѣлочные припоны мѣлкой торговли, чаемъ, плодами, варенымъ сарачинскимъ пшеномъ, разными закусками, такъ, что не смотря на ширину улицъ Пекинскихъ, остается по срединѣ ихъ узкій проходъ, едва достаточный для проходящихъ взадъ и впередъ. Въ этомъ свободномъ промежуткѣ пѣснялся тысячами люди всяческихъ званій и состояній — солдаты и офицеры Манджурскіе, мандарины всѣхъ степеней и всѣхъ шариковъ, чиновники полицейскіе, богатые Кишайцы, сопровождаемые множествомъ служилыхъ, несущихъ зонтики, знамена, крашеные фонари и разные оплеченные знаки ихъ достоинства. Тутъ идутъ и пробирающіяся въ толпѣ погребальныя шествія, сопровождаемыя печальными процессіями, и веселыя свадьбы, съ веселыми звуками шамъ-шама и длинными вереницами госпешей—два предмета, непрерывно видимые на углу каждой улицы, какъ будто въ спорѣ за жизнь и смерть, избирая для этого свадьбу и похороны, два главные событія жизни человѣка. Между ними тянутся нескончаемыя цѣпи верблю-

довъ, приходящія изъ Монголіи, навьюченныя угольями, и тысячи запряженныхъ шѣлегъ, или ручныхъ шѣлежекъ и повозокъ, наполненныхъ овощами и другими припасами, привозимыми изъ окрестностей. Все это народонаселеніе Пекина, то ошдыхающее, то движущееся, кричащее, шумящее, хохочущее, плачущее, спорящее, это смѣшеніе предметовъ, кличка торгашей, кошорою каждый изъ нихъ извѣщаетъ о своемъ поварѣ, цырюльники, звенящіе въ свои блюда, все вмѣстѣ взятое, не столько увлекаешь, сколько уничтожаетъ вниманіе, пестритъ, рябитъ въ глазахъ на вѣчной Пекинской ярмаркѣ.

На Пекинскихъ улицахъ увидите много женщинъ. Кишайки выходятъ вообще мало, и обыкновенно ходятъ пѣшкомъ. Но женщины Монгольскихъ и Калмыцкихъ поколѣній безпрестанно внѣ дома, и всегда верхомъ на лошади; онѣ обыкновенно одѣваются въ длинныя шелковыя плащя, закрывающія ихъ до самыхъ пятокъ, но всего легче узнашь ихъ по величинѣ ногъ, столько же огромныхъ, сколько малы и корешки ножки Кишайскія. Уборка головы у нихъ почти такая же какъ у Кишакъ—волосы вылощены, вымазаны, подняты къверху; хотя лица Монголокъ покрыты бываютъ бѣлилами и румянами, но легко замѣшишь, что природный цвѣтъ шѣла ихъ лучше, нежели у Кишакъ.

Нѣтъ, кажешся, въ цѣломъ мірѣ полиціи лучше Пекинской. На концѣ каждой улицы, и часто, въ видѣ лѣсенки, по самымъ улицамъ, поставлены

рогашки, съ бупками и часовыми, не считая множества военных гауптвахтъ, повсюду разбѣянныхъ. Кромѣ такихъ офиціальныхъ надзирашелей, существуетъ еще надзоръ особенный, незамѣтный, и его принимаютъ на себя жишели, для которыхъ всего драгоцѣннѣе соблюденіе тишины. Отъ каждой десяти домовъ, поочередно, хозяева обязаны отвѣтствовать за безопасность и покой отдѣлений города. При малѣйшемъ нарушеніи порядка въ шомъ или другомъ десянкѣ домовъ, чередовой десяпникъ-обывашель бѣжитъ на ближнюю гауптвахту, и ему дается на помощь отдѣлъ полицейскихъ служашелей. Ночная стража отправляется особыми людьми, въ родѣ Англійскихъ ночныхъ сторожей (watchmen), которые не кричатъ часовъ, но въ извѣстное время спучаютъ въ пусшыя бамбуковины, производя шѣмъ рѣзкій и пронзительный звукъ.

Лордъ Макашней отправился изъ Пекина Октябрю 7-го, далеко не достигнувъ отъ своей поѣздки всѣхъ торговыхъ и дипломатическихъ выгодъ, какихъ надѣялись Англичане и ихъ правительство. Въ замѣну $2\frac{1}{2}$ милліоновъ, испраченныхъ Компаніею, посольство вывезло нѣсколько подарковъ богдыхана, и грамашу, содержаніе которой ничего не рѣшало. Октября 8-го началось обратное плаваніе Макашней по рѣкѣ Пеи-Го, и шуть можно было видѣть, какія бѣдныя селенія, какое нищенское многолудство окружають столицу Кишай. Изъ Пеи-Го Англичане выплыли въ Эй-Го, и отсюда

вошли въ знаменимый каналъ , который , слѣдуя миссіонерамъ , Европейцы привыкли называть *Императорскимъ*.

Безспорно, эшотъ каналъ есть одно изъ самыхъ прекрасныхъ и самыхъ полезныхъ произведеній человека на землѣ. Докторъ Джонсонъ говаривалъ , что какого-бы высокаго званія ни былъ человекъ , но онъ долженъ гордиться, когда можешъ сказать: « Дѣдушка мой видѣлъ Императорскій каналъ въ Кишаѣ.» Сравнивая съ эшимъ безмѣрнымъ объемомъ искусственныхъ водъ наши водныя сообщенія, должно называть ихъ бѣднымъ , ребяческимъ трудомъ. Кишайцы и Монголы споряшъ о чести созданія Императорскаго канала. Одни говоряшъ , будто онъ гораздо древнѣ Великой сшѣны ; другіе утверждаютъ , что онъ не старѣ XIII-го столѣтія. Какъ-бы то ни было , но Императорскій каналъ показываетъ въ созидателяхъ своихъ болѣе знанія и силы характера , нежели видимъ ихъ у нынѣшнихъ обитателей Кишай. Надобно было провести эшу громаду, на пространствѣ 800 миль въ длину, такъ , чтобы воспользоваться всѣми большими рѣками государства , не истощивъ , не умаливъ обилія водъ ихъ. На эшомъ основаніи взяты были участки изъ Эй-Го , Желшой рѣки и Янгъ-Тзе-Кіанга , и каналъ поддержанъ былъ между шѣмъ повсюду на одинакомъ уровнѣ водъ , такъ , что ни засуха, ни наводненіе не измѣняюшъ его. Прибавыше, что на столь великомъ объемѣ , воды его никогда не застаивающа ; эшо производишея посредствомъ огромныхъ шлюзовъ , опъ одного мѣ-

спа до другаго пересѣкающихъ Императорскій каналъ.

Исполняя всю эту исполинскую работу, надобно было побѣждать величайшія препятствія, чтобы выровнять общій объемъ канала съ различными частями подкрѣпляющихъ его водъ. Въ иныхъ мѣстахъ, землю выкапывали для этого на 70 футовъ въ глубину; въ другихъ, среди глубокихъ озеръ, въ нѣдрахъ топкихъ, безконечныхъ болотъ, выводили высокіе, широкіе и прочные водопроводы. Даже черезъ большія озера вели такимъ образомъ каналъ, иногда на протяжении многихъ миль, и воды его возвышены надъ водами озеръ, такъ, что опъ этого происходишь плаваніе въ два яруса, по озеру и по каналу. Тамъ и здѣсь видны мосты, различныхъ формъ, построенные изъ разныхъ матеріаловъ; у однихъ арки походяшь на готическія, у другихъ онѣ полукруглыя, у прешьихъ наконецъ онѣ складены въ видѣ лошадиной подковы. Есшь арки съ столбами, столъ высокими, что корабли въ 200 тоннъ груза проходяшь свободно подъ ними на всѣхъ парусахъ.

Вся эта часть внутренняго Кишая, черезъ которую путешествовали Макаршней и свига его, возвращаясь изъ Пекина, обилуетъ озерами, на берегахъ которыхъ живутъ семейства рыбаковъ. Рыбную ловлю производяшь они посредствомъ *леутзе*, или *баклановъ-рыболововъ* (*pelicanus sinensis*). Осправляясь по ушпру на ловлю, берутъ этихъ птицъ 40, или 42-шь, не кормя ихъ, и несутъ на бамбуковинѣ; пришедъ на извѣстное мѣсто, рыба-

ки пускающъ по одному, или по два своихъ пернапыхъ ловцовъ въ воду, и отбирающъ у нихъ рыбу, которую выпаскиваютъ они изъ воды на поверхность. Великою пища эта не превосходитъ ушки, но часто схватываетъ и выпаскиваетъ изъ воды рыбу неменше себя вѣсомъ. Когда бакланъ утомился, дающъ ему въ награду нѣсколько мѣлкой рыбы, и смѣняющъ другимъ. Тысячи лодокъ и плотовъ покрываютъ озера, на которыхъ рыбаки производящъ ловъ рыбы такимъ образомъ.

За озерами начинается лучшая часть Кипайскаго государства, наполненная храмами, памятниками, селеніями, городами. По полямъ все покрыто пшеницею и хлопчатною бумагою; даже покосы горъ обработаны до самыхъ вершинъ, оканчивающихся кучами деревьевъ. Подлѣ каждого домика видѣнъ садикъ, огородъ, съ цвѣтами, плодами, овощами всѣхъ родовъ. Посольство приблизилось къ *Желтой рѣкѣ*, и какъ будто для того, чтобы приготовить путешественниковъ къ великанскимъ своимъ размѣрамъ, Императорскій каналъ раскрылся передъ ними вдругъ на *тысячу футовъ* шириною, съ шоссе и набережными, обложенными мраморомъ и гранитомъ. Еще не приступая къ переезду въ каналъ по быстрому теченію рѣки, Кипайскіе плаватели хотѣли принести обыкновенную жертву духу власшешелю рѣчныхъ водъ. Пшцы, свиньи, ушки были зарѣзаны на яхпахъ, и разложены на переднихъ чашахъ ихъ, подлѣ чашекъ и блюдъ съ варенымъ мясомъ. По знаку, данному звукомъ гонговъ, капишаны яхшенные сбросили все изъ чашекъ

и блюдо въ рѣку, а запасы перенесли въ кухни яхшенныя, для раздачи мапрозамъ. Пешарды и хлопущи ознаменовали пошомъ окончаніе жершво-приношенія.

Свободно вступившія въ каналъ, яхпы прошли мимо городовъ: *Саулу*, *Янгъ-Чу* и *Сьу-Чьу*, находящихся въ обласпи *Янгъ-тзе-Кіангъ*; послѣдній изъ нихъ почищается мѣсшомъ щегольства и модъ; опсюда переходяшъ въ серали богашыхъ Кишайцевъ женщины самыя красивыя и самыя образованныя.

Послѣ *Янгъ-тзе-Кіанга*, посольство миновало *Ше-Кіангъ*, гдѣ главный городъ, *Гангъ-Чьу*, находится на берегахъ озера *Си-Гу*: это знаменитый *Кинсай* Марка-Павла, столица *Китая Сонговъ*, или *Южнаго*. За эшимъ городомъ земля являлась возвышеннѣе, гористѣе, города вспрѣчались рѣже; но все еще множество мѣстечекъ, селеній, хижинъ было разсыпано по вышамъ. Вскорѣ насажденія чайнаго деревца, до сихъ мѣстъ незамѣчаемыя, спали являшся чаще, съ каждымъ днемъ и каждымъ часомъ пуши.

Два или три раза надобно было переѣзжать нѣкошорыя переволоки сухимъ путемъ. Лошади и бамбуковыя носилки пригошвлены были для эшого повсюду. Такъ, водою и сухимъ путемъ, Англичане досшигли наконецъ озера *Пойана*, самаго печальнаго, пусшыннаго и дикаго мѣста, кошорое походишъ своими ужасами на *Даншевъ Адъ*; но *Рай* посшавленъ съ нимъ рядомъ: обласшъ *Хіангъ-*

Зи раскрылась немедленно, съ землею, какъ будто сплошь покрышою народонаселеніемъ, съ безчисленными заведеніями промышленности, храмами, увеселительными домами и дворцами. За тѣмъ раздвигается *Кантонская* обласъ, границы кошорой находясь близъ вершины горы *Мелинь*.

До сихъ мѣсѣхъ посольство было встрѣчаемо почтительнымъ привѣтомъ отъ *Кишайцевъ* всѣхъ званій, но едва вступило оно въ *Кантонскую* обласъ, какъ начало испытывать оскорбленія всякаго рода отъ обитателей, нарочно выбѣгавшихъ изъ селеній своихъ грозить и ругаться. Напрасно мандарины, сопровождавшіе по волѣ правительсва лорда *Макаршней*, хотѣли протестовать споль оскорбительнымъ явленіямъ; они умножались по мѣрѣ того, какъ посольство близилось къ *Канпону*. «Иноземные черти! Чужестранные дьяволы!» раздавалось по всей дорогѣ. Англичане принуждены были молчать. Плыя по рѣкѣ *Тигровой*, путешественники любовались на непрерывныя измѣненія прибрежныхъ видовъ. Тутъ видѣнъ былъ имъ утесъ, фушовъ семи сошъ вышиною, выдвинувшійся въ рѣку; тамъ храмъ, посвященный богинѣ *Пуза*, и населенный пусынниками. Направо и налѣво непрерывно мелькали насажденія сарачинскаго пшена, сахарнаго шросника и шабаку. Наконецъ, Декабря 44-го, послѣ шестидесяти-трехъ дневнаго шранспованія черезъ всю обширную землю *Кишайскую*, *Англійское* посольство вступило въ *Кантонъ*, встрѣченное множествомъ праздничныхъ яхшъ, высланныхъ на встрѣчу ему изъ факторій. Вице-

Король Кантонскій принялъ посла въ шопъ-же день на торжественной аудіэнціи. Во все время продолжительнаго пуши, посольство было на содержаніи богдыхана, и по счешамъ мандариновъ, сопровождавшихъ его, оно должно было, всего-навсего, стоить Китайскому правительству не менѣе 4-хъ милліоновъ франковъ.

Посольство Макартнея, безуспѣшное, но столь ласково принятое, какъ будто подспрекнуло честолюбіе Голландцевъ; они рѣшились возобновить свою дипломатію, и въ 1794 году отправили въ Пекинъ двухъ посланниковъ, *Исаака Тзинтзинга* (Isaac Tsintsing) и *фанъ-Брама*. Посланные проѣхали черезъ весь Китай, и прибыли въ Китайскую столицу въ большой нуждѣ, потому что ничего не было приготоовлено для содѣланія имъ дороги легкою и удобною. Въ Пекинѣ, потому-ли, что Китаичамъ спали казаться подобные пріѣзды Европейцевъ слишкомъ частыми, или пріемы ихъ слишкомъ убыточными, или наконецъ, полагали Китайцы, что уважають Голландцевъ наравнѣ съ Англичанами нѣтъ особенной надобности, только богдыханъ не вошелъ въ большія издержки для пріема нежданныхъ гостей. Имъ отвели плохое помѣщеніе, кормили ихъ безъ всякаго старанія и когда пришелъ день аудіэнціи, на бѣдныхъ посланникахъ Голландскихъ вымѣсили все, что принуждены были уступить непочинишельной гордости Англичанъ. Дошло до того даже, что однажды заставили посланниковъ спучать лбомъ девять разъ въ землю передъ кушаньемъ, которое богдыханъ

прислалъ имъ съ своего сшолѣ; попомъ принудили ихъ повшоряшъ шожѣ передъ ящикомъ изюму, передъ блюдомъ пирожковъ, увѣряя, что все это даруешся съ богдыханскаго сшолѣ. Ушромъ, въ шри часа по полуночи, въ сильный холодъ, подняли бѣдныхъ посланниковъ, для шого шолько, что богдыханъ ошправлялся на поклоненіе въ какой-шѣ храмъ, и пошребовалъ, чтобы и они были въ числѣ его свишы и снова кланялись ему. Словомъ, все пребываніе Голландскихъ посланниковъ въ Пекинѣ было шолько безпрѣшпанное повшореніе *ко-ту* или земныхъ поклоновъ. Посланники слушались приказаній богдыхана, и кланялись шакъ усердно, что въ 37-й день по пріѣздѣ ихъ въ Пекинъ, богдыханъ прислалъ благодаришъ ихъ за исправное послушаніе. Чшѣ это означало: насмѣшку, или въ самомъ дѣлѣ «спасибо» за пошоянное смиреніе? Богъ знаетъ; но шолько посольштво, предназначенное единшвенно для переговоровъ о шорговыхъ выгодахъ, не имѣло ни однажды случая даже поговоришъ о своемъ дѣлѣ, сбишѣ съ шолку поклонами и обрядами. Богдыханъ объявилъ въ заключеніе свою благодарношъ «людямъ, кошорыхъ прислали къ прѣшолу его изъ Бапавіа, поклонишъся ему, какъ власпишелю Небесной Имперіи,» и—эшимъ ограничилишъ всѣ слѣдствія Голландскаго посольштва.

Надобно сказашъ, что Англичане видѣли не болѣе ушѣха, когда ошправили въ Кишай, въ 1814 году, новаго посла, лорда Амгерста, племянника Пишшова, бывшаго попомъ Генераль-Губернашоромъ въ Индіи и воевавшѣ съ Бирманами. Едва до-

стигнувъ Кишайя, Амгерстъ заспорилъ о несчастномъ *ко-ту*, Кишайцы не уступали, и черезъ суши по прибытіи въ Пекинъ, посолъ долженъ былъ отправиться обратно. Все замѣчательное въ этомъ предпріятіи заключилось тѣмъ, что корабль Англійскаго посла разбился въ Индійскомъ морѣ, посолъ едва спасся въ Батавіа, и возвращаясь въ Европу завернулъ на островъ св. Елены, гдѣ Наполеонъ забросалъ его вопросами о Кишаѣ.

Съ тѣхъ поръ, ни одно Европейское посольство не проникало въ неприступныя стѣны Пекина. Какъ будто опасаясь болѣе и болѣе усиливающагося дѣйствія Европейцевъ по Кантонской торговлѣ, Кишайскій богдыханъ, по видимому, рѣшительно не хотѣлъ допускать ни малѣйшаго вліянія Европейцевъ на столицу своей Небесной Имперіи, и упорно зашворяетъ Западнымъ Людямъ враша черноговъ своихъ. Только объ одномъ любопытномъ новѣйшемъ путешествіи Европейцевъ въ Кишай можно здѣсь упомянуть: это было плаваніе Компанейскаго корабля *Лордъ Амгерстъ*, въ 1832 году. На немъ находились Компанейскіе агенты Линдсей и Гушцлавъ, и осмошрѣли все восточное приморье Кишайя. Основавшись сначала въ Кантонъ, *Лордъ Амгерстъ* посѣтилъ послѣ сего *Эмуи*, въ области *Фо-Кіенской*, гдѣ Линдсей и Гушцлавъ сходили на берегъ, не смоя на сопротивленіе Кишайскихъ чиновниковъ. Превосходно зная Кишайскій языкъ, агенты Компаніи вполне имѣли возможность произвестъ подробныя и вѣрныя наблюденія надъ нравами и обычаями жителей.

Продолжая свое плаваніе, *Лордъ Амгерстъ* остановился подлѣ острова *Ки-танъ*, гдѣ находился тогда *Кишайскій* адмиралъ *Тсунгъ-Пингъ* или *Ванъ-Тагинъ*. Вотъ какъ описываетъ *Линдсей* свое свиданіе съ этимъ *Кишайскимъ* чиновникомъ: «Мы приняли адмирала на нашемъ кораблѣ съ почестями, приличными его сану, и привѣщивали его прѣмъ пушечными выстрѣлами, но казалось, будто понимая, какія имѣлъ онъ случай пріобрѣсти о характерѣ иностраннхъ народовъ, не вразумили его, что на учтивость нашу надобно было отвѣчать также учтивостію. «Откуда вы? Какая ваша земля? Побѣжайте отсюда немедленно!» Вотъ что заговорилъ онъ съ нами съ перваго слова. Только что началъ было я свой отвѣтъ, какъ Его Превосходительство быстро поворожился къ *Гушцлаву*, и сказалъ ему: «Вы *Кишайцы*?» *Гушцлавъ* отвѣчалъ отрицаніемъ. Адмиралъ попросилъ его снять шляпу, и показавъ: нѣтъ-ли у него косы. Требованіе его исполнили. «Понимаю,» сказалъ онъ, «вы *Португальцы*.» Я изъяснилъ ему, что нашъ корабль *Англійскій*. Онъ, казалось, этому не повѣрилъ, отвѣчая мнѣ: «Вѣдь я самъ жилъ въ *Макао*, и знаю всѣхъ васъ, *Западныхъ Варваровъ*, а вашъ корабль изъ *Макао*.» Я возразилъ, что мнѣ странно видѣть недовѣрчивость Его Превосходительства и подозрѣніе въ обманѣ; что мы точно *Англичане*, и корабль нашъ *Англійскій*, не смотря на то, что Его Превосходительство изволилъ жить въ *Макао* и знаетъ всѣхъ *Европейцевъ*. Тутъ взялъ я карандашъ, написалъ по-*Кишайски* на ло-

скушкѣ бумажки; « *Ta-Ying-Kwo* (Великая Брипанія) есть моя земля, » и опдалъ адмиралу эту бумажку. Онъ взглянулъ на нее презрительно, расхохотался и вскричалъ: « Какая нелѣпость! *Великая* Брипанія! Ты, вѣрно, хотѣлъ сказать: *Маленькая* Брипанія! Вошъ какъ ты лжешь! » До сихъ поръ сохранялъ я совершенное хладнокровіе, отвѣчалъ вѣжливо на всѣ грубости, но, признаюсь, дерзость послѣднихъ словъ воспоржествовала совершенно надъ моими миролюбивыми намѣреніями. Я вырвалъ записку изъ рукъ грубіяна, все еще продолжавшаго насмѣхаться надъ нею, схватилъ его за руку, и сказалъ: « Если ты пришелъ на корабль нашъ только для поруганія моего славнаго *Ta-Ying-Kwo*, то я прошу тебя немедленно опъ насъ удалишься. » Соединяя попомъ слова съ дѣйствіями, я пошацилъ адмирала за руку изъ каюшы. Его Превосходительство замѣшилъ тогда, что изволилъ заговориться слишкомъ, и поспѣшилъ оправдаться передо мною: « Прошу меня извинить; не было моего намѣренія оскорблять васъ. Извѣстно вамъ, что есть *Ta-se-Ying* и *Leaon-se-Yang* (*Большая* и *Малая* Поршугалія; первымъ означающъ Кишайцы Поршугалію-собственно, а вторымъ Гоа), и думалъ я шакъ, что есть тоже *Ta-Ying-Kwo* и *Leaon-yang-Kwo* *Большая* и *Малая* Брипанія); признаю свою ошибку, и прошу извинить меня. » Такое оспроумное изъясненіе было сопровождено множествомъ поклоновъ и вѣжливостей, сколько почтительныхъ, сколько грубы и неучтивы были сначала поступки Адмирала. Онъ долго оставался попомъ

у насъ на кораблѣ, но все казалось въ немъ шакъ нелѣпо, что мы начали подозрѣвать, въ полномъ-ли разумѣ эшотъ знаменишый чиновникъ? Сомнѣніе наше подтвердили офицеры изъ его свиты, говоря, что онъ дѣйствительно очень глупъ.»

Ошъ острова Ки-Тана, гдѣ Англійскіе мореплаватели имѣли успѣшныя сношенія съ шуземцами, *Лордъ Амгерстъ* ошправился далѣе по берегу до высошы *Фу-шо-фу*; шущъ находишся мѣсто пребыванія главнаго начальника области *Ше-Киангъ*. Не смощря ни на какія препяшствія и ошказы, смѣлые агенты Компаніи досшигли въ главный городъ области, и упрямо требовали свиданія съ Вице-Королемъ. Забравши мѣшныя указанія, прямо пошли они къ жилищу его, но шщешно однакожь ешпарались видѣшся съ нимъ. Ихъ хотѣли даже засшавишъ переночевашъ на лодкѣ, обыкновенномъ жилищѣ самыхъ бѣдныхъ Кишайцевъ, но швердосш и рѣшишельность *Линдсея* и *Гупцлава* принудили Кишайцевъ перемѣнишъ шонъ. Здѣсь можно было замѣнишъ ошличишельную чершу Китайскаго характера. «Весьма замѣчашельно — говоришъ *Линдсей* — что едва шолько начинали мы не уважашъ власти мандариновъ, большая часш ихъ, сначала казавшишъ неприступными, ешпановишъ ласковы, и обращеніе самаго *Вана-Ше-Киангскаго*, сначала гордое и презришельное, шощасъ едѣлалось разсудишельно и сговорчиво, при нашемъ упорствѣ. Эшо покажется страннымъ и противнымъ общему закону человѣческой природы, но шочные опышы могутъ убѣдишъ въ вѣрности мо-

его замѣчанія. При всѣхъ важныхъ и неважныхъ случаяхъ, ни опъ правишельсшва, ни опъ чиновниковъ Кипайскихъ вовсе ничего, или весьма немного пріобрѣшете покорными прошеніями и ласковыми совѣсами; но перемѣнивъ шонъ, шопчасъ увидите уступчивость, и что еще удивительнѣе, они станушъ послѣ того оказывать вамъ даже болѣе искренности и уваженія.»

Съ перваго до послѣдняго дня пребыванія своего въ Фу-шо-Фу, надобно было Англичанамъ безпре-спанно бороться съ дѣяшельною хитростью и шайнымъ плутовствомъ Кипайскихъ купцовъ. Однажды агеншы Компаніи принуждены были даже прибли-зисься съ кораблемъ своимъ къ берегу, и угро-жать силою получить удовлетвореніе въ обидѣ таможенныхъ чиновниковъ Вице-Короля. — Пріемъ въ *Нингъ-По* былъ учтивѣе и церемоніальнѣе, но равная неприспупность была встрѣчена здѣсь въ переговорахъ. Напрасно агеншы Компаніи рѣши-лись краснорѣчиво доказывать передъ шолпою на-рода выгоды, какія взаимно пріобрѣшутся опъ сношеній болѣе частыхъ и легкихъ; мандарины спо-рили, что этого не позволяють коренные законы Кипая и формальное запрещеніе богдыханское. Въ *Шангъ-Ге*, въ области *Кіангъ-Су*, сопротивленіе Кипайскихъ властей было шакъ упорно, что для полученія справедливости и покровишельсшва, Ан-гличане принуждены были насильно вломисься въ чертоги обласшнаго правителя. Наконецъ, послѣ обозрѣнія береговъ *Корейскихъ*, Англійскій корабль ворошился въ Макао, въ концѣ 1832 года. Совер-

шивъ путешествіе столь отважное , Линдсей и Гупцлавъ заключающъ , изъ всего видѣннаго ими , что старинное обращеніе Кишайцевъ отъ сношенія съ чужеземцами, или *варварами*, по значенію слова, которое употребляютъ Кишайцы, говоря о чужеземцахъ, начинаетъ замѣняться, даже въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ Кишай, желаніемъ и необходимостью торговыхъ связей, равно полезныхъ Кишай и Европѣ. Только полишика Кишайскаго правительсва останавливаетъ еще полное развитіе подобныхъ сношеній , но невозможно , кажется , чтобы эта полишика долго выдержала сопротивленіе новыхъ преобразованій и промышленныхъ успѣховъ , которые непримѣнно , но явно проникаютъ въ Кишай.

ГЛАВА XXXVIII.

**КИТАЙ. ВЫВОДЪ ОБЩІЙ. ПРОИЗВЕДЕНІЯ ПРИРОДЫ,
ПРАВЛЕНІЕ , РЕЛИГІЯ , НРАВЫ , ОБЫЧАИ , ЗАКОНЫ,
ЛИТТЕРАТУРА , НАУКИ , ИСКУСТВА.**

Географія Кипая дѣло столь неопредѣленное , среди противорѣчащихъ извѣстій и обширности размѣровъ , что надобно написать нѣсколько томовъ , если захотѣшь привести ее въ какую нибудь ясность и точность. Легко-ли—сами подумайте—выпутаться изъ лабиринта 4572-хъ городовъ, 2796-ти храмовъ , 3458-ми мостовъ, 40,809-ти важнѣйшихъ зданій , или изъ 765-ти названій озеръ и 44,605 названій горъ , что все исчислено и поименовано въ книгахъ Кипайскихъ географовъ! Естественное описаніе Кипая, опредѣленное въ однихъ частяхъ , остается сомнительно въ другихъ , и вообще чрезвычайно неполно.

На пространствѣ земель, простирающемся между 69-мъ и 441° долгой восточной , и 48-мъ и 51°

широты сѣверной, среди положенія поверхности
самаго разнообразнаго, какое только можеше себѣ
вообразить, вмѣщая и гористыя обласи и запо-
ляемые водою долины, степи и болоша, пучныя ра-
внины и плодоносныя покапоси, изрытый водами,
исчерченный каналами, Кипай долженъ произво-
дить все, что только захочешъ производить, и
изъ царства расписельнаго, вѣроятно, немного
деревьевъ и распеній цѣлаго міра не войдешъ въ
обширные каталоги ботаническаго описанія Кипая.

Земледѣліе съ незапамятныхъ временъ уважается
въ Кипаѣ, и въ извѣстное время года опправля-
ютъ здѣсь даже празднество въ честь его; самъ
богдыханъ принимается за плугъ, и своими цар-
скими руками проводитъ борозду по землѣ. Оче-
видцы передали намъ поэтическое описаніе этого
необыкновеннаго торжества. Въ 15-й день перваго
годоваго новолунія, въ сопровожденіи князей крови,
родственниковъ, и съ главнѣйшими сановниками го-
сударства, богдыханъ опправляется на мѣсто, о-
предѣленное для праздника. Кругомъ поля шѣсняш-
ся обласные земледѣльцы, приходящіе наслаждашъ-
ся торжествомъ своего занятія. Вступивъ на поле,
богдыханъ преклоняется на землю, и девять разъ
касается головою земли, воздавая обожаніе *Tienу*,
Богу небесъ; громогласно произноситъ онъ мо-
литву, и потомъ заколаешъ вола, какъ жертву
Подашелю всѣхъ благъ. Послѣ сего приводятъ бо-
гато убранныхъ воловъ, запряженныхъ въ особен-
ный плугъ. Богдыханъ берешся за ручку плуга,
погоняешъ воловъ, и начинаешъ паханье; князя

смѣняють его немедленно въ прудѣ; мандарины слѣдуютъ за ними; просые землепашцы оканчиваютъ богдыханскую полосу, въ одинъ и тотъ-же день во всемъ государствѣ, вице-короли исполняютъ этотъ обрядъ во имя богдыхана. Поствы празднуются съ такою-же пышностью, тѣми-же самыми особами, при тѣхъ-же самыхъ свидѣтеляхъ. Но ко всему этому должно прибавить, что нѣкоторые путешественники изображали богдыханское паханье и Кипайское земледѣліе совсѣмъ не въ роскошныхъ черкахъ; по рассказамъ ихъ, торжественное исполненіе обряда тѣмъ не менѣе оставляетъ земледѣльчество Кипайцевъ далеко не на той степени совершенства, о которой столько много наговорили пристрастные хвалители Кипайцевъ. Истина этого подтверждается ужаснымъ голодомъ, который отъ времени до времени опустошаетъ народонаселеніе Кипая. Легко можно себя вообразить, что въ государствѣ, которое упорно отвергаетъ ввозъ иностраннаго хлѣба, ошибка въ расчетѣ урожая должна имѣть слѣдствія самыя ужасныя, при многолюдствѣ заселенія.

Все домашнія животныя, обыкновенныя въ Европѣ, находясь въ Кипаѣ, и кромѣ того здѣсь водятся еще верблюды, впрочемъ малорослый выродокъ. Въ лѣсахъ Кипайскихъ живутъ: слонъ, однорогій носорогъ, безгривый левъ, тигръ, изъ породъ обезьянъ—долгорукій гиббонъ, безобразный маго, пикъ, подражающій всѣмъ движеніямъ и даже хохоту человека—олень, кабанъ, лисица, и множество другихъ звѣрей. Птицъ обиліе, особливо утокъ.

Особенно должно замѣтить Кишайскихъ серебрянаго и золошаго фазана, сарселлу и баклана-рыболова. Кишайскій тупоголовъ, украшеніе садовыхъ бассейновъ въ Кишаѣ, давно перевезенъ въ Европу, также и у насъ считается украшеніемъ.

Въ Кишаѣ есть серебряные рудники, но ихъ худо обрабатываютъ. Золошо добываютъ въ пескѣ нѣкошорыхъ рѣкъ. *Тутенагъ*, извѣстный бѣловашый металлъ, особенно принадлежишь Кишаю; туземцы употребляютъ его на выдѣлку чашъ и подсвѣчниковъ. Желтая мѣдь служишь для бѣша мѣлкой монеты, употребительной въ Кишаѣ. Ршунъ и сѣриисый мышьякъ находясь здѣсь во множествѣ. Изъ драгоценныхъ и замѣчательныхъ каменей должно оплечить: лаписъ-лазури (лазуревикъ), ясписъ, горный хрусталь, нефрисъ (*jade néphrétique*), магнисъ, гранисъ, порфиры, различные мраморы (въ числѣ ихъ черный, чрезвычайно звонкій, который многіе путешественники называли *музыкальнымъ камнемъ*). Три вещества, входящія въ составъ Кишайскаго фарфора, сунъ: *пе-тунъ-тзе* (бѣловашый, пластинчатый фельдшпатъ), *као-линъ* (глиновидный фельдшпатъ) и *ше-као* (сѣриисый барисъ).

Правленіе Кишай есть полный неограниченный деспотизмъ, допускающій право посредничества только извѣстнымъ званіямъ государственныхъ сановниковъ. Верховная власть исключительно принадлежишь богдыхану, принимающему наименованіе *Сына Небесъ*. Прешоль наследственный, и съ древнѣйшихъ временъ наследство утверждается толь-

ко по мужескому колѣну, впрочемъ , право перво-родства не составляетъ неизъемлемой принадлежности. Аристократія въ Кипаѣ неизвѣстна, если подъ эшимъ именемъ разумѣть наследственное право на благородство , передающее чины и почести изъ рода въ родъ въ опредѣленномъ, ограниченномъ числѣ вельможескихъ родовъ. Но въ Кипаѣ есть своя особенная, личная, такъ сказать, аристократія, совсѣмъ не зависящая, какъ думаютъ многіе, отъ прихоти богдыхана, но утверждаемая на неизблемыхъ правилахъ основнаго закона и обычаемъ установленной іерархіи: это *аристократія учености*, которую опредѣляютъ экзаменъ и успѣхи въ знаніяхъ. Всѣ юные Кипайцы, безъ различія званій, могутъ быть допускаемы къ полученію по экзамену шретьей степени ученой. Люди, получившіе ее, диспутуются между собою за вторую степень, послѣ которой можно вступить въ опшравленіе публичныхъ должностей. Съ этой второй степени, человѣкъ ума превосходнаго можетъ возвыситься на первую степень и занять самыя важныя государственные должности. Такое установленіе почета по образованію и учености восходитъ къ VII-му столѣтію, и съ тѣхъ поръ продолжается оно постоянно, не смотря на нашествія варваровъ и завоеванія Кипая. Можно допустить, что ослабляя воинскій духъ, оно опкрывало предѣлы Кипая Монгольскимъ ордамъ, но за то ему одолженъ Кипай шѣмъ, что побѣдишели приняли Кипайское образованіе, и покорились духу мѣстности, вмѣсто преобразованія Кипая

по своей волѣ; ему также одолжены Кишайцы эшимъ продолжишельнымъ рядомъ цѣлыхъ сполѣшій шишины, эшимъ внушреннимъ порядкомъ, эшимъ уваженіемъ народной толпы къ установленнымъ предметамъ, и совершеннымъ повиновеніемъ народа древнимъ законамъ. Преимущество, даруемое образованію и уму, но не рожденію — вошъ основаніе Кишайскаго правишельства. Наслѣдшвенныя преимущества въ Кишаѣ предоспавлены шолько князьямъ богдыханскихъ семействъ и пошомкамъ Конфуція, Менція и Лао-Киума.

Военная іерархія, соспавляемая мандаринами военными, бываешъ также слѣдшвіемъ соспязанія. Но шолько для нея надобно, вмѣсно доказашельствъ ума и образованія, доказашъ свои воинскія способности, силу и искусство въ воинскихъ заняшіяхъ. Впрочемъ, военные степени считающся вообще гораздо ниже ученыхъ. Гражданскихъ мандариновъ во всемъ государствѣ считаешся 14,000, раздѣленныхъ на восемь степеней, изъ которыхъ каждая опличена шарикомъ на шапкѣ; имъ предоспавляющся уваженіе народа и милосши богдыхана. Военныхъ мандариновъ считаешся 20,000, но всѣ они супъ нисшіе чиновники; имъ повинующся солданы, но вліяніе ихъ на государство гораздо незначительнѣе.

Управленіе обласшями раздѣлено между многими чиновниками, кошырые не зависяшъ одни ошъ другихъ, и должны переносишъ къ богдыханскому Двору всѣ дѣла, касашельно взаимныхъ между со-

бою отношеній. Намѣстники , или, какъ привыкли ихъ называть Европейцы, вице-короли (*вицери*), почти всегда имѣющъ подъ властью своею по двѣ области. Кромѣ того , въ каждой области есть еще областной интендантъ, начальникъ надъ ученіемъ , управляющій финансами , уголовный судья , и два надзирашеля , одинъ надъ запасами соли , другой надъ хлѣбными магазинами. Опдѣленія , округа , уѣзды , каждый управляюща опдѣльными судьями, соединяющими въ себѣ власть правительственную и судебную. Самъ богдыханъ назначаетъ во всѣ сіи должности, разсматривая по пройному списку кандидашовъ , способныхъ для того , или другаго занятія. Донесенія и офиціальныя приказанія богдыхана всѣ печатаются въ придворной Пекинской газетѣ, и повѣряются потомъ въ областныхъ газетахъ. Если указъ богдыханскій касается чьей либо особенной выгоды , или можетъ встрѣшиться какое нибудь прошиводѣйствіе въ народѣ , богдыханъ вступаетъ , при обнародованіи его, въ офиціальную полемику, доказывая необходимость, принудившую его къ тому или другому рѣшенію. Дѣло доходитъ въ этомъ отношеніи иногда такъ далеко, что по случаю какого нибудь бѣдствія, какъ-то : голода, землетрясенія, болѣзни, Сынъ Небесъ беретъ на себя отвѣстственность за такое зло передъ своими подданными , кается въ грѣхахъ , обвиняетъ себя торжественно въ несоблюденіи обязанностей передъ Богомъ , и общаетъ умилоспивить его послами , уединеніемъ и необыкновенными молитвами.

Богдыханъ есть верховный власишель государсва и войска. Число воиновъ, которыми можешъ располагашъ повелишель Кипая, было предметомъ различныхъ мнѣній. Барровъ говорилъ о *двухъ милліонахъ*; миссіонеры считали *милліонъ четыреста тысячъ*; Малышебрюнъ только *полъ-милліона*. Кажешя, вѣрнѣе всѣхъ должно почешъ вычисленіе Русскаго путешественника Тимковскаго, который раздѣлялъ все Кипайское регулярное войско на четыре корпуса: *первый*, составленный изъ Манджуровъ, войско опборное, числомъ 67,000 человекъ, имѣющее большія преимущества; *второй* корпусъ Монгольскій, 45,000; *третій*, 27,000-й, Кипайскій; наконецъ, *четвертый*, самый многочисленный, состоящій изъ 500,000, также Кипайцевъ. Между двумя послѣдними корпусами ша разница, что предки меньшаго изъ нихъ присоединились къ Манджурамъ съ первыхъ лѣтъ ихъ нашествія, и помогали имъ воевашъ своихъ соопчицей, между пѣмъ, какъ другіе Кипайцы сражались за свою родину. Избранные полки обыкновенно находяшя въ столицѣ и ея окрестностяхъ; другія войска разсѣяны въ *двухъ тысячахъ* укрѣпленныхъ мѣстъ Кипайскаго государсва. Съ подвижною милиціею, число которой восходитъ до 425,000, вся военная сила Кипая составишъ около 740,000 человекъ, и въ томъ числѣ конницы 475,000. Кромѣ того, какъ независимые союзники, есть еще Монгольскіе конники, похожіе своимъ усшановленіемъ на Русскихъ казаковъ; число ихъ полагаюшъ въ 500,000 человекъ.

Почти все солдаты Кишайские жены, и дѣти ихъ, кошорыхъ вписываютъ въ составъ корпусовъ при самомъ рожденіи, служатъ попомъ къ пополненію войска, вмѣсто опцовъ. Кромѣ оружія, лошади, дома, и опредѣленнаго раціона сарачинскаго пшена, каждый солдатъ прехъ первыхъ корпусовъ получаетъ еще ежемѣсячнаго жалованья при, или чешыре лана (опъ 24-хъ до 32 рублей). На эти деньги долженъ онъ одѣваться, и какъ одѣванье производится не только на собственный счетъ солдатскій, но и по собственному вкусу каждого солдата, по изъ этого слѣдуетъ, что въ обмундировкѣ Кишайскаго войска нѣтъ никакого порядка; иные шьютъ себѣ куртки синія, съ красною оппорочкою, а другіе темныя съ желтою; одни носятъ широкіе шаровары, другіе гораздо уже, съ сапогами сверхъ шароваровъ. Здѣсь видите спрѣлка въ длинномъ кафтанѣ изъ бумажной шкани, съ маленькими пуговками, подпоясаннаго кушакомъ; тамъ встрѣчается фузелеръ, съ карпонною, либо кожанною шапкою, у кошорой висятъ лопоспи на щеки и на плеча.

Чешвершому корпусу, изъ 500,000 состоящему, даются учаспки земель для собсшвеннаго обрабатыванья. Находя въ этомъ спасеніе отъ голодной смерти, бѣдняки во множествѣ добиваются милоспи бытъ записанными въ солдаты этого корпуса, и попому укомплектованіе его производится весьма легко.

Изъ всехъ Кишайскихъ солдатъ развѣ только въ конницѣ еспъ еще какая нибудь важность и

воинспивенность. Пѣхопинцы, вооруженные плохими ружьями, безъ курковъ, съ фителями, шпрусливы, и вовсе не знаютъ порядка службы; артиллерія въ ребяческомъ состояніи, до того, что артиллеристы съ робостью подходятъ къ своимъ пушкамъ. По исчисленію Тимковского, содержаніе всей арміи Китайской стоить ежегодно до 87,400,000 лановъ (около 700,000,000 рублей).

Многіе и весьма много говорили о Китайскихъ законахъ и ихъ вѣковой неподвижности. Каково-бы ни было мнѣніе, которое можно имѣть объ нихъ, смотря съ философической точки зрѣнія, но не лзя однакожь оспорить, что они удивительно приспособлены къ мѣстной полишкѣ и характеру туземцевъ: это, какъ говорятъ Мальтебрюнъ, хорошія полицейскія постановленія, соединенныя съ хорошими нравспивенными постановленіями. Власпишель уважаетъ законы своей земли, потому что они служатъ превосходнымъ орудіемъ для прямого и косвеннаго поддержанія его владычества. Мандарины также не находятъ выгоды измѣнять ихъ, ибо ими поддерживаютъ они повиновеніе къ себѣ народа, если и не находятъ защиты противъ старшихъ себя. Въ Китаѣ нисшій и слабый бываетъ всегда виноватъ — это необходимо по сущности Китайскаго правленія, и хотя учреждены судилища, куда, для формы, нисшій можетъ подать жалобу на высшаго, но всякій напередъ знаетъ, что наказаніе непременно послѣдуетъ за подобную дерзость. Въ слѣдствіе этого, всѣ принуждены кое-какъ ладить между со-

бою, а въ случаѣ нужды бамбуковая палка уравниваетъ всякія ссоры и припязанія. Народъ не думаетъ, споритъ, пошому что онъ прусливъ, но хиперъ и ловокъ, и своею хипросью умѣетъ направлять волю своихъ начальниковъ, какъ ему угодно. Его грабятъ, да за то даютъ ему средствъ воровать и мошенничать, и онъ превосходно пользуется средствами вознаграждать себя. Правосудіе оказывается плохо, но только шѣмъ, кто худо плашитъ, и пошому богатый всегда оспается въ выигрышѣ, а бѣднякъ молчитъ и терпитъ по неволѣ. Когда Кишайцу приходится умирать голодною смерью, онъ дѣлается морскимъ или сухопутнымъ разбойникомъ; его повѣсятъ, если поймутъ, и если онъ не въ состояніи будетъ прошивишься, но ежели онъ силенъ и уменъ, съ нимъ договорясь, дадутъ ему даже мандаринское мѣсто, только-бы унять его, и правительство извлечетъ еще пользу изъ его вредной опышности.

Впрочемъ, все — воспитаніе, обычаи, обряды въ общесивенныхъ сношеніяхъ, приучаютъ Кишайца съ самаго дѣтства къ повиновенію. Ему шагу нельзя сдѣлать безъ того, чтобы какой нибудь поклонъ, какая нибудь учтивость, даже раболѣпство не были предписаны закономъ. Такимъ образомъ, врожденная гордость человека уничтожается успавомъ общества. Но важнѣйшая тайна Кишайской полишки, самая главная причина неподвижной самопышности Кишай, есть — повѣрятъ-ли эшому? — пасиграфическая система Кишайскаго письма, ко-

торая не даетъ возможности письменными знаками выражать звуки разговорнаго языка. «Поспавыше основныя, или вообще необходимыя для васъ идеи, въ какомъ угодно порядкѣ — говорить Мальтебрюнъ—и подѣ этими идеями главными поспавыше всѣ другія идеи, какія передаетъ вамъ языкъ разговорный, или какія только можете вы себѣ вообразить; придайте главной вашей идеѣ какой нибудь представляющій ее знакъ, только самый произвольный и безобразный; пусть эти знаки, какъ ключи вашего языка, будутъ основаніемъ прибавочныхъ знаковъ, также совершенно произвольно къ нимъ присовокупленныхъ — вы образуете себѣ то, что составляетъ въ Кишаѣ, такъ называемый, *угеный*, или *письменный* языкъ. Главныхъ ключей въ немъ 214-ть, и какъ они, такъ и присовокупляемые къ нимъ знаки, числомъ болѣе 800,000, выражающъ не *слова*, но *идеи*; ихъ читаютъ глазами и понимаютъ памяшью; воображеніе не пробуждается этими произвольными начертаніями, и голосомъ не лзя выразить и сошой ихъ части. Красота Кишайской поэмы состоитъ въ томъ, чтобы ее невозможно было передать декламаціею, и великіе ученые люди Кишай спорятъ между собою, рисуя на воздухѣ своими вѣрами начертанія, которыя не соотвѣтствуютъ ни одному слову разговорнаго языка. »

Что касается до разговорнаго языка Кишайскаго, онъ составленъ изъ односложныхъ звуковъ, и едва-ли ухо Европейца можетъ отыскать въ нихъ болѣе 350-ти различій. Но при помощи раз-

ныхъ измѣненій голоса, Кишайцы опличають эшихъ различій число несравненно большее. Такъ, на примѣръ, смотря по произношенію, слово : *гунъ*, можешь значить : *господинъ*, *свинья*, *кухня*, *столъ*, *щедрый*, *приготовлять*, *старуха*, *невольница*, *плѣнникъ*. Въ другихъ случаяхъ самое произношеніе совершенно одинаково, но множество смысловъ придается между шѣмъ одному и тому-же слову : не крапкое, на примѣръ, значить : *стверъ*, *бѣлый*, *кипарисъ*, *сто*, и еще нѣсколько другихъ предметовъ. Словосочиненіе, кромѣ того, опличается самобытносью совершенно варварскою : не имѣя ни спряженій, ни склоненій, оно замѣняетъ шѣ и другія самыми смѣшными изворотами. Ученый, или письменный языкъ, съ своей стороны, опровергая всѣ пособія разговорнаго, составляетъ свои идеислова, подразумѣвая связь ихъ различныхъ отношеній. Хотяшъ-ли сказать : «Безпредѣльное море», пишуть : «Море»—«нѣшъ»—«предѣлъ.» Сухой, шемный, опспавшій, письменный языкъ Кишайскій носитъ на себѣ всѣ признаки глубокой древности, хотя, кажешся, долженъ почешся въшвью одноплеменною съ Тибетскимъ и Аннамскимъ.

Между шѣмъ вліяніе шайнописанія Кишайскаго на полишическое образованіе государства гораздо большее, нежели можно-бы подумашъ съ перваго взгляда : имъ держишся народъ въ младенчествѣ, и всѣ понятія, сколько нибудь высшія, опспаются внѣ всякаго народнаго разумѣнія. Языкъ разговорный, поставленный такимъ образомъ, въ нисшую степень, не участвуешь въ успѣхахъ ума, совер-

шаемыхъ въ отдѣльной сферѣ, а языкъ письменный, ограниченный условными знаками, съ шрудомъ находишь формулы для идей и выраженій новыхъ.

Слишкомъ превознесены и увеличены были въ прежнее время лишперашурныя и ученныя познанія Кишайцевъ. До прибытія Европейцевъ въ ихъ землю, Кишайцы рѣшительно не знали Машемапики, и всѣхъ зависящихъ отъ нея свѣдѣній. Астрономическія наблюденія Кишайцевъ были невѣрны и непочны, и невольное убѣжденіе самихъ Кишайцевъ въ превосходствѣ Европейскихъ способовъ вычисленія, подтвержденномъ множествомъ опытовъ, послужило однимъ изъ главныхъ средствъ для миссіонеровъ пріобрѣсти уваженіе, какъ великимъ астрономамъ и физикамъ; имъ послѣ того переданы были всѣ занятія сего рода, и они поставили Астрономію Кишайцевъ почти на ряду съ Европейскою. Доказательство, что Европейцы были въ семъ случаѣ единственною причиною успѣха, служило упадокъ Астрономіи снова, съ тѣхъ поръ, какъ миссіонеры были изгнаны изъ Китая. Когда посольство Макартнея прибыло въ Китай, тамошніе астрономы находились въ величайшемъ запрудненіи, до того, что президентъ Машемапическаго прибунала явился съ просьбою къ Баррову и Двинди — пособишь ему въ Астрономическихъ вычисленияхъ для составленія обыкновеннаго календаря. До тѣхъ поръ кое-какъ пробивался онъ, употребляя извѣстный календарь Французскій (Connaissance des temps), присланный ему изъ Парижа; но Революція Французская прервала

всѣ сношенія между Парижемъ и Пекиномъ, и бѣд-
ный Машематическій прибуналь принужденъ былъ
ограничиваться своими собственными свѣдѣніями,
почти на удачу опредѣляя небесныя явленія. Съ
величайшею благодарностью принялъ Президентъ
прибунала отъ Двинди собраніе морскихъ кален-
дарей, по копорымъ вычены аспрономическіе учи-
нены были на Гренвичскій меридіанъ до 1800 года.

Другія знанія оказали въ Кишаѣ успѣховъ не
болѣе Машемашики и Аспрономіи. Объ Искусш-
вахъ и Художествахъ Кишайскихъ можно судить
по обращикамъ, привозимымъ въ Европу: снран-
ное счищается здѣсь изящнымъ; зодчесшво, живо-
писъ, ваяніе производяшъ фаншасшическихъ чудо-
вищъ. Только два важныя изобрѣшенія кажутся
исключительно самородными въ Кишаѣ, хошя и въ
несовершенномъ состояніи: печашанье рѣзными до-
сками и компасъ. Полярносш магншша была без-
спорно вѣдома Кишайцамъ, еще во времена Марка
Павла. Подвержено сомнѣнію, но вѣрояшно, не онъ-
ли первый вывезъ отсюда и открылъ тайну ком-
паса Европейцамъ, а мнимый Ишальянскій изобрѣ-
шашель не на пракшкѣ-ли только осуществилъ
мысль, переданную ему славнымъ пушешесшвен-
никомъ.

Но не смотря на это, мореплаваніе Кишайцевъ
самое жалкое и грубое. Кишайскіе корабли сущъ
огромные ящики, хошя иногда бывающъ въ 4000
шоннъ груза. Верхняя высокая надстройка дѣлаешъ
ихъ совсѣмъ неспособными къ плаванью. Негодныя
для управленія парусами по вѣшру, Кишайскія

жонки непрерывно разбиваются; изъ спа кораблей, вышедшихъ въ море, навѣрное гибнешъ пятьдесятъ. Якори дѣлаются деревянные. Не зная нашихъ инструментовъ для наблюденій на морѣ, кормчій правитъ по видимости берега, и по положенію звѣздъ, если поперяешъ изъ вида берега. Изъ всѣхъ судовъ Кишайскихъ, кампаны сушь самые красивые, щегольскіе и опрятные; ихъ покрываютъ прекраснымъ желтымъ лакомъ, и паруса на нихъ дѣлаются изъ тонкихъ рогожекъ. Снасти корабельныя плетутъ обыкновенно изъ бамбуковой коры. Только механическія издѣлія достигли въ Кишаѣ досматочнаго совершенства, относитель-но ко всему другому; но и въ нихъ, такъ-же какъ въ шкацкихъ издѣліяхъ, фарфорѣ, лакѣ, и другихъ произведеніяхъ Кишайской промышленности, видишь плоды болѣе смышленаго терпѣнія, нежели изобрѣшательности Кишайцевъ.

Я говорилъ уже о памянникахъ Кишайскихъ. Что касается до липперашуры, видимъ, что въ ней немногое найдешся для насъ, хотя произведенія философовъ, поэшовъ и историковъ Кишайскихъ усердно переводятся теперь на Европейскіе языки. У Кишайцевъ есть много печатныхъ книгъ, особливо въ Пекинѣ, гдѣ обилуютъ ими богдыханскія библіотеки, а также и во многихъ облас тяхъ, гдѣ есть библіотеки въ публичныхъ заведеніяхъ и у многихъ ученыхъ Кишайцевъ. Между другими швореніями, Кишайцы имѣютъ Энциклопедію въ 64-хъ томахъ, составленную Вангъ-гонгъ-шаномъ, знамени-тымъ ихъ писателемъ, жившимъ около

1600 года, почти въ эпоху прибытія миссіонеровъ въ Кишай. Сынъ помогаль въ эпомъ огромномъ сочиненіи Вангъ-гонгъ-шану. Среди многого замѣчательнаго находимъ извѣстіе объ огнеспрѣльномъ оружіи Европейцевъ. Распредѣленіе предмешовъ, снранное съ одного конца книги до другаго, само по себѣ разумѣется, не походишь на сисшему, приняшую въ Энциклопедіи Даламбера и Дидеро. Вотъ какъ распредѣлилъ всю обласшь вѣдѣній Кишайскій энциклопедисшъ: 1, Астрономія; 2, Географія; 3, портреты замѣчательныхъ людей и различныя вѣры разныхъ народовъ; 4, таинства великаго Цикла и Пакуа; 5, Зодчесшво; 6, орудія и снаряды военные, земледѣльческіе, садовые и рыболовные; 7, Анашомія; 8, одежды; 9, шахмашная и другія игры; 10, древнія письма Кишайскія; 11, Бошаника и Есшесшвознаніе различныхъ сшранъ; 12, искушсшво сражашься и бишья на кулачкахъ; 13, искушсшво дровосѣка; 14, танцованье; 15, различныя средсшва сохранишь здоровье и бишь долговѣчнымъ; 16, бишвы воловъ и пѣшуховъ; 17, монеты, съ изображеніями.

Поэзія сосшавляешъ важный опдыхъ ученыхъ людей, и даже самыя великіе богдыханы Кишайскіе оставили доказашельсшва своихъ сшхотворчесшхъ способносшей. Кіанъ-Лунгъ находисья въ числѣ здѣшнихъ великихъ поэшовъ. Самый извѣсшный въ народѣ опривокъ его сшхотвореній Ода на чай, изображаемая на всѣхъ Кишайскихъ чайникахъ. Вотъ какъ начинаешся эшо знаменишое сшхотвореніе Кіанъ-Лунга: «На небольшомъ огнѣ

поставь сосудъ , ушвердивъ его на преножникъ ; наполни сосудъ чистою снѣговою водою ; кипяши воду , сшоль долго , сколько потребно сдѣлашься рыбѣ бѣлою , а ракамъ краснымъ , » и проч.

Философическія сочиненія уважаются однакожь въ Кишаѣ болѣе , нежели забавы поэшическія. Ученіе Конфуція , основная философія Кишайцевъ , составленное въ краткихъ изреченіяхъ , излагаемыхъ повелишельнымъ образомъ , шемно въ своихъ догматахъ , но ясно въ отношеніи нравственности , не оставляя никакихъ сомнѣній о сущности религіозныхъ и гражданскихъ обязанностей. Таково , на примѣръ , слѣдующее изреченіе Кишайскаго мудреца :

« Три добродѣтели основныя : скромность для разсмотрѣнія ; благосклонность для общаго блага ; мужество для сохраненія. »

Ученіе Конфуція составляетъ , кажешся , религію образованныхъ званій въ Кишаѣ. До него , шуземная религія была какимъ-шо философическимъ паншеизмомъ (нашуробожіемъ). Кажешся , что въ опдаленной древности , Кишайцы признавали бытіе Бога , мздовоздаяшеля за добро и зло , и изъ многихъ мыслей Конфуція можно замѣшишь , что эшопъ мудрецъ допускалъ сей основной догмашъ. Но шемный и неопредѣленный смыслъ его изреченій , его основанія ешественной нравственности и всеобщаго согласія , сдѣлали изъ Кишайской религіи совершенный Спинозизмъ , смѣшанный съ машеріализмомъ и ашеизмомъ. Совершенно полишическое обожаніе неба , геніевъ земли , звѣздъ ,

горъ и рѣкъ, поклоненіе шѣнямъ предковъ—все это есть собственно гражданскій обрядъ, безъ всякихъ религіозныхъ основаній. Здѣсь не прие-
мется никакое видимое изображеніе божества, нѣтъ и жрецовъ; каждый начальникъ гражданскій опправляетъ обряды въ своемъ мѣстѣ, а богдыханъ является полипическимъ поншифомъ Кишай. Конфуцій украшаетъ своимъ изображеніемъ Китайскіе храмы, но на него смотрятъ какъ на портретъ достойнаго уваженія человека, и поэтому только жгутъ передъ нимъ благовонія, ладонъ, кусочки сандалнаго дерева и позолоченой бумаги. — Секша *Тао-тзе* допускаетъ понятія и обряды, похожіе на Эпикурейство. Созерцательная жизнь есть одно изъ ея главныхъ основаній, но съ шѣмъ вмѣстѣ допускаются Астрологія и колдовство. Считаютъ до 1500 храмовъ въ Китаѣ, посвященныхъ Конфуцію, и полагаютъ, что весною и осенью приносятъ въ нихъ на жертву до 27,000 свиней, 2800 барановъ, 2800 дикихъ козъ, и 27,000 зайцевъ; приношенія благочестивыхъ людей въ сіи храмы составляютъ до 27,000 кусковъ шелковыхъ тканей.

Обожаніе Конфуція и Тао-Тзея, слишкомъ опвлеченное для прослоудиновъ, никогда не нисходило въ нисшія званія. Но за то, едва только Индійскій Буддизмъ появился въ Китаѣ, народъ принялъ его, подъ именемъ религіи бога *Фо*. Я объяснялъ уже въ чемъ состоятъ эта религія, распространенная нынѣ во всемъ Китаѣ.

Мнѣ остается дополнить легкій очеркъ Кипая, предсавленный мною, нѣкоторыми забытыми подробностями и замѣчаніями о домашнемъ бытѣ Кипайцевъ.

Зашворническая жизнь Кипайскихъ женщинъ не распространяется на деревенскихъ Кипаекъ; онѣ свободно ходятъ въ народѣ, и на нихъ лежатъ самые тяжелые шруды земледѣльческіе; нерѣдко онѣ даже сами пахутъ землю. Но зашворничество женское строго соблюдается въ высшихъ званіяхъ, гдѣ всѣмъ управляютъ неизмѣнность церемоній, обряды, и какой-то родъ семейственной іерархіи. Единственная, неизмѣнная добродѣтель, которая за то и служила любимой темой, на которой разыгрывались неумѣренные похвалы Кипаю, есть почтеніе дѣтей къ родишелямъ, доходящее до совершеннаго излишества. Въ Кипаѣ, какъ нѣкогда въ Римѣ, отецъ можетъ продать сына своего въ рабство, и Кипайцы, по своему праву, или по бѣдности, часто пользуются этимъ правомъ. Дочери особливо, почти всегда, бываютъ предметомъ шорга между отцами и женихами. Всего страннѣе, что женихъ покупаетъ невѣсту не выдавши ея. Впрочемъ, покупатель въ правѣ разорвать договоръ въ самую рѣшительную минуту: когда закрытая повозка, въ которой привозятъ невѣсту въ домъ жениха, остановившись передъ входомъ въ это жилище, хозяину вручаютъ ключъ отъ дверей повозки; онъ можетъ отпереть дверцы, взглянуть на свою будущую жену, и если она не понравится ему, немедленно отпустить ее

обратно къ отцу. Но подарки и плата за невесту остаются въ такомъ случаѣ у отца невесты, въ награду отказа женихова.—Поѣзды Кишайскихъ свадебъ, сопровождаемые музыкою и веселыми пѣснями, довольно походятъ на обряды свадебные у древнихъ Грековъ, которые возили молодыхъ по улицамъ городовъ своихъ, на великолѣпныхъ колесницахъ; единственная разница въ томъ, что Кишайская невеста бываетъ при этомъ случаѣ невидима для народа, а на Гречанку открыто устремлялись любопытные и восхищенные взоры всѣхъ проходившихъ по улицѣ.

Многоженство позволено въ Кишаѣ, какъ во всѣхъ другихъ земляхъ, гдѣ женщины составляютъ вещь и товаръ; но при всеобщей прудности содержанія, большая часть Кишайцевъ, едва имѣя пропитаніе для одной жены и дѣтей, отъ нея происходящихъ, не пользуются правомъ такого злоупотребленія законовъ природы. Только знатные люди имѣютъ гаремы, изъ шести, восьми, десяти женщинъ, смотря по охотѣ и средствамъ. Что касается до богдыханскаго серала, онъ многочисленъ и хорошо бываетъ выбранъ. Каждые три года, великій власишель Кишай дѣлаетъ смотръ всѣмъ дочерямъ Манджурскихъ чиновниковъ и знатнѣйшихъ людей своего государства, достигнувшимъ двѣнадцати-лѣтняго возраста. Называясь общимъ отцомъ всѣхъ своихъ подданныхъ, какъ отецъ, онъ имѣетъ право выбирать изъ этихъ дѣвочекъ, кого ему угодно и сколько угодно, въ жены и въ простыя наложницы. Тѣ, ко-

шорыхъ не назначають въ третій разъ , послѣ двукратнаго пересмотра , исключаются изъ числа невѣстъ богдыханскихъ. Женщины для прислугъ во дворцахъ , числомъ около 5000 , берутся изъ третьяго перебора , и иногда удостоиваются благосклонности богдыханской ; но если такая милость будетъ сопровождаема рожденіемъ сына, или дочери, счастливица вслупаетъ въ отдѣленіе женъ богдыханскихъ , и принимаетъ званіе законной жены его , вмѣстѣ съ другими.

Впрочемъ , живость спраспей у Кипайцевъ обнаруживается только въ одномъ—приспраспїи къ игрѣ. Рѣдко выходитъ Кипаецъ изъ дома безъ шого , чтобы въ карманѣ его не было каршъ , или косточекъ ; за недоспашкомъ ихъ , начинають *тзой-мой* , родъ игры въ пальцы , Французскаго *Мурра*, до кошорой шакъ приспраспны Неаполишанскіе бродяги. Кромѣ шого , въ Кипаѣ извѣстны еще свои особенные шахманы , бой пѣшуховъ , перепелокъ , спрекозъ , кузнечиковъ.

Деспотизмъ, шягошѣющій надъ Кипаемъ, конечно, не могъ-бы справншся съ вещеспвеннымъ образованіемъ народа , шоль далеко достигнувшимъ совершенства, въ сравненїи съ другими Азіяшцами, если-бы природный характеръ Кипайцевъ не способшвовалъ злоупотребленію власпи. Этому должно приписать безмѣрное распроспраненіе бамбуковины , спражи спокойспвія и безопасности въ Кипаѣ. Малѣйшая погрѣшность, малѣйшее пресшупленіе сопровождается, болѣе или менѣе доспашочнымъ, прїемомъ бамбуковыхъ ударовъ, зависящимъ

почти всегда онъ воли мандарина, подводящаго законную мѣру наказанія.

Бамбуковая палка и бѣдность—вошъ двѣ спихіи, онъ кошорыхъ униженъ характеръ Кишайцевъ. Человѣколюбіе, родительская любовь, благошворительность суть добродѣтели незнаемыя въ Кишаѣ. Пущь человѣкъ упадетъ на улицѣ, пораженный параличемъ—онъ можетъ спокойно умирать, и никто объ немъ не позаботится. Ремесленникъ, видя поварища своего, вмѣшѣ съ нимъ работающаго, и издыхающаго онъ болѣзни, или нечаянно, даже не подумаетъ спросить, что такое съ нимъ сдѣлалось. Если жонка понетъ въ рѣкѣ, сбѣжавшіеся люди сперва поспараются спасти грузъ, а потомъ подумаютъ о погибающихъ плаващеляхъ; шакъ въ пожарномъ случаѣ, каждый Кишаецъ спараенся спасти только свое, и ни одинъ не подумаетъ о бѣдствіи сосѣда.

Безъ сомнѣнія, этому безчувственному эгоизму должно приписать ужасное количество дѣтубійствъ, непрерывно совершаемыхъ въ Кишаѣ. Не только не прошивиися правительство, этому спрашному пресупленію, но терпитъ его, даже пошакаетъ жестокости родителей. Одну изъ обязанностей Пекинской полиціи составляетъ подбирание по улицамъ каждое ушро дѣтей, кошорыхъ выкинутъ по ночамъ изъ домовъ; несчастныхъ младенцевъ эшихъ складываютъ въ шѣлеги, и безъ разбора везутъ ихъ, мертвыхъ и живыхъ, на кладбище, неподалеку онъ города. Нѣкоторые изъ путешественниковъ пола-

гають въ 30,000 число дѣшоубійствъ , ежегодно совершаемыхъ въ цѣломъ государствѣ , но другіе ограничивають его 10,000-ми. Живущіе около рѣкъ бросаютъ дѣшей своихъ въ воду , навязавши имъ на шею пусную шыкву, чтобы голова младенца высовывалась на поверхности воды. Часто видятъ по рѣкамъ плавающіе такимъ образомъ шруны дѣшей, и лодочники обращаютъ на нихъ такъ мало вниманія , какъ буди-бы на шруны мертвыхъ щенятъ.

Правда, что рядомъ съ подобнымъ расчишаннымъ безчеловѣчіемъ, котораго не лзя извинить ни бѣдностью, ни излишествомъ народонаселенія въ Китаѣ, должно пославить нѣкоторыя добродѣтели, свойственныя обитателямъ Небесной Имперіи: опрятность въ общественной жизни, вѣжливость, миролюбіе, трудолюбіе. Учтивость, между равными , и между нисшими и высшими званіями , составляетъ не только обычай, но даже неизмѣнный законъ. Ссоры весьма рѣдки , даже въ самомъ нисшемъ просіюлюдѣ. Гордые и низкіе, щеславные, но шрусы, Кишайцы обладаютъ только такою смѣлостью , которая возрасшаетъ при успукѣ и уменьшається передъ угрозою и сопротивленіемъ. Обходишесь съ Кишайцами вѣжливо — они оскорбятъ васъ; станьте передъ ними грозно — они унизятся. Шпага, сабля, пистолетъ дѣлають Кишайца совершенно безмолвнымъ и послушнымъ.

ГЛАВА XXXIX.

ОТЪЕЗДЪ ИЗЪ КАНТОНА. — ФОРМОЗА. — ЛЬУ-ЧЬУ.

Ничто не задерживало меня болѣе въ Кишаѣ. Изъ Кантона видѣлъ я все, что можно было видѣть; успѣлъ собрать даже о самыхъ внутреннихъ обласпяхъ новыя вѣрныя свѣдѣнія. Какъ ни хотѣлось мнѣ продолжитъ житье мое съ Барономъ и съ Маршономъ—надобно было ѣхать: другія земли призывали меня—*Льу-Чью* и *Янонѣ*, дополненія моего путешествія по Азіи, а потомъ *Океаніи*, это безконечное *многоостровіе*, эти страны поколѣній новыхъ и дикихъ, поприще открытій, могила двухъ великихъ мореплавателей прошедшаго столѣтія—*Кука* и *Лаперуза*.

Дни проходили. Совершенно предавшійся новымъ друзьямъ своимъ, мой Баронъ не говорилъ еще мнѣ ничего объ отъѣздѣ. Кишай правился ему; приспращіе, первыя выходки кошораго замѣшилъ я въ Макао, усилилось въ Кантонѣ; если онъ не всему здѣсь удивлялся, по крайней мѣрѣ, многое

занимало его, малѣйшія подробности увлекали, заманивали. Онъ, эпопъ злой осуждашель всего, шакъ сильно скучавшій занятіемъ пупешественника, споль беззаботный ко всему, что ни встрѣчалось, Баронъ, Шведскій знашый человекъ—полюбилъ Кишай! Было-ли это естественное противоѣйствіе, спранныость организаціи, выздоровленіе, новая болѣзнь? я не успѣлъ рѣшить, пошому что принужденъ былъ разспаться съ моимъ Барономъ.

Прошла недѣля съ пріѣзда нашего въ Кантонъ. Приготовясь на рѣшишельный разговоръ, пришелъ я въ комнашу Барона, вечеромъ. «Ну, сказалъ я — гошovy-ли вы къ опѣзду?» — Куда? — «Въ *Льу-Чьу*.» — Гошовъ, но... случаи шакъ рѣдки.... — «Именно, и пошому-то пришелъ я извѣстить васъ, что послѣ-завтра опкрываешся случай: плывенъ жонка въ *Теддо*, и ей надобно будешъ оспановишься у *Льу-Чьу*.» — Боже мой! какъ вы спѣшите! Не правда-ли, что жишь здѣсь шакъ хорошо, и что мандаринъ съ краснымъ шарикомъ самый счашливѣйшій въ мірѣ человекъ? — «Моженъ бышь, но мы не жишли здѣшніе, и не мандарины, и, признаюсь, пришомъ — я не промѣняю званія пупешественника на званіе мандаринское. Послушайше, Баронъ: за чѣмъ принуждашь себя? Послѣдуемъ лучше каждый своему расположенію. Со времени знакомства нашего въ Синкапуръ, я шакъ одолженъ вами, что сохранию воспоминаніе объ васъ во всю жизнь мою. Наша прогулка по Кишайскому морю заспавила меня полюбишь васъ. Все это шакъ, но—избави Богъ упошребляшь во зло ваше доброе

ко мнѣ расположеніе! Позвольте мнѣ ѣхать одному—вамъ за мною не угоняйся.» — Какая дѣятельность! — «Что дѣлать, Баронъ: рано или поздно, у васъ навѣрно недоспаетъ охоты быть моимъ товарищемъ; вы еще не знаете съ какимъ опчаяннымъ искажениемъ приключеній имѣете вы дѣло. Разспоемся лучше теперь. Вамъ нравились ошдыхъ здѣсь, а я скучаю бездѣйствіемъ, считаю каждый часъ, только и думаю о дальнѣйшемъ путешествіи. Знаете-ли, что Азія кажется мнѣ даже слишкомъ избыткомъ поприщемъ для того, кто ищетъ новаго? Я въ ней проѣздомъ, мимоходомъ, останавливаюсь по разнымъ мѣстамъ, какъ мусульманинъ, идущій въ Мекку, останавливается въ Антіохіи, Алеппо, Дамаскѣ. Цѣль моя не здѣсь. Личныя впечатлѣнія подчинены въ Азіи предварительному изученію; мнѣ хочется далѣе—въ шѣ спороны, о которыхъ такъ мало еще писали, гдѣ будетъ свободный разгулъ моимъ собственнымъ наблюденіямъ, гдѣ обо всемъ буду я судить самъ, свободно, безъ старыхъ предубѣжденій. Вотъ настоящее путешествіе—оно расширяетъ, увеличиваетъ идеи. Каждая остановка здѣсь кажется мнѣ послѣ этого покищеніемъ изъ моего настоящаго существованія. Все еще Лью-Чью и Японія лучше: они сосѣди Кипая, но такъ малоизвѣстны, а за ними открывающаяся настоящая земля путешественника, моя милая Океанія, которую хочу я перегадѣть островъ за островомъ, обзрѣть, какъ географъ, какъ естественствователь, какъ историкъ, какъ филологъ, философъ, поэтъ.» . . . — Да, на это жизни

человѣческой не доспанешъ! — « Чпò дѣлашь! Уже одна мысль объ эшомъ восхищаетъ меня; чувствую довольно силы, сколько возможно, осуществивъ ее, и ручаюсь вамъ, чшо никто еще не видалъ Океаніи шакъ хорошо, какъ я ее увижу. Тамъ гошовъ я жишь, сколько хошите, гошовъ записашься въ дикари, чшобы только лучше узнать дикарей; сшану ѣздить съ ними, въ ихъ лодкахъ, пишь ихъ *каву*; поспараюсь записашься въ число *тапу*. — Такова моя основная мысль, Баронъ, и я не покину Океаніи, пока не соберу съ нея, будшо пчела, всего, чшо шолько естъ шамъ замѣчательнаго. » — И вы швердо рѣшились? — « Да. » — Хорошо — благословляю васъ въ пушь, а самъ остаюсь въ Кишаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ не угоняшься за вами. Васъ обольщаетъ еще очарованіе пользы, ученья, а я уже давно пошерялъ его. Всему выучишься нельзя, а люди—право, не спояшь шого, чшобы для нихъ шрудиться. Съ Богомъ, добрый шоварищъ! Благодарю васъ за дружбу и ласку!

Эшимъ кончились наши переговоры, и я поспѣшилъ послѣ шого приготошвленіями къ опѣзду. Впрочемъ, послѣднее испытаніе характера моего шоварища облегчило печаль моей съ нимъ разлуки. Баронъ нашелъ меня на дорогѣ, и взялъ съ собою, какъ средство развлеченія; шеперь онъ оставлялъ меня, пошому, чшо меня замѣняли ему Моршонъ и другія средства разсѣянія. Все — любовь, дружба, ненависть, удовольствія скользили, пролешали по душѣ эшого чловѣка, испомленной прежнею его жизнью. Но чшо-же шакъ измучило его душу?

Этого никогда не открывалъ онъ мнѣ, и, вѣрояшно, никто и никогда не дождепся въ этомъ свѣшѣ его довѣренности. Въ путешесствіи своемъ, во всемъ, что встрѣчалось ему на пути, искалъ онъ только *разсвннн*, а не *утѣшеннн*. Увѣрять въ этомъ, я даже радъ былъ оподвинуть онъ себя холодъ души Барона. Но когда, на шретій день, надобно было разсавашься, Баронъ, казалось мнѣ, былъ пронуть. Мы обнялись со слезами на глазахъ, и я чувъ было не рѣшилсн оспашься. Моршонъ показлъ мнѣ все возможное радушіе; заботился обо всѣхъ удобствахъ моего путешесствн; надарилъ мнѣ на дорогу всякой всячины, начиная съ Европейскихъ прихошей до Кишайскихъ игрушекъ.

Сентября 22-го, 1830 года, опсправилсн я на перевозномъ бонѣ въ Линтинъ, гдѣ ожидала меня жонка, назначенная для путешесствн въ Лу-чю и Теддо. Окреспности Каншона и Тигровой рѣки были уже мнѣ знакомы, и пошому мало обращалъ я вниманн на все встрѣщавшееся мнѣ въ моемъ быспромъ переѣздѣ. Но когда впечатлѣннн оптѣзда моего снали изглаживашься, множеспво новыхъ предметовъ начали опань занимашь меня. Тутъ шли по рѣкѣ лодки съ ушнными плотами, у кошорыхъ по бокамъ прицѣплены были огромныя клѣшки, съ двойными помосшами, для причала къ берегу, шакъ, что днемъ пшица можетъ ходишъ на берегу, и вечеромъ укрывашься въ свою пловучую шемницу, подъ предводншельспвомъ спарыхъ ушокъ, кошоры ходятъ въ головѣ спада. Безпреспанно встрѣчали мы шакнн пловучнн клѣшки,

громкимъ кряканьемъ своего груза показывавшія , что въ нихъ нагружено. Безчисленное множество упокъ , любимого кушанья Кишайцевъ , поддерживается здѣсь искусственнымъ высиживаньемъ въ печахъ.

По мѣрѣ приближенія нашего къ морю, рѣка оживлялась передъ нами. Мѣсто маленькихъ Каншонскихъ лодокъ заступали огромныя перевозныя суда, съ однимъ парусомъ, но за то вмѣщающія въ себѣ страшное количество груза, при пособіи огромныхъ магазиновъ, въ нихъ устроенныхъ, на крышѣ копорыхъ помѣщаются сами моряки. Въ устьѣ рѣки, еще одно изъ судовъ обратило на себя мое вниманіе : это былъ небольшой корабль изъ Чью-Кіао , красивый , хорошо оснащенный, покрытый парусами, искривленный по концамъ въ видѣ шпоръ, лезвшій по водѣ, какъ стрѣла. Далѣе явилась огромная военная лодка, съ двадцатью веслами на каждой сторонѣ , и съ богдыханскими флагами на мачѣ и на кормѣ.

Когда прибылъ я въ Линпинъ , 25-го Сентября, жонка, на которой надобно было мнѣ опправиться, уже опвалила отъ берега; надобно было догонять ее, на самой лучшей лодкѣ , какую только можно было здѣсь сыскать. Посредствомъ сигнала, мы дали знать жонкѣ, чтобы она остановилась и подождала меня ; скоро догнали мы ее, и капитанъ жонки , почтеннѣйшій Чау-Тзингъ , по письмамъ, какія привезъ я ему отъ ганиша Англійской Компаніи , знакома моего Панъ-ке-куа , а также и за добрые піаспры , врученные ему, при-

нялъ меня самымъ вѣжливымъ образомъ. Онъ проговорилъ мнѣ нѣсколько Англійскихъ словъ, и я порадовался, что могу ему изъясняшь, хоть кое-какъ, все, что мнѣ будетъ надобно спросить во время пуши.

Жонка, соспоявшая подъ начальствомъ моего новаго Кишайскаго Колумба, была не такъ тяжела, какъ прежняя жонка почтеннаго Тзинъ-Фонга; назначаемая для плаванія въ сѣверныхъ Кишайскихъ моряхъ, она имѣла формы болѣе легкія, хотя и прочныя, и, казалось, была способнѣе прошивишься непогодѣ лучше всѣхъ видѣнныхъ мною донынѣ судовъ Кишайскихъ. Самый Чау-Тзингъ казался мнѣ смѣлѣе, смысленѣе, мужественнѣе нашего прежняго корабельщика; съ первыхъ минушъ нашего знакомства замѣнилъ я, что на него можно было полагаться надежнѣе. Важный видомъ, но ласковый, казалось, онъ соспавлялъ исключеніе изъ другихъ Кишайскихъ моряковъ своими привычками, полу-Кишайскими, полу-Европейскими. Эша загадка скоро для меня объяснилась: лѣтъ двадцать, Чау-Тзингъ занимался шорговлею въ Бенгалѣ, доводилъ жонку свою до самаго Иль-де-Франса, и такимъ образомъ успѣлъ, мало по малу, спереть съ себя природную Кишайскую кожу. Это не былъ уже замасерѣлый жишель Небесной Имперіи. Безъ сомнѣнія, счастливая звѣзда моя навела меня на шакого человека. Онъ обходился со мною превосходно съ перваго до послѣдняго дня нашего знакомства.

Приморье Кантонской области скрылось отъ нашихъ взоровъ, и мы завидѣли берега *Фо-Кіенскіе*,

когда шуманный очеркъ горнаго хребта, на небо-склонѣ, впереди насъ, показалъ намъ близость острова *Формоза*. Островъ эшотъ, называемый Китайцами *Тай-Уанъ* (заливъ высокихъ горъ), сдѣлался извѣстенъ Китайцамъ не прежде 1430 года. Японцы завладѣли имъ въ 1624 году, и оставили его пошомъ Голландцамъ, построившимъ шунъ крѣпость *Зеландію*. Занятіе острова Голландцами продолжалось до 1661 года, когда Китайскій пиратъ, *Чинъ-Чинъ-Кунгъ*, сдѣлался власнишелемъ *Формоза*, принужденный, въ 1683 году, уступитьъ превосходнымъ силамъ Китайцевъ, посланныхъ богдыханомъ для его изгнанія.

Владѣніе Китайцевъ на *Формоза* и теперь простирается только на долины, лежащія по западному приморью острова; къ востоку, цѣпь горъ служишь границею между покоренныхъ Китайцами обласшей и страной отдѣльною, обитаемою дикими, шудземными жишелями.

Подвласшныя Китайцамъ долины необширны, но плодородны и орошены водою; воздухъ здоровъ; земля обилуетъ сарачинскимъ пшеномъ и сахаромъ. *Формоза* снабжаетъ еще Китай цвѣшами дикаго жасмина, называемыми *санъ-йу-гуа*, придающими чаю пріятный запахъ. Почти всѣ Индійскіе плоды находяшся на *Формоза* — померанцы, бананы, ананасы, гойявы, дыни, кокосы, арекъ, превосходныя жакьеры. Многіе изъ Европейскихъ плодовъ растутъ здѣсь также удачно, и въ числѣ ихъ должно поставишь персики, абрикосы, фиги, виноградъ, каштаны, и проч. — Находишся здѣсь еще *сіанъ*,

дерево съ почковиднымъ плодомъ. Табакъ, перецъ, инбирь, алое, камфара входящъ въ число вывозныхъ ошсюда предметовъ. Соли и сѣры обиліе.

На Формоза водяся буйволы и быки, копорыхъ приучающъ къ земледѣльческимъ работамъ; въ изобиліи естъ лошади, собаки, ослы и козы, но овецъ мало. Свины, споль превосходныя и многочисленныя въ Кишаѣ, худо разводяся на Формоза, но куръ, гусей и ушокъ множество. Среди шакого богашества произведеній встрѣчается неудобство, почти уничтожающее всѣ выгоды: вода на оспровѣ нездорова, даже иногда бываетъ губительна для иноземца. Только въ главномъ городѣ естъ немного воды, пригодной для пиши. Спиранность эта происходитъ, вѣроятно, отъ высоты снѣгами покрытыхъ горъ, съ копорыхъ текутъ водяные источники, или, можетъ быть, отъ свойства земли, по копорымъ они протекаютъ.

Воспочная часть Формоза вообще малоизвѣстна. Знаютъ только, что тамъ обиліе золота и серебра, и что оспровишяне Лью-чоускіе бываютъ тамъ, для обмѣна на произведенія своей земли эшихъ драгоценныхъ металловъ. На западной, подвласной, Кишайской споронѣ, много гаваней; находящаяся близъ столицы оспрова, Тай-уанъ-Фу, самая надежная и обширная, но по причинѣ мѣлководнаго входа, только въ десять фушовъ глубиною, она недоступна для большихъ кораблей; не смотря на шакое неудобство, болѣе спа Кишайскихъ жонокъ останавливаются въ ней ежемѣсячно.

Первобытнхъ жишелей Формоза составляешъ , кажешя, смѣшенное поселеніе Кишайцевъ , Малайцевъ и Японцевъ. По извѣстіямъ , какія у насъ ешъ , каждое изъ эшихъ поколѣній говорешъ своимъ особеннымъ нарѣчіемъ. Жишели сѣверной части живущъ въ домахъ , поспроенныхъ по-Кишайски ; южные въ хижинахъ , деревянныхъ и земляныхъ , гдѣ нѣшъ у нихъ ни споловъ , ни спульевъ и никакой другой мебели. По срединѣ каждой хижины устроиваешся родъ очага изъ земли, на два фуша выше полу , и служишъ для пригошвления пищи , состоящей изъ сарачинскаго пшена, хлѣба и дичины. Говоряшъ , будто дикіе Формозцы шакъ легки на бѣгу , что догоняющъ оленей и ловяшъ ихъ руками. Желая изъяснишъ шакую легкость , Кишайцы разсказывающъ , будто Формозцы сжимающъ себѣ какимъ-шо образомъ колѣни и лядвей до 45-ши лѣшъ. Обыкновенное оружіе Формозцевъ копье , кошорое бросающъ они на разстояніе 80-ши шаговъ , и лукъ со спрѣлами, употребляемый ими не съ меньшимъ искусствомъ. Неопряшные по природѣ, они ѣдяшъ полусырое мясо, раздирая его руками. Начальство надъ селеніями ввѣряющъ у нихъ шарикамъ , кошорые правяшъ жишелями паптріархальнымъ образомъ ; эши шаршины опредѣляющъ награды охошникамъ , болѣе другихъ ловкимъ и проворнымъ , и шолько имъ предоставлено право позволяшъ накалываніе кожи , или *татуажъ* , чѣмъ опличаешся у нихъ званіе и гражданское достоинство человека. Южные Формозцы ходяшъ нагіе , прикрываясь шолько запаномъ , нисходящимъ опъ

поясницы до икръ. Сѣверные, обитая въ спранѣ болѣе холодной, носящъ одежды изъ оленьихъ кожъ, безъ рукавовъ; голову прикрывающъ оспро-конечнымъ калпакомъ, сплешеннымъ изъ пальмовыхъ лисшьевъ; верхъ калпака украшается пукомъ пѣ-пушыхъ, или фазаньихъ перьевъ. Кишайцы обвиняющъ эшихъ дикарей въ челоѡкоядствѣ, увѣряя, будшо на шоржеспвенныхъ обѣдахъ своихъ, нерѣд-ко сѣѣдающъ они спариковъ, сирощъ, больныхъ и калѣкъ. Подчиненная Кишайцамъ часть оспрова охраняется 46-ю тысячами войска. *Тай-уанъ-Фу*, столица, построена на мѣстѣ прежней Голланд-ской крѣпости.

Хорошо споспѣшествуемый муссономъ, капишанъ нашей жонки не хотѣлъ оспанавливаться у Фор-моза, и прямо направилъ путь къ Лью-Чью; черезъ нѣсколько дней благопріятнаго плаванія, мы усмо-трѣли на С. В. высокія горы эшого оспрова. Съ приближеніемъ нашимъ къ землѣ, множесшво рыба-чьихъ лодокъ выплыло къ намъ на встрѣчу, и нѣ-кошорыя даже, прицѣпясь къ нашему кораблю, начали мѣняшъ съ нами свѣжую рыбу на табакъ и разныя Кишайскія произведенія. Пошомъ, ознако-маясь ближе, Лью-Чьусцы взошли на жонку нашу и поздравляли насъ на Японскій манеръ, кланяясь до земли, сложивъ руки на груди. Многіе изъ рыба-ковъ были полунагіе; другіе одѣшы въ плашья изъ грубой бумажной шкани, съ широкими рукавами. При первомъ взглядѣ на нашихъ госпей, всего бо-лѣе поразила меня ихъ малорослосшъ. Самые высо-кіе были не болѣе 5-ши фушовъ ошъ земли.

Сопровождаемые нашими посѣпителами, правили мы прямо къ *Напа-Кіангу*, столицѣ *Льу-Чьу*, и вечеромъ, Октября 2-го, бросили якорь на разстояніи писполетнаго выспрѣла отъ большой насыпи, нисходящей къ самой гавани. Съ этого мѣста нашей сшоянки, островъ выказывалъ намъ свои красоты, могучія и спокойныя. Повсюду видна была обрабошка земель, щщательная и смѣшлвая. Дома, посшроенные на косогорахъ, разнообразныя пажии, кузницы, занятыя рабошою — все показывало здѣсь сшрану образованную и многолюдную. Въ разныхъ мѣстахъ, пересѣкая однообразіе полей, являлись въ горныхъ изломахъ шущемныя гробницы, сосшоящія въ двойной каменной сшѣнѣ, заграждающей входъ въ подземелья, и осшавляющей только маленькое отшверзшіе въ срединѣ. Надъ всѣмъ эшимъ высилась гора *Самаръ*, возвышеннѣйшій пикъ всего острова, откуда взоръ обнимаетъ всю его окружность. Почши на самой вершинѣ этой горы находилсѣ *Шуи*, или *Шуди*, городъ, по видимому, немаловажнѣе *Напа-Кіанга*. Сколько возможно было мнѣ различить издали, эшошъ внутренній городъ казался окруженнымъ сшѣною, и казалось мнѣ даже, что я распознаю множесшво флаговъ, вѣющихся на мачтахъ по его сшѣнамъ. Хошя жилища горожанъ были отчасш сшкрыты большими купами деревьевъ, легко можно было замѣшить ихъ многочисленность. Самое возвышенное, обширное и величественное между зданіями, безъ сомнѣнія, было жилище власшителя *Льу-Чьусцевъ*. Великолѣпный коверъ зелени раздѣлялъ безмолвный

Шуди, дремавшій, казалось, въ пѣни своего мрачнаго возвышенія, опѣ шумнаго Напа-Кіанга, бывшаго у насъ передъ глазами. Эпошъ ближайшій къ намъ городъ могъ я различать яснѣе; мнѣ можно было разсмотрѣть въ немъ даже всѣ крыши домовъ, съ ихъ выгнутыми краями, какъ у домовъ Кишайскихъ, обширность высокихъ его укрѣплений, набережную его, вдающуюся въ море, подъ защитою которой спаяло шесть военныхъ жонкъ. Толпами показывались, на парапетахъ укрѣпленія, пуземцы здѣшніе, мужчины и женщины, и когда слухъ о прибытіи нашемъ распространился въ городѣ, число зрителей до того умножилось, что наконецъ всѣ укрѣпленія были усеяны ихъ головами. Эпоспеченіе народа въ гавани, движеніе лодокъ, плававшихъ около береговъ, тихое, пріятное пѣніе мапэровъ, лепетъ значковъ, развѣвавшихся на пуземныхъ жонкахъ и въ городѣ, все эшо веселило зрѣніе и занимало мое воображеніе.

Я стоялъ, облокотясь на заднюю оснастку нашего корабля, задумавшись, когда Чау-Тзингъ пошрепалъ меня по плечу и предложилъ мнѣ ѣхать на берегъ. Можно повѣрить, какъ поспѣшилъ я послѣдовать его приглашенію. Посѣтивъ эшихъ добрыхъ обитателей Лью-Чью, узнавъ эшошъ гостепріимный народъ, споль плѣнявшій меня въ прелестномъ романическомъ разсказѣ Базиля Галла, и въ дословѣрномъ описаніи Бичея; познакомишься здѣсь съ эшими лицами, которыя такъ знакомы уже были мнѣ по разсказамъ мореходцевъ, поживишь съ ними, попраздничашь, полюбовашься эшимъ по-

слѣднимъ уголкумъ папріархальной жизни на землѣ —слишкомъ много было всего этого, и какъ было мнѣ не бросишься опромешью въ лодку, которая готовилась плыть къ берегу!

Движимая веслами гребцовъ, скоро достигла лодка наша до устья рѣки, протекающей по городу, шоль широкой и глубокой, что самые большіе корабли могутъ входить въ нее. На пристани была шма народа, и нѣсколько старшинъ прибѣжали встрѣтить меня, пошому что рыбаки успѣли уже извѣстить въ Напа-Кіангъ, что «бѣлый Западный человѣкъ», Европейецъ, былъ на приближающейся жонкѣ. Едва спутилъ я на землю—наперерывъ старался каждый изъ старшинъ схватить меня за руку, ушатишь меня къ себѣ, сдѣлашься моимъ госшепріимцемъ. Наконецъ, одинъ изъ всѣхъ, старательный болѣе другихъ, кажется, удалилъ своихъ собратій какими-то повелительными словами, и, оборотясь ко мнѣ—«Пойдемъ съ мною»—говорилъ онъ мнѣ, коверкая Англійскія слова, до такой степени, что я едва могъ понять его — «пойдемъ со мною, господинъ *Энгелесъ*—Коми знаешь говоришь по-Энгелески — онъ говоришь по-Энгелески — они, вошь не знаютъ говоришь по-Энгелески!» Добрякъ, правду сказашъ, и самъ зналъ по-Энгелески не болѣе другихъ, но онъ просилъ меня шакъ умильно, онъ шацилъ меня къ себѣ съ шакимъ видимымъ страхомъ, боясь, не ошкажусь-ли я ошъ его приглашенія, что все это почти до слезъ меня распрогало. Я ошправился съ добрымъ *Коми* (имя моего новаго знакомца), который зналъ

по-*Энгелески*; подлѣ дверей жилища Коми встрѣтила насъ хозяйка, жена моего новаго друга, и казалась неменѣе мужа счастливою, что видишь меня и принимаешь въ своемъ домѣ.

Коми, одинъ изъ старшинъ Напа-Кіанга, по видимому, былъ лѣтъ сорока ошъ роду, а жена его не болѣе 20-ши лѣтъ; волосы на головѣ Коми, гладкіе и намазанные какою-то черною помадою, были подняты, по обычаю пуземцевъ, съ обѣихъ споронъ головы, и попомъ соединены пучкомъ на шемѣ; выше ленточекъ, кошорыми они были завязаны на верхушкѣ, надѣто было еще два кольца, называемыя *камезаши* и *узизаши*; то и другое у Коми были золошныя, а камезаши, кромѣ того, съ маленькою звѣздочкою и двумя булавками, шакже золошными; мѣдь и серебро употребительнѣе для этого убора, но золошомъ опличающія здѣсь званіе и богатство. Борода и усы Коми были поже напершы какимъ-то чернымъ, блестящимъ веществомъ. Одежду его сосставлялъ кафшанъ изъ шелковой шкани, пестрый, на подобіе змѣиной кожи. Жена моего хозяина была одѣта очень просто. Волосы ея, подобранные подъ большую булавку, небрежно упали съ верха головы на щеки, а рубашка, съ широкими рукавами, обхваченная поясомъ, совершенно закрывала все тѣло, съ шеи до ногъ. Видъ Коми выражалъ какую-то добродушную хипросшь; глаза его, не столь узкіе, какъ у Китайцевъ, были кропки, показывая умъ; ротъ и носъ его были весьма соразмѣрны. Жена Коми, красивая женщина, показалась-бы недурною даже и

у насъ въ Европѣ; прекрасные глаза ея блискали подъ выразительными рѣсницами, а темнымъ цвѣтомъ шѣла походила она вообще на свѣжихъ обитательницъ южной Европы. Руки ея были немного испещрены накалываніемъ, но, кажется, эшопъ *татуажъ* означалъ больше почешное опличіе, нежели украшеніе.

Какъ ни спарашельно увлекалъ меня къ себѣ Коми, но, немедленно по приходѣ моемъ къ нему, онъ показалъ себя добрымъ шоварищемъ другихъ спаршинъ Лбу-Чьускихъ. Едва только выпилъ я спаканъ *шаззи* (родъ напишка, перебродившаго, и похожаго на Кипайскій камчу), какъ мнѣ предложили идти, посѣтивъ знапнѣйшихъ людей въ городѣ. Мы опправились.

Окруженные шолпою любопытныхъ зрителей, пришли мы прежде всего къ саду спаршины Укома, одного изъ самыхъ почешныхъ начальниковъ, на оспровѣ. Добрый спарецъ эшопъ сидѣлъ въ саду своемъ; по споронамъ его спояли двое молодыхъ людей, а сзади служишель, державшій огромный, развернутый зоншикъ надъ его головою. Мнѣ казалось, что въ жизнь мою не видалъ я каршины споль занимательной и папріархальной. Сѣдая борода спарика падала бѣлыми, шелковистыми волнами на грудь его. Имѣя на головѣ родъ повязки, онъ былъ въ широкомъ шелковомъ кафшанѣ, свободно подпоясанномъ. Плашье служишеля было сшито изъ бумажной шкани, но двое юношей были одѣшны въ кафшаны изъ песпрой парчи. Видъ спарика выражалъ благосклонность и веселость. Юно-

ши были красивы, и лица ихъ оживлялись удивленіемъ и умною хитростью. Не боясь показаться спраннымъ, или смѣшнымъ, я готовъ былъ всѣхъ ихъ обнять дружески.

Едва сѣли мы подлѣ Укома, какъ извѣспили хозяина нашего о приходѣ бодезе, или жреца Лью-Чьускаго, и еще одного изъ начальниковъ города; шопъ и другой хопѣли передашь мнѣ свои дружескія привѣспвія. Мы вспали и пошли на вспрѣчу имъ.

Жреца легко можно было узнать по обрешой его головѣ и по босымъ ногамъ, ибо всѣ другіе Лью-Чьусцы носятъ сандалии, а шакже по его простой, небрежной одеждѣ, широкой повязкѣ изъ шелковой шкани, копорая голубою леншою была укрѣплена на его груди, всего-же болѣе по важному, задумчивому виду и молчаливости. Вновь пришедшій начальникъ былъ одѣтъ и носилъ волосы, какъ хозяинъ мой Коми, во всемъ походившій на него.

Укома ласково вспрѣшилъ посѣщителей, и проводилъ ихъ подъ шѣнь развѣсисныхъ деревъ. Тушъ наша бесѣда была полная; шопчасъ подали чай, съ чѣмъ-шо сахарнымъ, въ родѣ пирожковъ, испеченныхъ изъ муки сарачинскаго шена. Послѣ шого каждый принялся за шрубку, и мы начали разговоръ, на языкѣ, кошорому невозможно придумать надлежащаго имени: эшо была смѣсь языковъ Англійскаго, Кишайскаго, Японскаго, Лью-Чьускаго. «За чѣмъ прибыли вы въ Напа-Кіангъ?» — Посмо-

прѣшь вашу спорону, и потомъ опсправитсь въ Іеддо. — « Изъ какой-же вы земли? » — Изъ Франціи. — « Франція, Франція, а не *Энгелесъ*? » — Нѣшь, Франція—и видя что мои собесѣдники не понимающъ меня, я прибавилъ — « Франція и Англія, вошъ какъ у васъ Кишай и Японія, двѣ сосѣдственныя, но различныя земли. » — Собесѣдники мои подумали, и казалось, выразумѣли слова мои. « Не *Энгелесъ*, » повторяли они — « нѣшь *Энгелесъ*, а *Франсесъ*, *Франсесъ*. Да что-же надобно *Франсесъ* въ *Льу-Чью*? » — Я уже сказалъ вамъ: посмопрѣшь вашу спорону, какъ прежде меня дѣлали эшо *Максуэль*, *Галль*, *Бичей*.

Эши имена, едва произнесъ я ихъ, имѣли волшебное дѣйствіе на моихъ собесѣдниковъ. Добрые оспровишяне начали смѣяшсь, хохоташъ, чувъ не заплясали на своихъ спульяхъ. Они вспали, окружили меня, снова взялись за мои руки, говоря: *Шурасса, Шурасса* (кажется, что эшо особенно значишъ: *хорошо, хорошо*)! Можно было замѣшишъ, что я возбудилъ въ нихъ драгоцѣнныя имъ воспоминанія; *Галль* и *Бичей* представлялись великими людьми въ *Льу-Чью*, и пребыванія здѣсь Англичанъ составили эпоху въ исторіи оспрововъ здѣшнихъ.

Какъ будшо для подкрѣпленія мысли, всѣхъ насъ занимавшей, случай, или любопытство, привели въ эшо время въ жилище Укома двухъ шуземцевъ *Льу-Чью*, имена которыхъ сдѣлались споль извѣстны въ Европѣ послѣ изданія путешеснвій *Галла* и *Бичея*: эшо были *Мадера-Козіокъ* и *Ань-Ніагъ*; шонъ и другой шщательно сохраняли, какъ вели-

чайшую драгоценность, несколько Английскихъ словъ, которыя успѣли они заучить; изъ словъ этихъ составили они небольшой словарь, въ который заглядывали при разговорѣ. Прибытіе Мадера и Анъ-Ніага придало болѣе живости и оживленности нашимъ разговорамъ. «Есть-ли у тебя на кораблѣ жена своя?» спросилъ меня Мадера. — Не только нѣтъ со мною на кораблѣ, но не осмалось и дома — оповѣчалъ я. — «Ахъ!» сказалъ онъ — «а какая прекрасная, прекрасная жена была съ *Энгелесъ!*» — Я вспомнилъ тогда, что дѣйствительно, жена одного изъ офицеровъ Альцесны, Г-жа Лой, въ 1816 году, произвела на здѣшнемъ островѣ чуть не революцію. Не только во все время пребыванія здѣсь, ее осыпали ласками и привѣтомъ, но при отъѣздѣ сдѣланы были ей самыя убѣдительныя предложенія, отъ какого-то неизвѣстнаго обожателя, навсегда осмался въ Лью-Чью. По великолѣпію предложенныхъ при томъ подарковъ, можно было замѣтить, что этотъ тайный обожатель едва-ли не былъ самъ царь Лью-Чьюскій. Прекрасной Англичанкѣ общали домъ, богато убранный, сто чевольниковъ, и всѣ наслажденія роскоши земной, между тѣмъ какъ объ успѣхѣ ея шли переговоры съ ея мужемъ, которому давали награды неменѣе важныя.

Г-жа Лой ни на что не согласилась, но послѣ нея утверждена была въ Лью-Чью слава о красотѣ Европейскихъ женщинъ; по крайней мѣрѣ, у Мадера, въ числѣ другихъ воспоминаній, это было самое главное. Ни терпѣливые уроки капитана

Галла, ни слезы, пролиныя пуземцами при ошибкѣ опсюда Альцесны, ни пышный праздникъ, какой давалъ на кораблѣ своемъ капитанъ Максуэль, ничто не оставило такой силы впечатлѣнія, съ какою вѣзлась въ память его красавица *Энгелесская*. Спарикъ, лѣтъ около 55-ти, онъ молодѣлъ въ душѣ своей, припоминая красавицу, какъ самое свѣжее и лучшее воспоминаніе въ прошедшемъ.

Послѣ двухъ часовъ разговора, оживленнаго взаимными разсказами, жрецъ вспалъ съ своего мѣста, и черезъ Коми, моего хозяина и покровителя, просилъ посѣпить его жилище и храмъ. Охотно согласился я, и всѣ отправились со мною, даже и самый Укома просилъ позволенія намъ сопутствовать. Цѣлый домъ начальника двинулся провожая его: двое служителей, одинъ съ зоншикомъ, другой съ вѣромъ, первый въ полосатомъ плащѣ, второй въ одноцвѣтномъ; мальчикъ, которому должно нести кошелекъ; спарикъ, инвалидъ домашній, и даже какая-то женщина, жена садовника — всѣ спѣшили за своимъ повелителемъ, и направились къ жилищу жреца.

Это была обширная отгородка, въ разныхъ мѣстахъ усаженная деревьями, въ родѣ нашихъ полей, и заспроенная небольшими павильонами, гдѣ каждый изъ служителей храма живетъ своимъ хозяйствомъ. Когда Альцесна находилась въ гавани Напа-Кіангской, здѣшніе бодезы уснули Англичанамъ свои жилища, и здѣсь устроено было заведеніе разныхъ мастерскихъ. Каначики, кузне-

цы заняли садъ, и работали все, что было надобно для поправленія корабля. Не только не оскорблялись эшимъ добрые шужемцы и жрецы здѣшніе, но еще сами всячески помогали своимъ госпямъ, приносили припасы и воду больнымъ, шаскали деревья, срубленные въ горахъ для плотничьихъ работъ; если хошѣли плашпъ имъ за что нибудь, они сердились и ничего не брали.

Далѣе мы увидѣли могилу, напомнившую мнѣ прогашельное событіе. На камнѣ написано было по-Англійски: «Здѣсь покоишся Вилліамъ Гаррисъ, мапрозь корабля Альцесша, умершій 15-го Октяб-ря 1816 года, на 21-мъ году своей жизни. Памяшникъ сей воздвигнушъ ему царемъ и жипелями здѣшняго гостепріимнаго ошрова. «Гаррисъ, съ давняго времени страдавшій неисцѣльною болѣзнью, умеръ въ бышность свою здѣсь. На другой день по смерти его, когда земляки Гарриса собрались для его погребенія, они были изумлены, увидя во-кругъ шѣла его собравшихся начальниковъ и знашнѣйшихъ жипелей Напа-Кіанга, въ бѣлыхъ плашьяхъ съ черными поясами, что означаетъ здѣсь глубокій прауръ; все это собраніе провожало умершаго до могилы и ошдало шѣлу его почести по шужемному обычаю.

Чѣмъ болѣе всматривался я въ здѣшнихъ жипелей, шѣмъ болѣе душевно привязывался къ нимъ. Творя добро безъ хвасшовсшва, исполненные крошоспи и врожденнаго дружелюбія, они не показыва-ющъ ни малѣйшей склонноспи къ какому нибудь своекорысшію, спарающа услужпъ всякому, ода-

ришь всякаго, шолько для того, чшобы услужить и одарить, безъ всякой особенной мысли о барышахъ, съ полною довѣрчивостью, не думая о вознагражденіи. Англичане, османавливаясь здѣсь, всегда встрѣчали любовь истинно братскую. Быковъ, буйволовъ, свиней, пшпцы, пшена, присылаемыхъ опъ имени царя и начальниковъ, бывало уже достапочно для экипажей, и едва могли уговоришь добряковъ, въ замѣну всего этого, приняшь сукна, или другихъ какихъ нибудь Европейскихъ вещей; брать плашу за госпепріимство почипаеппся здѣсь дѣломъ недоспойнымъ честнаго чело-вѣка.

Для добрыхъ жптелей Лбу-Чбу, я былъ гостемъ нешоль убышочнымъ, какъ экипажъ цѣлаго ко-рабля. Пошому, не имѣя средствъ вполнѣ пока-зашъ свое щедрое великодушіе, они наперерывъ старались, другъ передъ другомъ, доказашъ его мнѣ, чѣмъ шолько могли. Надобно было имѣшъ сошню желудковъ, чшобы съѣсть все, чѣмъ меня угощали. Послѣ завпрака у Укома, меня приня-лись угощашъ въ жилищѣ жрецовъ, и вся роскошь пуземной гаспрономіи была испощена въ множе-ствѣ закусокъ и спряппи, выпавленныхъ при семъ случаѣ. Безъ нѣсколькихъ чашекъ чаю, мнѣ при-шлось-бы задохнушъся опъ объяденія.

По окончаніи нашей закуски, жрецы хопѣли по-казашъ мнѣ храмъ свой, и что было еще важнѣе, самое божество его. Мы опправились въ пещеру, еспешвенно образовавшуюся въ горѣ, и здѣсь уви-дѣлъ я идола, грубо сдѣланнаго. Это было изоб-

раженіе *Куань-Іонги*, богини прощенія, покровительницы *Напа-Кіанга*. Передъ нимъ разсѣвлено было множество деревянныхъ ящичковъ, одни квадратные, другіе продолговатые. Маленькія палочки положены были сверху ихъ. Въ ящички кладущая отъ посѣщителей разныя приношенія божеству, а палочками, если не ошибаюсь, жрецы вынимають жребіи и гадаютъ, подобно *Кишайскимъ* бонзамъ; для этого кидаютъ палочки на воздухъ, и по цифрамъ, на нихъ посѣвленнымъ, вычисляютъ извѣстное число, смыслъ котораго объясняется потомъ въ книгахъ жрецовъ.

Случайно познакомаясь такимъ образомъ съ здѣшними духовными, съ самаго пріѣзда моего, старался я пояснить мои понятія о вѣрованіи *Льу-Чьюскихъ* обитателей. Въ разговоръ, бывшій между мною и жрецами: «Сколько вѣрь считаешься у васъ въ *Льу-Чью*?» — Три. — «Какія-же?» — *Жу, Шигъ, Тау*; впрочемъ есть то-же, что вѣра *Фо* въ *Кишаѣ*. — «Много-ли у васъ послѣдователей вѣры *Жу*?» — Много. — «А вѣры *Фо*?» — Меньше. — «А вѣры *Тау*?» — Мало. — «Вѣра *Жу* признаешь-ли идоловъ?» — Нѣтъ! Она велитъ только молишься подъ открытымъ небомъ, иногда во храмѣ, а всего болѣе повелѣваетъ только думать о Богѣ и обожать его въ сердцѣ своемъ. — «Вѣрите-ли вы, что добро будетъ награждено, а зло наказано?» — Да, всѣ при вѣры наши говорятъ это.

Сколько могъ я замѣтить, духовенство здѣшнее не пользуется большимъ уваженіемъ народа, такъ, какъ въ *Кишаѣ*, хотя и приходятъ къ нему

совѣщались и гадали о счастіи и несчастіи. Можешь быть, по этому, оно не показываетъ ни гордости, ни нешерпимости. Выразить невозможно, съ какимъ почтеніемъ обходились со мною жрецы, пока я находился у нихъ въ жилищѣ.

Было уже довольно поздно, когда отправился я домой; глубокая тишина царствовала въ Напакіангѣ. Жена Коми, видя, что мы такъ долго не возвращаемся, беспокоилась объ насъ, и отправила слугу своего искать насъ. Пшено и баранина, отлично приготовленные для гостя, могли пошестъ свой изящный вкусъ опъ нашего замедленія, а это чрезвычайно озабочивало добрую хозяйку. Она боялась показать мнѣ съ невкусной стороны свою Лью-Чускую спряню. Мы поспѣшили прекратить ея беспокойство своимъ приходомъ, и вошъ — на столъ, весьма опрятно накрытомъ, вокругъ кошораго поставлено было нѣсколько бамбуковыхъ скамеекъ, явился превосходный ужинъ. Съ какою боязливою дружбою хозяйка слѣдовала за каждымъ моимъ движеніемъ! Какъ старалась она угадать по лицу моему, нравятся-ли мнѣ ея ушки, яицы, окрошки! При малѣйшемъ знакѣ удовольствія, я видѣлъ радость на ея лицѣ — она смѣялась, хлопала руками, и пошомъ опромешью бѣжала за новымъ кушаньемъ. Коми былъ восхищенъ неменѣе, видя меня своимъ гостемъ; онъ говорилъ безъ умолку, не слушалъ моихъ опвѣщовъ, гордился своимъ знаніемъ *Энгелесскаго* языка, хотя послѣ нѣсколькихъ чашекъ шаззи, языкъ эшопъ сдѣлался наконецъ вовсе непонятымъ; но

эшо умножило дружескія увѣренія Коми, не сдѣлавши ихъ однакожь для меня болѣе тягоспными. Онъ говорилъ, что почишаетъ себя счастливымъ не менѣе Мадера и Анъ-Ніага, пошому, что если у нихъ есть два друга *Энгелесъ*, за шо у него Коми есть одинъ другъ *Франсесъ*. За шѣмъ слѣдовало множесство вопросовъ о Франціи, ея жишеляхъ, нравахъ ихъ, вопросовъ скромныхъ и простодушныхъ, дѣланныхъ съ вѣжливостью, споль особенною, и при томъ споль еспешвенною, что можно было подуматъ, будшо ихъ предлагаетъ самый образованный Европеецъ. Опвѣчая Коми, я распрашивалъ его въ мою очередь. Два обстоятельствва хошѣлось мнѣ пояснить особенно, два любопытные разсказа капишана Галла, придававшіе характеру Лью-Чьусцевъ чершу, достойную нравовъ небывалаго Золошаго вѣка. Одно изъ нихъ было несущесшвованіе будшо-бы на Лью-Чью военного оружія; другое, неимѣніе будшо-бы здѣсь монеты. Съ романической почки зрѣнія, на копорую поставилъ себя Англійскій мореплаватель, описывая свои любимые оспрова, разумѣешся, чрезвычайно выгодно было поэшическому очарованію читателей, когда разскащикъ прибавилъ два упомянутыя обстоятельствва, будшо оспашки жизни первобытной и папріархальной. Цѣлый народъ безоружный, когда весь оспальной міръ споишъ подъ ружьемъ съ незапамятуемыхъ временъ, шакъ, что жишели его едва успѣвають колошиться другъ друга! Цѣлый народъ безъ денегъ, когда у всѣхъ другихъ народовъ всѣмъ правяшъ и самовласивуюшъ

золошо и серебро! Боже великій! Открытіе такой земли стоило открытія Новаго Свѣта! Капитанъ Галль понялъ это, и составилъ изъ этого самую прелестную басенку, какую только можно было составить, развеселилъ этимъ скуку Наполеонова опшельничества на островѣ св. Елены, потомъ дополнилъ на пуши въ Европу, и помѣшилъ въ фантасмическую картину Лью-Чью, коюрой повѣрила вся Европа. Но сказка должна остаться сказкою: Коми, согласно съ Бичеемъ, низпровергли этошъ романъ—у Лью-Чьусцевъ есть оружіе, есть и монета. Оружіе скрываютъ они въ своихъ крѣпостяхъ, гдѣ не увидите пушекъ ихъ въ грозномъ величіи на стѣнахъ. При миролюбивыхъ свойствахъ своихъ, они не понимаютъ, какъ можно выказывать готовность на войну, если ни съ кѣмъ нѣтъ войны; но у нихъ есть однакожь ружья и пушки на защиту, въ случаѣ необходимости. Что касается до денегъ, употребленіе ихъ всеобще между народомъ, и каждый путешественникъ, въ маленькомъ кошелькѣ, привѣшенномъ съ боку, всегда носитъ при себѣ и употребляетъ въ торговлѣ мѣлкую Китайскую монету, называемую *кашъ*; золотой и серебряной монеты нѣтъ въ оборотѣ, но ее замѣняютъ слишкомъ этихъ мешаловъ.

Долго говорили мы обо всемъ этомъ послѣ ужина, куря изъ длинныхъ трубочекъ табакъ и запивая его чаемъ. Надобно было наконецъ подумать объ успокоеніи. Постеля, почти на Европейскій манеръ, была приготовлена для меня въ

одномъ изъ садовыхъ павильоновъ , и хозяйка такъ усердно забошилась о моемъ спокойствіи , что гость даже болѣе меня взыскашелейный осмался-бы совершенно доволенъ. Упомленный моими дневными спранспвованіями , я заснулъ самымъ крѣпкимъ сномъ.

Едва проснулся я , Коми и жена его были уже подлѣ дверей моего павильона , предлагая мнѣ чашку шаззи , которому приписываютъ здѣсь чудесныя свойства. Послѣ легкаго завпрака , я сказалъ моему хозяину , что нынѣшній день хотѣлось-бы мнѣ избавишься отъ церемоніальныхъ посѣщеній , и что имъ охотнѣе предпочту я прогулку въ полѣ. При такомъ предположеніи , очевидно неожиданномъ , лицо моего хозяина омрачилось; онъ спарался что-то сказать , но не могъ , и совершенно смѣшавшись бросился вонъ и ушелъ изъ дома своего. Около получаса прошло , и я все еще не могъ разгадать причины такого внезапнаго бѣгства , когда наконецъ я опять увидѣлъ моего Коми , съ радостью прибѣжавшаго ; онъ прыгалъ , скакалъ , смѣялся , « Франсезъ , Франсезъ ! мы будемъ смопрѣшь Шуи , мы будемъ смопрѣшь поле ! Укома позволилъ ! Царъ также позволилъ ! » Я понялъ тогда , что это позволеніе означало великую милость , которою одолженъ я былъ значительности , или просьбамъ Коми.

Тотчасъ весь домъ Коми пришелъ въ движеніе ; явились служители съ зоншиками , мальчики съ ящиками , наполненными говядиною и другими припасами. Анъ-Ніагъ явился ксташи сопущспвовашъ

въ нашемъ пушешесвиі ; Мадера , спарый и дрях-
лый , изъявлялъ большое горе , что не можешь
слѣдовать за нами.

Пушъ нашъ лежалъ сначала мимо погребальницъ ,
кошорья замѣшилъ я съ гавани , и о кошорыхъ
уже говорилъ прежде. Любопытство заставило
меня заглянуть во внутренность эсихъ гробо-
вищъ , и я нашелъ въ одномъ изъ нихъ полу-
исплѣвшій шрупъ , покрытый грубою рогожкой.
Подлѣ стояло нѣсколько чашекъ , и большой кув-
шинъ съ чаемъ , шакъ , что духъ умершаго могъ
пить сколько ему было угодно. Но никакихъ ку-
шаньевъ пушъ не было , ибо Лью-Чьусцы полага-
ють , что духи только пьють , но не ѣдятъ. Обы-
чай оправдываетъ такимъ образомъ шѣла для гніенія
происходитъ отъ того , что на кладбищахъ соб-
ственно шуземцы хоронять только кости. Поэтому
предварительно кладуть шѣло въ погребальницу ,
пока совершенно обгнившій скелетъ можно бу-
детъ собрать въ мѣсто его окончательнаго успо-
коенія.

Гора , по кошорой мы шли , была устѣяна такими
погребальными пещерами костей. Мнѣ хотѣлось
взойдти въ какую-нибудь изъ нихъ , но кромѣ од-
ной , всѣ были замурованы наглухо. Входъ у той ,
кошорая открыта , закладенъ былъ красными кир-
пичами , съ маленькими опверзшіями , не болѣе вер-
шка. Внутри разставлено было десяпка два кра-
сивыхъ глиняныхъ кувшиновъ краснаго цвѣта , по-
крытыхъ крышками , похожими на мандаринскія
шапки. Я хотѣлъ было заглянуть въ нѣкошорые

изъ эшихъ кувшиновъ , и посмотришь что такое въ нихъ находишся, но Коми и Анъ-Ніагъ съ ужасомъ остановили меня : эшо были кости ихъ предковъ , и нарушашъ послѣднее ихъ на землѣ убѣжище , почитаемся здѣсь спрашнымъ святошамшвомъ ; можно-ли было не уважишь такого предразсудка !

По-немногу подошли мы на одну высокую , съ кошорой опкрывались передъ нами большая часть залива Напа-Кіангскаго и города Шуи. По дорогѣ видѣлъ я множество различныхъ насажденій — каршофель, просо, пшеницу, Индійскій хлѣбъ, пашы, ячмень, сахарный проспникъ, горохъ, чайное деревцо, сарачинское пшено, табакъ, огурцы, кокосы, морковь, салапъ, лукъ, попушникъ, гранаты и померанцы. Подлѣ земель, богашыхъ всѣми такими произведеніями, возвышались по мѣстамъ пригорки, увѣчаные перелѣсками дикихъ сосенъ. Пригорки эши сосшавляешъ, такъ какъ и самое основаніе ошрова, губковашая, окаменѣвшая извесшь , легко уступающая обшескѣ.

Все эшо пространство — смѣсь природныхъ красотъ и человѣческихъ произведеній — представляло собою видъ величественный и прекрасный. Съ одной стороны ошрова, расположенные лѣсенкою на обширной водяной скашерпи, столь прозрачной, столь сквозистой, что даже съ высоты, гдѣ мы были, взоръ нашъ, погружаясь въ море, могъ легко преслѣдовать всѣ изгибы подводныхъ ушесовъ ; на югъ городъ На-Фу ; ниже , въ гавани, суда на якоряхъ, жонки, съ ихъ значками,

Японскіе кампаны, пришедшіе изъ Ушимара и Іеддо, увѣшанные флагами; пошомъ по берегу, незамѣпно возвышающемуся отъ моря къ городу, хижины, полузакрытыя купами деревьевъ, и тамъ и здѣсь бѣлые домики, при попокахъ серебристыхъ ручьевъ — вошъ что являлось мнѣ ошвсюду. Самое богатое произраспаніе видимо было вездѣ — оно обнимало дома, вилось вокругъ спѣнъ, цѣплялось арабесками, нисходило въ иныхъ мѣстахъ даже на край морскаго берега, и глядѣлось въ волны морскія, свѣчиваясь съ ушесовъ. Если отъ Напа-Кіанга иди къ Шуи, внутреннему городу, или *Кингъ-Шингу*, по описанію капитана Максуэля, прелестъ мѣстоположенія являеиъ еще разнообразіе и восхищеніе. Зданія въ Шуи, болѣе щегольскія и болѣе обширныя, нежели въ приморскомъ городѣ, представляются, какъ будто спѣною при подножіи горной вышины. Купы деревьевъ соединяють одно зданіе съ другимъ. Долина около города кажется обширнымъ его предмѣстьемъ — шакъ многочисленны и сближены здѣсь одно къ другому разсѣяныя по ней жилища. На сѣверъ, высокіе, древніе лѣса заслоняють южную часть острова, и охраняють ее отъ холодныхъ вѣтровъ, дующихъ въ эшомъ направленіи.

Мы доспигли въ эшо время до шой части острова, гдѣ никогда еще не бывала нога Европейцевъ. Крайнія хижины предмѣстія Шуи были передъ нами. Вокругъ насъ зеленѣло и песпрѣло произраспаніе шоль богатое и шоль сплошное,

что казалось, будто мы гуляемъ въ густой рощѣ. Вскорѣ зашли мы въ такой лабиринтъ тѣнистыхъ дорожекъ, что я не находилъ никакого выхода изъ нихъ. Кое-гдѣ видны были только плетенныя двери. Смѣясь моему замѣшательству, Коми отворилъ одну изъ нихъ. Мы вошли въ жилище земледѣльца, съ заднимъ дворомъ, наполненнымъ утокъ, свиней и другихъ домашнихъ животныхъ. Вся эта роща была усыяна такими жилищами, скрытыми подъ тѣнью роскошной прохлады. Нѣкоторые изъ обитателей вышли къ намъ на встрѣчу; изумленные, видя меня между двухъ своихъ соотечественниковъ, они пустились въ распросы обо мнѣ, и заставили меня, какъ умѣлъ я, изъясняясь имъ—кто я, откуда явился, куда иду, за чѣмъ пришелъ къ нимъ въ Лью-Чью. Распрашивая, они осматривали меня съ головы до ногъ, съ ласковымъ любопытствомъ, удивляясь всѣмъ частямъ моей одежды—жилету, шляпѣ, башмакамъ—и безпрестанно приговаривали: «*Шу-расса, Шу-расса!*»

Въ каждомъ изъ этихъ сельскихъ убѣжищъ насъ подчивали яицами, молокомъ, мясомъ, шаззи, чаемъ, и если я не показывалъ хоть вида, что принимаю угощеніе, добродушные хозяева оскорблялись, гошovy были разсердились. Въ обмѣнъ за ихъ угощеніе, я хотѣлъ было отплатить одному изъ нихъ нѣсколькими монешками, но, предвидя мое намѣреніе, Коми поспѣшно удержалъ меня и принудилъ спрягать мой кошелекъ. По мнѣнію туземцевъ, хоть жестоко оскорбляетъ своего

хозяина, кто за гостепріимство вздумаетъ заплашишь деньгами.

Находясь въ это время столь близко подошвы горы, на кошорой построень Шуи, я хопѣлъ продолжашъ мой путь черезъ предмѣсье его, и изъявилъ моимъ соупникамъ желаніе видѣшь ихъ царя и осмопрѣшь дворець его. Но при эшомъ изобразился на лицахъ Коми и Анъ-Ніага такой ужасъ, что его описать словами невозможно. Вдругъ бросились они передо мною, и Коми легъ поперегъ дороги, какъ будио показывая, что шолько перейдя черезъ его прунъ, могу я исполнишь свое дерзкое предпріятіе. «Никшо не видалъ царя Лъу-Чъу» — кричалъ онъ голосомъ испугленнаго опчаянія — «Коми не видалъ, Укома не видалъ, Энгелесь не видалъ, никшо не видалъ!» И бѣднякъ кашался по песку, словно бѣшенный, между шѣмъ, какъ Анъ-Ніагъ, стоя передо мною, казался гошовымъ на спрошивленіе самое опчаянное. «Франсезъ,» говорилъ онъ — «царь опрубишь мнѣ голову, если ты пойдешь далѣе!» Не желая продолжашъ скорби моихъ добрыхъ соупниковъ, я немедленно поворошилъ обрашно, говоря: «О чѣмъ-же споришь? Пойдемъ опянь въ Напа-Кіангъ.» При эсихъ словахъ, шоварищи мои запрыгали опъ радости. Коми вскочилъ поспѣшно и бросился цѣловашъ мои руки, ноги, мое плашье, осыпая меня всѣми дружескими названіями, какія шолько могъ онъ запомнишь изъ Лъу-Чъу Энгелесскаго своего языка. Мы направили путь къ приморскому городу, перешедъ на другія шропинки,

оспавя шѣ, по которымъ шли прежде, и идя такимъ образомъ по длиннымъ, узкимъ переулкамъ, гдѣ съ обѣихъ сторонъ, между зеленью, скрывались ошѣ насѣ дома и жилища, недоступныя ни взорамъ прохожаго, ни лучамъ солнечнымъ. Плети вьющихся расшеній и цвѣты всякихъ родовъ перепушывались шумъ по рапановымъ заборамъ, огораживающимъ съ обѣихъ сторонъ дорожки. Въ палящемъ климатѣ здѣшнемъ, ничто не даетъ такой свѣжести, такой здоровой прохлады, такой усладительной шѣни, какъ подобныя жилища шуземцевъ,

Среди множества Лью-Чьюсцевъ, встрѣчавшихся съ нами во всѣхъ направленіяхъ, мы безпрестанно видѣли веселыя толпы дѣшей, выбѣгавшихъ изъ хижинъ, гонявшихся за бабочками, или срывавшихъ цвѣты. Если имъ попадалось что нибудь покрасивѣе, цвѣтокъ или мошылекъ, они подносили это мнѣ, кланяясь по-Китайски, и убѣгая пошомъ съ беззаботнымъ, беспечнымъ смѣхомъ. Имъ вовсе неизвѣстно было, что изъ ихъ подарковъ, въ другомъ мѣстѣ, соснавился-бы прибыльной промыселъ. Спросишь собираешь расшенія и рѣдкости природы почти неизвѣстна внѣ предѣловъ образованнаго міра.

Далѣе встрѣпили мы двухъ ословъ, навьюченныхъ корзинами, расположенными въ видѣ сѣдла. Это были первыя рабочія живошныя, мною здѣсь видѣнныя. Не замѣчая ни одной колеи по дорогамъ, я думалъ, что въ Лью-Чью вовсе неизвѣстны ни шѣлеги, ни повозки. Не смотря на силь-

ный солнечный зной, земледѣльцы работали по полямъ съ своими женами. Одеждою, чертами лица, нравами, привычками, сельскіе жилища здѣшніе казались мнѣ совершенно похожими на здѣшнихъ горожанъ. У нѣкоторыхъ женщинъ были наколоты на рукахъ изображенія и узоры.

Едва пришли мы на небольшое возвышеніе, съ кошораго видѣнъ былъ весь Напа-Кіангъ, Коми оборотился ко мнѣ, и легонько ударивъ меня по плечу, проговорилъ: «Смотри, смотри!» Онъ указывалъ мнѣ на гавань; оборотивъ шуда взоры, я увидѣлъ, что послѣ нашего уже прибытія, въ гавань вошла и спала среди другихъ судовъ огромнѣйшая жонка; вокругъ нея, во всѣхъ направленіяхъ, видны были сотни лодокъ, подплывавшія къ ней, по видимому, съ тяжелыми нагрузками. «Что значишь — спрашивалъ я — эта огромная жонка, и это движеніе вокругъ нея лодокъ?» Коми не зналъ, что мнѣ оповѣщать, ибо, вѣроятно, это былъ такой предметъ, объясненій кошораго не могъ онъ найдши въ своемъ Ангелесскомъ словарѣ, собранномъ съ величайшимъ трудомъ, едва только на самыя употребительныя слова. Наконецъ, при обильномъ пособіи шѣлодвиженіями, Коми далъ мнѣ понятіе, что большая жонка, стоящая среди гавани, прибыла изъ Кишай для собранія подаши, кошорую ежегодно плашится Напа-Кіангъ повелителю Кишайцевъ, и что завтра-же выступитъ она обратно въ море.

Въ самомъ дѣлѣ, на другой день, съ самаго утра, Напа-Кіангъ торжественно праздновалъ ош-

плыіе богдыханской жонки. Чиновникъ , въ санѣ мандарина , прибылъ нарочно изъ Шуи , присуш- ствовашъ при обрядахъ. Коми предупредилъ меня , говоря , что это « великая особа , больше всѣхъ , кошорые велики въ приморскомъ ихъ городѣ , » и что , вѣроятно , великій чиновникъ эшотъ поже- лаешъ меня видѣшъ. Въ самомъ дѣлѣ , едва успѣлъ я одѣшся , мнѣ принесли визитный билетъ , ще- гольски написанный Кишайскими буквами , слѣ- дующаго содержанія :

« Унгъ-Шу, чиновникъ Шуйскій, преклоняясь до ли- ца земли передъ гужеземцемъ, проситъ свиданія съ нимъ. »

По изъявленіи моего согласія , одинъ изъ слу- жишелей пошелъ увѣдомишъ объ эшотъ знамени- таго вельможу Лью-Чъускаго , и черезъ нѣсколько минушъ пошомъ , онъ вступилъ въ жилище Коми , съ свитою , состоявшею человекъ изъ двадцати.— Унгъ-Шу , « великая особа , больше всѣхъ , кошо- рые велики въ приморскомъ городѣ , » являлъ со- бою болѣе всѣхъ другихъ сходства съ Европейцами. Плашье его было изъ шелковой фіолешоваго цвѣша лкани , а шапка его , цвѣшомъ нѣсколько пошем- нѣе , была вышита желшыми цвѣшами. Видъ и осанка его выражали благородную простоту ; ни- чего не было въ немъ замѣшно ни гордаго , ни спѣ- сиваго , и онъ опличался ошъ своихъ подчиненныхъ шолько самою крошкою , обязашельною вѣжливосшью. Когда проходилъ онъ сквозь шолпу народа , собрав- шуюся передъ домомъ , всѣ преклоняли передъ нимъ колѣни , складывая руки почшительно на груди.

Мой знаменитый посѣщитель не зналъ ни одного слова по-Англійски, и Коми сдѣлался его переводчикомъ. Надобно было снова отвѣчать на вопросы, уже столько разъ слышанные мною отъ другихъ, о моей землѣ, цѣли моего прибытія, будущемъ планѣ моего путешествія. Въ свою очередь, я спрашивалъ моего гостя о Шун, о внутреннихъ обласяхъ Лью-Чью, и онъ казался готовымъ войдши со мною во всѣ подробности объясненій. По несчастію, намъ должно было сообщать взаимно свои идеи посредствомъ плохаго шолмача, худо переводившаго или вовсе не умѣвшаго перевести словъ нашихъ, такъ, что послѣ многочисленныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, мы почти ничего не успѣли узнать изъ того, что знать желали. Только одно хорошо поняли мы, что уже искренно полюбили другъ друга. Это взаимное чувство такъ хорошо утвердилось между нами, что мой посѣщитель рѣшился сдѣлать мнѣ спранный подарокъ. Каждый разъ, когда я вынималъ изъ кармана мой носовой платокъ, я замѣчалъ выраженіе какого-то непріятнаго чувства на лицѣ моего гостя. Желая пояснить это, я еще разъ принялся за платокъ мой, и увидѣлъ, что съ большою важностью гость мой вынимаетъ изъ своего мѣшка пять, или шесть бумажныхъ лоскушковъ; онъ передалъ ихъ мнѣ черезъ одного изъ служишелей, самъ взялъ такой лоскушокъ, выморкался, и отбросилъ его отъ себя. Тогда понялъ я, что опрятность Лью-Чьюсцевъ находила употребленіе нашихъ платковъ обычаемъ весьма неопрятнымъ. Боясь оспаться въ

долгу передъ знаменистымъ Унгъ-Шу, я поспѣшилъ опыскашь въ чемоданѣ моемъ лучшій плашокъ, и онъ принялъ его отъ меня съ величайшею радостью. Полагая однакожь, что мой подарокъ былъ гораздо дороже, черезъ четверть часа прислалъ онъ ко мнѣ шшуку прекрасной шкани и ящичекъ чаю.

Едва кончилось это учтивое посѣщеніе, восклицанія народныя вызвали насъ изъ дома. Богдыханская жонка вспунала подъ паруса — якорь былъ уже поднятъ, значки вѣялись на всѣхъ ея мачшахъ, на палубѣ ея шѣснился народъ, и лодки шуземцевъ сошнями собрались вокругъ громаднаго корабля Кишайскаго, плавая во всѣхъ направленіяхъ, и привѣщивуя его въ путь радостными криками и звукомъ гонговъ. Нѣтъ! ни допощонные корабли, ни корабли Греческихъ Аргонавповъ не представляли, кажешся, столь тяжелыхъ, столь неизящныхъ формъ, какъ эша громада, на которой везли въ Кишай доказашельсшва покорности Лью-Чьусцевъ повелишелю Срединной имперіи! Между шѣмъ, любопышно было видѣть это огромное плавающее зданіе, съ его носомъ, гдѣ изображались два спрашные глаза, съ его мачшами, гнувшимися, какъ легкая проросъ, съ его парусами изъ кокосовой коры, скрѣпленными на бамбуковыя палки. Присовокупише къ этому при вѣющіеся флага, на большой мачшѣ Лью-Чьускій, преугольный, красный съ желшымъ, съ изображеніемъ бѣлаго шарика въ срединѣ, какъ знака подчиненности, и на другой мачшѣ превеликій богдыханскій флагъ — не

считая множества значковъ, разспавленныхъ рядами на носу и на кормѣ, изъ которыхъ каждый показывалъ на кораблѣ присушствіе мандарина. Едва подали знакъ къ оплытію, съ крикомъ распустили паруса, и вскорѣ, буксируемая лодками за мѣли, составляющія окруженіе залива, громадная жонка направилась къ С. З., съ торжествомъ и весельемъ туземцевъ.

Только что ворошился я въ домъ Коми, церемоніальное приглашеніе на обѣдъ прислано было ко мнѣ отъ великаго чиновника Шуискаго. Такой обѣдъ всегда сопровождается оплытіе богдыханской жонки. Старшины и начальники Напа-Кіангскіе, въ числѣ ихъ Укома, Коми, Мадера, Анъ-Ніагъ, должныствовали бытъ при томъ почетными гостями, но случай увеличить торжество присушствіемъ Европейца былъ такою рѣдкостью, что знаменитый мандаринъ никакъ не хотѣлъ упустить этого случая.

Для доспигенія въ жилище мандарина, намъ надобно было идти по улицамъ, до такой степени наполненнымъ любопытными зрителями, что мы съ трудомъ могли пробираться сквозь толпы ихъ. Между тѣмъ любопытство всѣхъ этихъ людей не представляло ничего дерзкаго и нахальнаго. Солнце свѣтило въ это время ярко, и всѣ зонтики зрителей, по мѣрѣ того, какъ проходилъ я, раскрывались надъ моею головою; каждый изъ Лью-Чьюсцевъ спорилъ о чести доставить мнѣ тѣнь и прохладу. Такъ доспигъ я въ жилище мандарина, уже ожидавшаго меня въ столовой. Столъ

Японской работы, превосходно лакированный, исписанный по бокамъ и на ножкахъ золотыми буквами, былъ поставленъ по срединѣ; надписи на немъ означали мѣсто, гдѣ, и время, когда сработана была эта великолѣпная мебель, а также имя мастера. Весь столъ этотъ былъ загроможденъ мясными кушаньями, сластями, и двумя родами крѣпкаго напитка: *шаззи* и *муруфаку*—то и другое имѣющъ вкусъ кисло-сладкій, къ которому съ трудомъ можно привыкнуть. Мы ошвели почешное мѣсто подлѣ мандарина, между тѣмъ, какъ ошальные посѣпители помѣщались на скамейкахъ ниже и въ нѣкоторомъ ошдаленіи ошъ насъ. Передъ каждымъ изъ присутствующихъ за столомъ поставили эмальированную чашечку, съ блюдечкомъ, и положили Кишайскія палочки, вмѣсто вилокъ. Окрошки, соусы, мяса показали миѣ по пригошвлению похожими на шѣ, какія ѣдалъ я въ Макао, но особеннымъ ошличіемъ здѣшней кухни надобно было почешъ невѣрояшное множесство пирожковъ и печенъ; я насчиталъ болѣе 20-ти соршовъ того и другаго, и ошѣдалъ болѣе 40-ти изъ нихъ. Послѣ сладкихъ кушаньевъ, по здѣшнему обычаю, слѣдовали жареная свинина, рубленая пшица и родъ пуддинга изъ лаши, а наконецъ огромныя блюда сарачинскаго пшена, составлявшія основаніе обѣда. Для сваренія въ желудкѣ всего этого, надобно было безпрерывно глошашъ изъ своей чашечки шаззи, и опрокидывашъ потомъ чашечку на столъ, въ доказательство, что на днѣ ея не ошавалось ни капельки. Праздникъ кончил-

ся пѣснями, пѣшыми хоромъ всѣхъ гостей, и плясками, довольно спранными и некрасивыми. Плясуны прыгали на одной ногѣ, держа другую на воздухѣ, перемѣняли ноги, кривлялись, хлопали руками, и подпѣвали между пѣмъ что-шо очень медленно, сохраняя спройную мѣру пляски и пѣнія. Изъ столовой перешли мы въ садъ, гдѣ кончили вечеръ нашъ прубками и чаемъ.

ГЛАВА XL.

ЛЪУ-ЧЪУ. — ИСТОРИЯ, ГЕОГРАФИЯ. — ПРАВЫ И ОБЫЧАИ.

Ни одинъ народъ въ мірѣ не дорожитъ до такой степени древностью своего происхожденія, какъ Лъу-Чъусцы. И въ самомъ дѣлѣ, имъ есть чѣмъ погордиться: по рассказамъ ихъ, первый мужъ и первая жена, вышедшіе изъ какого-то хаоса на бѣлый свѣтъ, были ихъ бесспорными прародителями. Эсихъ предковъ называютъ Лъу-Чъусцы *Омо-Мей-Къу*, и говорятъ, будто изъ трехъ сыновей и одной дочери оныхъ этой первоначальной пары людей, старшій сынъ, *Тіенъ-Сунъ*, по есть *внукъ Неба*, былъ первымъ царемъ въ Лъу-Чъу. Оныхъ этого перваго царя до царя *Шумъ-Тіена*, жившаго въ 1187 году послѣ Р. Х., историки шужемные считаютъ ни болѣе, ни менѣе—17,805 лѣтъ.

Баснословной исторіи Лъу-Чъу наследуетъ исторія дословѣрная. Она восходитъ не далѣе 605 года по Р. Х., и именно того времени, когда

Китайскій богдыханъ Суи, услышавъ, что прекрасные и обильные острова находясь на морѣ, въ восточную сторону отъ Китая, послалъ нѣсколько кораблей осмотрѣть ихъ. Нѣсколько островитянъ было привезено на этихъ корабляхъ въ Синъ-га-фу, тогдашнюю столицу Китая, гдѣ Японцы рассказывали объ нихъ ужасы, какъ объ варварахъ. Богдыханъ Янгъ-Ти, рѣшась присоединить небольшой новооткрытый архипелагъ къ своей имперіи, послалъ нѣсколько ученыхъ людей, уговаривая Лу-Чьусцевъ покориться добровольно и заплатить дань, но посланныхъ не послушались, и послѣ отказа имъ, флотъ, съ десятию тысячами войска, вышелъ изъ Фо-Кіенскихъ гаваней, для покоренія оружіемъ страны, непослушавшей мирныхъ уговоровъ. Напрасно пуземцы Лу-Чьускіе хотѣли воспротивиться высадкѣ; напрасно самъ царь ихъ спалъ впереди своихъ воиновъ, желая опротивить силу силою—побѣда осталась на сторонѣ многочисленнаго непріятеля, царь былъ убитъ, и 5000 плѣнниковъ увезены побѣдителями на Китайскій материкъ.

Съ этого времени установилась между Китаемъ и островами Лу-Чью мѣна торговая, продолжавшаяся во все время владычества пяти династій, и только это и было слѣдствіемъ побѣды Китайцевъ, ибо цари Лу-Чьускіе вскорѣ отказались отъ платежа дани, на нихъ наложенной, и сдѣлались по прежнему независимы. Въ царствованіе Шунъ-Тіена, одного изъ знаменитыхъ владѣтелей Лу-Чьускихъ острововъ, чтеніе и писаніе, до того неведомыя, были введены здѣсь Японскими учеными.

Впрочемъ исторія Лью-Чьуская не представляла ничего замѣчательнаго до 1372 года. Цари слѣдовали одинъ за другимъ; иные были добрые, другіе злые—подданные любили однихъ, ненавидѣли другихъ; нѣкоторые были храбры и побѣдительны, увеличивали власть свою завоеваніями; другіе были слабы и трусливы, и нерѣдко не могли пропихаться даже возстаніямъ и междоусобіямъ. Но годъ, упомянутый нами, сдѣлался памятенъ по предпріятію Кипайскаго богдыхана Гонгъ-у, захопѣвшаго подчинить Лью-Чью подданству болѣе положительному и непосредственному. Острова дѣлились тогда между шремя власпишелями, изъ коихъ главнѣйшимъ былъ царь *Тзай-Ту*. Къ нему явилось посольство Кипайскихъ мандариновъ, и посланные умѣли обоидтись съ нимъ шакъ ловко, что царь Лью-Чьускій добровольно согласился на предложенныя условія, признавъ себя данникомъ Кипая. Его примѣру послѣдовали оба остальные цари шуземные.

Тогда начались между правительствами Кипая и Лью-Чью взаимныя пересылки учтивостей, подарковъ и привѣтствій. Изъ Лью-Чью послали къ богдыхану лошадей, пахучаго дерева, сѣры, мѣди, олова. Богдыханъ отвѣчалъ подарками болѣе богатыми, послалъ желѣза, фарфора и другихъ предметовъ, едва извѣстныхъ въ то время Лью-Чьусцамъ. Золотая, превосходно вырѣзанная печать для царя, серебряныя и золотыя украшенія для царицы, дополняли множество другихъ богатыхъ даровъ. Послѣ разныхъ пересылокъ, дѣши знашыхъ

Льу-Чьусцевъ были присланы въ Нанкинъ, для воспитанія тамъ на счѣтъ Кишайскаго правительсва, а тридцать шесть семей, переселясь изъ Фокіена, распространили на землѣ Льу-Чьуской Кишайскій образъ земледѣлія. Письмена Кишайскія, сочиненія и вѣра Конфуція, были принесены этими переселенцами и изъяснялись туземцамъ. Съ тѣхъ поръ сношенія покорившихся острововъ и владѣтельствовавшаго надъ ними Кипая поддерживались самымъ дружескимъ образомъ. Три царства Льу-Чьускія соединились наконецъ въ одно, при царѣ Шангъ-па-Ши, который сдѣлался черезъ это значительнымъ государемъ, такъ, что его посредство было принимаемо въ войнахъ, происходившихъ между Кипаемъ и Японіею. Время это было также эпохою особенныхъ успѣховъ въ торговлѣ Льу-Чьусцевъ. Они предпринимали отдаленныя плаванія по морямъ: жонки ихъ ходили въ Формозъ, въ гавани Бунго, Фіонга, Сатзума, Кореи, въ устье Пей-го, и даже въ Малакку.

Когда знаменитый власишель Японіи, Тай-Ко-зама, рѣшился внезапно завоевать Кипай, однимъ изъ предварительныхъ средствъ его къ этому была отправка тайнаго посла къ *Шангъ-Нингу*, тогдашнему царю Льу-Чьускому, съ требованіемъ отказа въ подданствѣ Кипаю и перемѣны владѣтельства Кишайскаго на Японское. Шангъ-Нингъ не только вопрошивился всѣмъ такимъ предложеніямъ, но, вѣрный присягѣ подданства, тайно уведомилъ Пекинскій Дворъ о предполагаемомъ нападеніи Японцевъ. Сполъ благородный поступокъ

навлекъ на Лью-Чью ужасную грозу. Тай-Козама рѣшился покорить этотъ архипелагъ, и заспигну-
тый смерщью въ своихъ предпріятіяхъ, завѣщаль
исполненіе ихъ своимъ наслѣдникамъ. Они испол-
нили замысль его. Японскій флотъ, снаряженный
въ Сипзумъ, сдѣлалъ высадку на Лью-Чью; остро-
вижане бились храбро, но были побѣждены; отецъ
царскій палъ въ битвѣ, и самъ Шангъ-Нингъ, за-
хваченный въ полонъ и задержанный въ неволѣ
два года, обезоружилъ гнѣвъ побѣдишелей только
своимъ непоколебимымъ упорствомъ и великодуш-
ною насшойчивосщью, съ какою хотѣлъ постоянно
оспаиваться вѣрнымъ своей присягѣ Кишайю. Ему да-
ли наконецъ свободу, позволили возвратиться въ
свое государство, и первое дѣло его по возвра-
щеніи было посольство въ Кишай, съ новымъ увѣ-
реніемъ въ подданствѣ Кишайскому богдыхану.

Завоеваніе Кишай Манджурами мало измѣнило
отношенія, какія существовали между Лью-Чью и
его повелителями. Положено было только, что
Лью-Чьусцы должны посылать отъ себя депута-
товъ въ Пекинъ каждые два года. Славный богды-
ханъ Канъ-хи, государь столь просвѣщенный и
справедливый, оказалъ Лью-Чьусцамъ вниманія бо-
лѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Ничего не
щадилъ онъ для ихъ благосостоянія, и былъ къ нимъ
столь благодѣшеленъ, что имя его съ благоговѣ-
ніемъ передается здѣсь донынѣ, изъ рода въ родъ.
По его повелѣнію, въ Шуи построенъ былъ храмъ
Конфуцію и учреждена ученая іерархія Лью-Чью-
ская, на подобіе той, какая существуетъ въ Ки-

шаѣ. Качество подашей было особенно приспособлено къ удобствамъ мѣстнымъ, и въ тѣ годы, когда пожары, или бури, опустошали Лью-Чью, мудрый богдыханъ не только не обременялъ жителей данью, но помогалъ еще имъ отъ себя, посылая всякія пособія къ облегченію ихъ бѣдствій. Со времени сего монарха, никакое особенное событіе не возмущало мирной и счастливой жизни Лью-Чьюсцевъ. Ученый Кишаецъ Супао-Коангъ, наблюдатель весьма умный, посѣщавшій Лью-Чью въ 1719 году, описывалъ сіи острова « цвѣтущими и усиленными въ счастіи продолжительной тишины », а по описаніямъ Европейцевъ, посѣщавшихъ потомъ въ разное время Напа-Кіангъ, можно и должно вѣрить, что дѣйствительно протекшая и мирная жизнь островитянъ Лью-Чьускихъ не была уже издавна возмущаема никакими политическими, или гражданскими бурями.

Первый изъ Европейскихъ посѣтителей Напа-Кіанга былъ извѣстный искашель приключеній Бенъ-овскій, повѣствованію котораго едва-ли можно донакожъ вѣрить вполне. Бенъ-овскій, въ бѣгствѣ своемъ изъ Камчатки, приспалъ къ одному изъ острововъ Лью-Чьускихъ, называемому *Усмай-Лигонъ*, гдѣ жили, обращенные какимъ-то миссіонеромъ, почти все исповѣдывали тогда христіанскую вѣру. По разсказу Бенъ-овскаго, онъ былъ принятъ туземцами съ гостепріимствомъ неслыханнымъ, до того, что различаясь въ этомъ отношеніи отъ всехъ жителей Азіи, туземцы не ревновали даже къ нему женъ и дочерей своихъ, стараясь только

какъ нибудь удержать добрыхъ госпней. Восхищенная сшоль дружескимъ пріемомъ, часнь сопушниковъ Бенъовскаго оспалась на Усмай-Лигонъ, а оспальные должны были обѣщать добродушнымъ оспровишянамъ пріѣхать попомъ и оспашься съ ними навсегда. Бенъовскій увѣряетъ, что огне-спрѣльное оружіе было тогда извѣстно въ Лью-Чью, и что желая усилить друзьямъ своимъ средства защиты, онъ съ своей стороны подарилъ имъ нѣсколько ружей, пикъ, сабель, пуль и пороху.

Англійскій капишанъ *Брутонъ*, въ 1796 году, а попомъ Калькутскій корабль *Фридерикъ* являлись послѣ Бенъовскаго, спараясь устанавишь торговля сношенія между Индією и Лью-Чью. Оба не успѣли въ своихъ предпріятіяхъ; самое дружеское гостепріимство оказали жипели, но не согласились на торговлю. Руководимые совсѣмъ другою мыслью, капишаны *Максуэль* и *Галль* въ 1817 году, и капишанъ *Бичей* въ 1827 году, были здѣсь и не могли попомъ довольно нахвалились пуземцами. *Максуэль* получилъ опъ нихъ позволеніе свезши часнь своего экипажа, изнуреннаго болѣзнью, на берегъ, и каждый день, безъ всякой платы, привозили ему для нихъ всѣ необходимые припасы. Дружескіе, блестящіе праздники ознаменовывали время пребыванія здѣсь Англичанъ, и при ихъ опплышій, все народонаселеніе шолпилось на берегу, провожая дружески лодки, увозившія ихъ новыхъ друзей, привѣтствуя крикомъ и шѣлодвиженіями, зоншиками и вѣерами Англійскій корабль, при звукъ гонговъ и размахиваніи значковъ. Жипели оспавались

послѣ сего на берегу до шѣхъ поръ, пока могли различать Англичанъ, стоявшихъ на палубѣ своего корабля и опвѣщивавшихъ на шрогашельныя и почпипельныя изъявленія дружбы пуземцевъ. Если Бичей и не встрѣшилъ здѣсь столь романическаго пріема, онъ, по крайней мѣрѣ, могъ во многомъ подтвердить всѣ прежніе рассказы своихъ земляковъ. Врожденное добродушіе пуземцевъ здѣшнихъ, ихъ гостепріимные обычаи, ихъ обязательная услужливоспъ, внимательная, почпипельная, но никогда не докучливая дружба, ихъ безкорыстное великодушіе, терпимоспъ, довѣрчивоспъ къ чужеземцамъ, совершенная правоша въ дѣлахъ — все это признано теперь безспорно всѣми, хотя и противорѣчившими одинъ другому во многомъ, путешественниками. Нѣсколько киполововъ, здѣсь искавшихъ себѣ убѣжища въ бѣдспвіи, также могли только благодарить за ласковоспъ и учаспіе добрыхъ жителей Лью-Чью.

Чему одолженъ эшотъ счастливый архипелагъ такою доброшою и беспорочноспью нравовъ, достойныхъ первобытныхъ временъ человѣчеспва? Между шѣмъ какъ ни одинъ изъ народовъ, обитающихъ вокругъ нихъ, на материкѣ и островахъ, не представляеетъ ничего подобнаго—Кишай являетъ землю образованныхъ плушовъ, Японія страну образованныхъ гордецовъ, Формозъ и Филиппинскіе острова страну дикарей, покорныхъ только силѣ — опъ чего-же эши островки, заброшенные въ волнахъ Океана, населены столь добродушнымъ, самобытнымъ народомъ, такъ-же удален-

нымъ опъ образованія, какъ и опъ варварства, но доступнымъ всѣмъ впечатлѣніямъ крошкимъ, неспособнымъ къ ненависти, всегда готовымъ обязать другихъ? Откуда пришли эти странные люди? Что забросило ихъ сюда, столь различныхъ опъ всего ихъ окружающаго?

Въ отвѣтъ на всѣ такіе вопросы можно сказать, что Лью-Чьюсцы первоначально происходили опъ Японцевъ, на копорыхъ походяшъ они своими чертами лица, и что удаленные потомъ опъ всякаго сообщенія, эти переселенцы сохранили первобытные нравы Японіи, въ послѣдствіи совершенно измѣнившіеся въ ихъ первобытномъ опечествѣ. Этимъ изъясняется и сходство и несходство ихъ съ Японцами. Надобно предполагать также, что со времени приведенія здѣшняго архипелага въ подданство Кипая, вліяніе Кипайцевъ, сношенія съ ними, двойное смѣшеніе опъ посылки молодыхъ Лью-Чьюсцевъ въ Нанкинъ и переселенія Фо-Кіенцевъ на Лью-Чью, ввели нѣкоторые религіозные и гражданскіе обычаи, и опчаспи нравы Кипайцевъ, въ понятія, нравы и обычаи первоначальные. Опъ этого пуземцы здѣшніе сдѣлались народомъ превосходящимъ пошъ, опъ копораго должно почипать ихъ первобытно происшедшими. У нихъ видите учтивость, ласковость, церемоніальность Кипайцевъ, съ большею честностью и опкровенностью, и важность, угрюмость Японцевъ, съ меньшею жестокостью и недовѣрчивостью. Характеръ ихъ вообще крошкій, изнѣженный, общительный и трусливый. Одного Европейскаго ко-

рабля достаточно-бъ было покоришь всѣ острова
 Лью-Чью. Всего вѣрояише, что не думая встрѣ-
 чаясь завоевателя пулями и ядрами, жили побѣ-
 гущи на встрѣчу его со всѣми знаками смиренія,
 умоляя о пощаде.

Невозможно похвалить достаточнымъ образомъ
 гостепріимства здѣшняго, неужно и расспроси-
 няться въ доказательствахъ его. Дѣши, просто-
 людины здѣшніе уважають всякаго пришельца въ
 ихъ страну, и споряиъ объ услугѣ ему, наряду съ
 самыми образованными мандаринами и спаршинами.
 Когда что нибудь препяишвуеиъ исполнишь во-
 лю и желаніе шужемца, слишкомъ требовашельна-
 го, или излишне любопытнаго, Лью-Чьюсцы прислу-
 нають къ ошказу пакъ нѣжно, съ такою умною
 кропосшью, съ такою ловкою насшойчивосшью, что
 имъ ушупають охотно, не заставляя ихъ прибѣ-
 гать къ мѣрамъ болѣе спроппивымъ. Отвращеніе
 оиъ полученія какой нибудь платы за услугу, да-
 же за доставленные припасы, доходитъ здѣсь до
 невѣрояиности. Все, что говорили объ этомъ Бро-
 ушонъ и Галль, сущая истина. Киполовъ, присла-
 вавшій къ Напа-Кіангу въ 1826 году, послѣ со-
 вершеннаго отдыха, за двѣ дюжины быковъ и дру-
 гую провизію, едва могъ уговорить Лью-Чьюсцевъ
 принять, и то какъ любопытную вещь, карту зем-
 наго шара.

Языкъ Лью-Чьюскій, первоначально Японскій, ма-
 ло по-малу перемѣшался съ Кишайскими словами.
 Даже у самыхъ простолюдиновъ, онъ нѣженъ, зву-
 ченъ, богаиъ, не предшавляя никакихъ трудно-

сней въ произношеніи. Знашныя люди говорятъ болѣе по-Китайски. Письменъ особенныхъ нѣтъ; Лью-Чъусцы употребляютъ Китайскія письма, и множество писанныхъ на Китайскомъ языкѣ книгъ находится здѣсь для обученія дѣшей. Но повелѣнія правительсва и законы издаются одна-кожъ, или на шужемномъ, или на Японскомъ языкѣ. Впрочемъ, въ законахъ, кажется, нѣтъ здѣсь большой надобности. Уголовное уложеніе въ Лью-Чъу почти то-же, что въ Китаѣ, но добрыя нравы жителей дѣлаютъ приложеніе его весьма ограниченнымъ и рѣдкимъ. Бичей подробно спрашивалъ объ этомъ оспровишанъ, и вотъ слово въ слово любопытный разговоръ его: «Употребляются-ли у васъ пытка и плети?» — Да. — «Опредѣлена-ли у васъ пытка при допросѣ?» — Да. — «Жестокое средство это уничтожается-ли при мандаринскомъ званіи пресупника?» — Нѣтъ. — «Пыпаютъ-ли у васъ до смерти?» — Да, при большихъ преступленіяхъ. — «Какое наказаніе положено у васъ за убійство?» — Смерть. — «Какая смерть?» — Висѣлица, или пешля. — «Какъ наказывается воровство?» — Также. — «А прелюбодѣяніе?» — Изгнаніемъ. — Малыя преступленія исправляетъ бамбуковина, или сѣченье веревкою. Видимъ изъ всего этого, что уложеніе здѣшняго нельзя назвать снисходительнымъ, но благодаря доброй природѣ народа, мечъ правосудія, почти всегда, остается здѣсь спокойно въ ножнахъ. — Правленіе въ Лью-Чъу монархическое, наследственное, и власъ царя ограничивается толь-

ко опдаленнымъ владычествомъ Кишайскаго богдыхана. Ниже царя слѣдуютъ сановники, или мандарины, раздѣляясь на девять степеней, и оплечааясь по степенямъ шапками. Шапки членовъ царскаго семейства цвѣта фіолетоваго, и украшающія желтыми цвѣтами; за нѣмъ слѣдуютъ шапки алая, а за ними красныя.

Кишайскій философъ Супоа-Коангъ передалъ намъ подробности обряда, соблюдавшагося прежде при восшествіи на пронъ Лью-Чьускаго царя, и эшотъ обрядъ столько-же шрогашеленъ, сколько простодушно его описаніе.

« Когда умираетъ Лью-Чьускій власпишель—говоритъ Супоа-Коангъ—наслѣдникъ его посылаетъ немедленно посольство къ власпишелю Кишай, испрашивая себѣ утвержденія на пронъ, а между нѣмъ правленіе по праву передается почешному сановнику. Получивъ уведомленіе, богдыханъ избираетъ въ прибуналѣ обрядовъ особу, достойную представлять его лицо въ Лью-Чью. Снаряжаютъ корабль въ Фо-Кіенъ, выбираютъ капитана, офицеровъ, мапрозовъ, солдатъ, лоцмановъ, всего числомъ до шрехъ сотъ человекъ. Попомъ избранный посланникъ отправляется, съ великою пышностью, въ Напа-Кіангъ.

« Безконечныя почести ожидаютъ сановника, посланнаго отъ сына Небесъ, послѣ его прибытія на мѣсто. Наслѣдникъ и вельможи принимаютъ его съ корабля въ великолѣпно украшенную шлюпку, и провожаютъ до дворца. Свина посланника выходитъ на берегъ въ свой чередъ, съ множествомъ

небольшихъ связокъ груза, изъ которыхъ каждый выручаетъ попомъ большую прибыль.

« Едва оправясь отъ дорожной усталости, посланникъ вступаетъ на великолѣпный помостъ, устроенный въ большой залъ дворца. Различныя званія туземцевъ приходятъ поочередно исполнять передъ нимъ *девять поклоненій* въ честь богдыхана, послѣ чего начинаются общіе праздники, въ городѣ, въ селеніяхъ, и въ гавани, на каждомъ кораблѣ.

« Другіе обряды совершаются въ слѣдующіе дни; но всѣ они только предвареніе великаго обряда воцаренія. Когда все бываетъ устроено, посланникъ шествуетъ во дворецъ, между двухъ рядовъ вельможъ и чиновниковъ. Его встрѣчаютъ князья царской крови, въ пронной залѣ. Самый благозвучный изъ всего оспрова оркестръ музыкантовъ находится здѣсь, и по его звукамъ производятся различныя дѣйствія возведенія. Царь и царица садятся на скамейкѣ, а посланникъ занимаетъ мѣсто выше. Когда онъ окроетъ грамушу, всѣ встаютъ. Попомъ онъ читаетъ ее, говоритъ нѣсколько словъ въ похвалу памяти умершаго власпишеля, и возвѣщаетъ наконецъ, что Его Величество богдыханъ Кипайскій, великій повелитель его, признаетъ за власпишеля оспрововъ Лью-Чьускихъ князя наслѣдника и княгиню супругу его. Это объявленіе послѣдуется совѣтами новому царю, и увѣщаніемъ жишелямъ всѣхъ 36-ти оспрововъ, о томъ, чтобы они пребывали вѣрны новому царю, какъ были вѣрны его предшественнику. Послѣ сего

грамаша богдыханская вручается царю, который передаетъ ее своему министриу, для сохраненія въ государственныхъ архивахъ. Тогда возобновляющіяся поклоненія въ честь Кипайскаго богдыхана; посланникъ отвѣчаетъ на это нѣкоторыми учтивостями и представленіемъ подарковъ, предназначенныхъ царю и царицѣ.

«Посѣщеніе вновь возведенныхъ царей посланникамъ даетъ причину къ проявленію великолѣпія, гораздо болѣе необыкновеннаго. Путь царя знаменующъ торжественныя враша, и отъ одного до другаго мѣста разставляющія шапры, гдѣ находящіяся плоды, цвѣты и благоуханія. Окреситъ прона царскаго, семь молодыхъ дѣвушекъ держащъ хоругви и зонтики. Князья, вельможи и чиновники, являясь верхомъ, стараются при семъ случаѣ оплечиться другъ передъ другомъ роскошью и великолѣпіемъ.

«Посланникъ принимаетъ Его Величество при врашахъ дворца, и царь самъ подноситъ ему вино и чай. Посланникъ опречается, возвращаетъ чашу, беретъ другую, и выпиваетъ ее тогда только, когда царь выпьетъ свою чашу. Окончивъ сей обрядъ, царь возвращается съ своею свитою во дворецъ свой.

«Отъ сего дня даже до отъѣзда посланника, нѣтъ праздника такого, котораго не изобрѣли и не придумали-бы въ честь его: праздники на водѣ, праздники въ полѣ, музыку, театральныя зрѣлища, пляски, освѣщенія, пошѣшныя огни.» —

Хотя многоженство здѣсь позволено, но Лучьусцы рѣдко пользуются такимъ позволеніемъ, не

исключая даже и самого царя. Онъ избираетъ себѣ супругу изъ прехъ знаннѣйшихъ, опредѣленныхъ на шо семействъ своего государства. Если чешвертое семейство, можетъ быть, еще значительнѣе этихъ прехъ, но оно исключено, пошому, что родословныя, хотя не совсѣмъ ясно, доказываютъ, будто оно само принадлежитъ къ царскому роду. Высшія званія бывающъ иногда наследственныя въ знаннхъ семействахъ, но большею частію только личное достоинство ведетъ къ нимъ.

Доходы царя состояющіеся изъ дохода съ коронныхъ помѣстьевъ, и пошлинъ на соль, сѣру, мѣдь, олово и другія произведенія. Этимъ царь прикрываетъ все государственныя расходы и жалованье знаннѣйшимъ чиновникамъ. Мѣрою жалованья служатъ здѣсь мѣшки сарачинскаго пшена, которыхъ цѣнность соразмѣряется по промѣну ихъ на шелковыя ткани и всякія другія вещи.

Торговля Лью-Чьусцевъ ограничивается премо мѣстами, Японіею, Кипаемъ, Формозомъ. Въ Кипаѣ жонки здѣшнія посѣщаютъ Фо-Кіенскія гавани, и иногда плаваютъ по Пей-Го, въ Пекинъ. Съ Японіею ведется постоянная торговля, посредствомъ множества кораблей, приплывающихъ сюда изъ Японскаго государства. Привозятъ опшуда пеньку, желѣзо, мѣдь, лаковыя вещи, а берутъ въ обмѣнъ соль, хлѣбъ, шабакъ, сарачинское пшено. Эти-же шеземныя произведенія мѣняютъ въ Кипаѣ на различные издѣлья фарфоровыя, стеклянныя, лекарства, серебро, желѣзо, шелкъ, гвозди и лучшихъ соршовъ

чай. Съ Формоза почти ничего болѣе не привозятъ, кромѣ черепахи и перламутра. Впрочемъ, кажешся, Лью-Чьусцы совсѣмъ не помышляютъ о большей обширности и усиленной дѣятельности своей торговли. Единственное неудовольствіе, встрѣченное здѣсь Англичанами, состояло въ томъ, что жители здѣшніе не хотѣли торговать съ ними.

Находясь подъ 27° широты сѣверной и 125° долготы восточной, всѣ тридцать шесть острововъ, составляющихъ архипелагъ Лью-Чьускій, наслаждаются крошечнымъ и поспояннымъ климатомъ. Все преуспѣваетъ на ихъ почвѣ, и мѣстныхъ богатствъ является доспашочно жителѣмъ ихъ, простымъ, презвымъ, довольнымъ тѣмъ, что у нихъ есть, когда при томъ немного сыщется такихъ произведеній, которыя не могли-бы здѣсь быть разведены удачно. Всѣ плодовые деревья тропическихъ странъ находятся на Лью-Чью — бананы, фиги, померанцы, и проч. — Всѣ растенія Европейскія принимаются весьма хорошо. Что касается до животныхъ, то рогатая скотина и буйволы бѣгають здѣсь по полямъ, дикіе, большими стадами. Лошади, ослы, свиньи, козы, кошки не различаются отъ находящихся на Азійскомъ материкѣ, только всѣ они на Лью-Чью меньше ростомъ; молодой быкъ здѣшній, убитый и выпотрошенный, вѣситъ не болѣе 400 фунтовъ; лошади здѣшнія такъ малы, что Европеецъ, сидя верхомъ, почти цѣпляется за землю ногами. Пшеница также мѣлка, хотя и вкусна. Клапотъ пишетъ, будто водятся здѣсь медвѣди, волки, шакалы и ядовитыя змѣи,

но Бичей видѣлъ только лепучихъ мышей, ящерицъ и лягушекъ. Самыя обыкновенныя насѣкомыя здѣшнія суть : саранча, бабочки, пчелы, шмѣли, огромныя мусшики, и особеннаго рода пауки. Пшницъ мало ; находящіяся только жаворонки, зимородки, дикіе голуби, кулики и цапли, и жишели увѣряють, что даже въ самыхъ внутреннихъ земляхъ острововъ нѣтъ куропапокъ, сколько многочисленныхъ на всѣхъ другихъ островахъ Азійскаго архипелага.

Рыбы въ Лью-Чью особенное обиліе, и роды рыбъ, пригодныхъ для спола, водящіяся по всѣмъ берегамъ. Черепахъ весьма немного.

Худо зная внутреннія обласпи острововъ Лью-Чьускихъ, не лзя сказать, какіе роды деревъ находящіяся въ обширныхъ лѣсахъ, видимыхъ съ береговъ. Говорять, что на островахъ *Татао* и *Ки-ке*, находящихся на С. В., есть родъ кедра, называемаго Кипайцами *кіень-нью*, а шужемцами *жсеки*; дерево это никогда не гніетъ, по рассказамъ шужемцевъ, и пошому дѣлають изъ него столбы въ домахъ знашнихъ людей.

Жопки Лью-Чьускія строятся на манерь Кипайскихъ. Машеріалы для поспройки, паруса, оснастка, все въ нихъ поже самое. Кромѣ того есть еще у Лью-Чьусцевъ лодки ододеревки, выдолбленныя изъ одного дерева и могущія вмѣщать въ себя шесць, восемь, и даже десяць человекъ. Перевозка грузовъ, болѣе значительныхъ, производится посредешвомъ плоскихъ лодокъ, прочно поспроенныхъ.

Изъ всѣхъ прибрежьевъ на Лью-Чьускихъ островахъ, гавань Напа-Кіангская и ея окрестности суть мѣста лучше другихъ обозрѣнныхъ капитаномъ Бичеемъ. Гавань эша, хотя открытая сѣверному вѣтру, защищена съ западной и юго-западной сторонъ коралловыми грядами. На мѣстѣ вѣшной стоянки, во время прилива, волненіе сильно; нерѣдко вредитъ припомъ кораблямъ западный вѣтеръ. Два прохода ведутъ во внутреннюю гавань, одинъ съ С., другой съ В., и послѣдній гораздо шире и ненадежнее перваго.

Подробная съемка Лью-Чьускаго архипелага произведена была капитаномъ Максюзлемъ, и особенно капитаномъ В. Галломъ, во время прибрежнаго плаванія его, на кораблѣ *Лира*. Плаваніе это, продолжавшись семь дней, дало возможность опредѣлить множество географическихъ подробностей. Островъ, осмошрѣнный Галломъ прежде другихъ, и названный имъ *Сахарною головою*, не великъ, но превосходно обработанъ. Городъ, весьма красивый по наружности, распростираясь по берегамъ его, восходитъ на гору, среди амфиатра зелени.

Въ 40-ти миляхъ на В. отъ Лью-Чью осмошрѣнъ другой островъ, названный Галломъ *островомъ Герберта*. Шлюпки, посланныя для подробнаго обзора, прошли въ заливъ, узкій, но глубокій. Заливъ этотъ оканчивается превосходною гаванью, съ которою сравнится развѣ только Магонская гавань; ее образуетъ морской рукавъ, защищаемый отъ волнъ крупными спремнинами, покрытыми зеленою и цвѣтами дикихъ растеній. Кромѣ того, гавань

сія, названная отъ Галла портомъ *Мельвиля*, имѣетъ еще другое сообщеніе съ моремъ. Мѣстоположеніе, песчаный грунтъ моря, все, кажется, нарочно соединилось для удобства мореплавателей въ этомъ удивительномъ убѣжищѣ.

Галль выходилъ на берегъ, и въ долину, простирающейся направо, между двумя рядами горъ, осматривалъ нѣсколько красиво расположенныхъ селеній. Жители казались столь-же ласковы и общительны, какъ въ Напа-Кіангѣ. На С. В. отъ Лью-Чью острова болѣе лѣсисты, но менѣе богаты и малолюднѣе, нежели лежащіе на Ю. З., или острова *Шеули*; эта часть архипелага, кажется, обилуетъ за то превосходными якорными мѣстами.

Купы острововъ, видимыя изъ Напа-Кіанга на З., называющіяся шугемцами *Киррама* и *Агуньи*. Первая состоитъ изъ четырехъ острововъ: *Замманье*, *Акаръ*, *Гхирума* и *Тукаги*; всѣ они незначительны, кромѣ послѣдняго. Агуньи заключается въ двухъ островахъ небольшихъ: *Аги* и *Гомаръ*; оба они зависятъ отъ царя Лью-Чьускаго. На Киррама находящіяся четыре царскіе мандарина, одинъ высшаго званія, три низшихъ степеней; двое равныхъ имъ управляють купою Агуньскою, впрочемъ весьма мало населенною; на Тукаги, значительно болѣе другихъ острововъ, едва-ли есть пять сотъ хижинъ. — Къ С. отъ Лью-Чью находящіяся два острова, которые можно назвать дополненіемъ архипелага: *Усхима*, подвластный царю Лью-Чьускому, и *Яку-Шима*, гдѣ колонія Японская.

Усхима обилуетъ сарачинскимъ пшеномъ, и какъ въ засушливые годы Лью-Чью терпимъ недоспашокъ въ эшомъ припасѣ, жонки Якушиманскія нагружаются здѣсь, будпо въ запасной жишницѣ, и везутъ потомъ продавать грузъ свой въ Напа-Кіангъ.

ГЛАВА ХІІ.

ЯПОНІЯ. — НАНГАЗАКИ.

Такъ нравилось мнѣ житье въ домѣ моего добраго Лью-Чьускаго пріятеля, что я желалъ даже, чтобы какое нибудь неожиданное препятствіе задержало меня по неволѣ въ Нана-Кіангъ еще на нѣкоторое время. Все, что только можно было придумать въ добромъ обхожденіи, замысловапомъ привѣтѣ, нѣжной внимательности — все было оказано мнѣ моимъ почтеннымъ Коми и ласковою женою его. Я былъ у нихъ точно какъ родной, и еще болѣе, потому, что чужеземецъ счищается здѣсь ближе всякой родни, по праву гостепріимства.

Но—къ досадѣ моей, жонка наша пресчастливо изгнана въ пущь. Неумолимый Тау-Тзингъ назначилъ день отъѣзда. Когда Кишайскій маэрозъ, посланный отъ него, пришелъ звать меня, объясняя друзьямъ моимъ, что черезъ нѣсколько часовъ я долженъ буду расстаться съ ними — на лицахъ

Коми и жены его изобразилась такая горестъ, что я былъ глубоко разпроганъ. « Ты прїѣдешь! Ты прїѣдешь! » говорилъ мнѣ Коми, съ какимъ-то сердечнымъ убѣжденіемъ. Жена его безпокойно смопрѣла на меня, гошова плакашъ, если-бы только смѣла. Теперь, когда впечатлѣніе разлуки уже изглаживаешся во мнѣ, я гошовъ спросилъ у самого себя: что могло бытъ причиною такой привязанности при столь короткомъ знакомствѣ; но въ то время, когда мы прощались, мнѣ было нѣкогда занимать изслѣдованіемъ чувства, преобладавшаго мною. Очарованный власью почтительной доброшы, увлеченный обязательною дружбою добрыхъ людей, кошорая вспрѣшила меня при первомъ шагѣ въ Лью-Чью, и съ тѣхъ поръ не оставляла меня ни на одну минушу — я безмолвствовалъ. « Бѣдный путешественникъ! » казалось, говорили мнѣ въ то время добрые островишяне — « бѣдный странникъ! ты не вездѣ найдешь наши гостепріимные берега! Останься здѣсь еще, хоть на нѣсколько мѣсяцевъ, хоть на нѣсколько дней, въ нашемъ патриархальномъ убѣжищѣ! Чего недоспаетъ тебѣ здѣсь? Дружба наша шакъ безкорысна, гостепріимство наше шакъ сердечно — мы не продаемъ ихъ за золото! Для чего-же ты бѣжишь отъ насъ? Куда ты спѣшишь? Умерешь отъ ядовитой спрѣлы какого нибудь кровожаднаго дикаря? Или боишься, что не успѣешь попасть на обѣдъ какихъ нибудъ челошкоядцевъ? Останься въ Лью-Чью, безразсудный, останься на этомъ островѣ, гдѣ ты видишь только доброшу, просподу-

шіе, почтеніе, счастіе! Останься—у насъ довольно
пшена, накормишь тебя, довольно чаю, напоишь
тебя! Останься—моря бурны, земли непріязненны!
Чего еще ищешь ты, если уже нашелъ землю мира
и спокойствія?»

Такія романическія привѣспвія, казалось мнѣ,
читалъ я въ крошкихъ, печальныхъ взорахъ добраго
Коми и жены его. Въ самомъ дѣлѣ—какъ хотѣлось
имъ остановить меня! Съ моей спороны, я го-
шовъ былъ опвѣчать имъ дружескими изъявленіями
печали и благодарности. Но дѣлать было нѣчего!
Едва только вѣсть объ оптѣздѣ моемъ разнеслась
по городу, въ жилище Коми собрались всѣ знако-
мые мнѣ жишели Напа-Кіанга — Укома, Мадера,
Анъ-Ніагъ, и—явился даже самъ мандаринъ Унгъ-
Шу. Непремѣнно надобно было еще разъ опобѣ-
дашь съ ними, прежде опправки моей на корабль,
и осушишь порядочное число чашекъ шаззи, за
благополучный путь.

Но часъ оптѣзда наступалъ, и Чау-Тзингъ,
собспвенною своею особою, явился напомнишь мнѣ
объ эпомъ. Едва показался онъ, Коми напалъ на
него, шребуя, чшобы онъ непремѣнно выпилъ съ
нами. Коми какъ будто хотѣлось задобришь мо-
его неумолимаго корабельщика, и заспавишь его
забышь объ оптѣздѣ. Ни шаззи, ни чай, ни прубка,
ничшо не дѣйспвовало на спараго моряка. Онъ
былъ непреклоненъ и подалъ знакъ непремѣнной
разлуки.

Тогда началось прощанье. Жена Коми подошла
ко мнѣ со слезами, и подавая мнѣ свою золошую

камезаши, кошую всегда носила на своей головѣ, просила меня принять ея, и сохранить на память Лью-Чьюскихъ друзей. Я взялъ, но попребавалъ, чтобы въ замѣну того, она приняла отъ меня маленькіе часы съ цѣпочкою. Когда надѣлъ я ей на шею мой подарокъ, мнѣ казалось, что она одурѣла отъ радости. Небольшіе подарки раздалъ я всѣмъ присутствовавшимъ, кошыре, съ своей стороны, обирали себя, стараясь каждый подарить мнѣ какую нибудь бездѣлку на память. Коми только не дарилъ ничего и не бралъ ничего; бѣдненькій горько плакалъ.

Когда мы оправились къ гавани, безчисленная толпа встрѣтила насъ, собравшись, сколько по случаю оправленія въ путь жонки, и еще болѣе желая посмотрѣть на Европейца, пребываніе кошораго въ Напа-Кіангѣ возбудило общее любопытство. Зрители толпились по дорогѣ, но въ такомъ порядкѣ, какъ будто солдаты, пришедшіе на смотръ. Въ первыхъ рядахъ стояли дѣти, и почти всѣ на колѣняхъ; далѣе находились молодые люди, на корточкахъ, и женщины, почти равнаго съ ними роста; за тѣмъ слѣдовали рядами мужчины, одни нагнувъ немного головы, а стоящіе за ними подымаясь на цыпочки; наконецъ, зрители послѣднихъ рядовъ встали на камни и возвышенія, такъ, что изъ всего собранія, безъ спора, безъ сумятицы, безъ ссоръ, всякій могъ все видѣть. Глубокое молчаніе царствовало въ толпѣ, и только когда проходилъ я, каждый повторялъ мнѣ: «Прощай!»

сопровождая слова свои самыми привѣтливыми жестами.

Я уже шакъ хорошо зналъ нравы Лью-Чьюсцевъ, что все это не удивляло меня. На привѣты отвѣчалъ я привѣтами, на прощанья прощаньями. Только одно поразило меня теперь въ этомъ спеченіи туземцевъ: это была небольшая толпа народа, неподвижная среди всеобщей подвижности, и совершенно оплывавшая своею одеждою онъ Лью-Чьюсцевъ. Ее составляли человѣкъ двадцать, какъ будто расположившихся отдѣльнымъ таборомъ на берегу. «Что это за люди?» спрашивалъ я у Коми. — Это люди не Лью-Чью—отвѣчалъ онъ — это люди изъ Кореи, чужіе, чужіе. — Въ самомъ дѣлѣ это были *Корейскіе* маэрозы, вѣроятно, принадлежавшіе къ какой нибудь жонкѣ, находившейся тогда въ гавани Напа-Кіангской. Одинъ изъ нихъ, безъ сомнѣнія, начальникъ, сидѣлъ на землѣ, на рогожкѣ, и пилъ чай изъ маленькой чашки. Платье его составлялъ голубой кафтанъ, съ широкими рукавами, подпоясанный поясомъ изъ буйволовои кожи. На головѣ у него была надѣта большая шляпа, не менѣе 5-ти, или 6-ти фузовъ въ окружности, сдѣланная изъ какой-то ткани, походившей на пелуху изъ конскихъ волосовъ, покрытую лакомъ; туля шляпы его сходила ниже краевъ. Носки обуви его были загнуты, какъ у Турецкихъ башмаковъ. Въ рукѣ держалъ онъ палку чернаго цвѣта, обвитую шелковыми лентами. Спрятанное одѣяніе это казалось мнѣ разительнѣе, что Кореецъ, одѣтый такимъ образомъ, былъ человѣкъ

вида угрюмаго и почтеннаго, съ удивительно бѣлою бородою, блестящіе, волнистые волосы копорою падали на его грудь. Люди, окружавшіе его, были, одни моряки, другіе военные, пошому, что жонка, какъ узналъ я послѣ, была военный Корейскій корабль. Одинъ изъ офицеровъ держалъ надъ головою своего начальника зонтикъ, убранный вѣявшимися лентами. Простыхъ солдатъ можно было опличить по остроконечной шляпѣ, и по одеждѣ, похожей на костюмъ нашихъ пьерро.

Какъ жаль мнѣ было, что время и обстоятельство не позволяли мнѣ поближе познакомиться съ Корейцами, однимъ изъ замѣчательныхъ и самобытныхъ народовъ здѣшней спороны! Но я спѣшилъ ѣхать; все было готово, и толпа почти на рукахъ несла меня къ пристани, между тѣмъ, какъ все мое вниманіе обращали на себя мои Лью-Чьюскіе друзья. Чѣмъ ближе былъ часъ разлуки, тѣмъ сильнѣе спановились изъявленія дружбы ихъ. Казалось, что они боялись опустить меня, не оказавъ мнѣ вполне и дружбы своей, и печали о разлукѣ со мною.

Наконецъ, мы пришли на пристань, и послѣ самыхъ нѣжныхъ увѣреній въ памяти и любви, я сѣлъ въ лодку, копорая повезла меня къ жонкѣ, уже всшупавшей подъ паруса. Когда жонка наша пуспилась въ открытое море, толпы народа, собравшіяся на всѣхъ мѣстахъ, откуда можно было еще насъ видѣть, махали намъ, въ изъявленіе желаній счастливаго пуши, руками и вѣрами, между тѣмъ какъ Мадера, Коми и другіе друзья мои, споя

неподвижно, не спускали глазъ съ корабля, быспро уносившаго отъ нихъ чужеземца, искренно ихъ полюбившаго.

Позади коралловыхъ мѣлей, окружающихъ гавань, мы взяли пупъ на 3., и вскорѣ высокій мысъ закрылъ отъ насъ Напа-Кіангъ. « Прощай—вскричалъ я тогда — прощай Лью-Чью! Просни страна первобытной просноты! Проснише, Коми, Мадера, всѣ госнепріимные, добрые друзья мои!» — Снова единственнѣмъ другомъ и шоварищемъ моимъ сдѣлался мой угрюмый корабельщикъ; но, казалось, какъ будто примѣръ ласковости Лью-Чью-сцевъ подѣйствововалъ на моего важнаго Чау-Тзинга; онъ сдѣлался со мною гораздо привѣпливѣе и обходительнѣе.

Уже при дня прошло, какъ пошеряли мы изъ вида берега, и по моему разсчешу, могли мы бытъ въ эшо время почти на равномъ разстояніи отъ Лью-Чью и Японіи, по естъ, около 29° широты. Эшо было 9-го Октябрю 1830 года: сильно и навсегда врѣзался эшотъ день въ моей памяти. Поутру, солнце казалось восходящимъ изъ кроваваго савана. Вѣшеръ былъ отъ Ю. З., но слабый, неопредѣленный, дувшій порывами. Небо съ этой стороны было голубое, свѣшное. Но воспокъ, напрошивъ, облекали громады облаковъ, сѣрыхъ, черныхъ, серебрисныхъ, перламутровыхъ, вавилонами рисовавшихся на темной лазури неба, какъ будто облака, кошорыя на декораціи оперной распускаюися по свистку машиниста. Эши громады густыхъ тучъ бѣжали прошивъ вѣпра, могущія

болѣе его, гошовыя побѣдиль всѣ его усилія. Спранный, порывистый свѣтъ мелькалъ сквозь эши плывучіе воздушные острова. Просплыми глазами можно было различить, какъ боролись шупъ всѣ стихіи, росли исполинскою силою, вбирали въ себя, здѣсь и тамъ, ошвсюду, всѣ сѣрные и электрическія часпицы воздуха, долженствовали превращаться въ нихъ въ громы и молніи, и всѣ пары, долженствовали сжаться въ нихъ и разрѣшиться моремъ дождя. Дѣло великой небесной лабораторіи, воздушная перегонка шучеваго куба, были здѣсь на виду, для изученія человѣческаго.

Физическое предчувствіе присоединялось къ поржесивенности этого великаго явленія. Кормчій, привычный къ здѣшнимъ морямъ, моряки, кошорымъ такъ знакомо зрѣлище неба и моря, даже простой путешественникъ, кошорому не чужды подобныя дѣйствія природы послѣ продолжительныхъ спранствованій, всѣ, безъ сомнѣнія, невольно приводили на память событія, походившія на это, кошорое гошовилось шеперь упасть съ неба на землю. Но и для шѣхъ, кто ничего подобнаго не испытывалъ, дѣйствіе электрической силы, невольное шрепешаніе шѣла, внутренняя дрожь каждой фибры, могли досшашочно возвѣсшить грозную и шяжкую бурю. Шшицы, будто одурѣлыя, улетали вдаль ошъ стремленія облаковъ, или летѣли на встрѣчу имъ, какъ-бы желая еще испытать: доспанешъ-ли шиль ихъ боронься противъ ужасающаго гнѣва стихій?

Чай-Тзингъ не могъ обмануться; опытный морякъ — онъ видѣлъ и понималъ, что дѣло шло о

жизни и смерти всѣхъ насъ. Голосомъ, котораго я прежде не могъ подозрѣвать въ немъ, закричалъ онъ: «*Тай-Фунгъ!*» Такъ особенно произнесено было это слово, что каждый матрозъ жонки могъ услышать его и почувствовать ужасъ этого слова. Его слышали на палубѣ, въ каютахъ, въ кухнѣ, въ самой глубинѣ прюма; всѣ выбѣжали на это призывное слово; въ пять минутъ палуба корабля покрылась перевознымъ народомъ. «*Тай-Фунгъ!*» повторилъ капишанъ нашъ, и головы всѣхъ, машинальнымъ какимъ-то согласіемъ, вдругъ повернулись въ ту сторону, откуда неслась буря; губы всѣхъ, поблѣднѣвшія отъ страха, раскрылись, бормоча: «*Тай-Фунгъ! Тай-Фунгъ!*» — Это слово, составленное изъ *Тай* — великій, и *Фунгъ* — вѣтеръ, означаетъ по-Китайски что-же, что выражаемъ мы словами: *тифонъ, ураганъ*.

Тай-Фунгъ мгновенно налетѣлъ на насъ, предшествуемый неопредѣленнымъ, перевознымъ колебаніемъ воздуха, и глухимъ шумомъ, котораго не производили однакожь ни валы, ни вѣтеръ; онъ шелесшилъ уже парусами, которые стремился потомъ разшрепать въ клочья; онъ подымалъ уже эти длинныя рогожки Китайскихъ парусовъ, какъ будто издѣваясь надъ ихъ ничтожносью; онъ принесъ уже намъ, на могучихъ крылахъ своихъ, безвѣстную будущность: гибель среди пучины моря, крушеніе на прибрежныхъ скалахъ, или только испугъ и поврежденіе корабля—что ожидало насъ? Кто могъ это предугадать?

При подобной опасности узнаемъ мы, что значить начальникъ корабля, капитанъ, земное providenie людей, подчиненныхъ ему. Пусть, если онъ любитъ понѣжиться и пороскошничать, пусть лежишь онъ въ своей койкѣ въ благопріятное время, когда корабль его спокойно скользитъ по тихому морю, съ полными парусами, вѣрнымъ пушемъ. Да, капитанъ можешь тогда оснавишь палубу, положишь на своихъ помощниковъ, дашь мѣсто ученикамъ мореходства. Но въ тѣ часы, когда ему надобно дашь великую битву спихіямъ — полководецъ своихъ подчиненныхъ, онъ долженъ бышь среди опасности, предупредишь непріателя, сразишься съ нимъ, побѣдишь его. О! эта обязанность прекрасная, высокая обязанность, повѣрьте мнѣ! Стоя на кормѣ корабля, съ открытою головою, съ трубою въ рукахъ, освѣщаемый молніями, обливаемый водою неба и моря, прицѣпившійся къ рулю, когда волна падаетъ на корабль, поднимаясь снова, когда она схлынетъ, чтобы въ это мгновеніе произвесишь новый маневръ, отвѣчающій за жизнь всѣхъ своихъ сопутниковъ, за будущность цѣлыхъ семействъ, ввѣрившихъ ему людей, столь имъ милыхъ, капитанъ корабля долженъ тогда вырасти во все величіе, во всю мѣру своей обязанности. Надобно бышь ему героемъ, по крайней мѣрѣ, во время бури; надобно бышь ему смѣлу, смѣлѣе всѣхъ, кто его окружаетъ. Если оробѣетъ онъ, все погибло. Смѣлосъ, какъ и робосъ, имѣющъ свое магнетическое дѣйствіе. Кто дерзнетъ шрепешать, когда капитанъ безшрепешень? Кто раз-

увѣрился, когда капишанъ вѣришь? Кто можетъ опчаяваться, когда капишанъ еще надѣется?

Я уже говорилъ, что Чау-Тзингъ былъ добрый мореходъ; теперь, опасность раскрыла мнѣ его болѣе: это была спальная душа, закаленная въ опытъ. Первое движеніе экипажа его былъ ужасъ; нѣкошорые изъ машрозовъ, въ страхѣ, упали ницъ на палубѣ. Съ плешью въ рукахъ бросился между всѣми нашъ капишанъ, и указывая на мачты, заставилъ самыхъ робкихъ бѣжать на верхъ и подвязывать паруса. Приказанія его были крапки, опредѣленны, исполнены въ глубокомъ молчаніи. Реи были мгновенно убраны; остались только нисшіе паруса.

Въ это время Тай-Фунгъ загремѣлъ съ ужасающимъ неистовствомъ. Покрывало шучь, сначала расштанное угрожающею полосою по дальнему небосклону, мало по малу обвилося куполомъ надъ головами нашими, и упорный вѣтеръ опъ Ю. В. засвиспалъ въ реяхъ и снастяхъ. Почпи всегда, опасность, какую мы лично испытали, кажешся намъ спрашнѣе и ужаснѣе всѣхъ шѣхъ, о кошорыхъ мы только слышали. Но, испинно, нисколько не преувеличивая бѣдствія, мною испытаннаго, я осмѣлюсь сказаць, что никогда подобная буря не возмущала морей, гдѣ находился я шогда, хотя они почишающся самыми бурными морями въ мірѣ. Если проживу я еще спо лѣтъ, воспоминаніе эшой бури останешся у меня всегда шакъ свѣжо, шакъ живо, какъ въ шопъ день, когда эша спрашная буря гремѣла надъ моею головою. Небо сдѣлалось шакъ

мрачно, такъ черно, какъ уголь, и я дивился, видя, что изъ него падающъ свѣшлыя капли дождя. Облака шли столь низко, что шуманъ ихъ закрывалъ вершины мачтъ. Они вихрились такъ быстро, вздымая надъ нами водяной сводъ океана, столь шумный, столь бурный, что голова моя закружилась, и, внѣ себя, ошеломленный, я не могъ уже опдать себѣ опчета, ни въ томъ, гдѣ я былъ, ни въ томъ, что было вокругъ меня! Впрочемъ, ни мысли, ни уму не могло быть мѣста, когда вся физическая сила долженствовала необходимо сосредоточиться на заботу о спасеніи шѣла, когда надобно было, при непрерывныхъ громозвучныхъ валахъ, перелетавшихъ черезъ корабль, безпрестанно бросающъ ницъ-лицомъ, держась за желѣзное кольцо, веревку, за все, что только можно было успѣшь ухватить. . .

Едва часъ продолжалось свирѣпство Тай-Фунга, какъ наша бѣдная жонка представляла уже самое жалкое зрѣлище опустошенія и опасности; двѣ мачты ея были изломаны усиліемъ вѣтра; шрепя, осмальная, небольшая мачта для флага, сдвинушая къ кормѣ корабля, была срублена по повелѣнію капитана. Ежеминутно, по опустошенной такимъ образомъ палубѣ переливались и били волны, ударя въ бока корабля, будто шараны въ крѣпосныя стѣны, стремясь пробить уплыя доски и пошопить его совершенно. Куча построекъ, нагроможденныхъ близъ кормы, недолго уцѣлѣла; море рухнуло на нее валами, разбило ее, словно клещами сорвало съ мѣста, и бросило, полуразрушенную,

въ бездны моря. Два юнки и пять пассажировъ сидѣли тамъ.... Я споялъ подлѣ, опершись на нее, когда схватило и сбросило ее въ море.... только судорожно ухвась за веревку, я успѣлъ уцѣлѣть.

Какое ужасное состояніе! При жесточайшей бурѣ, имѣвъ подъ ногами нѣсколько плохо-сколоченныхъ досокъ, составляющихъ безобразную жонку, еле-живую, ничтожную, полуразбитую, ежеминутно готовую разваливаться! Умереть здѣсь, далеко отъ своихъ, не пожавши дружеской руки, не сказавъ прощальнаго слова въ минушу начала вѣчности—погибнуть безвѣстно, на Кипайскомъ кораблѣшкѣ, о которомъ ничто и не подумаетъ безпокоиться, оставивъ на родинѣ милое семейство жертвою долгой, сомнительной надежды на возвращѣніе, и попомъ тяжкой грусти о безвѣстности своего жребія—это было тяжело, это было грустно, не выносимо! И въ эту минушу я созналъ въ себѣ чувство робости и страха....

Безмолвно споялъ я и смотрѣлъ вокругъ себя—ничто не измѣнялось: все то-же свирѣпое море, съ бѣлоголовыми валами, тѣ-же волны горою, безжалостныя, поражающія, бьющія, шуршающія несчастный корабль, играя съ нимъ, какъ силачь, безжалостно взирающій на мученія слабого; все тѣ-же пучи, темныя, мрачныя, волнистыя, проблескивавшія ежеминутно тысячами огнѣвътовъ; все тошъ-же вѣтеръ, бѣшеный, безпорядочный, быстрый, усиленный; все тошъ-же дождь ливнемъ; все та-же соленая пѣна, тѣ-же ослѣпляющія молніи, тошъ-же оглушающій трескъ грома! Лежа на па-

лубѣ, я видѣлъ всюду только знаменія гибели и ужаса; пламенными чершами, будто грозная рука ангела смерти передъ гордымъ Валпазаромъ, безпрерывно означались молніями на шучахъ гибель наша и смерть неизбежная въ гробовомъ, мрачномъ объемѣ неба и моря!

Случайно, среди удручавшихъ грудь мою помысловъ, взглянулъ я на корму корабля, гдѣ споялъ Чау-Тзингъ. Видъ его одушевилъ меня, гошоваго предашься опчаянію. Я увидѣлъ его, споль спокойнаго, споль важнаго среди гибели, что мнѣ спыдно спало моей малодушной слабости. Развѣ жизнь этого человѣка не шакъ-же была подвергнута опасности, какъ и моя? Этошъ человѣкъ развѣ не имѣлъ шакже семейства, ожидаваго его, родныхъ, друзей, считавшихъ дни разлуки съ нимъ, жены, дѣшей, которыхъ былъ онъ подпорою, надеждою? Едва только подобныя размышленія пролешѣли въ головѣ моей, робость и малодушіе исчезли во мнѣ: я не былъ *разувѣренъ* въ погибели—я *рѣшился* на нее великодушно; это было подкрѣпленіе, ниспосланное съ неба и необходимое, ибо мы далеко еще были отъ окончанія нашихъ спраданій...

Уже около девяти часовъ безпрерывно продолжался ураганъ, и часъ отъ часу спановился онъ свирѣпѣе и упорнѣе. Отъ Ю. В., мало по малу, вѣшеръ перешелъ къ Ю., двигая передъ собою всю массу океана. Можно было сказать, что воды морскія поднялись въ воздухъ—шакъ уничтожено было равновѣсіе ихъ, шакъ влажная громада ихъ, подышая изъ своего уровня, возвышала къ небу

пѣністыя вершины валовъ. Въ непрерывномъ переходѣ водяныхъ горъ и долинъ, жонка, по казалась гальціоною, сидящею на высотѣ волны, по, брошенная въ бездну, изрытую между двумя горами волнъ, она уподоблялась слабой дощечкѣ, которую мгновенно поглотили Океанъ-разрушитель.

Но мы еще не погибали. Правда, безъ мачтъ, безъ парусовъ, мы были бѣдною игрушкою стихій, но—кто знаетъ? — Можетъ быть самое это усиліе гнать ничтожный корабль нашъ такъ упорно по пространству волнъ, должно было перенести насъ за предѣлы ихъ свирѣлости, и черезъ два, при часа, мы могли очутишься подъ небомъ болѣе яснымъ, на волнахъ менѣ бурныхъ? Такъ мечталъ я, когда опчаянный вопль слышался изъ внутренности корабля; я не понималъ настоящаго значенія этого безумнаго крика, но смыслъ его былъ угаданъ мною, въ немъ не лзя было ошибаться—онъ говорилъ намъ: «*Мы погибли!*» Дѣйствительно, вскорѣ пять, шесть мапрозовъ выбѣжали на палубу, и съ опчаяніемъ бросились къ Чау-Тзингу. Въ первый еще разъ, ужасъ выразился на лицѣ его, но—только на одно мгновеніе! Онъ опять былъ спокоенъ, безспрашенъ. Идя подлѣ меня по кораблю, онъ сказалъ мнѣ, довольно число по-Англійски: «Если вы хотите работать, принимайтесь за работу; всѣ мы должны взяться за дѣло—въ кораблѣ вода!»

Эти слова все пояснили мнѣ, и я живо почувствовалъ весь ужасъ нашего состоянія. Какая дѣйствительность распространилась въ эти минуты, между всѣми

этими людьми, до того времени смолчавшими на море сложа руки, ожидая безмолвно, когда утихнет его свирѣпость! Всѣ мы сѣли рядами, и плохими насосами, и чѣмъ могли, старались выливать воду, спремившуюся въ корабль нашъ сквозь расшатавшіяся стѣны его. Подобно другимъ, и я работалъ, дѣлая невѣроятныя усилія, стараясь забыться въ этой работѣ и утомленіемъ шѣла заглушить волненіе души. Я чувствовалъ въ себѣ силу, я ощущалъ въ себѣ бодрость. Дѣйствительно, въ спокойномъ состояніи, мы постигнуть не можемъ, сколько силы бываетъ у человѣка въ минуты отчаянія!

Всю ночь работали мы такимъ образомъ. Къ утру всѣ мы были утомлены совершенно. Восемь часовъ непрерывнаго, отчаяннаго усилія, восемь часовъ работы, безъ сна — этого было слишкомъ много для небольшого экипажа нашего! Не только не успѣвали уже мы превозмочь прибывавшей въ корабль воды, но она рѣшительно превозмогала насъ, по-немногу правда, медленно, но шакъ явно, что мы могли напередъ знать и сосчитать: черезъ сколько именно часовъ вода зальетъ совершенно корабль нашъ.... О спасеніи въ шлюпкахъ и думать было невозможно; при силѣ вѣтра, при свирѣпости волнъ, ихъ уничтожило-бы съ первымъ покушеніемъ пуститься на море.

Тогда всѣ мажоры увидѣли, что наступилъ послѣдній часъ нашъ. Капитанъ кричалъ, что еще надобно опливать воду—его не слушали; онъ ка-

зался разсерженнымъ, грозилъ, хотѣлъ принудить къ работѣ силою; вмѣсто привычнаго повиновенія, всѣ возспали противъ него, начался ропотъ, ему грозили, и такъ упорно, что Чау-Тзингъ не могъ идти далѣе, безъ опасности погибнуть отъ непослушныхъ мапировъ. Безмолвный, мрачный, воропился онъ къ своему мѣсту; видно было, что гибель корабля не столь была тяжела ему, какъ это неслыханное неповиновеніе. Мапировъ, посупая теперь по своей волѣ, прибѣгнули къ суевѣрію и собрались вокругъ маленькаго идола, находившагося на жонкѣ; это былъ испуканъ Китайской Амфирипы, покровительницы плавателей. Всѣ они спали вокругъ идола на колѣни; одинъ изъ нихъ запѣлъ что-то, другіе отвѣчали ему пѣніемъ; потомъ сожгли передъ идоломъ нѣсколько свершковъ позолоченной бумаги, зарѣзали какую-то птицу, и бросили въ море ея внутренности, голову и лапы.

Пока совершался этотъ обрядъ, я замѣчалъ, какъ мало по малу, линія моря, до которой жонка была погружена въ него, возвышалась. Болѣе и болѣе обременяемая тяжестью вливавшейся воды, она не плыла уже съ прежнею быстротою, и когда перекачивалась она на бокъ, то масса воды, вливающейся въ нее, удерживала ее на боку, и мы безпрерывно пруднѣе могли приходить въ настоящее положеніе. Это показывало намъ, чѣмъ все должно было кончиться—мы явно *тонули*, и полные жизни, здоровья, юности, мы могли видѣть и замѣчать, одинъ послѣ другаго, всѣ признаки нашей неиз-

бѣжной смерти, могли слѣдовать за медленнымъ боемъ нашихъ предсмертныхъ часовъ. . . .

Это было около полудня 40-го Октября. Густой мракъ, дополѣ окружавшій насъ, вдругъ спалъ рѣдѣвъ, уступая лучамъ солнца. Свѣшное мерцаніе ихъ, пробившееся сквозь толщу одной пучи, мелькнуло по волнамъ, и дѣйствіе его было точно волшебное, какъ будто кто нибудь опдернулъ передъ нами занавѣсъ: мы увидѣли землю, вблизи, въ нѣсколькихъ льѣ, которой не могли разглядѣть прежде; это былъ низкій островъ, безъ сомнѣнія обитаемый, потому, что мы различали, какъ намъ казалось, признаки человѣческаго пребыванія.

О провидѣніе! сколь радостна была теперь надежда на спасеніе наше! Сколь неожиданно переводилъ ты человѣка отъ отчаянія къ восторгу! Еще пять часовъ, и изъ всѣхъ насъ не осталось-бы ни одного въ живыхъ, и отъ этой жонки, наполненной народомъ, обширной, шумной, не сохранилось-бы никакого слѣда, не уцѣлѣло никакой памяти; волны залили-бы ее, и никакое надгробіе не означило-бы на безднахъ Океана даже того мѣста, гдѣ погибло столько народа, мыслящаго, живущаго, полного надеждъ и вѣры на счастіе жизни....

Но *увидѣть* землю еще не значило спасенія. Полупотопная, безъ парусовъ, безъ мачтъ, безъ руля, какъ могла жонка наша достигнуть берега и прислаться къ нему? Эта мысль мгновенно поразила меня, и я обратился къ нашему безпрепешному капитану. Чау-Тзингъ все предвидѣлъ, соразмѣрилъ затрудненіе, опасность,

средства доспигнуть земли. Онъ уже дѣйство-
валъ. При первомъ призракѣ надежды, экипажъ
снова бросился къ насосамъ, и работалъ съ изсту-
пленною дѣяшельностью. Море и вѣтеръ нѣсколь-
ко утишились, и еще на чешыре фуша жонка была
внѣ воды. Несомые прямо къ берегу, мы уже могли
различать купы деревьевъ, еще съ необлещѣвшими
листьями, жилища, гавань, наполненную рыбацкими
лодками. Кое-какъ, Чау-Тзингъ успѣлъ замѣнить
руль нѣсколькими досками, вмѣстѣ связанными и
прикрѣпленными у кормы. Заливъ открывался пе-
редъ нами, недалѣе, какъ въ полу-лѣ, запышный,
безопасный, защищаемый отъ волненія высокимъ
полуостровомъ. Казалось, мы скоро шуда доспиг-
немъ, обнимемъ землю, копорой никогда не суж-
дено уже было намъ видѣть, возблагодаримъ Бо-
га на безопасномъ убѣжищѣ отъ волнъ и бурь. . . .
Жестокая насмѣшка судьбы! Спрашнй прескъ
излома ошдался въ ушахъ нашихъ, заславиль кровь
оледенѣть отъ ужаса, коспи содрогнувшись въ
основаніяхъ — прескъ глухой, продолжшельный,
голосъ неизбѣжной смерти, когда на насъ уже
вѣяло съ берега жизнью! . . .

Жонка ударилась о коралловую мѣль, въ одной
миль отъ земли. Спрашнымъ прибоемъ волнъ объ-
эпошъ подводный унесъ, громада корабля, уже со-
вершенно напрученная, распадалась въ обломки.
Надобно было помышлять о спасеніи. Изъ всѣхъ
шлюпокъ оспавалась у насъ шолько одна; всѣ дру-
гія унесло бурей. Спарались опщѣпить эту по-
слѣднюю, спустили ее поспѣшнѣе на воду; но едва

принялись мы за работу — жонка легла на бокъ , спала погружаясь, и повлекла на дно моря людей и обломки свои.

Тогда каждый помышлялъ только о спасеніи самого себя. Нѣкоторые изъ мапрозовъ старались ухватившись за куски корабля, шорчавшіе изъ моря, дѣлая знаки опчаяннаго призыва прибрежнымъ рыбакамъ ; другіе немедленно бросились вплавъ къ берегу, надѣясь доплыть шуда. Будучи порядочнымъ пловцомъ , я рѣшился послѣдовать за послѣдними. На подводной мѣли, гдѣ мы были шеперь , при жестокости волнъ , не легко было выбиться изъ неровности утесовъ , по закрытыхъ водою , по почти выснавившихся наружу. Въ шу минушу, когда я думалъ поддержать на водѣ, мнѣ вспрѣчалась подводная швердыня—я падалъ и расшибался о коралловые камни , раздиравшіе мнѣ грудь. Наконецъ , половину пlying , половину переходя по утесамъ , я достигнулъ края ихъ и бросился къ берегу. По несчастью , силы мои были уже истощены въ опчаянной борьбѣ ; кровь текла изъ разшерзаннаго моего шѣла , и соленая вода, разѣдая раны мои , причиняла мнѣ жестокою боль. Но я плылъ однакожъ , подвигался — еще пятьдесятъ шаговъ и я спасенъ ! Въ это время продолжительная исторія моихъ шпраній готова была кончиться просто и скоро. Надобно было несчастному случаю сдѣлать такъ, что одинъ изъ мапрозовъ, пlying подлѣ меня, лишился силъ и памяти: какъ обезумѣвшій , ухватилъ онъ меня за ногу и доволокъ своею шажесною на дно моря. . . .

Это мгновеніе было ужасно!

Сполько чувствуя и памяши, чшобы понять всю опасность моего положенія, у меня еще было, но уже не было возможности и силъ избавишься опть внезапнаго бѣдствія. Обхваченный какимъ-то невольнымъ самозабвеніемъ, я допускалъ попишь меня, не чувствуя даже воли, не шолько не поспигаая возможности избавишься. Чшò происходило пошомъ со мною, съ эшой минушы, до шого времени, когда пришелъ я въ себя, увидѣлъ себя на берегу, едва могъ дышашъ, но чувствовалъ, чшо я живъ еще—это помленіе смерти, эшотъ шумъ въ ушахъ, это небыніе, когда кровь заспываешъ въ шѣлѣ холодомъ гроба, эшотъ сонъ безъ пробужденія — все это образовало для меня рядъ впечатлѣній, споль быспрыхъ, споль безопчешныхъ, чшо ихъ не лзя выразишь словами. Кажешся, я пролешѣлъ въ эши мгновенія споль близко смерти, какъ шолько возможно приблизишься къ ней человѣку въ жизни, не вступивъ еще въ предѣлы замогильные.

Когда я опомнился, меня окружало нѣсколько человѣкъ мапировъ; между ними былъ Чау-Тзингъ, уже снова вполне властвующій надъ другими. Забопливость, какую оказывали мнѣ, безъ сомнѣнія, должно было приписашь его великодушному заступленію. Меня раздѣли донага, и сильно шерли мнѣ шѣло, спараясь возбудить обращеніе крови. По мѣрѣ шого, какъ жизнь снова вливалась въ меня, я чувствовалъ прошекавшее по всѣмъ жиламъ моимъ неизъяснимо сладостное ощущеніе, жизнен-

ный какой-то огонь... Физическія чувства, сначала смѣшенно, потомъ различаясь болѣе и болѣе одно отъ другаго, сначала неопредѣленные, но потомъ лучше и лучше опредѣлявшіяся понятія, поспешенный, незамѣтный переходъ отъ чувства къ разумѣнію и смыслу — вотъ что испытывалъ я при двойномъ переходѣ, отъ жизни къ смерти, и отъ смерти къ жизни...

Между тѣмъ, видя бѣдствіе нашей жонки, сбѣжались окрестные жители и рыбаки. Мы не знали, гдѣ мы теперь находились; только одинъ Чау-Тзингъ утвердительно говорилъ, что мы были на островѣ *Кьузу*. Онъ не ошибся. Туземцы объявили намъ, что мы находимся въ шести льѣ отъ Нангазаки; слѣдовательно, буря, двигая насъ на югъ, спремела насъ къ настоящему нашему пункту. Если-бы мракъ, теперь совершенно разсѣявшійся, далъ намъ заблаговременно возможность видѣть высокія горы, окружающія Голландскую факторію, мы могли-бы прямо на нихъ направлять путь нашъ, и жонка наша разбила-бы въ Нангазакской гавани. Судьбѣ не такъ было угодно.

Пока я былъ еще безъ чувствъ, счастливое событіе, какъ будто хотѣло вознаградить меня за претерпѣнное бѣдствіе. Рыбаки туземные, опытные лоцмана окрестностей, умѣли добраться до ушеса, гдѣ находились остатки жонки нашей, особеннымъ маленькимъ проливомъ, только имъ извѣстнымъ. Съ пособіемъ нарочно для этого сдѣланныхъ снарядовъ, они принялись вытаскивать изъ нея грузъ, и лодки ихъ вскорѣ перевезли на берегъ

большую часть погрузки, остававшейся внутри нашего несчастного корабля. Вообразите мою радость, когда я узналъ шутъ два мои чемодана, и особенно коробку, гдѣ хранились у меня бумаги, письма и множество драгоценныхъ мнѣ вещей! Не только всѣ воспоминанія и записки о путешествіи моемъ отъ Франціи до Японіи были шутъ, но и всѣ средства продолжашъ мое путешествіе. Я чуть не позабылъ теперь всѣхъ претерпѣнныхъ мною спраданій. Чау-Тзингъ немедленно объявилъ, что чемоданы и коробка принадлежали мнѣ; я спѣшилъ выняшъ нѣсколько золотыхъ монетъ и раздалъ ихъ услужливымъ Японцамъ, которые не знали какъ отблагодарить меня, и вызвались за то провожать меня и нести всѣ мои пожитки въ Нангазаки. Щедро одарилъ я маэрозъ, спасшихъ меня изъ гибельныхъ волнъ моря. Переодѣвшись въ чистое, сухое платье, я не чувствовалъ никакой усталости, и рѣшился пуститься въ Нангазаки немедленно, пѣшкомъ. Чау-Тзингъ, заняшой разборкою всего, что спасли отъ кораблекрушенія, не могъ мнѣ сопутствовать. Онъ обнялъ меня со слезами на глазахъ, и далъ мнѣ адресъ одного Кишайскаго купца, своего сопорговца, котораго я долженъ былъ предувѣдомить объ его бѣдствіи. Я отправился около 2-хъ часовъ по полудни, по приморью, сопровождаемый четырьмя людьми; они несли мои вещи и служили мнѣ проводниками. Вещи мои несли они на бамбуковыхъ палкахъ, положивъ средину палокъ на плеча, и уравновѣсивъ тяжесть на обоихъ концахъ. На первомъ

мѣспѣ отдыха, успѣлъ я нанять лошадей, и вскорѣ явился близъ Нангазаки.

Всего болѣе поразило меня при этомъ переходѣ позорище опустошенія, какое представляли всѣ окрестныя поля. Тай-Фунгъ, едва не погубившій насъ на морѣ, хоша былъ здѣсь слабѣе, но все еще столь силенъ, что вырываетъ съ корнемъ деревья и срываетъ крыши съ домовъ. По мѣрѣ приближенія моего къ городу, слѣды и бури опустошеній уменьшались, и передо мною открывался ослепительный характеръ Японской земли и природы. На высотахъ мыса, образующаго съ одной спорной берегъ залива Нангазакскаго, я увидѣлъ крѣпость Японскую, убранныю на сей разъ флагами, для опданія почести Голландскому фрегату, выходившему въ море. Стѣны крѣпости сдѣланы были изъ бѣлой глины; въ нихъ, на ровномъ опъ одного до другаго разстоянїи, продѣланы были круглыя дыры, въ кошорыя, во время военное, выснае-
ляющіяся пушечныя жерла. Множество длинныхъ палокъ поставлено было по стѣнамъ крѣпости, и каждая украшалась пучкомъ конскихъ волосовъ на концѣ и длиннымъ флагомъ во всю длину свою. Полосатыя шкани были припомъ развѣшены по стѣнамъ, какъ будно праздничные ковры, кошорыми убирающъ у насъ дома, во время торжественныхъ ходовъ, или большихъ праздниковъ, въ южныхъ городахъ Франціи.

Поворачивая опъ этой крѣпости, омываемой при подомвѣ стѣнъ ея моремъ, въ первый разъ встрѣшилъ я нѣсколько Японцевъ высшихъ званій.

До сихъ поръ видѣлъ я только бѣдныхъ рыбаковъ, земледѣльцевъ, моряковъ, попадавшихся мнѣ на пути, и изъ нихъ не лзя мнѣ было получить слишкомъ выгоднаго понятія о благообразіи жителей Япо- нии, или красотѣ ихъ одежды. Новая встрѣча так- же не могла измѣнить во многомъ моихъ поня- тій о Японцахъ. Я увидѣлъ нѣсколько человѣкъ, вѣроятно, живущихъ въ окрестности города; встрѣтаясь на дорогѣ, они раскланивались другъ съ другомъ; ихъ полубришныя головы, маленькія косенки, свисыя шрубочкой, наклоненіе шѣла въ поясъ, между шѣмъ, какъ руки висятъ и касающія земли, а сабли торчатъ сзади, все это составляло самую смѣшную каррикашуру, какую только можно было себѣ вообразить.

Собственно говоря, въ этихъ людяхъ, съ перва- го взгляда, открывалось существенное сходство съ Кишайцами. Очевидно, что Японцы составляютъ опростокъ отъ одного корня, только разрознен- ный въ послѣдствіи дѣйствіемъ климата и обыча- евъ. У того и у другаго народа глаза узкіе, углубленные, маленькіе, съ черными озорочками и высокими бровями; головы большія, на корешкой шеѣ; волосы черные, цвѣтъ лица темный; шѣло крѣпкое, но нестройное.

Что касается до одѣянія, оно почти одно- образно у всѣхъ Японцевъ. Его составляютъ длин- ные кафшаны, у людей побогаче шелковые, у людей бѣднѣе и слугъ изъ бумажной шкани; внизъ на- дѣвается полукафшанье, нисходящее ниже колѣнъ, и застегнутое поясомъ, шириною въ ладонь. Къ

верху платье это вырѣзано , и шея остается голою. Кромѣ сего послѣдняго платья , служащаго вмѣсто рубашки , богашые люди надѣвають шаровары изъ тонкаго полотна , которыя подвязаны около колѣна , и висятъ къ низу ; сверхъ всего надѣвается наконецъ кафтанъ , церемоніальный , широкій , распашной , иногда темнаго , иногда чернаго цвѣта , который скидаютъ , вошедши въ комнату.

Видъ чужеземца , казалось , изумилъ почтенныхъ господъ Японцевъ , со мною вспрѣшившихся , но когда они увидѣли , что я спокойно продолжаю путь въ Нангазаки , то привѣтствовали меня , не говоря ни слова. Никого болѣе не вспрѣшилось мнѣ до самаго прибытія къ предмѣстью города , гдѣ увидѣлъ я два передовые Японскіе караула , одинъ конный , другой пѣшій. Конные солданы были въ оспроконечныхъ шапкахъ съ плюмажами , съ длинными копьями въ рукахъ , каждый съ двумя саблями на лѣвомъ боку , съ лукомъ и колчаномъ за плечами. Кафтанъ , раскрытый сверху , прикрываетъ широкіе шаровары. Лошади , на которыхъ сидѣли эти солданы , показались мнѣ красивы и хорошей породы. На пѣходинцахъ было надѣто по два платья , изъ бумажной ткани , одно другаго короче ; шляпы ихъ , изъ лакированной кожи , были къ верху круглы , съ полосками по шულѣ , что казалось довольно красиво. Каждый былъ вооруженъ двумя саблями и ружьемъ , съ фишилемъ , вмѣсто курка.

Едва спража завидѣла насъ , какъ приняла грозный видъ , и , казалось , приказывала мнѣ прибли-

жапсья съ оспорожноспью. Одинъ изъ моихъ проводниковъ пошелъ впередъ ; вѣроятно , онъ разсказалъ офицеру о несчастіи , котораго былъ я жертвою. Эпошъ разсказъ измѣнилъ грозное расположеніе спражи. Ко мнѣ подошли ласково, съ учаспіемъ , учтиво пригласили меня войдши въ ближнюю караульню, гдѣ надобно было сдѣлать мнѣ допросъ. Караульня эша находилась почти близъ вѣрошъ Нангазаки. Ее составлялъ небольшой сарай, съ опвѣсною крышею , украшенною по краямъ шариками , съ одной спороны съ большимъ фонаремъ для ночей, съ другой съ царскимъ знаменемъ. Передъ открытымъ входомъ спояли два солдата, которыхъ можно было узнать по одеждѣ , называемой *камизимо* , и по двумъ саблямъ , которыя позволено носить только военнымъ людямъ ; кромѣ того , они были вооружены , одинъ копьемъ , другой ружьемъ съ фишилемъ. Тутъ-же расположены были сошки съ ружьями, и два праздные солдата , сидя на землѣ, играли въ шашки. Во внутренней комнашѣ находился старшій офицеръ , или *банжо*.

Меня задержали, пока переводчикъ Голландской факшоріи пришелъ для переговоровъ между мною и военнымъ начальствомъ. Переводчикъ эпошъ , какой-то Японецъ , едва зналъ нѣсколько словъ Голландскихъ , и переводилъ шакъ хорошо , что мы принуждены были начать разговоръ съ нимъ движеніями рукъ, будто глухо-нѣмые. Можно было догадаться , что у меня спрашиваютъ о двухъ предметахъ : оспомрѣ моихъ чемодановъ , чтобы

увѣрился, что въ нихъ нѣтъ ничего запрещеннаго тарифомъ, и наименованіи кого-нибудь изъ живущихъ въ факторіи, который-бы поручился за меня, на все время моего пребыванія въ Нангазаки. На первое отвѣчалъ я тѣмъ, что самъ опідалъ ключи отъ моихъ вещей и открылъ мои чемоданы; на второе именемъ г-на Нидбольдша, которое предусмотрительный Вильмонъ заспавилъ меня записать на всякій случай

Это имя произвело желанное дѣйствіе. Г-нъ Нидбольдшъ былъ одинъ изъ самыхъ почешныхъ негоціаншовъ Нангазакской факторіи Голландцевъ. Чемоданы мои закрыли; взяли только у меня двѣ Библии, находившіяся въ одномъ изъ нихъ; потомъ дали мнѣ чепырехъ солдатъ, какъ будто почешныхъ провожашихъ, для препровожденія меня къ г-ну Нидбольдшу. Онъ жилъ на маленькомъ островкѣ *Дезима*, который власпишели Японіи совершенно предоспавили для поселенія Европейцевъ. Шлюпка перевезла меня туда. Жилище моего незнакомаго знакома, г-на Нидбольдша, находилось на самомъ берегу, и самъ онъ былъ дома и споялъ подлѣ дверей, когда мы пристали къ берегу. Рѣшась прямѣе идти къ дѣлу, я не хошѣлъ говорить съ нимъ по-Голландски, едва зная нѣсколько словъ этого языка, и прямо заговорилъ по-Англійски. Какъ радъ я былъ, когда мой неизвѣстный покровитель отвѣчалъ мнѣ свободно на эшомъ, совершенно извѣстномъ ему языкѣ! Любопытство переводчиковъ ничего не могло шущъ подмѣшнѣ, и

я могъ во всемъ свободно объясняться, даже и при эпихъ лукавыхъ соглядаяхъ.

Разсказавъ г-ну Нидбольдшу о моемъ кораблекрушеніи и чудесномъ спасеніи на Японскіе берега, откровенно прибавилъ я попомъ, что сынъ Калькушскаго негоціанта Вильмоша, мой другъ, далъ мнѣ списокъ именъ на всѣ Европейскія факторіи въ Азіи, и прошивъ Нангазакской факторіи самъ написалъ имя Нидбольдша. Едва кончилъ я слова мои, почтенный Голландскій негоціантъ протянулъ мнѣ руку. «Спарый Вильмошъ бывалъ моимъ неразлучнымъ товарищемъ въ Банавіа, Малакка, Мадрасъ—сказалъ онъ—во всѣхъ почти мѣстахъ, гдѣ проводилъ я мою юность. Вы, другъ сына его, и этого довольно, М. Г.—Считайте себя нашимъ. У меня также есть сынъ, и онъ будетъ вашимъ Вильмошомъ въ Нангазаки. Добро пожаловать!» Послѣ такого дружескаго привѣта, опустили переводчика и сопровождавшихъ меня Японцевъ. Мы пошли по лѣспницѣ, ведущей въ верхнія комнаты дома.

«Павелъ!» сказалъ г-нъ Нидбольдшъ бѣлокурому молодому человѣку—«вышъ иностранецъ, рекомендованный намъ ошъ г-дъ Вильмошовъ. Онъ перепѣлъ кораблекрушеніе нынѣшнимъ ушромъ, на Кишайской жонкѣ, о которой намъ сказывали. Теперь онъ нашъ добрый госць. Прошу позаботишься объ его спокойствіи.» Любезный юноша не имѣлъ нужды въ дальнѣйшихъ словахъ опцовскихъ; онъ былъ такъ добръ что уже полюбилъ меня съ перваго взгляда. Европейецъ, въ Японіи, выбро-

шенный бурей на берегъ — да, это сокровище, когда человеку двадцать два года отъ роду, и когда онъ закупоренъ при томъ въ Японской пюрмѣ, называемой здѣсь Европейскою факторіею! Павелъ подошелъ ко мнѣ, и пожалъ мнѣ руку, сполъ выразишельно, что это пожатіе спойло двадцати заученныхъ учпивыхъ фразъ. Онъ предавался впечатлѣніямъ съ полною довѣрчивоспью молодоспи, съ ошкровеннымъ добродушіемъ неопышноспи, у кошорой не бываетъ оглядокъ (*aggrège-pensée.*)

Было уже такъ поздно, что мы принялись ужинашъ, предоспавляя завтраму наши прогулки и обзорѣнія. За то, едва только насталъ день, я уже поднялся, и хопѣлъ опсправившся будишъ моего новаго пріятеля. Но Павелъ предупредилъ меня; онъ ждалъ уже меня въ общей залѣ, съ спаканомъ *сакки*, напипка, дѣлаемаго изъ перебродившаго сарачинскаго пшена: это все шопъ-же, что видѣлъ я въ Кишаѣ и Лью-Чью, по шамъ шишулюющъ его *камгу*, *си-шингъ*, *шаззи*, а въ Японіи имя его переходишъ въ *сакки*.

Мы вспрѣшились съ Павломъ будшо спарые знакомые. Юносшъ такъ добра, такъ любишъ дружбу! — «Ну,» заговорилъ я — «съ чего-же начашъ намъ шеперь? Пойдемъ-ли посмошрѣшъ на городъ, или сперва опсправимся осмошрѣшъ его окресшноспи?» — Не лъзя-ли немного попише, любезный госпъ? — опвѣчалъ мнѣ Павелъ, смѣясь — въ Японіи такъ не водишся! Развѣ вы не знаеше, что такое царъ Японскій, и что такое подвласшные ему чиновники? Городъ въ Японіи при-

надлежишь г-мъ *томосама* и г-мъ *оттона* (судьямъ и полицейскимъ). Безъ ихъ воли ничего не дѣлается. Когда вамъ вздумается махнушь рукою такимъ манеромъ, о которомъ не сказано ничего въ законѣ, управители города тотчасъ посылающъ къ вамъ толпу банжо, и она напоминаетъ вамъ, подъ какими именно видами позволено въ Японіи махать руками. Островъ Дезима назначенъ для насъ шюрмою, и мы живемъ на немъ подъ надзоромъ власней города, которые выспроили намъ жилище и берутъ съ насъ за жилье въ своей постройкѣ. Вотъ шуть, на Дезима, можемъ мы прогуливаться, сколько намъ угодно, шаговъ двѣсши всего-на-все проспрансва. Вы замѣшите, что деревянный заборъ закрываетъ опъ насъ даже видъ на море, и окружаетъ насъ со всѣхъ споронъ. При двухъ воропахъ, которыя служатъ намъ входами съ двухъ боковъ, одного къ морю, другого къ городу, день и ночь стоишь спража, оберегая съ одной спороны конспрабанду поваровъ, съ другой конспрабанду госпей въ Нангазаки. Видите, что мы ведемъ здѣсь самую глупую жизнь, и если-бы не было надежды черезъ нѣсколько времени опдыхать въ Бапавіа, мы не перенесли-бы ни одного дня въ нашей шюрмѣ. — «Но для чего такія нелѣпыя спрогоспи и предоспорожностпи?» — Въ слѣдспвіе успановленной единожды полишической и торговой системы. Послѣ ужасныхъ гоненій, какія были прошивъ хрисіанъ въ Японіи, духовный власпитель здѣшній повелѣлъ, чтобы во всѣхъ земляхъ, подчиненныхъ власпи его, самыя

спрогія мѣры были предписаны прошивъ допущенія иносѣранцевъ въ Японію, кпо-бы они ни были. Только два народа исключены изъ общаго запрещенія — Голландцы и Кипайцы. Но вы видите: и съ этими счастливцами такъ поступаютъ Японцы, что они едва-ли могутъ употребить во зло великое снисхожденіе великаго Даири Японскаго. Японію составляетъ для насъ загородка сна шаговъ на Японской землѣ, съ непрерывною спражею банжо. —

Я едва вѣрилъ тому, что слышалъ. Особенно непонятно для меня казалось: какъ люди могутъ соглашаться, для чего-бы то ни было, на подобное зашворничество, на жизнь за замками и зашворами темницы, подвергаясь непрерывному, подозрительному надзору туземцевъ, склоняясь на все ихъ прихоти, опасенія и смертельную скуку! Чудное свойство корыслоубія, дающее человеку силы, какихъ едва-ли найдешь онъ въ себѣ для чего нибудь другаго, если только бѣсъ корысти не овладѣетъ имъ! Впрочемъ, ушвердясь въ Нангазаки, офиціально на несѣрпимыхъ условіяхъ, Голландцы, мало по малу, выбирали, выѣорговывали, выпрашивали себѣ у Японцевъ болѣе свободы, нежели позволяли имъ первоначальныя положенія. Эти положенія остаются въ прежней силѣ—по закону; но, дѣшпельные, хипрые, наспойчивые, Голландцы умѣли напирать въ каждомъ благопріятномъ случаѣ, такъ, что теперь спрое зашворничество ихъ неизмѣнно на словахъ и на бумагахъ, а на дѣлѣ совсѣмъ почти не существуетъ. Имъ поз-

воляющъ переходить предѣлы темницы ихъ, по-
сѣщаютъ Нангазаки, и благодаря времени и при-
вычкѣ, это снисхожденіе подъ рукою, почти обра-
тилось въ законное право.

Павелъ потчасъ признался, что хотѣлъ только
поспрашать меня спрогимъ успавомъ, но по-
томъ открылъ онъ мнѣ тайну его нарушенія.
« Не пугайшесь, » сказалъ онъ — « мы поспараемся,
чтобы вы не умерли съ тоски, и чтобы Японія
не была для васъ неприспунѣе Кишайскаго моря
съ его ураганами ! » — Мы немедленно отправи-
лись обозрѣвать городъ, и насъ никто не оспа-
навливаль.

Прежде всего вниманіе мое обратилось на самый
островъ *Дезима*, который собственно соспавля-
етъ продолженіе одной изъ Нангазакскихъ улицъ.
Во время морскаго ошлива, Дезима опдѣляется
отъ материка только небольшимъ рвомъ. Мага-
зины Голландской Компаніи, больница, двухъ-этаж-
ный домъ для купцовъ, гдѣ складка товаровъ въ
нижнемъ и жилища въ верхнемъ этажѣ—вошъ что
соспавляетъ всю эшу факшорію. Все эшо посспроено
изъ дерева и глины. Крыши сдѣланы черепичныя; у
окошекъ бумажныяспавни; полы успланы рогожками.
Недавно привезли изъ Батавіа небольшія оконницы
съ спеклами для окошекъ. Въ одномъ углу, среди
другихъ посспроекъ, находяшся небольшой са-
дикъ, съ бесѣдкою въ два этажа. Далѣе коллегія
переводчиковъ—обширный домъ, въ копоромъ жи-
вуть Японцы, облеченные въ эшо званіе. Когда

приходящъ корабли Голландской Компаніи, полмачей эшихъ является шупъ большое количесшво, но едва купеческая эскадра удалился, шолько два, или при полмача остаются при своей должносши. На Дезима еспъ еще домъ для опшонъ, или полицейскихъ надсмотрщиковъ, обязанныхъ смопрѣшь за всѣмъ, что дѣлается на эшомъ оспровѣ, и доносишь обо всемъ губернатору Нангазакскому. Эши опшонъ начальсшвуютъ надъ спражею и разсшавляютъ караулы.

Павель провелъ меня въ жилище опшонъ, чшобы получишь дозволеніе осмопрѣшь Нангазаки. Мы засшали Японскихъ чиновниковъ за шрубками и чаемъ. Когда вошли мы, они всшали и привѣшсшвовали насъ весьма вѣжливо; пошомъ предложили намъ шрубки, по чашкѣ чаю и по спакану сакки.

Съ перваго взгляда замѣшилъ я, чшю эши люди ни въ чемъ не опкажутъ Павлу Нидбольдшу, и чшю мы легко получимъ все, чего-бы ни пошребовали. Разговоръ шель пріятельскій, и черезъ нѣсколько минушь, по данному знаку, явились банжо съ ближней гаушвахшы, и имъ объявленъ приказъ провожатъ насъ во время прогулки по городу. Караульные опдали намъ чесшъ, когда мы проходили мимо, и мы вышли на улицы Нангазаки. Эшо былъ часть ушренныхъ заняшій, когда ближнія къ Дезима мѣсна кипяти народомъ. Вдали, на высопахъ, рисовались передъ нами храмы Японскіе; кругомъ видѣли мы улицы, пересѣкавшія одна другую, въ небольшихъ разсшояніяхъ и во всѣхъ напращеніяхъ; съ обоихъ концовъ улицъ находящся

вороша, шакъ, что каждая улица составляетъ особенное ошдѣленіе. На ночь, всѣ эти вороша запираются, а днемъ каждый ошдѣльный кваршалъ оберегаешся офицеромъ, въ немъ живущимъ.

Перешедши первый мостъ, ведущій въ Нангазакки, мы могли уже замѣнить различіе одеждъ, физиогномій, лицъ, походки, и всего, что характеризуетъ Японцевъ. Здѣсь шѣснились солданы, съ своими двумя саблями на боку; тамъ двѣ женщины, взявшись за руки, шли подъ однимъ зоншикомъ; въ иномъ мѣстѣ встрѣчались разнощики, у которыхъ по нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ, или по крику, можно было угадать предметъ мѣлочной ихъ торговли. Далѣе важно расхаживали люди въ шраурѣ; ихъ легко распознавали мы по шапкамъ въ видѣ корзинокъ, надвинутымъ почти до глазъ. Все это толпилось, занятое дѣломъ, перебѣгая другъ другу дорогу во всѣхъ направленіяхъ, съ шумомъ, въ безпорядкѣ и съ самымъ безсмысленнымъ нахальствомъ. Любопышно было видѣть и наблюдать весь этотъ народъ, шѣснившійся между разрисованныхъ, съ фигурными кровлями домовъ, и украшенныхъ деревьями площадей.

«Пойдемте изъ этой шѣснопы,» сказалъ мнѣ Павелъ—«я хочу показашъ вамъ элизій Нангазакскій!» Увлекая черезъ нѣсколько улицъ, онъ довель наконецъ меня до обширнаго сада, превосходно усаженнаго деревьями, украшеннаго водою, рощицами, лужками, перелѣсками. «Вопшъ мѣсто общаго свиданія Японскихъ дамъ,» сказалъ мнѣ мой пушеводитшель,—«погуляемъ здѣсь немного; онѣ не-

замедляшъ явишся.» Пугеводишель мой не ошибся, пошому, что вскорѣ мы увидѣли Японскую красавицу, шедшую мимо насъ. Она была одѣша въ шелковое съ цвѣтами плашье, длинное до земли, съ небольшимъ шлейфомъ, шянувшимся за нею; въ рукѣ ея, нѣжной и прекрасной, былъ цвѣшокъ. Но впрочемъ, только это и могли мы разсмолръшъ; сберегая олъ лучей солнца свѣжесъ своего лица, красавица шла сопровождаемая нелѣпымъ какимъ-то слугою, полунагимъ, державшимъ въ рукѣ длинную бамбуковину, у кошорой на концѣ повѣшенъ былъ, не то что зоншикъ, но что-то въ родѣ огромнаго колокола, сдѣланнаго изъ шонкой ткани и спущеннаго на голову красавицы, шакъ, что лица ея не лзя было видѣшъ, между шѣмъ какъ она все видѣла сквозъ чешыреугольныя олверзшія, закрышыя шонкимъ газомъ и находившіяся прошивъ глазъ ея.

Мое любопышество было сильно возбуждено шакою заманчивою покрывкою; но въ это время явилась другая Японка, съ олкрышою головою, защищаясь олъ солнца шолько вѣеромъ, шегольски лакированнымъ и позолоченымъ. Она была очень красива, съ выраженіемъ крошоспи на правильномъ лицѣ, съ маленькими, узкими глазками, съ добродушнымъ какимъ-то шегольспвомъ и кокепливою скромноспью въ нарядѣ. Волосы на головѣ, подняшые съ олѣихъ споронъ, и сильно намазанные чѣмъ-то маслянымъ, раздѣлялись на верху головы на двѣ, почши равныя половины, между шѣмъ какъ длинная коса была по срединѣ подобрана подъ

черепаховый гребень. Плащъ щеголихи эшой было изъ драгоцѣнной шелковой, вышитой цвѣтами шкани.

Въ самомъ дѣлѣ, садъ эшой можно было названъ Нангазакскимъ Тюльери. Не прошло получаса, что мы были въ немъ, и уже шолпа Японокъ гуляла мимо насъ. Павелъ, какъ сшарожилъ, могъ даже сказать мнѣ имена многихъ красавицъ, видѣнныхъ мною: одна изъ нихъ была жена *томозама*, или губернашора, другая жена *нинбана*, или судьи, прешья, дражайшая половина *оттона*, кошорый разрѣшилъ намъ прогулку по городу, чешвершая подруга *ненгіози*, или годоваго офицера. Такимъ образомъ, вся городская знашь присылала сюда свою предсшавишельницу красону.

Сшоль увлекашельная прогулка была неожиданно прервана. Явился посланный опъ неумолимаго опшона, съ извѣщеніемъ, что пора намъ ворошиться въ Дезимскую шемницу. Боясь, чтобы добрый г-нъ Нидбольдшъ не спалъ объ насъ безпокойшсья, мы поспѣшили обратно. Насъ уже ожидалъ обѣдъ, превосходно пригошовленный. Мнѣ можно было положитьсья на Павла, какъ на вѣрнаго спушника въ романическихъ прогулкахъ, но я не могъ пребовать опъ него, молодаго вѣшренника, пособій въ замѣчаніяхъ болѣе важныхъ, о какихъ нибудь опношеніяхъ кромѣ красавицъ Нангазакскихъ. Почшешенный Нидбольдшъ будшо угадалъ мою мысль, и со всею привѣшливою ласковосшью разговоришя со мною объ ушпройсшвѣ Голландской факшоріи. Вошъ что рассказывалъ онъ мнѣ:

« Вамъ извѣстно, что мы, Голландцы, заступили мѣсто Португальцевъ. Являсь въ Японіи съ 1542 года, Португальцы держались здѣсь съ большими выгодами лѣтъ около шестидесяти, или около ста, по другимъ извѣстіямъ. Съ 1641 года, въ силу договора, заключеннаго съ власишелемъ Іеддо, мы сдѣлались единственными иностранными торговцами въ Японіи; но, говоря откровенно, мѣсто наше совсѣмъ не такъ блестяще, чтобы ему можно было позавидовать.

« Въ началѣ имѣли мы нѣкоторыя привилегіи, нѣкоторую свободу. Мы могли посылать до десяти кораблей въ гавань Фирандо, и на нихъ столько золота, серебра и товаровъ, сколько было намъ угодно. Понемногу, число того и другаго уменьшали, и наконецъ совершенно закрыли для нашихъ кораблей Фирандо, а потомъ заперли насъ на островкѣ Дезима, гдѣ вы теперь видите всѣ Голландскія факторіи въ Японіи. Но и здѣсь, переходя отъ запрещенія къ запрещенію, отъ препятствія къ препятствію, отъ налога къ налогу, намъ позволяющъ теперь присылать въ Японію только два корабля, и то съ грузомъ на цѣну не болѣе двухъ милліоновъ флориновъ.

« Съ давняго времени, мы видимъ дружбу Японскаго правительсва только въ несдержимыхъ пошлинахъ, которыя оно налагаетъ на насъ. Не только возвысило оно свой *фанагинъ*, или ввозную пошлину, до 15 процентовъ на цѣнность товара, но установило еще, для Голландцевъ исключительно, особенную цѣну монетъ своей, обременяя насъ

такимъ образомъ двойною тяжестью. *Кобангъ* Японскій спойтъ во всемъ государствѣ, и принимается отъ насъ въ 60-тъ *ма*, но когда отдають его намъ, то считаютъ въ 68-мъ.

Всѣ эти денежные приписненія ничто еще въ сравненіи съ системою Японской таможи. Едва пришелъ въ Японію Голландскій корабль, онъ не принадлежишь уже ни экипажу, ни хозяевамъ его. Это добыча, принадлежность Японскихъ банжо. Они сперегуютъ его, живутъ на немъ, окружають его цѣпью лодокъ, которыя не спускають его съ глазъ, ни днемъ, ни ночью. Никто съ корабля не смѣетъ сойдти на землю безъ паспорта отъ банжо, находящагося на кораблѣ, и не давши осмотра шръ себя, шѣмъ, которые сперегуютъ въ то-же время всѣ берега. Недовольные такимъ полицейскимъ надзоромъ, Японцы принимаютъ еще особенныя политическія мѣры. На кораблѣ не можеть бытъ, ни оружія, ни пороха, ни ядеръ, ни книгъ, которыхъ Японцы бояться пуще ядеръ и пороха. Все это отбирается, складывается въ магазинъ на пристани, и отдается снова только на-канунѣ отъѣзда. Прежде до того доходило, что отбирали съ кораблей даже паруса, руль и пушки; но трудность перевозки всего этого съ корабля и на корабль, и издержка, какой стоила такая перевозка, сдѣлали Японцевъ сговорчивѣе, и они оставляють теперь на кораблѣ руль, паруса и пушки, безъ пороха и ядеръ. За то ежедневно, по утру и въ вечеру, производится перекличка экипажа, и онъ обязанъ, каждый разъ, весь спол-

на являясь передъ опшона. Прогулка на берегу стоить путешесвія по Европѣ; каждый разъ надобно особенный паспортъ.

« Таможенники здѣшніе шаковы, что Европеецъ не можеть имѣть объ нихъ надлежащаго понятія. Когда они осматривають ящики, мало того, что каждый ящикъ должно опкрыть и опросшать до дна, но смотряють еще самыя доски его, недвойныя-ли онѣ? Желѣзнымъ щупомъ пробують каждый боченокъ съ масломъ и горшокъ съ вареньемъ, а въ кругахъ сыру прорѣзываютъ опверзшіе насквозь, и кромѣ того тычуть каждую шпuku во многихъ мѣстахъ. Иногда оспорожность доходитъ до того, что разбивають яицы, и глядяють: нѣтъ-ли тамъ чего запрещеннаго? Но—прибавилъ г-нъ Нидбольдтъ, улыбаясь — повѣрише-ли вы, что Голландцы, при всемъ этомъ, находили средства провозить коншрабанду?

« Не смотря на столь успѣшнтельное управленіе, оспровъ Дезима зналъ свои счастливые дни, и маленькая здѣшняя факторія имѣла эпохи блестящія и благопріятныя. Было время, когда мѣсто главнаго фактора здѣшняго можно было получить только по особенному покровительству, и двухъ лѣтъ достаточно было сосланишь здѣсь огромное соснояніе. Но теперъ десяти и двѣнадцати можете промучиться въ Японіи, и едва-ли разбогашаете.

« Вошь въ какомъ положеніи находятся нынѣ дѣла: Башавіа посылаетъ сюда только по два корабля ежегодно. На нихъ привозяють сахаръ, слоновую кость, красильное дерево, олово, сви-

нець , желѣзо , тонкія бумажныя ткани , сукна , шелковыя ткани и *раши* , черепаху , камфару , рашинь , стеклянныя издѣлія , шафранъ , и проч. — Отсюда везуть , въ обмѣнъ , Японскую мѣдь , основаніе всего торгова , необдѣланную камфару , лаковыя вещи , шелковыя издѣлія , сарачинское пшено , сакки . Главный предметъ , какъ я сказалъ , мѣдь , превосходящая всѣ сорсы мѣди цѣлаго свѣта , и содержащая въ себѣ много золота . Ее берутъ отъ Японцевъ въ длинныхъ , но не толще пальца прутьяхъ , съ одной стороны округлыхъ , съ другой плоскихъ . Эти прутья раскладываются въ ящики , въсомъ въ пикюль , или 120 фунтовъ .

Ни одинъ Европейскій рынокъ не можетъ дать вамъ понятія о томъ , какъ производится наша торговля въ Нагазаки . Когда весь привозный грузъ сложатъ въ магазины , дается знать внутреннимъ купцамъ , и они прѣзжаютъ со всѣхъ сторонъ за покупкою . Образчики товаровъ находясь у губернатора ; туда должно идти смотрѣть , сказывать количество товара , какое желаете имѣть , и цѣну , какую даете . Послѣ сего получаютъ позволеніе идти на островъ Дезима , и смотрѣть товаръ хорошенько . Когда все это кончилось , объявляютъ цѣну , обыкновенно столь низкую и нелѣпую , что ее не лзя взять . Понемногу прибавляютъ этой цѣны , пока мы рѣшимся наконецъ торговаться . Рѣдко однакожь не сходимся мы послѣ недѣли , или десяти дней самой забавной дипломатики . Но случается иногда , что Японцы упорно поддерживаютъ цѣны низкія , и чтобы не

дашь имъ опаснаго примѣра для будущности, мы опсылаемъ въ такомъ случаѣ грузы обратно въ Батавіа.

«Вопъ, М. Г., наша здѣшняя торговля и наше полипическое опношеніе къ Японцамъ. Согласись, что довольно дорого платимъ мы за монополію, кошорая ничего не приносишь, или если и приносишь, то слишкомъ мало. Присовокупите къ этому, что климатъ здѣшній, здоровый въ оспальное время года, нѣсколько мѣсяцевъ бываетъ за то весьма вреднымъ. Присовокупите еще скуку и совершенное одиночество въ мірѣ, въ шеченіе почти восьми мѣсяцевъ. Едва-ли бсшася насъ на Дезима всего человѣкъ съ дюжину, когда Батавійскіе корабли опсправяшся опсюда. Мы живемъ все это время въ совершенномъ уединеніи, на маленькомъ квадратѣ грязной земли, безъ новостей изъ Европы, безъ книгъ, безъ развлеченій, безъ всякихъ внѣшнихъ забавъ. Трубка, чай, обѣдъ, шолки о шомъ, что скажетъ пріѣздъ кораблей на слѣдующій годъ, и что было въ прошедшемъ году — вотъ это соспавляетъ здѣсь все наше житіе, однообразное, безплодное, неблагоприятное во всѣхъ опношеніяхъ. Только одно для насъ счастье — ожиданіе блаженнаго дня, въ кошорый кончится срокъ пребыванія для каждаго изъ насъ, и корабль Батавійскій увезетъ его изъ этого мѣсна шоски и неволи. Все еще молодой человекъ можешь здѣсь забываться, хоть въ шалосняхъ — обѣдаешь за споломъ, вѣшренничать съ Японками, кошорыя бываютъ довольно благосклонны

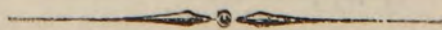
къ Европейцамъ, пишь сакки, играшь въ карты, и всѣмъ эшимъ *убивать время*. Но какія слѣдствія? И припомъ, въ извѣстныхъ лѣсахъ, когда опытъ подкрѣпишь умъ, и жизнь оспается не для шалостей только, можно чувствовашъ тяжестъ дней, мѣсяцевъ и лѣтъ, проведенныхъ въ чуждой, неприязненной землѣ, въ шюрмѣ, копорой никогда не украсишь семейственная жизнь. Нашимъ женамъ и дочерямъ запрещенъ прїѣздъ въ Японію»...

— Какъ и въ Кишай—сказалъ я—но положеніе ваше въ Японіи едва-ли еще не хуже положенія Европейцевъ въ Кантонѣ.

Долго говорили мы, пошому, что любопытство мое было неиспощимо въ вопросахъ, а ласковость моего добраго хозяина неушомима въ удовольствованіи ихъ. Наконецъ, я обратишь рѣчь на желаніе мое узнашь Японію ближе, и даже, если только можно, ѣхашъ въ Іеддо. «Да, знаеше-ли, что нынѣ эшо совсѣмъ не шакъ шрудно, какъ было прежде — отвѣчалъ мнѣ г-нъ Нидбольдшъ — не надобно бышь ни посланникомъ, ни повѣреннымъ, и многіе изъ насъ совершали пушешествіе въ Іеддо... Позвольте, позвольте — Боже мой! я совсѣмъ было забылъ! Здѣсь шеперь живушь два мои сошечественника, прїѣхавшіе по послѣдней навигаціи, одинъ лекарь, другой естествоиспытатель, и они оба, вмѣстѣ, ѣдушь послѣ-завтра въ Іеддо, съ позволенія нашего Нангазакскаго шомозама. Не лзя-ли васъ вперешъ какъ нибудь въ ихъ паспоршъ?» — Г-нъ Нидбольдшъ! вы окажете мнѣ такую услугу... Но любезный эшотъ чело

вѣкъ не дослушалъ словъ моихъ, взялъ свою шляпу и ушелъ. «Будьте увѣрены,» сказалъ мнѣ Павелъ, «что онъ усстроитъ вамъ это дѣло.» Но нѣсколько часовъ прошло однакожь, пока ворошилъ мой почтенный покровитель; безъ сомнѣнія, много вспрѣшилось ему затрудненій, и со стороны Японскаго правительсва, и со стороны несговорчивыхъ Голландцевъ, по милости копорыхъ открывалась мнѣ дорога въ столицу Японіи. Наконецъ, г-нъ Нидбольдшъ явился весьма довольный. «Кончено!» сказалъ онъ — «не безъ труда, но сдѣлано, усстроено, положено: спрогій шомозама благословляетъ васъ посмопрѣшь Іеддо; г-да Блокфіусъ и Фрайзеръ рады, что у нихъ будетъ товарищемъ любезный Французъ; вы примете прещъ расходовъ; я опущу съ вами двухъ служителей; если вамъ надобны деньги—гошовъ служить вамъ.» — Изъ предосторожности, я воспользуюсь вашею ласковостью, выдамъ вамъ переводъ на Францію.— «Я его учшу, и дѣло кончено. Вамъ остається прожитъ съ моимъ Павломъ не болѣе сутокъ. Постарайшесь развлечь себя; пойдешъ гулять, спанемъ говоришь; о дорожныхъ приготовленіяхъ не думайше» — Ахъ! г-нъ Нидбольдшъ!... «Прошу не терять времени на благодарность; у васъ остається его немного.» —

ГЛАВА XLII.

ЯПОНІЯ. — ІЕДДО.

Положено было, что мы отправимся Октября 15-го, въ Японскихъ *норимонахъ*. Это родъ карешныхъ кузововъ, сдѣланныхъ изъ шоненькихъ дощечекъ и бамбука, съ окошками по бокамъ и спереди, почти то-же, что Индійскіе паланкины. Въ нихъ можно, какъ вамъ угодно, сидѣть и лежать. Внутренность убирають бархатомъ и прекрасными шелковыми тканями; махрацъ и одѣяла, также бархатные, занимають бока и дно. Подушки для рукъ и головы, письменные сшоліки, шпоры и шелковыя занавѣсы дополняютъ уборку. Это подвижная комната, гдѣ вамъ мягко, тепло, спокойно. Число носильщиковъ опредѣляется важностью сѣдока, не менѣе 6-ти, не болѣе 12-ти. Для нашего далекаго пути опредѣлено было имѣть по восьми человекъ на каждый *норимонъ*; они безпрестанно смѣняли другъ друга.

Въ такихъ-то походныхъ ящикахъ пустился я въ Іеддо , 15-го Октября 1830 года. Рядомъ со мною несли два другіе норимана , одинъ съ докторомъ Фрайзеромъ , другой съ естествоиспытателемъ Блокфіусомъ. Когда наступилъ часъ отъѣзда, весь нашъ дорожный народъ , носильщики , служилыи, вожаиы, проводники, собрался передъ жилищемъ г-на Нидбольдта ; я насчиталъ чело-вѣкъ до сорока нашей свиты.

Сколько можно удобнѣе расположился я въ своей дорожной клѣткѣ. Дѣла мои съ г-мъ Нидбольдтомъ были кончены ; дружески простился я съ нимъ и съ добрымъ его Павломъ. Дорогою только узналъ я вполнѣ , до какой предусмотрительной ласковости проспиралась дружба почтеннаго Голландца. Опасеніе , чтобы мнѣ чего нибудь не недоспало въ пуши , заставило его проспереть вниманіе свое ко мнѣ даже до излишества. Подъ ногами у себя , въ моемъ нориманѣ , нашелъ я продолговатый, лакированный и позолоченый ящичекъ , въ кошоромъ положены были нѣсколько бутыллокъ вина и пива , вещина , пирожки , чай нѣсколькихъ соршовъ. Все это находилось отдѣльно, сверхъ обыкновеннаго запаса , кошорый везли за нами на выучныхъ лошадяхъ. Кромѣ того , у меня была полная постеля , съ простынями , одѣялами , подушками. Я путешествовалъ шеперь , какъ роскошный набабъ , и шакъ припомъ , что не зналъ и не могъ предупредить заботъ обо всемъ этомъ почтеннаго Нидбольдта. Можно-ли было предпола-гать, что долгомъ совѣсти почтень онъ исполне-

ніе обѣщанія, вскользь имъ сдѣланнаго, словъ: « о дорожныхъ приготовленіяхъ не думайте ! » И вошъ, по добротѣ своей, не только снабдилъ онъ меня всѣмъ необходимымъ, но я даже запрудненъ былъ изобиліемъ моихъ дорожныхъ запасовъ !

Всѣ Японцы, шедшіе около насъ, пѣшкомъ, одни провожаемые, другіе слуги, носильщики наши, были въ остроконечныхъ шляпахъ, подвязанныхъ леншою, съ зоншиками, съ вѣерами; иные въ широкихъ плащахъ, изъ бумаги, пропитанной масломъ.

Продолжишленъ былъ-бы рассказъ о подробностяхъ нашего медленнаго путешествія. Мы прошли черезъ *Оннай*, замѣчательный своимъ дворцомъ, стоящимъ почти на вершинѣ горы, съ крыльцомъ, которое вырублено къ нему отъ подошвы горы, въ утесахъ. Дворецъ Оннайскій составляетъ длинный рядъ строеній; надъ ними возвышающіяся четыре башни, построеныя въ видѣ бѣльведеровъ, одинъ на другой поставленныхъ. Въ половинѣ крыльца, впереди всѣхъ зданій, видна постройка, въ родѣ шоржесивенныхъ ворошъ. Сады Оннайскіе славятся въ Японіи своимъ великолѣпіемъ.

Въ *Фирандо*, гдѣ нѣкогда находилась Голландская факшорія, проводники наши заспавляли насъ подивившись на крѣпость, одно изъ чудесъ Японіи. Это зданіе воздвигнуто уступами по горѣ, съ загнутыми, на манеръ Китайскихъ, кровлями. Широкій ровъ и стѣна окружающъ всю его постройку, которая, кажется, составляетъ одно изъ важ-

ныхъ военныхъ укрѣпленій въ Японіи. На случай надобности, въ здѣшнихъ казармахъ помѣстился до 4000 человекъ. Входящъ въ эту крѣпость по спускамъ, изсѣченнымъ въ скалахъ. Спуски дѣлались на три части граничными загородками. У самого верхняго зданія находится особенная стѣна, съ 12-ю дверями.

Во всѣхъ городахъ и селеніяхъ, какія проходили мы отъ Нангазаки до Фирандо, жилища обывателей построены въ одну улицу, иногда сплошь длинную, что надобно цѣлый часъ времени проходить ее. Дома по обѣимъ сторонамъ такихъ улицъ вообще довольно обширны, но никогда не выше двухъ этажей. Живутъ только въ нижнемъ; верхній служитъ кладовою. Видя строенія правильныя, опрятныя снаружи, можно-бы съ перваго взгляда почесть ихъ каменными; такъ обманывается зрѣніе искуснымъ шпикашуреньемъ, которое накладываютъ на бамбуковый плетень, составляющій основаніе стѣнъ. Внутреннія раздѣленія состоятъ изъ ширмъ, которыя спускаются и убираются по волѣ. Неоднажды устраивали такимъ образомъ комнаты для насъ, при самомъ пріѣздѣ нашемъ въ гостиницы. Кроватей Японцы не знаютъ. Тюфякъ, брошенный на рогожку, составлялъ для насъ почти всегдашнюю и повсюду постелью. Докторъ Фрайзеръ запасся было койкою, но ее нѣгдѣ было вѣсить, и потому она пригодилась въ дѣло очень рѣдко.

Въ Фирандо оставили мы наши нориманы и пересѣли въ Японскую яхту, которой должно было

зайдши въ Осака , и попомъ плыть въ Іеддо. Здѣсь расплашились мы съ нашими носильщиками и оппустили ихъ обратно въ Нангазаки. Но банжо не разскаивались съ нами ; они какъ будто приросли къ намъ. Наша яхта, если только можно дать такое названіе тяжелой и некрасивой жонкѣ, представляла пропорціи и формы, довольно странныя для Европейца , привыкшаго къ стройному щегольству Европейскихъ судовъ. Длинная въ 60 футовъ, она имѣла до 25-ти въ ширину на кормѣ, и ужасно расширялась въ срединѣ. Строили эти суда изъ сосноваго , или кедроваго лѣса , далеко уступающаго плотностью нашимъ лѣсамъ. Мачта славилась одна , но въ случаѣ нужды можно положить на борды двойной рядъ веселъ и плыть греблею. Огромнѣйшій сарай занимаетъ всю корму, и какъ на Кишайскихъ корабляхъ , возвышается на необыкновенную высоту надъ палубою ; иногда онъ переходилъ даже въ ширину за края корабля, придавая ему самый нелѣпый видъ.

На такомъ кораблѣ надобно было намъ плыть до Іеддо. Докторъ Фрайзеръ и я оправились водою охотно, но бѣднаго г-на Блокфуса привело это въ совершенное опчаяніе. Къ большому облегченію своихъ носильщиковъ, почти всю дорогу отъ Нангазаки до Фирандо прошелъ онъ цѣшкомъ , и не слушая крика и спора нашихъ банжо, опчаянно собиралъ правы вправо и влево отъ дороги ; иногда даже шерялся, пугался, пропадалъ, только вечеромъ возвращаясь къ намъ, усталый и счастливый, хотя съ изодранными башмаками и съ плащ-

емъ въ лоскушкахъ, восхищенный тѣмъ, что могъ обогатить свое собраніе какими нибудь рѣдкими находками. Вообразите послѣ этого его горе! Уже онъ познакомился въ общихъ чертахъ съ богатою флорою Японіи, уже многое нашелъ онъ: прелестную, широколиственную *гарденію* (*gardène*, Капскій жасминъ), Ааронову бороду (*gouet, arum*) Японскую *конжаку*, или *драконтію* (*Dracontia polyphyllum*), которая пахнетъ шрупомъ и служитъ убійственнымъ средствомъ для сохраненія чесны Японокъ; *гилімъ* (*Тгара*), распуцій на поляхъ съ сарачинскимъ пшеномъ; Японскую *лицію* (*liciet de Japon*); Индійскую *ацалею* (*azalée des Indes*), съ ея волнующимся плюмажемъ; вѣрную пальму (*chataegors*); колючую *соа*, или *долихъ* (*dolic à épis*), съ ползущимъ стеблемъ и висящими листьями; *корхоръ* (*corète*), съ двойными цвѣтками; *артемизію* обыкновенную (*armoise commune*), пухъ которой употребляютъ Японцы для мокса, или прижиганія шѣла; спелющійся *меніантъ*, или стрѣлу-праву (*ménuaunthe*); многолепестную *не-люмбо* (*nélumbo*); *канангъ* (*uvaia*), и множество другихъ растений. Лѣса, видѣнные по дорогѣ, давали нашему ученому понятіе о томъ, что представитъ ему Японія по части деревьевъ и кустарниковъ. Каждое деревцо, каждый кусточикъ занимали его — шупъ видѣлъ онъ: дубъ, *вакцинію* (*aigelle*), *гордь*, или *віорнь* (*viburnum*), клень (*érable*), *линдерию*, *мирику* (*galé*), и особенно прелестное изъ деревьевъ, безподобную *негніюкку* (*thuya du Japon*), съ высокимъ, прямымъ стволомъ,

съ зелеными съ одной, серебристыми съ другой стороны листьями. Когда нашему естествоиспытателю удавалось захватить красивый образец этого прозябанія, онъ подбѣгалъ къ нашимъ нориманамъ и заспавлялъ насъ дивиться своей драгоценности. . . .

Послѣ всего этого, судите о печали г-на Блокфіуса, когда надлежало ему отказатьсѣ опѣ образа путешествія, столь удобнаго для его ученыхъ трудовъ! Чшо теперь могло вознаграждать его за всѣ сокровища прозябаемаго царства? Какія нибудь рыбы, неуловимыя въ водѣ и свойственныя всѣмъ странамъ? Кой-какія замѣчанія объ атмосферѣ, о фосфорическомъ сіяніи волнъ? Бѣдная награда за столько потерянныхъ наслажденій! Вошъ почему, когда онъ взошелъ на несчастную Японскую жонку, на немъ лица не было! Онъ не замѣчалъ, что его рыжій парикъ, всегда столь прямо, столь правильно надѣтый на голову, былъ сдвинутъ на бокъ; носъ его, всегда румяный, сдѣлался пунцовымъ, краснымъ; изъ маленькихъ, сѣрыхъ глазъ его сверкали признаки досады и негодованія; онъ почти ничего не ѣлъ за обѣдомъ, а это было уже сильнѣйшимъ и самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что въ душѣ естествоиспытателя кипѣла страшная буря гнѣва и печали. . . .

Будучи моложе ученаго естествоиспытателя, нашъ докторъ посмѣивался украдкою надъ его мимикою, превосходною въ порывѣ естествоиспытательнаго гнѣва и горя. За обѣдомъ, докторъ перемигивался со мною, указывая на признаки печали

задумчиваго Блокфіуса, выраженные глубокими морщинами на его челѣ. Сжалась наконецъ надъ ученымъ нашимъ, мы принялись ушѣшать его. Въ Осака, можешь быть, или въ окрестностяхъ Іеддо, говорили мы, предсавившя намъ снова возможность путешествовать по землѣ. Наши разговоры успѣли развеселить нашего товарища. Какъ всѣ люди, надеждою лучшаго въ будущемъ, онъ ушѣшился за скорбь настоящаго.

Вѣшеръ подулъ попутный, и мы пустились въ самое продолжительное, и самое скучное плаваніе между Японскими островами. Послѣ двѣнадцати дней медленнаго, поскливаго переезда, пристали мы въ Осака, гдѣ, по почному смыслу нашихъ паспортовъ, намъ не лзя было прожить болѣе сутокъ. Осака находится въ числѣ пяти городовъ Японіи, непосредственно зависящихъ отъ Кубо, или гражданскаго влстителя государства; четыре другіе суть: *Нангазаки*, *Іеддо*, *Сакай* и *Міако*. Они сосавляютъ *гокозіо*, или союзъ городовъ приморскихъ и торговыхъ.

Осака управляется почти такъ-же, какъ Нангазаки, двумя правителями, поочередно смѣняющимися другъ друга. Находясь на приморьѣ, въ 4-хъ льѣ отъ Міако, мѣстопробыванія Даири, Осако важный городъ, богатый запасами, населенный дѣятельными купцами и лѣнивыми сластолюбцами. Японская знать спарается имѣть хоть маленькій клочекъ земли въ Осака, называемомъ по-Японски *позорищемъ наслажденій*. При пособіи рѣки *Іодо-Гава*, протекающей по городу, и многочисленныхъ

каналовъ, выкопанныхъ въ окружающей городъ долины, здѣшнее народонаселеніе, состоящее изъ 150,000 человекъ, дѣйствительно, пользуется всеми наслажденіями, какія только можешь соединить дѣятельность человѣческая съ благодѣяніями природы, богатой и плодородной. Осака городъ поэтовъ, художниковъ и роскошныхъ богачей.

Но полиція здѣсь столь-же неугомонна, какъ и въ другихъ мѣстахъ Японіи. Едва вошли мы въ лучшую гостиницу города, офицеръ опятъ помозама явился къ намъ, съ повелѣніемъ немедленно предстать передъ надзирашелей, на которыхъ возложенъ надзоръ за прѣзжими иностранцами. Успалиль вы, или нѣтъ, весело-ли вамъ, или скучно, все равно—надобно повиновашься, идти и вышерпѣть допросъ неумолимаго судилища. Мы нашли Японскихъ чиновниковъ засѣдающими въ сараѣ, довольно обширномъ, возвышенномъ надъ улицею, и окруженномъ открытою галлереею. Они занимали шумъ высокую подмостку, и исполняли опшуда обязанноши своего званія съ удивительною важностью. Трое изъ нихъ занялись съ нами, и видъ каждого изъ трехъ былъ такъ выразишелень, что я рѣшился срисовать ихъ, пока они шолковали съ моими шоварищами. До сихъ поръ, я не встрѣчался еще съ такими испинно *Японскими* фигурами; въ ихъ губахъ, маленькихъ и сжашихъ, въ ихъ глазахъ, неподвижныхъ и узкихъ, въ ихъ лбахъ съ выпуклосніями, можно было однимъ разомъ видѣшь хипросъ и недовѣрчивосъ, соединенныя съ какою-то врожденною доброшою. Послѣ многихъ рас-

просовъ каждому изъ насъ, прилежно разсмотрѣны были наши паспорты; намъ подали попомъ чаю и конфекшовъ, и учтиво отослали насъ домой.

Пробираясь къ нашей гостинницѣ, мы успѣли свернуть въ сторону и взглянуть на Осацкую крѣпость, самую важную и лучшую въ Японіи, послѣ укрѣпленныхъ замковъ въ Міако и Іеддо. Пространство крѣпости будетъ около квадрапной мили. Ровъ, наполненный водою, и двойная стѣна, составляющъ всю защиту. На внутреннемъ гласисѣ видно очень немного пушекъ, и небольшое число амбразуръ въ стѣнахъ показываетъ, что вообще число артиллерійскихъ орудій здѣсь незначительно. — Въ прогулкѣ нашей встрѣчались намъ только простолоудинки, довольно некрасивыя и неопрятныя, и невольно изумлялся я, что не вижу ни одной изъ знаменитыхъ красавицъ, которыми шакъ славится Осака, Милость Японскій, Черкасія восточной Азіи. Но при переходѣ черезъ мостъ, усроенный по одному изъ городскихъ каналовъ, счастье поблагопріятствовало намъ: красавица, изъ числа прелестницъ Осака, сидя въ небольшой шлежкѣ, на двухъ колесахъ, везомая служанкою, капилась на встрѣчу намъ. Она была въ самомъ дѣлѣ прелестна и привлекательна; ея волосы, всбукленные по сторонамъ головы, завязанные въ кольцо на верхушкѣ, были украшены разбросанными въ нихъ натуральными цвѣтами; шелковое платье ея, съ узорами, красиво обнимало ея колѣна; она сидѣла подогнувъ ноги, небрежно облокотясь, играя своимъ вѣеромъ, и кокетничая самымъ ловкимъ мане-

ромъ. Тѣлежка, въ копорой везли ее, была щегольская и богашая, проспая, маленькая одноколка, на двухъ тяжелыхъ колесахъ, мастерски украшенныхъ рѣзбою; надъ нею возвышался навѣсъ, съ красивымъ верхомъ и шелковыми занавѣсками. Оглобли тѣлежки, сзади придѣланныя, соединялись на концѣ, и были убраны рѣзбою. Вообще, колясочка эта могла почесться образцомъ изящества и роскоши, и красавица Японская мастерски нѣжилась въ ней, улыбаясь роскошно въ своемъ подвижномъ будуарѣ.

Мы заспали банжо нашихъ, въ гостинницѣ, въ большой тревогѣ о продолжительности нашего путешествія. Желая утишить ворчливость ихъ, пригласили мы почтенныхъ надзирашелей нашихъ позавтракать вмѣстѣ чаемъ, съ пирожками изъ муки сарачинскаго пшена, бѣлыми и зелеными; эти пирожки чрезвычайно уважаются въ Осака и Міако. Знаменитый Міако былъ отъ насъ всего въ 4-хъ льѣ, и мы хотѣли было нарушить строгое предписаніе о нашемъ маршрутѣ, данное правительствомъ, прося позволенія намъ осмотрѣть славный религіозный городъ Японіи. Но дѣло оказалось неисполнимо. При невозможности личнаго обозрѣнія, надлежало ограничиться чужими разсказами.

Міако (что значитъ: столица), называемый также *Кьо* (пребываніе Государя), находится въ долинѣ, обсаженной холмами. *Камо-Гава*, рукавъ рѣки *Иодо-Гава*, протекаетъ по его восточной части. Ни одинъ городъ въ Японіи не сравни-

ся богатствомъ памяшниковъ съ эшимъ мѣстомъ пребыванія духовнаго власшишеля Японіи. Тутъ воздвигнутъ дворець его, обширное строеніе, окруженное со всѣхъ сторонъ стѣнами и рвами. По срединѣ его находится обширный чешыреугольный дворъ, отъ котораго идутъ во всѣ направленія принадацать улицъ, обитаемыхъ знапнѣйшими чиновниками. *Кубо*, или *Сеугунъ*, политическій и гражданскій власшишель Японіи, исполнишельная власшь въ государствѣ, также имѣетъ дворець въ *Міако*, построенный изъ песанаго камня и окруженный двумя рвами, изъ коихъ одинъ сухой, а другой наполненъ водою. Но самый удивительный памятникъ въ *Міако* составляетъ храмъ *Фокози*, знаменимый въ цѣлой Азіи своимъ исполинскимъ испуканомъ *Дайбутса*, или «Великаго Будды,» прозваннымъ *Рузіана* (блистающій). Спашуя эша, на образецъ Индійскихъ, представляетъ Будду сидящаго на цвѣшкѣ лошоса. Прежде была она бронзовая, позолоченая, но землетрясеніе 1662 года разрушило ее, и въ 1667 году замѣнили ее деревянною спашуею, обклеенною позолоченою бумагою. Вся вышина этой громады составляетъ 80 фушовъ, изъ коихъ семдесятъ занимаетъ сама спашуя, а десять цвѣшокъ лошоса. Внутренность храма, вышланная бѣлымъ мраморомъ, поддерживается 96-ю кедровыми столпами. Неподалеку отъ этого капища, въ ближнемъ строеніи, виситъ колоколь, едва-ли не величайшій въ свѣшѣ: онъ въ 17-ть фушовъ вышины, и вѣситъ 1,700,000 Японскихъ фуншовъ, что равняется почти 2,000,000

Фуншовъ Нолландскихъ. — Послѣ этого обширнаго храма, самый красивый естъ храмъ *Квансона*. Тутъ находишся его исполинская сшапуя, съ 36-ю руками; вокругъ нея разсѣвлено шесть другихъ сшапуй, также огромнѣйшихъ, изображающихъ героевъ, и безсчисленное количество нисшихъ боговъ, посшепеннаго роста, такъ, что головы ихъ сосшавляютъ наклоненную посшепенно линію; пошому можно ихъ всѣхъ обозрѣть однимъ взглядомъ, хошя, по словамъ Японцевъ, количество ихъ просширается до 333,333.

Міако считается не только духовнымъ городомъ въ Японіи, но, кромѣ шого, онъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ и промышленныхъ городовъ въ Японіи. Эшо Римъ и Генуя, Бенаресь и Калькушша Японіи. Здѣсь обрабошываютъ лучшую мѣдь, дѣлаютъ лучшій фарфоръ, шкушъ шелковыя издѣлія, бьютъ золото и серебро, и закаливаютъ сталь. Вся монета, обращающаяся въ Японіи, выходитъ изъ Міако. Здѣсь печашающся учебныя книги, и дворъ Даири естъ академія, гдѣ дѣшательно поддерживающся лишпература, науки и художества. Здѣсь сосшавляютъ также лѣтописи государства и официальный календаръ, предосшавленный знаменишымъ ученымъ людямъ въ Міако, хошя печашающся онъ въ обласши Изе, священной землѣ Японской, куда ходяшъ Японцы на поклоненіе, и гдѣ посшроены главнѣйшіе Японскіе храмы. Въ Міако, какъ говоряшъ, находишся 500 храмовъ и до 600,000 жишелей.

На другой день оставили мы Осака, и переехали опять на нашу Японскую жонку. Переезд до Теддо былъ скучный, но за то скорѣе, нежели я надѣялся. Снараясь развлечь скуку жишья нашего на жонкѣ, мы обратились къ г-ну Блокфису. Это былъ драгоцѣнный оригиналъ, превосходный ученый по своей часни, но сущее дилла во всемъ томъ, что не касалось предмета его заняшій. Это былъ естествоиспытатель, какихъ видимъ весьма много. Онъ держался единственно подробностей; только раздѣлялъ породы, описывалъ малѣйшія разности, выводилъ классификаціи и номенклатуры, вѣрилъ только въ Линнея, слѣдовалъ только ему, искалъ только положительнаго и вещественнаго. Никто лучше его не могъ-бы составить правника, никто скорѣе и вѣрнѣе его не сказалъ-бы имени каждой былинки. Но послѣ этой терминологіи, послѣ этого мѣлочнаго разбора вещей, у него не должно было ничего болѣе спрашивать. Онъ старался все анализировать, и за то опровергалъ всякій синтезъ, нисходилъ до самыхъ послѣднихъ дробей науки, но не хотѣлъ восходить даже къ самымъ главнымъ ея выводамъ. Философическаго взгляда, мысли о сравненіи и кришикѣ, свѣтлаго ума, объемлющаго общность — ничего этого у него не было, и все это переходило даже пределы его поняшій. Но шѣмъ сильнѣе была его способность ученаго крохоборства, шѣмъ болѣе привязывался онъ къ сбору матеріаловъ, копорые предославлялъ другимъ соображать и приводить въ общность. Онъ имѣлъ свои большія достоин-

ства, и при томъ все забавное эсихъ достѣинствъ. Нарочно спорили мы съ нимъ и заводили въ споры нашего добродушнаго ученаго, жарко защищая разныя схоластическіе тезисы, шолкуя о песшикахъ и лиспочкахъ — предметъ безконечнаго изслѣдованія его ученыхъ собрашій. За то, когда могли мы заспрѣлишь какую нибудь изъ красивыхъ ушокъ, называемыхъ *Китайскими*, мы спѣшили порадовать подаркомъ ея нашего ушѣшишеля.

Въ такихъ-то занятіяхъ, опъ нѣчего дѣлашь, доспигли мы Іеддскаго залива, 27-го Оксября 1830 года. *Тоньякъ*, рѣка, прошекающая черезъ Іеддо, наносишь въ ушья ея столько ила, что онъ завалилъ уже гавань, и корабли принуждены теперь осшанавливаться въ далекомъ разспояніи опъ береговъ. Мы бросили якорь, опъ города почти въ пяши миляхъ, и намъ позволено было опсправишься въ Іеддо сухимъ пушемъ.

Едва прошелъ часъ послѣ нашего прибытія въ гавань, какъ лодка жонки нашей уже перевезла насъ въ одно значишельное селеніе на берегу, гдѣ ждали насъ норимоны и носильщики. Невозможно соспавишь себѣ полной идеи о богатствѣ и плодоносіи окресшной спороны. Не только самыя долины здѣсь обработаны, но даже холмы покрышы насажденіями до вершины ихъ. Сисстема распредѣленія учасшками земли, кажешся, подкрѣпляетъ и усиливаетъ обширную здѣшнюю дѣяшельность земледѣльцевъ. Кромѣ взноса подашей частью произведеній земли, земледѣлецъ Японскій освобожденъ опъ всякой другой повинности. Нѣшь

здѣсь и общихъ земель (*terrains communaux*), всѣмъ принадлежащихъ и никому не приносящихъ пользы. Кто пренебрегаетъ тщательною обработкою земли, у того отнимають его участки и отдаютъ другому. Луговъ здѣсь нѣтъ; все вспахано и засеяно. Но всего болѣе отличаетъ Японское земледѣліе разнообразность и обиліе удобреній; ничто не пропадаетъ у Японцевъ, и то, что считается у насъ шягостью городовъ, здѣсь берегають, какъ самую величайшую драгоценность.

Всего болѣе представлялись намъ поля съ сарачинскимъ пшеномъ, помомъ съ кукурузою, рожью, ячменемъ, пшеницею. И каждое поле, не смотря на обширность засева, было выполошо, какъ будто какая нибудь гряда въ Европейскомъ огородѣ; съ трудомъ можете отыскать на здѣшней пашнѣ какую нибудь дикую траву. Сарачинское пшено сѣють здѣсь въ Апрѣлѣ, а собирають въ Ноябрѣ; въ этомъ мѣсяцѣ засеваютъ пшеницу и ячмень, которые жнутъ въ Маѣ и Іюнѣ.

Подлѣ земледѣльческихъ полей, встрѣчали мы особенныя насажденія сахарныхъ тростей, хлопчатой бумаги и индиго. Въ иномъ мѣстѣ, при переходѣ черезъ холмы, нашъ почтенный товарищъ, г-нъ Блокфіусъ, указывалъ намъ, то на купу камфарныхъ деревъ, или Индійскаго лавра, то на опдѣльное деревцо *rhus vernix*, изъ копорого печетъ гуммъ, почищаемая за главное основаніе черного лака, сшоль употребительнаго въ Кишаѣ и Японіи. Далѣе, подлѣ сладкаго померанца, замѣчалъ онъ *citrus Japonica*, дикій родъ лимоновъ, особен-

по свойственный здѣшной странѣ. Въ садахъ по дорогѣ были новыя находки и открытія: груши, пампльмусы, Какійскія смоквы, бананы, плоды жакъера и фрагарьера, кокосы, и множество другихъ, неменѣе вкусныхъ плодовъ, иныя еще на деревьяхъ, другіе уже снятые, давали намъ настоящее понятіе о богатствѣ, какимъ обладаетъ Японія въ этомъ родѣ прозябеній. Немного странъ могутъ сравниться съ нею въ семъ отношеніи. Японцы извлекаютъ масло, для освѣщенія и пищи, изъ сезама, *orbresin d'riandrios*, сумаха, *if-gingko*, *chore oriental*, камфарника, *laurier glauque*, азеда-раха и кокоса. Прогуливаясь около живыхъ заборовъ по полямъ, мы наслаждались яркимъ цвѣтомъ и силою произраспанія ихъ. Заборы эти состояли изъ переплетенныхъ вмѣстѣ проелисннхъ померанецъ, гарденій, вибурнъ, негніючка, колючій долихъ, сприція. Ближе къ приморью росли кокосъ, вѣрная пальма, цика, кусшовая недошрога.

Уже около двухъ часовъ продолжали мы путь свой, а ничто еще не возвѣщало намъ приближенія къ такому городу, въ кошоромъ живетъ до 4,400,000 народа. Не было видно куполовъ, башенъ, колоколенъ, шпицовъ, ни одного зданія, споль издалека означающихъ собою сполицы Европы и Азіи — соборовъ, минарешовъ, пагодовъ, шая, маяковъ, бельведеровъ, крѣпостей. Ничего, ничего рѣшиительно не видѣли мы, кромѣ однообразныхъ вершинъ кедровъ и лимоновъ! Но только одно измѣняло и показывало намъ, что мы вблизи города обширнѣйшаго: это было безчисленное

множество народа, кившаго по дорогѣ, мужчинъ, женщинъ, дѣшей, шариковъ, ремесленниковъ, посадскихъ, солдатъ, бонзовъ, знашихъ людей. Толпы были такъ многочисленны, что можно было подумать, будто все народонаселеніе городское вышло прогуливаться по прелестнымъ окрестностямъ. Дорога наша была превосходная, какъ вообще всѣ дороги въ Японіи, широкая, обсаженная по бокамъ каштанами. Гдѣ-бы вы ни поѣхали по Японіи, всюду найдете такую дорогу, великолѣпно обдѣланную, даже въ самыхъ утесистыхъ скалахъ.

Опѣ времени до времени, по вышамъ, въ спорахъ, полузакрытые купами деревьевъ, высматывались храмы, красивой и богатой постройки, съ аллеями кипарисовъ и ливъняницъ, сходившими на дорогу. На перекресткахъ этихъ, обыкновенно, встрѣчали мы нищихъ, просящихъ милосердія у проезжающихъ и благочестивыхъ поклонниковъ. Съ самаго переѣзда нашего на берегъ, насъ одолевали нищіе, мужчины и женщины, монахи и всякаго званія люди. Иные цѣплялись за наши нирмоны, и по цѣлымъ милямъ не отставали отъ насъ, даже и получивши подаяніе. Особенно безстыдны показались намъ какія-то шри женщины, довольно опрятно одѣтыя, благоприснойнаго вида и пріятной наружности; переводчикъ объяснилъ намъ, что это дочери горныхъ жрецовъ, *комано бикуні*, имѣющія особенное право просить милосердія, за ежегодную плату, которую взносятъ онѣ въ храмъ Изейскій. Потомъ, въ одномъ переходѣ между горъ, напала на насъ цѣлая толпа нищихъ. Впереди всѣхъ

была какая-то простолюдинка, въ лохмошьяхъ, съ корзиною и пухлымъ горшкомъ, привязанными по бокамъ; грудное дитя было у нея на рукахъ, а другое дитя, калѣка, на коспыляхъ, шашилось впереди. Мать вопила о помощи, просягивая руку съ чашечкой. За этими несчастными шла семья неменьше жалкая. Это было семейство, которое, за какое-то преступление, осудили скишаться по міру; спарики, дѣти и женщины сидѣли въ большихъ плешушкахъ, посавленныхъ на спинѣ сильного вола. Здоровые мужчины изъ этого семейства шли пѣшкомъ, опираясь на палки; одинъ впереди чинилъ на распѣвъ какіе-то стихи, или родъ пѣсни, и безпрестанно просягивалъ при томъ руку съ чашечкой.

По мѣрѣ приближенія нашего къ городу, толпы народа становились особенно шѣснѣе и любопытнѣе. Знашныя Японки приказывали своимъ нормонамъ останавливаться вдоль дороги, чтобы лучше разсматривать насъ, и казались очень довольными, когда мы опускали шпоры въ своихъ носилкахъ. Посаженные въ одну линію по дорогѣ, нормоны представляли намъ, какъ будто подвижную улицу, непрерывно измѣнявшуюся въ глазахъ нашихъ.

Тамъ прибыли мы къ предмѣстіямъ *Синагава* и *Таканава*, составляющимъ собственно одну длинную улицу. За этими предмѣстіями начинается городъ, и его легко можно было оплести по большому числу карауленъ, непрерывно встрѣчавшихся. Мостъ *Нифонбасъ*, служащій почкою для

измѣренія начала всѣхъ пугевыхъ разспояній въ Японіи, и полуденною линіею здѣшнихъ астрономовъ, находится съ этой стороны, неподалеку отъ предмѣстія Таганава. Мы перешли его, и потомъ, послѣ получасовой ходьбы вдоль безконечной улицы, остановились у обыкновеннаго мѣста пребыванія Голландскихъ посольствъ. Это было довольно дрянное строеніе, состоявшее изъ прехъ небольшихъ комнастъ, худо меблированныхъ, съ рогожками, вмѣсто постелей, и съ низенькимъ диваномъ для сидѣнья.

Едва остановились мы здѣсь, явился переводчикъ, съ тѣхъ поръ невольный товарищъ всѣхъ нашихъ прогулокъ и посредникъ всѣхъ нашихъ разговоровъ, на все пребываніе наше въ Японіи. За нимъ слѣдовали чешыре ученые Японца, два астронома и два лекаря, получившіе позволеніе видѣться и говорить съ нами. Долго было-бы пересказывать всѣ ребяческіе вопросы, какіе они намъ дѣлали, иногда спрашивая довольно ловко, но большею частію вовсе нелѣпо. Особенно докторъ нашъ едва успѣвалъ говорить при двойномъ допросѣ своихъ Японскихъ собрашій; одинъ спрашивалъ его о леченіи ранъ, другой объ лихорадкѣ, потомъ о головной, эшомъ о зубной боли. На все надобно было отвѣчать сообразно мѣрѣ познанія вопрошающихъ, и пришомъ опредѣленно, ясно, подробно. Докторъ нашъ — надобно опдашь ему въ эшомъ справедливостъ — показалъ перифніе необыкновенное, и еще болѣе совѣсти при своемъ медицинскомъ допросѣ. Японскихъ врачей легко узнать

по ихъ головной уборкѣ; не сохраняя, подобно другимъ Японцамъ, волосовъ только на верхушкѣ головы, они, или опускаютъ ихъ вполнѣ, или совершенно брѣютъ. Другіе ученые люди соображаются съ общимъ обычаемъ, и оставляютъ только пучекъ сверху головы.

Первый выходъ нашъ на другой день былъ для обозрѣнія царскихъ дворцовъ, мѣстопребыванія *Кубо*, или *Сеугуна*, императора, или лучше сказать, полководца Японскихъ войскъ, въ буквальномъ переводѣ его пишуща. Дворецъ этотъ находился въ удаленной отъ насъ части города, и потому отправились мы въ норимонахъ. Безконечное зданіе дворца образуетъ собою отдѣльный городъ, окруженный стѣнами и рвами, наполненными водою, черезъ копорые наброшены мосты подъемные. Въ окружности будетъ оно около пяти миль. Кромѣ царскаго жилища, находится въ этой оградѣ дворецъ наследнаго принца, особенно огороженный стѣнами и укрѣпленіями. Цитадель, обширная, просторная, крѣпкая, заключаетъ въ себѣ множество улицъ, съ домами, гдѣ живутъ князья, вельможи и семейства обласанныхъ правителей, содержимые здѣсь вмѣсто аманатовъ, въ залогъ вѣрности. Караульни, съ 4000-ю человекъ солдатъ въ каждой, разставлены подлѣ каждаго дворца.

Самый дворецъ Кубо раздвигается на высотахъ, въ огромномъ объемѣ, и превышаетъ все другія строенія, хотя и воздвигнутъ онъ только въ одинъ этажъ. Надъ нимъ построена чепыреуголь-

ная башня, украшенная великолѣпными кровлями. Такая башня считается въ Японіи знакомъ старшинства, и ее позволено всякому воздвигать тамъ, гдѣ онъ старше всѣхъ другихъ. По этому, въ Іеддо только сеугунъ имѣетъ право на башню владычества, но за то всякій помѣщикъ пользуется подобнымъ правомъ въ своемъ помѣстьѣ, и первенство вездѣ означается здѣсь подобными башнями.—Общность царскаго дворца, по внѣшнему виду, довольно красива и величественна. Но внутреннее убранство ни сколько несоотвѣтствуетъ красотѣ внѣшности. Почти единственную мебель дворца составляютъ широкія и длинныя рогожки, разстланныя на полахъ комнатъ. По этой причинѣ, главная, или аудіенцъ-зала, называется залой *сенъ-сіо-сикки* (ста рогожъ); въ ней собираются, при торжественныхъ случаяхъ, вельможи, чиновники, князья, и иногда, при большихъ пріемахъ, бываетъ въ ней около тысячи человѣкъ.

Отсюда отправились мы обозрѣвать самый городъ. Іеддо безмѣренъ, занимая безконечное пространство по берегамъ рѣки, протекающей черезъ него многими рукавами. Эти естественные пути сообщеній, при множествѣ каналовъ, кошорыми перерѣзаны окрестности, дѣлаютъ легкимъ всякій перевозъ, и отъ того припасы здѣсь такъ дешевы, что можно прожить шестью копейками въ день, считая на наши деньги. Кромѣ осѣдлыхъ жителей здѣшнихъ, въ Іеддо всегда есть еще временное народонаселеніе Японцевъ, спешающихъ

сюда тысячами изъ всѣхъ концовъ государсва. Каждое семейство живетъ здѣсь въ отдѣльномъ домѣ, копорые, большею частію, строяся въ два этажа. Передняя часть домовъ занимаетъ лавками, или мастерскими, передъ копорыми обыкновенно распыгивающъ родъ занавѣсокъ, чтобы прохожіе не заглядывали и не развлекали работниковъ. Раскладка товаровъ и вывѣски Японскія нехуже Кишайскихъ.—Улицы и площади красивы и опрышны, шакъ, что шрудно даже представить себѣ возможность поддержанія подобной чистоты, когда съ утра до вечера движется по нимъ безчисленная толпа народа. Не смотря на званіе столицы, городъ управляется двумя помозамами, какъ Нангазаки, и у нихъ есть свои опшона, банжо и обыкновенный причешъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ.—Дѣлился Іеддо на кваршалы; потомъ на улицы, изъ копорыхъ почти каждая, окружаясь крышыми галлереями, обыкновенно бываетъ занята людьми одного ремесла. Такъ, на примѣръ, плотники живутъ въ одной улицѣ, портные въ другой, ювелиры въ шрешей. Подобнымъ образомъ распредѣляющъ и шорговцы; каждая вѣшвъ шорговли имѣетъ свое отдѣленіе домовъ, и даже каждый родъ припасовъ свой особенный рынокъ. Рыбный базаръ здѣшній чрезвычайно обширенъ, удивительно опрышенъ, и особенно хорошо снабженъ разными родами рыбы, рѣчной и морской, свѣжей и соленой.—Гостинницы находятся подлѣ шѣхъ домовъ, гдѣ нанимающъ лошадей и норимоны съ носильщиками, соединяя шакимъ образомъ двѣ про-

шивоположности для путешественника — прїѣздъ и отъѣздъ, жилище и ошдыхъ.

Знашныя и почешныя особы живутъ въ особенной части города, имъ ошдѣленной. Тутъ, на каждомъ домѣ, увидише вырѣзанный, раскрашенный, раззолоченый на фасадѣ гербъ хозяина. Японцы дорожашъ эшимъ, неменѣе какихъ нибудь Англійскихъ Девоншировъ и Норшумберландовъ. И въ этой части, какъ въ другихъ ошдѣленіяхъ Іеддо, находяся вороша на концахъ каждой улицы. Каждый вечеръ вороша эши запираются, и при нихъ спавишся спража, такъ, что въ случаѣ бунта, или какого нибудь смяшенія, выходъ бываетъ загороженъ, и виновники не избѣгають немедленной поимки.

Полицейскіе ушавы, введенные въ Іеддо и во всей Японіи, опредѣлительны въ своемъ значеніи, направлены къ общему благу, извѣстны каждому и уважены каждымъ. Впрочемъ, малѣйшее нарушеніе сшрого наказываешся.—Улицы вышянушы по веревкѣ, и каждое новое поспроеніе должно сообразовашся съ назначенною линіею. Для домовъ опредѣлено два эшажа, не болѣе; шолько крѣпоспи и замки пользуюшся правомъ поспроенія выше. Каждый обывашель обязанъ содержать въ чистотѣ, и на свой счешъ, каменный прошпуаръ, находящійся передъ его домомъ. Все проспраншво города убишо камнями, или мѣлкимъ кремнемъ, такъ, что образуешъ крѣпкую мостовую. Внѣшность домовъ вообще мало украшаешся, ибо къ улицѣ всегда

помѣщаютъ у Японцевъ отдѣленіе служишелей, а хозяева, большею часпью, живутъ во внутренней часпи домовъ, гдѣ устроиваются позади дома обширные и прохладные сады. Домъ Японца всегда запертъ, и обыкновенно самыя окна закрываютъ снизу спавнями, или деревянными жалюзиями. Кромѣ того, всѣ дома строятся во дворахъ, и передъ ними бываетъ небольшая площадка, окруженная стѣною; площадка эта, отдѣляющая домъ отъ улицы, сплошь убитая кремнемъ, служитъ для помѣщенія свипы знашнихъ людей, если они посѣщаютъ хозяина.

Въ Іеддо считается нѣсколько сотъ большихъ и красивыхъ зданій, извѣстныхъ въ Японіи подъ именемъ *тзіаіа*, или чайныхъ домовъ. Въ каждомъ городѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ есть свой *тзіаіа*, мѣсто роскоши, гдѣ собираютъ всѣ роды забавъ, самыхъ ушонченныхъ и дорогихъ. Любимое наслажденіе Японцевъ проводятъ здѣсь вечера, въ обществѣ молодыхъ дѣвушекъ, называемыхъ *теекэ*. Тутъ-же находятся *гхееко*, или игральщицы на *самсэ* (родъ гишары о прехъ спрунахъ). Прелестныя, ловкія, нерѣдко хорошо воспитанныя, эти музыканши обольщаютъ своею музыкою и танцами привычныхъ посѣшителей чайнаго дома. За то подчиваютъ ихъ закусками и сакки. *Тзіаіа* такъ многочисленны въ Японіи, что въ Іеддо образуютъ они большія улицы; обыкновеніе посѣщать ихъ столь всеобще, что не только мужчины не дѣлаютъ изъ этого шайны, но даже иногда водятъ шуда женъ своихъ, слушаютъ концерны на

самсѣ. Японскія лѣтописи говорятъ, что учрежденіе такихъ домовъ относится къ царствованію сеугуна Іоритомо. Эпошъ военспвенный государь, всегда имѣя въ полѣ большія арміи, далъ особенныя привиллегіи тѣмъ, кто откроетъ подобныя дома на дорогахъ, гдѣ проходящъ его солданы; съ тѣхъ поръ начались они, и сперва сдѣлались пристанищемъ нупешеспвенниковъ, а потомъ, перенесенные въ города, сжали мѣстами сходбищъ болѣе предосудительныхъ.

Познакомясь съ общею характеристикой Японской столицы, мы не знали, куда дѣвать намъ оспальные часы дня. Переводчикъ пригласилъ насъ посмошрѣть на борьбу, которая въ эпошъ день должна была привлечь къ себѣ множество народа. Два знамениые аплеши, нарочно пріѣхавшіе съ разныхъ концовъ Японіи, должны были помѣряться силами, и народъ тысячами собирался смосшрѣть на нихъ. Мы охотно согласились, хотя г-нъ Блокфіусъ, успавши собирать и разсмашривать камешки по улицамъ (о другомъ онъ не заботился), сердечно желалъ опсправиться на кварширу, опдохнуть, и разобрать свои находки.

Мѣсто знаменишой бипвы было назначено въ предмѣстіи Іеддо, на лѣвомъ берегу Тоньяка. Когда мы пришли къ дверямъ шеапра, человекъ, приспавленный для сбора денегъ за входъ, сдѣлалъ намъ знакъ, одинакій во всѣхъ земляхъ и у всѣхъ народовъ; мы достали изъ кармановъ по нѣсколькучени, маленькихъ мѣдныхъ монетъ, и при посредствѣ ихъ, двери свободно опворились передъ нами.

Внутренность позорища была уже наполнена любопытными зрителями. Кругомъ арены, огороженной деревянной загородкою, на подмосткахъ, построенныхъ амфитеатромъ, шѣснилась толпа народа, песпро одѣпаго и шумнаго, вызывая соперниковъ на бой, возбуждая ихъ крикомъ и движеніями. Эпо походило на Римскій циркъ. Выше всѣхъ, въ какой-то клѣткѣ, походившей на бельведерь, находились высшіе чиновники полиціи, бывшіе шупъ, какъ надзиратели за зрителями, и какъ герольды боя, на всякій случай.

По данному знаку, борцы выступили на арену. До-пояса были они совсѣмъ нагіе, а далѣе надѣшы на нихъ были широкіе шаровары, подшянушые веревкою. На головахъ были у нихъ сѣшки, изъ которыхъ висѣли сзади длинныя ихъ косы. На широкихъ поясахъ находились мѣдныя бляхи, съ гербомъ Японіи. Другими бляхами украшались переда ногъ и ладони. Оба аплеша казались одаренными удивительною крѣпосшью шѣла. Въ коропкихъ, квадрапныхъ туловищахъ, шолспыхъ членахъ, широкихъ плечахъ, жилиспыхъ рукахъ, можно было замѣшипъ расположеніе къ силѣ необыкновенной. По всегдашнему обыкновенію подобныхъ бипвъ, соперники щадили себя взаимно, спарались болѣе показашъ свои крѣпкія формы и спановипсь въ красивыя положенія. Наконецъ, упомленные эпою гимнаспической игрою, они напали жестоко одинъ на другаго, схватились, опчаянно боролись, пока одинъ не помѣрлялъ плечами земли. Золошая монеша, цѣна выигрыша, была опдана судьями побѣди-

шелю, но побѣжденный показалъ однакожь себя такимъ снисходительнымъ противникомъ, что вѣроятно, и ему доспался изъ этого выигрыша учаспокъ.

Съ полчаса заняла насъ эта народная забава. По окончаніи ея, мы слѣдовали за толпою, оставившею позорище борьбы, и уже хошѣли поворошить на дорогу къ своему жилищу, когда одинъ изъ чиновниковъ, присутствовавшій на зрѣлищѣ съ своимъ семействомъ, прислалъ служителя къ нашему переводчику. Присылка эта была на счетъ нашъ, и состояла въ слѣдующемъ приглашеніи; *«Коризуки-Дофа проситъ благородныхъ гужеземцевъ отдохнуть въ его домъ, и раздѣлить съ нимъ чай.»* Переводя намъ такое приглашеніе, переводчикъ прибавилъ опъ себя, что Коризуки-Дофа былъ одинъ изъ знапныхъ чиновниковъ государства, обладалъ нѣсколькихъ обширныхъ домовъ, и правитель чешырехъ обласпей.

Охотно согласились мы на вѣжливое приглашеніе споль почешнаго челоѣка, и вскорѣ очутились передъ однимъ изъ его домовъ. Это было зданіе удивительное, болѣе щегольское, болѣе зашѣйливое, болѣе красивое, нежели самый дворецъ царя Японіи. Черепицы, покрывавшія кровлю, были пальца въ два толщиною; по черному цѣвшу, наглазурены были на нихъ изображенія, и по словамъ нашего переводчика, блескъ ихъ могъ сохраняться болѣе 50-ти лѣтъ. Комнапы были обиты кедровыми досками, издававшими пріятное

благоуханіе; балконы, каждый изъ одного куска, удивительно вырѣзаны; стѣны убраны барельефами и изящными стилобашами; столбы, архиправы, подножія обиты позолоченою мѣдью, съ превосходною насѣчкою; простѣнки покрыты богатою живописью, гдѣ исторія Японская являла свои памятные событія. Вошъ что нашли мы въ богатомъ, вельможескомъ домѣ Коризуки-Дофа, любимца нынѣшняго сеугуна Японскаго. Изъ комнатъ перешли мы въ садъ, обширную загородку, усаженную кедрами, кипарисами, соснами и яблонями. Ручей протекалъ по саду, и оживлялъ водою множеству бассейновъ, фонтановъ и водопадовъ. Подъемные мосты, бельведеры, посаженные на утесахъ, кіоски, подземные гроты, всѣ нечаянности, остроумно разсчитанныя, показывали стараніе, которое прилагалъ хозяинъ къ ошдѣлкѣ этой части своего великолѣпнаго жилища.

Насладившись удивленіемъ, какое возбуждали въ насъ чудеса его богатаго дома, со всею изысканною вѣжливостію, хозяинъ пригласилъ насъ въ залу, гдѣ былъ пригошвленъ чай. Драгоцѣнные конфекты, опличныя печенья занимали большое пласто, посавленное на низенькихъ шреножникахъ. Мы присѣли кругомъ этой великолѣпной мебели, на рогожкахъ, нарочно посланныхъ по полу. Послѣ угощенія, слѣдуя Японскому обычаю, Коризуки-Дофа спѣшилъ показатъ намъ свои фарфоровыя и желѣзныя чаши и вазы, съ незапамятныхъ временъ служившія въ семействѣ его для пригошвленія и сохраненія чая. Первою изъ этихъ драгоцѣн-

носшей была фарфоровая ваза, цѣнимая обладашемъ ея неменѣе 200,000 франковъ. По его разсказу, она сработана была на островѣ *Маори*, составлявшемъ часть древней Японіи, и, Богъ знаетъ когда, провалившемся въ море, при жестокомъ землетрясеніи. Опъ времени до времени, продолжалъ хозяинъ, ловцы погружаясь въ глубину океана и вышаскиваютъ опшуда вазы, цѣнимыя въ безумную цѣну. Та, которую мы теперь разсматривали, надобно согласишься, была не очень красива, но именно это доказывало ея древность и умножало цѣну. Она походила на боченокъ съ узкимъ горломъ; масса, изъ которой была она сдѣлана, казалась удивительно нѣжною, и цвѣта бѣлозеленоватаго. Кажется, что здѣсь, дѣйствительно, цѣнятся Японцами только уродливостъ и странностъ вещи, доказывающія древность ея. Кромѣ драгоценной главной вазы, намъ показывали множество другихъ вещей фарфоровыхъ, чашекъ, ковшиковъ, воронокъ, и наконецъ кошель и треножникъ желѣзные. Треножникъ, починенный во многихъ мѣстахъ, и, по мнѣнію всякаго Европейца, годный только въ ломъ, былъ оцѣняемъ хозяиномъ его въ 40,000 франковъ, кошель въ 20-ть тысячъ, другія подобныя вещи въ 3, 4, 5, 6000 за штуку. Подобныя собранія составляютъ драгоценныя семейныя памятники Японцевъ. Каждая вещь осторожно завернута бываетъ въ шелковую шкань, и хранится въ ящичкѣ изъ драгоценнаго дерева.

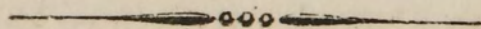
Время было уже воропшсь намъ домой. Мы успѣли осмопрѣшь всѣ уголки въ домѣ богатаго

Японца; подивились подвижной роскоши его перестроенных, дѣлающей изъ такого жилища настоящій шедевръ, гдѣ декорація можешь переѣниться мгновенно, по волѣ хозяина; какъ любопытные знайоки, мы осматрѣли широкъ всѣ мѣлкія лаковыя мебели, красиво и превосходно оштукатуренныя; мы видѣли разрисованныя и раззолоченныя обои на стѣнахъ вельможескаго жилища, образцы древняго и лучшаго фарфора, въ чемъ даже Кипай завидуетъ Японіи. И все это въ одинъ день, почти за одинъ взглядъ—присовокупивъ къ этому общій очеркъ столицы Японской, съ множествомъ подробностей, каковы: дворецъ великаго сеюгуна, зрѣлище улицъ и оштукатуреній города, физіогномія жителей, народный циркъ, площади, рынки, магазины, масперскія, памятники, крѣпости, жилища высшихъ и низшихъ званій. Все это было уже намъ знакомо, какъ будто спароживамъ Японіи. Я говорилъ, что нашъ докторъ успѣлъ въ это время повидаться и поговорить съ широкими врачами, но чувствъ было не забыть я сказать, что г-нъ Блокфюсъ успѣлъ потребовать и получить особенное позволеніе осматривать, сколько было ему угодно, придворныя сады. Выходило по счелу, что мы успѣли сдѣлать многое. Мнѣ оставалось только приводить собранныя уже мною понятія и впечатлѣнія въ систематическій порядокъ, помогая себѣ новыми, послѣдовательными изысканіями, и дополняя работою на досугѣ то, чего недоставало къ замѣчаніямъ быспрымъ и общимъ, размышленіемъ совершенствуя очевидность, а личнымъ обозрѣніемъ по-

вѣряя то, что могъ я еще почерпнуть изъ мѣстныхъ извѣстій. Такъ поступалъ я вездѣ въ путешествіи моемъ. Въ Іеддо тѣмъ легче было мнѣ все это, что переводчикъ нашъ былъ одинъ изъ опличнѣйшихъ ученыхъ Японцевъ. Многое просто писалъ я подъ его дикшовку.

ГЛАВА XLIII.

**ЯПОНІЯ. — СНОШЕНІЯ СЪ ЕВРОПОЮ , МИССИОНЕРЫ ,
ХРИСТИАНСТВО. — ПОСОЛЬСТВА ГОЛЛАНДЦЕВЪ. — РУС-
СКОЕ ПОСОЛЬСТВО.**

Я сказалъ уже о томъ, что Португальскіе мореплаватели, первые, прислали къ Японскимъ берегамъ, въ срединѣ XVI-го вѣка. Приняшые съ удивительною щерпимостью, во всѣхъ портахъ Японіи, немедленно принялись они за распространеніе Каполицизма. Народъ былъ расположенъ принять новое духовное ученіе. Пошому-ли, что припѣсненія знашныхъ влекли Японцевъ къ исповѣданію, споль ушѣшительному въ скорбяхъ и спраданіяхъ; пошому-ли даже, что въ усшановленіяхъ прежней своей духовной іерархіи находили Японцы нѣкоторое сходство съ нововводимой религіею—власъ духовную и власъ гражданскую, пѣніе въ храмахъ, уединеніе, постъ и спрогую жизнь въ обшеляхъ; или наконецъ, примѣръ многихъ знашныхъ

увлекалъ тысячи людей, бывшихъ подъ ихъ зависимостью. Но только слѣдствіе въ томъ состояло, что въ концѣ XVI-го вѣка, обширныя области Японскія были подчинены владычеству Римской церкви, управляясь своими пресвитерами и священниками, имѣя множество христіанскихъ храмовъ, и при нихъ тысячи прихожанъ.

Въ 1549 году, знаменитый Каполическій миссіонеръ, *Францискъ Ксаверій* прибылъ въ Японскую область Бунго, и вскорѣ правители области, *Арима* и *Омура*, пошребовали у него крещенія. Когда достопамятный проповѣдникъ скончался, въ 1598 году, въ Японіи считалось около полутора-милліона христіанъ. Прежде еще этого времени, въ 1582 году, Японское посольство явилось въ Римѣ, и смиренно преклонялось передъ трономъ папы Григорія XIII-го. Главными представителями Японіи были при семъ случаѣ *Маніо-Ито*, двоюродный братъ правителя Фиронгаскаго, и *Михаиль Цинга*, родственникъ знаменитыхъ Японцевъ *Арима* и *Омура*.

Но вскорѣ Японское правительство возымѣло подозрѣнія, смотря на чудесные успѣхи новаго исповѣданія. Внимательно начало оно разсматривать дѣйствія чужеземцевъ, кошорымъ позволило у себя столь довѣрчивое госшепріимство. Спали думать о томъ что было сдѣлано, о слѣдствіяхъ этого, о поведеніи новыхъ пришельцевъ въ различныхъ странахъ, гдѣ они появлялись. Неблагопріятныя для Европейцевъ примѣры недовѣрчивости

слѣдовали одинъ за другимъ. Въ Міако удостовѣрились наконецъ, что Португальцы, власпители шоль многихъ земель, въ Гоа, Малакка, Макао, и въ Японіи спараюшся ушвердитъ власшь свою шакъ, какъ вездѣ, гдѣ шолько они ни были, и что подъ ихъ видимыми дѣйспвіями можешъ скривашься шайная полишическая цѣль, опасная власпи Японскаго правительсшва.

Все эшо привело мгновенно къ быспрому рѣшенію — уничтоженіе всякаго вліянія Европейцевъ было опредѣлено и ушверждено. Въ 1589 году, послѣдовало повелѣніе Японскаго правительсшва, кошорымъ осуждался на смершь каждый хрисшіанинъ, если онъ не опкажешся опъ своей вѣры. Исполненіе приказа произведено шакъ грозно и шрого, что уже въ слѣдующемъ году 20,000 человѣкъ приняли смершь мучениковъ. Не шолько не упадала ревность Японскихъ хрисшіанъ при всѣхъ ужасахъ, но, казалось, приобрѣшала еще болѣе подкрѣплений, спановилась сильнѣе и дѣяшельнѣе. Число новообращенныхъ въ 1591 и 1592 годахъ проспиралось за 12,000. Даже самъ Кубо шогдашній, или сеугунъ, принялъ хрисшіанскую вѣру, съ шожесшвомъ своихъ воиновъ.

Въ 1597 году, при Дайфу-Зама, снова началось гоненіе, самое жесточайшее, изобрѣшательное на свирѣшоспи неслыханныя; сорокъ лѣтъ продолжалось оно, и во все эшо время погибло въ мученіяхъ, какъ говорятъ, около 50,000 человѣкъ. Въ иныхъ обласшяхъ, хрисшіанъ жгли медленнымъ ог-

немъ ; въ другихъ распинали на крестахъ ; иногда умерщвляли ихъ шѣмъ, что лили на шѣло горячую воду , до послѣдняго издыханія , или прожигали мясо до костей горячимъ желѣзомъ ; иногда сѣкли до крови , и попомъ выставляли спрадальцевъ на палящій зной, гдѣ терзали ихъ тысячи насѣкомыхъ ; иногда запирали въ подземелья , наполненные ядовитыми змѣями. Словомъ, если только вѣришь рассказамъ современниковъ , въ царствованіе Камбо-Зама свирѣпость безчеловѣчія дошла до такой степени, что словъ недоспавало выразить ее, и слезъ плакать объ ней.

Сюль спрашная система жестокостей, непрерывно и сряду поддержанная шремья власпишелями, въ теченіе сорока лѣтъ, едва могла однакожь истребить въ Японіи христіанство—сюль глубокіе корни пушило здѣсь усердіе благочестивыхъ проповѣдниковъ. Оспальные послѣдователи Каполицизма, оставшіеся вѣрными ему, гонимые во всѣхъ мѣстахъ Японіи, сбѣжались, въ числѣ 30,000, и зашворились въ крѣпости Симабара. Здѣсь осадили ихъ войска Японскаго правительсва. Запершыи опивсюду, умирая голодомъ и жаждою, они не сдавались. Крѣпость взята была наконецъ шшурмомъ, и всѣ осажденные , до единого , были умерщвлены въ одинъ день. Когда наступилъ вечеръ , побѣдители (говоришь современный историкъ) бродили въ крѣпости по лужамъ крови, уже неизсыхавшей.

Эшимъ рѣшишельно уничтожилось христіанство въ Японіи. Въ 1630-мъ году не было уже здѣсь ни одного христіанина. Кто не погибъ, шомъ ошрек-

ся опъ вѣры. Гоненіе простиерлось даже на всѣ предметы, принадлежавшіе христіанскому ученію, но и тѣмъ не ограничилось. Изгнаніе и вражда объявлены были народу, которъй ввелъ въ Японію христіанство. Ни одинъ корабль Португальскій не могъ послѣ сего останавишься въ гаваняхъ Японіи, и ни одинъ Португалець, подъ жестокою казнью, не могъ ступить на Японскую землю.

Въ это время явились здѣсь Голландцы, желая воспользоваться преслѣдованіемъ Португальцевъ. Увѣряють, будто они успѣли добиться милосердія только многократнымъ опреченіемъ опъ всякаго, даже малѣйшаго подозрѣнія въ христіанствѣ, рѣшительно отказываясь опъ религіознаго родства съ другими Европейцами, что такъ жестоко преслѣдовали повелители Японіи. Можно повѣришь, ибо чего не сдѣлаешь жажда корысти! По крайней мѣрѣ, всякими пожертвованіями, Голландцы успѣли въ своемъ предпріятіи; имъ позволили сначала посѣщать Фирандо, потомъ ограничили ихъ на Дезима, но до сихъ поръ, только они и Китайцы раздѣляютъ монополію иностранной торговли въ Японіи. Первое посольство Голландское прибыло въ Японію въ 1641 году. Въ Іеддо заспало оно Испанское посольство, великолѣпное и горделивое, которое своими неумѣспными пребываніями, своею наглостью и припязаніями, вывело изъ терпѣнія Японцевъ, и было выслано изъ Японской столицы.

Въ 1637 году явилось новое посольство Голландское, начальникомъ котораго былъ *Вагнеръ*. По

странному спеченію обспоятельствъ , ашотъ посланникъ Голландскій прибылъ въ Іеддо какъ будшо для того, чшобъ бышь свидѣтелемъ спрашнаго пожара, опустошившаго сей обширный городъ, при чемъ сгорѣлъ даже дворець кубо. — Посланникъ *Индѣйкъ* опсправился въ Іеддо въ 1661 году, и предспавиль въ подарокъ Японскому государю огромнаго казуара. «Возьми свою большую ппицу назадъ,» говорили ему Японцы—«она вся не споишь того, что съѣдаешь.»

Опъ посольства 1661 года, мы перейдемъ прямо къ Кемпферову, кошорое происходило въ 1690 году. Кемпферъ принадлежишь къ людямъ, оказавшимъ великія заслуги географическимъ познаніямъ, особливо безцѣнныя въ то время, когда невѣжесиво и фанатизмъ обезображивали всѣ извѣспія , собираемые Европейцами въ опдаленныхъ спранахъ. Кемпферъ составилъ описаніе Японіи, неполное во многихъ опношеніяхъ, но до сихъ поръ самое подробное , вѣрное и опчетисное изъ всѣхъ, какія только изданы объ Японскомъ архипелагѣ. Повѣспивованіе Кемпфера о посольствѣ , при кошоромъ онъ находился, писанное имъ самимъ , имѣеть всю прелестъ , все добродушіе книги , составленной подъ живыми впечатлѣніями самовидца. Вошъ какъ рассказываетъ Кемпферъ объ аудіэнціи своей у сеугуна :

«Власпишель Японіи скрывался опъ насъ въ такой темной загородкѣ , что мы съ шрудомъ могли-бы замѣпить его присутствіе , если-бы разго-

воръ не измѣнилъ ему. Но и говорилъ онъ одинакожь шакъ тихо, какъ будто хотѣлъ сохранить совершенное инкогнито. Княжны царскаго рода и придворныя дамы находились прямо противъ насъ, за непроницаемою рѣшеткою. Я замѣтилъ, что бумажныя трубки были вставлены въ рѣшетку, чтобы лучше можно было удовлетворять любопытству невидимыхъ зрительницъ. До придцанн трубокъ насчиталъ я, и это заставляетъ меня думать, что число дамъ, бывшихъ на аудіэнціи, простиралось до сего количества.

«Макино-Бинго, переводишель посольства, сидѣлъ отдѣльно на возвышенной рогожкѣ, въ открытомъ мѣстѣ, направо отъ насъ, то есть, къ сторонѣ государя Японіи. Налѣво, въ другомъ отдѣленіи, сидѣли совѣтники перваго и втораго разряда. Галлерея за нами была наполнена главнѣйшими чиновниками Двора, и людьми, принадлежавшими къ дворцовой службѣ. Другую галлерею, которая вела въ отдѣленіе самого государя, заняли дѣши, пажи Его Величества, и нѣсколько жрецовъ, закрывавшихъ свои лица. Таково было расположеніе шеапра, гдѣ намъ должно было разыгрывать наши забавныя роли.

«Первый шолмачъ сѣлъ немного выше насъ, чтобы лучше разслушивать вопросы и отвѣты, а мы взяли мѣста влѣво отъ него, всѣ рядкомъ, приблизившись съ поклонами и преклоненіями къ сторонѣ царской ошгородки.

«Тогда Бинго сказалъ намъ отъ имени своего государя, что Его Величество охотно насъ ви-

динъ. Толмачъ , передавшій намъ такое привѣпствіе, передалъ взаимно и отвѣтъ нашего Посланника ; онъ соспоалъ въ глубочайшей благодарности, за милость , какую изъясляетъ намъ Его Величество, позволяя свободную торговлю въ своихъ земляхъ. Толмачъ преклонялся въ землю при каждой рѣчи своей , и говорилъ шакъ громко , что могъ бытъ слышимъ государемъ ; но все , что выходило изъ устъ государя , передаваемо было тихонько Бинго, какъ будто-бы слова монарха Японіи были слишкомъ драгоцѣнны , священны даже , шакъ , что не могли бытъ прямо внимаемы низшими чиновниками.

« Послѣ первыхъ привѣпствій , все , что слѣдовало за первоначальною церемоніею , могло показаться настоящею комедіею.

« Начали дѣлать намъ самые смѣшныя вопросы , о лѣсахъ , объ имени каждаго изъ насъ. Все это заставили насъ записать на лоскуткѣ бумаги, который передали Японскому государю , сквозь его рѣшетку. Посланнику былъ сдѣланъ допросъ , въ одно время политическій и географическій , а мнѣ медицинскій.

« Когда это кончилось , государь Японіи , бывшій до тѣхъ поръ довольно далеко отъ насъ , приблизился къ правой сторонѣ нашей , и сѣлъ за своею загородкою шакъ близко къ намъ , какъ только было возможно. Ему вздумалось составить себѣ изъ насъ увеселишельное зрѣлище ; поочередно заставляли насъ ходить , останавливаться, са-

дишься, вставаешь, какъ будто дѣло шло объ осмотрѣ лошадей, кошорыхъ покупаюшь. Потомъ надлежало намъ, для угожденія Его Величеству, привѣщивовашь другъ друга, прыгаешь, предспавляешь пьяныхъ, говоришь, какъ умѣли, по-Японски, чишаешь по-Голландски, рисоваешь, надѣваешь и скидаешь наши плащи. Последнимъ приказаніемъ заставили насъ пѣть и плясать. Я въ свою очередь—прибавляешь Кемпферъ — плясалъ, какъ умѣлъ, и пѣлъ Нѣмецкую, сколько помнишься мнѣ, любовную пѣсенку. Думаю, что Его Японское Величество полюбовался моимъ искусствомъ.»

Такимъ-то испытаніямъ подвергали перпѣніе бѣдныхъ Голландцевъ, соспавлявшихъ свисту Посланника, счастливаго шѣмъ, что его самого, по крайней мѣрѣ, не заставляли играть роли шуша. На этошъ разъ велѣли только Посланнику скинушь и надѣшь свой плащъ. Но когда, на слѣдующій годъ, этошъ-же Посланникъ явился въ Іеддо, шушливый монархъ Японіи, видно, помня еще прошлогоднія гимнастическія забавы, пошребоваль, чтобы не перая времени, и даже не ошдохнувши, Голландцы явились забавляешь его. Они явились и принуждены были снимаешь свои плащи, стояешь, вершѣшься, пѣешь, плясаетъ, пришворяешь спорящими, привѣщивоваешь одинъ другаго. Все это чрезвычайно забавляло повелителя Японіи. Онъ хотѣлъ еще сверхъ того, чтобы ему представили, какъ приглашаюшь въ Голландіи обѣдаешь, какъ ошець говоришь съ сыномъ, мужъ съ женою. Для разнообразія комедіи, вывели къ Голландцамъ нѣ-

сколько дѣшей, которыхъ они должны были нянчить, носить на плечахъ, скакать, держа на рукахъ; заставляли ихъ снимать и надѣвать свои парики, спряхивать съ нихъ пудру, разсегивать и снова засегивать пряжки. Бѣдные Голландцы все исполняли, зная, что ихъ вовсе не думаютъ эшимъ унижать и смѣяться надъ ними. Самый знаменитѣйшій изъ Японскихъ вельможъ почелъ-бы себя счастливымъ, находясь на ихъ мѣстѣ, если-бы только великому сеугуну угодно было найдти его способнымъ для развлеченія высокой скуки своей въ праздные часы.

Въ оплату за угодливость добрыхъ гостей, повелитель Японіи приказалъ поподчивать иностранцевъ удивительнымъ пиромъ, на Японскій манеръ. Передъ каждымъ изъ гостей поставленъ былъ маленькій столикъ, съ различными блюдами, и съ маленькими костяными палочками, замѣнявшими ложки и вилки. Передъ каждымъ было еще положено по два маленькіе хлѣбца, по куску бѣлаго сахара, вишюскою сдѣланнаго, по пяши *кайноки* (родъ миндаля), по девяти ломшиковъ пирожковъ различныхъ соршовъ, одни изъ муки съ медомъ, другіе бобовые, сарачинскаго пшена, иные продолговатые, другіе квадратные, и нѣкоторыя наконецъ съ гербомъ даири. Последнимъ кушаньемъ явилось огромное блюдо, съ гороховою мукою и сахаромъ. Но все это составило только первую перемену блюдъ. На второй были вареная рыба, съ превосходнымъ соусомъ; усприцы, съ уксусомъ, въ своихъ раковинахъ; гусятина, разрѣзанная въ тоненькіе

ломшики , рыба жареная , яицы печеные. Пишье состояло единственно изъ превосходнаго сакки.

Послѣ посольства , при которомъ находился Кемпферъ, до того, которое описалъ Тунбергъ, не произошло ничего достойнаго памяти. Самый Тунбергъ, одинъ изъ обстоятельныхъ наблюдателей Японіи , говоритъ весьма немного о своемъ пребываніи въ Іеддо и событіяхъ при дворѣ Японскаго власишеля. Болѣе занятой медициною и естествознаніемъ , нежели эпикешомъ и дипломатіею , Тунбергъ даже не старался пробишья въ залу аудіэнціи, куда ввели одного посланника Фейша. Дверь закрывалась ковромъ. Зала составлена была изъ шрехъ часшей , одна выше другой спупенью, образуя въ совокупности около 45-ти фушовъ пространства.

Власишель Японіи находился въ глубинѣ залы , имѣя по правую руку своего наслѣдника. Послѣ исполненія предписаннаго привѣтствія, Посланникъ остановился на противоположной сторонѣ. Налѣво шянулась безконечная комната, безъ сомнѣнія, ша самая , которую называютъ Японцы *Сень-сіо-сикки* (отдѣленіе ша рогожекъ); въ ней находились знашые сановники государства , *ками* , или государственные чиновники , и всѣ были рядомъ , поставленные по ихъ званію и чину. Аудіэнція не была продолжительна. Едва только вошелъ посланникъ , при Японскіе офицера возвѣстили объ немъ, восклицаніями : « *Голланда капитана !* » Эпи слова , взяшыя изъ испорченнаго Поршугальскаго нарѣчія, вѣрояшно , означали : « Вашъ Голланд-

скій чиновникъ! » По эшимъ словамъ , Посланникъ принужденъ былъ спастъ на колѣни , просягивая правую руку въ рогожкѣ , и преклоняясь лбомъ въ землю. Послѣ шого долженъ онъ былъ выйдти , такъ , какъ пришелъ , не произнеся ни одного слова.

Таковы подробности , переданныя намъ Кемпферомъ и Тунбергомъ , о дипломатическихъ сношеніяхъ между Голландцами и Японскимъ Дворомъ. Безъ сомнѣнія , другія посольства немного описупали ошъ установленнаго порядка , и исторія одного посольства доспашочна для поясненія всѣхъ оспальныхъ.

Сношенія Японцевъ съ Россією представляюшъ напрошивъ нѣчто новое и не всѣмъ извѣстное. Около 1804 года , въ первый разъ , офиціальное посольство Русское явилось ошъ имени Россійскаго Императора въ Японіи. Оно было на кораблѣ *Надежда* , кошорымъ начальспвовалъ знаменишый Крузеншпернъ. Посланникомъ былъ камергеръ Рязановъ. Мы не упоминаемъ объ экспедиціи Русскаго чиновника Лаксмана , кошорый посланъ былъ ошвезти нѣсколько Японцевъ , преперпѣвшихъ кораблекрушеніе близъ Камчатки , и безуспѣшно спарался пришомъ завести переговоры и шорговлю съ Японією.

Русское посольство вспупило въ Нангазакскую гавань , и немедленно наложено было на Русскій корабль строгое запрещеніе , такъ , что ни одинъ изъ офицеровъ , ни даже самый Посланникъ не могли сойдти на землю. Только послѣ многихъ спо-

ровъ, позволено было наконецъ Рязанову, который былъ тогда боленъ, переправиться съ свитою своею на маленькій островокъ Мегазаки, укрѣпленное мѣсто, недалеко отъ Голландской факторіи на Дезима.

Въ день, назначенный для этой переправы, князь Физенъ, правитель области, послалъ свою собственную шлюпку для Русскаго посланника. Это была лодка, въ 120 фузовъ длиною, раздѣленная на три части тремя перегородками. Въ срединѣ находилось главное отдѣленіе, расположенное на маленькія комнаты ширмами, изъ шелковыхъ, лилового цвѣта тканей, съ гербами князя Физена. Стѣны, покрытыя лакомъ, представляли такіе-же гербы, изъ золотой мозаики. Покрышка шлюпки, изъ превосходной ткани, лаковый полъ, устланный рогожками, дополняли убранство, и особенно той комнаты, гдѣ помѣстились Посланникъ и его главные чиновники. Когда великолѣпная эта шлюпка опвалила отъ корабля, и пушечными выстрѣлами съ береговъ поздравляли опвалъ ея, зрѣлище было прекрасно.

По прибытіи на берегъ, Посланникъ занялъ назначенный ему домъ. Домъ этотъ, на половину ружейнаго выстрѣла отъ берега, былъ деревянный, состоялъ изъ девяти небольшихъ комнатъ, очень плохо меблированныхъ. Снаружи походилъ онъ на деревянный сарай, выстроенный кое-какъ, безъ всякой стройности. Небольшой навѣсъ прикрывалъ отъ непогоды двухъ часовыхъ, охранявшихъ входъ къ Посланнику. Полъ во внутреннихъ

покояхъ былъ покрытъ новыми рогожками, но вся мебель заключалась въ широкихъ мѣдныхъ жаровняхъ, служившихъ вмѣсто печей. Въ окна вставлены были плохія рамы, заклеенныя бумажными лиспками, даже непромазанными масломъ.

Здѣсь-то помѣстили Русское посольство, огородивъ жилище его палисадомъ, который продолжался до самаго моря, такъ, что лодки подплывали къ берегу между двумя рядами бамбуковой загородки. Ворота, съ двойнымъ замкомъ, замыкали входъ съ моря, и не лзя было ни войдши, ни выйдши безъ позволенія банжо, у которыхъ находились ключи отъ замка воротъ.

Запершой въ столь неудобномъ жилищѣ, подъ несшерпимымъ надзоромъ, Русскій Посланникъ принужденъ былъ пять мѣсяцевъ ждашь отвѣта на вопросы, посланные касательно его въ Іеддо. Наконецъ, послѣ пяти мѣсяцевъ ожиданія, прибылъ въ Нангазаки одинъ изъ знатнѣйшихъ Японскихъ чиновниковъ, съ офиціальнымъ полномочіемъ, принявъ Русскаго посланника на аудіэнціи, и говорить съ нимъ о томъ, зачѣмъ прибылъ онъ въ Японію.

Апрѣля 4-го, Посланникъ, по назначенію Японскихъ чиновниковъ, отправился изъ Мегазаки, опять въ великолѣпной шлюпкѣ князя Физена, и присталъ къ берегу въ настоящемъ Нангазаки, гдѣ ожидалъ его великолѣпный норимонъ. Долго спорили предварительно объ эпикешѣ, пока условились въ немъ кое-какъ. Рѣшительно отказавшись

отъ всякаго прошивнаго Европейскимъ обычаемъ привѣшсвiя, Русскій Посланникъ принужденъ былъ однакожь согласишься снятъ съ себя башмаки и опдаться шпагу, при входѣ въ залу аудіэнціи.

По всѣмъ улицамъ города, гдѣ вели Рускихъ, дома были закрыты коврами, съ гербами Японскими, и шакъ при томъ, что невозможно было видѣть ни домовъ, ни жишелей. Изрѣдка только высмавлялись кое-гдѣ головы изъ-за торжесшвенной закрышки улицъ.

Вошъ какъ сосмавлялось шесшвіе посольсшва: впереди высшупали сорокъ человекъ Японцевъ, различныхъ званій, и между ними много банжо, сопровождаемыхъ своими служшшелями. Пошомъ шли Японскіе солдашы, безъ ружей, вооруженные только палками. За шѣмъ являлся норимонъ Посланника, несомый восьмью человекъ, и за нимъ шель Русскій знаменосецъ; пошомъ чиновники посольсшва, шолпа гражданскихъ Японскихъ чиновниковъ, банжо и шолмачей; наконецъ, въ заключеніе, человекъ двадцать Японскихъ солдашъ, въ предшесшвіи офицера верхомъ, и за ними шолпа нисшихъ Японскихъ офицеровъ и слугъ ихъ.

Скинувъ съ ногъ башмаки свои, Посланникъ, съ своею свшшою, пошелъ по длинному переходу, въ комнашу, спѣны кошорой были убраны красивыми ландшафтами. По срединѣ комнашы находилось все пошребное для куренья шабаку — шрубки, коробка съ шабакомъ, зажженная жаровня, и даже плевальница. Началось куренье, а пошомъ гостей поподчивали чаемъ. Послѣ получасоваго

отдыха, Посланникъ вступилъ въ залу аудіэнціи , только съ двумя старшими чиновниками. Полномочный министръ Іеддскаго Двора сидѣлъ уже на рогожкѣ среди этой обширной почешной залы. Разговоръ начался съ его стороны множествомъ вопросовъ , весьма грубыхъ. Подробныя объясненія о дѣлѣ опложены были до второй аудіэнціи , которая совершилась на другой день. При этомъ вторичномъ свиданіи, уполномоченный Японскій передалъ Русскому Посланнику , изъ своихъ рукъ , съ приличнымъ обрядомъ, весьма любопытную бумагу, образчикъ ловкаго ухищренія и дипломатической логики Японцевъ , который, впрочемъ, сдѣлалъ-бы честь и нашей Европейской дипломатіи , столько опытной въ дѣлахъ подобнаго рода. Вотъ « содержание » ноты Японскаго Двора :

« Въ прежнія времена , корабли всѣхъ народовъ свободно приходили въ Японію , и сами Японцы имѣли позволеніе посѣщать чуждыя земли. Но уже болѣе ста пятидесяти лѣтъ тому, какъ предокъ Японскаго власишеля повелѣлъ не позволять подданнымъ выходить за предѣлы государства , а въ государство позволять пріѣздить только Китайцамъ, Голландцамъ , Корейцамъ и жишелямъ острова Ринкина. Въ послѣдствіи , торговля съ двумя послѣдними изъ означенныхъ народовъ была прекращена , и сношенія торговыя ошались только съ Китайцами и Голландцами. Многіе народы, въ различные времена, старались установить связи дружбы и торговли съ Японією, но были отвергаемы , въ силу запрещенія , издревле сдѣланнаго , и по-

тому, что опасно установитъ дружескія сношенія съ неизвѣстнымъ государствомъ, когда такія сношенія не утверждаются на основаніяхъ равенства. Дѣйствительно, дружба подобна цѣпи, которая, для достиженія къ цѣли особенной, должна состояться изъ опредѣленнаго числа колецъ. Если одна только часть цѣпи крѣпка, а все остальное слабо, то скорѣ увидимъ слабѣйшія кольца распоргнутыми. Слѣдовательно, цѣпь дружбы будетъ всегда невыгодна слабѣйшимъ частямъ. Тринадцатъ лѣтъ тому, Русскій корабль, подъ начальствомъ лейтенанта Лаксмана, пришивалъ къ берегамъ Японскимъ. Теперь другой корабль прибылъ въ Японію, съ Посланникомъ великаго повелителя Россіи. Первый былъ встрѣченъ съ нѣкоторою недовѣрчивостію, но второй дружески. Властиитель Японіи охотно исполнилъ то, что было ему возможно, и что согласно съ законами его государства. Ему пріятно видѣть прибытіе втораго Русскаго корабля, какъ доказательство высокой дружбы, которую чувствуетъ къ нему повелитель Россіи. Великій государь Русскій прислалъ къ нему Посланника и много драгоценныхъ подарковъ. Если приметъ то и другое, то повелитель Японіи долженъ, по обычаямъ своей земли, отправить отъ себя посольство къ Русскому государю, съ подарками одинаковой цѣнности. Но закономъ утверждено, чтобы ни одинъ корабль и ни одинъ человекъ не выходили изъ Японіи. Съ другой стороны, Японія такъ бѣдна, что не можетъ представить ничего столь драгоценнаго, чтобы

равнялось съ подарками Русскаго Государя. Посему, повелитель Японіи рѣшительно не можетъ, ни принять Русскаго посланника, ни взять отъ него подарковъ. Потребности Японіи невелики, и произведенія иностранныя для нея мало нужны. Если небольшого количества предметовъ истинно-полезныхъ недоспаетъ въ Японскомъ государствѣ, и если привычка сдѣлала для Японіи необходимыми нѣкоторыя потребности, торговля съ Голландцами и Китайцами доспашочно доставляетъ все это, а дальнѣйшая роскошь не есть такое дѣло, которому должно покровительствовать. Весьма трудно было-бы устроить здѣсь обширную торговлю, ибо законъ строго воспрещаетъ всякое сообщеніе между Японскимъ народомъ и иностранцами мореходцами.»

Эта объяснительная нота составляла все, чѣмъ властитель Японіи отвѣтствовалъ на предложенія Русскихъ. Сколько ни старался Рязановъ, онъ ничего не могъ услышать отъ уполномоченнаго Японскаго, чѣмъ удалялось отъ буквального смысла объяснительной ноты. Надобно было отправляться обратно, и въ Апрѣлѣ 1805 года, Рязановъ оставилъ Японію, весьма недовольный Японцами, и Голландцами, которыхъ, безъ сомнѣнія, должно было считатьъ главною причиною неудачи.

Корабль *Надежда*, оставивъ Нангазаки, посѣтилъ Русскія селенія въ Америкѣ. Рязановъ возвратился пошомъ въ Россію черезъ Сибирь. Но онъ не доѣхалъ до Пешербурга, и умеръ на пути, въ маленькомъ Сибирскомъ городкѣ, Красноярскѣ. Че-

резъ нѣсколько времени попомъ, двое Русскихъ морскихъ офицеровъ, Хвостовъ и Давыдовъ, на двухъ небольшихъ судахъ, обозрѣвали Курильскій архипелагъ, который длинною цѣпью простирается отъ Камчатки до самой Японіи. Мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о подробностяхъ этой экспедиціи. Знаемъ только, что Хвостовъ и Давыдовъ нашли Японскія селенія на островахъ, считавшихся подвласными Россіи. Дѣйствуя вооруженною рукою, съ горстью людей, они раззорили эти селенія, откуда бѣжали Японцы, послѣ нѣкотораго сопротивленія. По возвращеніи Хвостова и Давыдова въ Россію, все дѣло это казалось забытымъ, когда мщеніе Японцевъ возобновило его самымъ непріятнымъ образомъ.

Въ Апрѣлѣ 1811 года, по еспѣ, лѣтъ шестѣ спустя послѣ отбытія Рязанова изъ Нангазаки, Русскій капитанъ Головинъ былъ отправленъ для обозрѣнія Курильскихъ острововъ и береговъ Монголіи. Онъ начальствовалъ шлюпомъ *Дианою*, и исполнивъ предписанія Правительсва, зашелъ въ селенія Японцевъ на Курильскихъ островахъ. Здѣсь увидѣлъ онъ непріязненное расположеніе мѣснаго Японскаго начальсва, хотѣлъ объясниться съ правителемъ селеній, и въ доказательсво мирнаго расположенія, самъ отправился для переговоровъ. Нарушая всѣ народныя права, Головина захватили, и какъ плѣнника, отправили на островъ Машмай. Корабль принужденъ былъ отплыть въ обратный путь безъ своего начальника, хотя оставшійся на кораблѣ лейтенантъ Рикордъ сильно спорилъ съ

Японцами объ ихъ насильственномъ поступкѣ, и даже принимался спрѣлять изъ пушекъ. Впрочемъ, насильственные мѣры были-бы здѣсь бесполезны, потому, что Головинъ и его товарищи уже находились въ это время на многолюдномъ Маппаѣ, куда невозможно было появиться съ небольшимъ кораблемъ. Но благородный Рикордъ, оставляя враждебную землю Японскую, поклялся, что возвратитъ свободу своему капитану. И дѣйствительно, послѣ этого, казалось, онъ существовалъ только для исполненія своего великодушнаго намеренія.

Въ Августѣ слѣдующаго года, Діана, подѣ начальствомъ Рикорда, снова явилась близъ Японскихъ селеній, съ большими силами, и съ полномочіемъ вести переговоры. Планъ освобожденія Головнина состоялъ однакожь не въ томъ, чтобы принудить Японцевъ къ согласію вооруженною рукою. Рикордъ старательно искалъ случая освободить своего товарища, и послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ отдохнѣ и переговорахъ, встрѣтился такой случай. Видя непреклонное упорство Японскаго начальства, онъ захватилъ Японскій корабль, съ шестьюдесятью людьми экипажа. Капитанъ этого корабля, по имени *Каша*, и нѣсколько Японцевъ, увезенныхъ Рикордомъ въ Камчатку, должны были оставаться заложниками въ безопасности Головнина.

Только при вторичномъ путешествіи Рикорда, и послѣ новыхъ продолжительныхъ переговоровъ, устроилось наконецъ дѣло. Діана появилась въ

1813 году уже подлѣ острова Маппа. Переговоры начались съ шамошнимъ правишелемъ, при посредствѣ Каши. Въ Іеддо безпрестанно отправлялись курьеры и нарочные. Рикордъ говорилъ споль сильно и упорно, что изъ столицы Японской прислано было наконецъ повелѣніе оппустить Русскихъ плѣнныхъ. Октября 6-го 1814 года, послѣ двухъ съ половиною лѣтъ помленія въ неволѣ, капишану Головнину возвращили свободу, и эшимъ единственнo обязанъ онъ былъ дружбѣ своего благороднаго лейтенанта Рикорда. Немало также споспѣшествовало успѣху великодушіе честнаго Каши, Японца, взятаго въ плѣнъ Рикордомъ; поведеніе его во все время переговоровъ было превосходно.

Но, между шѣмъ, хошя благосклонный пріемъ и общанія дружбы послѣдовали за освобожденіемъ Головнина, хошя Рускихъ пріятельски принялъ послѣ того правишель Маппа, и не принуждалъ даже на аудіэнціи сниматьъ обуви—ушупка неслыханная и величайшая! — все таки однакожь, Рускіе ничего не пріобрѣли опъ своихъ сношеній съ Японцами. Земля Японская была снова зашворена имъ, и романическое приключеніе Головнина оспалось случайнымъ событіемъ въ исторіи Россіи и Японіи.

Только Голландцы изъ всѣхъ Европейцевъ оспаются донынѣ единственными обладашелями шорговой монополіи съ Японцами. Только имъ однимъ одолжены мы, въ слѣдствіе сего, и всѣми географическими новѣйшими свѣдѣніями объ Японіи. Сочиненіе Головнина, смопрѣвшаго на Японію сквозь

рѣшеніи Хакодадской темницы своей на Машмаѣ, составлено изъ слуховъ и разсказовъ, повѣренныхъ по возвращеніи въ Россію съ прежними описаніями Японіи. Лучшее изъ всѣхъ новѣйшихъ извѣстій доставлено въ Европу Голландцемъ Типпингомъ, долгое время бывшимъ въ должностяхъ правителя Нангазакской факторіи Голландцевъ. Многого еще можно теперь ожидать отъ сочиненія Зибольда, который долго жилъ въ Нангазаки, нѣсколько разъ ѣздилъ въ Іеддо, и по возвращеніи въ Европу соединился съ ученымъ Клапропомъ, для передачи любопытству публики результатовъ своихъ продолжительныхъ и обширныхъ изслѣдованій.

ГЛАВА XLIV.

ЯПОНІЯ. ОБЩІЙ ВЫВОДЪ. ГЕОГРАФІЯ, ИСТОРІЯ: НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ, ПРАВЛЕНІЕ, ЗАКОНЫ, НРАВЫ, ОБЫЧАИ, ХАРАКТЕРЪ, ЗНАНІЯ, ИСКУСТВА, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ТОРГОВЛЯ, РЕЛИГІЯ.

Японія, находясь между 29° и 41° шир. сѣверной, и 127° и 141° долгошы южной (опъ Парижскаго меридіана), состоишь изъ архипелага, главные острова котораго суть: *Нифонъ*, *Къузъу* и *Сикокфъ*. Можно почиташь отдѣльною областью *Матмай*, островъ, находящійся на сѣверъ опъ Нифона, прилежащій къ Курильскимъ островамъ, хотя собственно эшопъ островъ включается въ область *Мутсъ*, или *О-Съу*, на Тозандо. Японское государство дѣлишя на десять до, или отдѣленій, весьма неравныхъ пространствомъ и народонаселеніемъ. За исключеніемъ двухъ изъ нихъ, состоящихъ изъ небольшихъ острововъ *Ики* и *Тзу-Сима*, восемь остальныхъ подраздѣляющя на множество кокфъ, или частей, которыя опять дѣляшя на

уѣзды, или *кори*.—*Гокинай*, первое отдѣленіе, состоящее изъ пяти частей, образующихъ собственность *даири*, такъ, какъ *гокозіо* есть собственность *сеугуна*. Обширный островъ *Нифонъ* заключается въ себѣ: *Гокинай*, *Токайдо*, *Тозандо*, *Фокурокудо*, *Саниндо*, *Саніодо*, *Нанкайдо*. Островъ *Ики*, островъ *Тзу-Сима*, и область *Матмай*, съ подраздѣленіями земли *Іеззо*, южными *Курильскими* островами, и островомъ *Такакай*, дополняютъ означенную здѣсь географическую номенклатуру, самую новѣйшую и самую исправную, какая только намъ извѣстна. Поставленная такимъ образомъ между *Океаномъ* и *Японскимъ моремъ*, *Японская земля* отдѣляется на западъ, отъ *Кореи*, проливомъ *Тзу-Сима*, а на сѣверъ, отъ *Іеззо*, проливомъ *Тзу-Гаръ*, или *Сангарскимъ*, какъ называютъ его *Европейцы*.

Названіе: *Японъ*, *Жапонъ*, *Жапанъ*, какъ произносятся различно *Европейцы*, или *Нифонъ*, какъ произносятся *шумецы*, первоначально происходитъ отъ *Китайскаго* слова: *Джифонъ*, значащаго: *рожденіе солнца*. Славный *Маркъ-Павелъ* называетъ *Японское* государство *Зипангу* (а не *Зипангри*, какъ находимъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ его книги); это *Китайское* названіе: *Жи-пенъ-куе* (царство происхожденія солнца). Однимъ изъ древнѣйшихъ именъ *Японіи* было *Уо*, или *Іамато*, по-*Китайски* *Го*, и оно гораздо древнѣе названія *Япона*. Основатель *Японской монархіи*, по преданію *шумецевъ*, наименовалъ большой островъ *Аки-тзу-тзима* (ос-

провъ спрекозы), будпо-бы пошому, что онъ походитъ видомъ на это насѣкомое.

Три главные острова Японскаго архипелага, и особливо *Нифонъ*, вообще покрыты высокими вулканическими горами. По длинѣ Нифона, на 300 лѣ отъ С. В. къ Ю. З., проходитъ цѣпь горъ, копорыхъ вершины почти всѣ одинаковой вышины, и пересѣкающа только отъ одного мѣста до другаго пиками, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ. Эта цѣпь горъ дѣлитъ рѣки, текущія въ Океанъ, на воспокъ и югъ, отъ текущихъ на сѣверъ, въ Японское море. Но высочайшая изъ горъ Японскихъ не принадлежишь однакожъ къ сей цѣпи: это *Фузино-Іама*, безмѣрная пирамида, увѣнчанная снѣгами и ледниками, копорые прошивающа самому палящему зною Японскаго лѣта. Гора эта находится въ области *Суру-Іа*, на предѣлахъ области *Кай*. На вершинѣ ея жерло волкана, главнѣйшаго и самаго дѣятельнаго изъ всѣхъ огнедышащихъ горъ Японскихъ.

Составленная единственно изъ острововъ, Японія не можешъ имѣть длинныхъ и широкихъ рѣкъ. Важнѣйшія находяща на Нифонѣ, въ западной части этого острова, гдѣ плоскость обширнѣе другихъ. Здѣсь текутъ: *Іодо-Гава*, выходящая изъ внутренняго озера *Бива-но-митзу-Уми*, и впадающая въ заливъ Осакискій; *Кизо-Гава*, *Тенріо-Гава* (рѣка небснаго дракона), впадающая въ море премо устьями; *Каманафи*, раздѣленная до самаго истока на два рукава, отдѣльно текущія; *Ара-Гава*, одинъ рукавъ копорой протекаетъ черезъ

Иеддо, подѣ славнымъ Нифонбасомъ ; Уками-Гава , Фигами-Гава , Казаба-Гава, и Могами, главная изъ рѣкъ области Дева , соединеніе множества испочниковъ, нисходящихъ съ снѣжныхъ горъ Мутскихъ.

Изъ всѣхъ озеръ въ Японіи, самое значительное и самое глубокое Бива-но-митзу-Уми, о которомъ упомянуто выше. Его изображаютъ на Европейскихъ картахъ подѣ именемъ озера Oitz. Происхожденіемъ своимъ обязано это собраніе водъ вулканическому явленію , котораго время и подробности сохранились въ Японскихъ лѣтописяхъ. « Въ 285 году до Р. Х. », говорятъ онѣ, « чудное пониженіе большаго пространства земли образовало въ одну ночь обширное хранилище прѣсной воды. Но въ ту-же ночь и въ тѣ-же часы вышла изъ нѣдръ земли Фузи-но-Іама , высочайшая изъ горъ Японскихъ, находящаяся въ области Суру-Іа. Въ 82 году до Р. Х., изъ глубины озера появился большой островъ Тзи-ку-го-Сима, и донынѣ обитающій на озерѣ , длина котораго будетъ около $72\frac{1}{2}$ Англ. миль, и $22\frac{1}{2}$ миль ширины, въ самомъ обширномъ пространствѣ. »

Хотя вся Японія находится въ умеренныхъ широтахъ, но она не наслаждается однакожь столь благораспореннымъ климатомъ , какъ можно-бы подумашъ, посмотри на карту. Соответствуя положеніемъ своимъ Испаніи, Италіи, Сициліи, Японія совсѣмъ не имѣетъ, подобно имъ, умеренныхъ холодовъ зимою, и солнечныхъ лучей, столь усладительныхъ лѣтомъ. Брошенная среди безднъ Океана, прозваннаго въ этой сторонѣ моремъ тумановъ,

открытая холоднымъ вѣтрамъ, дующимъ съ Татарскаго материка, незакрытая никакими Пиринеями, подобно Испаніи, никакими Альпами, подобно Италіи, Японія нерѣдко страдаетъ отъ холода въ Январѣ, Февралѣ и Маршѣ, отъ ужасныхъ бурь въ эпоху равноденствія, и отъ дождливой непогоды въ Іюнѣ, Іюлѣ и Августѣ.

Тусземцы, населяющіе Японскій архипелагъ, кажутся, по нѣкоторымъ сходственнымъ чертамъ, принадлежащими къ племенамъ, населяющимъ Китай и Татарию. Между тѣмъ, дѣйствіемъ-ли продолжительнаго отдѣленія ихъ, или отъ другой какой нибудь неизвѣстной причины, между Японскими островами и народами ближайшаго материка есть различія, которыхъ нельзя не признавать. Въ этомъ отношеніи можно послушать мнѣнія ученаго изслѣдователя, голосъ котораго достоинъ уваженія, именно, Клапроша. Вотъ что говоритъ онъ :

« Поколѣніе Японское, съ перваго взгляда, похоже на Кишайцевъ, лицомъ и внѣшностью; но тщательнѣе сличая и изслѣдуя характеристическія черты сихъ двухъ племенъ, легко замѣшишь различіе между ними. Я самъ занимался такимъ изслѣдованіемъ, бывши на предѣлахъ Кишайскаго государства, имѣвши случай встрѣчаться Кишайцевъ и Японцевъ. Глаза Японцевъ, хотя просянушые такъ-же косо, какъ глаза Кишайцевъ, между тѣмъ шире къ носу, и рѣсницы кажутся у нихъ поднятыми къверху, когда глаза бывають открыты. Волосы Японцевъ

собственно не черные, но темные; у дѣтей, менѣе 12-ти лѣтъ, находите всѣ другіе опшѣнки, даже льнянаго цвѣта, и есть Японцы съ волосами совершенно черными и почти курчавыми, съ глазами совершенно косыми и кожею весьма темною. Въ нѣкоторомъ разстояніи, цвѣтъ кожи у людей нисшихъ званій кажется желтымъ, почти такимъ, какъ цвѣтъ сыра; въ горожанахъ находятъ различіе цвѣтовъ кожи, смотря по образу жизни, а въ черногахъ знаемыхъ Японцевъ нерѣдко встрѣшите женщинъ столь бѣлыхъ, и съ такимъ живымъ румянцемъ, какъ Европейскія женщины. Съ другой стороны, бродяги по дорогамъ опшчаются цвѣтомъ кожи между мѣдью и темною землею. Это вообще цвѣтъ всѣхъ поселянъ Японскихъ, особливо на шѣхъ частяхъ шѣла, которыя наиболѣе подвержены дѣйствію солнечныхъ лучей.

«Различное происхожденіе Кишайцевъ и Японцевъ совершенно подтверждается языкомъ Японскимъ, въ которомъ всѣ корни совершенно различаются отъ коренныхъ словъ, какія встрѣчаемъ въ языкахъ сосѣдей Японіи. Хотя Японцы приняли значительное число словъ Кишайскихъ, но сіи слова не составляющъ части языка существенно коренной; они введены переселеніями Кишайцевъ, и особливо Кишайскою липперашурою, послужившею основой для липперашуры Японской. Корни Японскихъ словъ столь-же мало походятъ на Корейскіе, и совершенно чужды они языкамъ *Аиновъ*, или *Курильцевъ*, обитающихъ на *Іеззо*. Наконецъ, Японскій языкъ не предшавляетъ никакого срод-

ства съ языкомъ Манджуровъ и Тунгузовъ, занимающихъ материкъ Азіійскій противъ Японіи.»

Таково мнѣніе Клапроша, и съ нимъ согласенъ Малшебрюнъ, почитающій Японцевъ *аборигенами* ихъ земли, народомъ переходящимъ за предѣлы жилищельной исторіи. Другіе опровергали мнѣніе двухъ упомянутыхъ нами ученыхъ, и спояли за единородство Кишайцевъ съ Японцами. Для этого ссылались на сходство общихъ чертъ внѣшности, бришье головъ, косые глаза, плешушку на верху головы, множество одинакихъ обычаевъ, образованность, почти однообразную и однородную, промышленность одинаковую, производящую иѣ-же предметы, касательно необходимоспи и роскоши. Во всемъ этомъ, и въ множествѣ другихъ подробностей, находили единство происхожденія обоихъ народовъ. Различіе физическаго шипа объясняли противоположноспью образа жизни и климата. Различіе языковъ старались располковашъ пошерееу первобытнаго, общаго обоимъ народамъ языка, части котораго однѣ сохранились у Кишайцевъ, другія у Японцевъ. Ссылались еще, для объясненія различій, на вторженія Монголовъ въ Кишай, и на то, что обласпное нарѣчіе можетъ совершенствовашъся, и составишъ опдѣльно образованный языкъ. Вообразите, что колонія Брешанскихъ мужиковъ населила архипелагъ какой нибудь, образовала, облагородила свое нарѣчіе—по эпимологическимъ разысканіямъ, оно оказалось-бы, послѣ перехода въ полный языкъ, вовсе чуждымъ языку Французскому. Дѣлишъ до безконечности самобыш-

ность родовъ (говорящъ намъ), пошому шолько, что есшъ ошпѣнки различій между народами , не значиптъ-ли эшо веспи нась въ совершенный хаосъ этнографическиххъ изысканій , и безъ шого уже споль перепутанныххъ , что гораздо лучше поспарашься шеперь соединяшъ , нежели раздѣляшъ народы, и связывашъ ихъ взаимно , нежели разъединяшъ болѣе и болѣе. Изъ всего , и изъ множесшва другиххъ подробностей , копорья долго было-бы излагашъ , заключающъ такъ , что семейсшво Китайскиххъ народовъ (очевидное ошдѣленіе и смѣсь другиххъ) представляешъ своиххъ родичей въ шомъ кругѣ, который должно обводишъ около *Китая* , включая сюда *Японію* и *Корею* , и смѣшенные ошрывки копораго видимъ въ *Тонкинѣ*, *Кохинхинѣ* , и ошчаспи въ *Сіамѣ*. Здѣсь мѣсто *Китайскаго* племени, рѣзко ошличеннаго среди другиххъ племенъ , каковы : *Индійское* , *Манджурское* , *Малайское*, уже не имѣющія никакого, ни близкаго, ни ошдаленнаго сродсшва съ *Кишамъ*.

Не зная, какъ рѣшишъ весь эшомъ споръ о происхожденіи Японцевъ, я довольсшвуюсь шѣмъ, что изложилъ сущность его.

Какъ у всѣххъ другиххъ народовъ , у Японцевъ , была своя баснословная исторія. Туземныя лѣтописи ушверждающъ, что Японскій архипелагъ сначала управлялся семью какими-шо богами, или духами небесными. Трое первоначальныххъ, изъ числа эшиххъ боговъ, родились сами собою; чешыре осшальные имѣли женъ. За эшими небесными царями слѣдовало пять земныххъ геніевъ , изъ копорыххъ пер-

вымъ была дочь солнца, по имени *Тен-сіо-дай-синь*, то есть, великая богиня ясности. Это главное божество, изъ обожаемыхъ донынѣ въ Японіи, а особенно въ обласи Изе, гдѣ полагають ея постоянное пребываніе. Японцы вѣряють, что ихъ *даири*, или духовные государи, происходятъ отъ *Тенъ-зіо-дай-сины*, и слѣдственно, что они суть неземнаго происхожденія. Династія *даириевъ* началась за 660 лѣтъ до Р. Х., отъ *Зинъ-Му* (духовнаго воишеля). Являсь откуда-то съ западныхъ береговъ, онъ покорилъ всю Японію, за исключеніемъ сѣверной оконечности, кошорая долгое время послѣ сего была еще занята аборигенами, называвшимися *Иеви*.

Съ *Зинъ-Му* начинается лѣтописная исторія Японіи. Общее мнѣніе то, что *Зинъ-Му* былъ Китайскаго происхожденія. Онъ образовалъ въ Японіи общественность, и мало по малу, передъ успѣхами земледѣлія и промышленности, принуждены были уступить ему варварскія племена, заселявшія тогда Японію. Переселенія Китайцевъ на Японскій архипелагъ происходили нѣсколько разъ и въ разныя времена. Лѣтописи Китайскія повѣствуютъ, на примѣръ, что около 4495 года до Р. Х., обишатели восточнаго Китая, угнетаемые богдыханомъ *Ву-И*, переправились въ большомъ количествѣ, мужчины, женщины и дѣти, на ближніе острова, гдѣ и основали селенія. *Зинъ-Му* слѣдовалъ попомъ, вѣроятно, съ значительною толпою искашелей приключеній, ибо иначе трудно было бы объяснить, какъ могъ онъ одинъ завоевать

Японскія земли. Послѣ Зинъ-Му являлись еще новыя колонисты, между прочимъ при спа паръ молодыхъ юношей и дѣвушекъ, по разсказу явно аллегорическому, посланныхъ будпо-бы опъ богдыхана Тзинъ-ши-гуангъ-ши, подъ начальствомъ Зико-Фука (Зинъ-Фу), искуснаго врача, на небывалый островъ *Фо-рай-Сунъ*, искать тамъ воды безсмертія. Лѣтопись присовокупляетъ, что послѣ тщетнаго исканія острова и драгоцѣннаго пища, Зико-Фукъ приспалъ съ своею дружиною къ Японіи, въ 209 году до Р. Х. — Предводишель юныхъ Кипайскихъ переселенцевъ умеръ и погребенъ здѣсь, на горѣ *Фузи-но-Іама*, и какъ онъ принесъ въ Японію знанія и науки, бывшія дошолъ въ ней неизвѣстными, то послѣ смерти его воздали ему почести божества.

Опдѣляя опъ всѣхъ эпихъ разсказовъ баснословную часть ихъ, можно извлечь два положительныя заключенія, изъ коихъ первое то, что нынѣшніе обитатели Японіи, какъ-бы ни думали объ нихъ Клапрошъ и Мальшебрюнъ, едва-ли аборигены шужемные, и по крайней мѣрѣ, что первобытныя племена шужемцевъ Японскихъ перемѣшаны были съ переселенцами Кипайскими. Зинъ-Му, при спа паръ юношей и дѣвушекъ Зико-Фука, и колоніи другихъ временъ, должнышвовали составлять большія дружины и толпы многочисленныя, ибо иначе не могли онѣ воспоржесшвовать надъ первобытными дикарями Японіи. Здѣсь происходило то-же, что вездѣ — образованные колонисты подчинили себѣ племена первоначальныхъ дикарей. Второе заключе-

ніе явно изъ всѣхъ разсказовъ—одинаковое происхожденіе нынѣшнихъ жителей Японскаго архипелага и народовъ Кипайскаго материка. Не смотря на сильныя противорѣчія, это почти неоспоримый выводъ историческаго разсказа. Если только допустить вѣроятность Японской повѣсти о завоеваніяхъ Синъ-Му, вопросъ о происхожденіи Японцевъ оказывается рѣшеннымъ.

Во всякомъ случаѣ, Синъ-Му должно почесъ основателемъ династіи Японскихъ государей, наследники копорыхъ донынѣ сохранили въ Японіи власть духовную. Первоначально сіи власпишели соединяли въ особѣ своей всѣ власпи, гражданскія, политическія, военныя, религіозныя, были въ одно время полководцами и пиншифексами, законодателями и папріархами. Государспивенное образованіе Японіи, кажешся, соспавляло въ древнѣйшія времена правленіе чисто феодальное, и форма эпатакъ усвоилась Японіи, что по наружности продолжается она даже до сихъ поръ. Японія была раздѣлена между множесствомъ маленькихъ владѣшелей, подчиненныхъ главному власпишелю, но независимыхъ одинъ отъ другаго. Пошомки Синъ-Му оставались въ этомъ положеніи до конца XII-го вѣка, почти неограниченными монархами Японскими. Но изнѣженные мало по малу владычесствомъ мирнымъ и безспорнымъ, они допустили управлять отъ своего имени *кубо*, или *сеугуновъ*, начальниковъ войска, повелѣвавшихъ въ то-же время народною милиціею. Вскорѣ эти сеугуны сдѣлались шѣмъ-же, чѣмъ были у насъ во Франціи *Палатные Меры*, при

нашихъ *Rois fainéans*. И когда , наконецъ , около 1190 года , сеугунъ *Йоритомо* , изъ рода *Гхензи* , послѣ продолжительнаго междоусобія , спасъ царствовавшаго тогда даири отъ честолюбивыхъ намѣреній бунтовщика *Фейке* , побѣдишю дали титулъ равный генералиссимусу , и мѣстомъ пребыванія его назначили *Кама-кура*.

Съ эшою эпохи началось преобладаніе сеугуновъ. Но полное похищеніе ими власпи законныхъ государей совершилось однакожь не ранѣе XVI-го вѣка. Съ тѣхъ поръ спали существовать въ Японіи два государя, одинъ по имени, другой на дѣлѣ, *Даири* и *Кубо*. По своему божественному происхожденію, даири для Японцевъ составляетъ неизмѣнный предметъ религіознаго благоговѣнія, утвержденный вѣками. Даири , царствовавшій въ 1822 году , считался 121-мъ потомкомъ *Зинъ-Му*. Можно подозревать шую большую обманъ. Имя *даири* , что значить *внутренность дворца* , и запрещеніе называть его другимъ какимъ нибудь именемъ , показывающъ недостоверность продолжительнаго родословія Японскихъ монарховъ. Что касается до сеугуновъ , Японцы не скрываютъ , что поколѣніе *Йоритомо* давно прекратилось въ эшомъ высокомъ званіи. Нынѣ царствующая династія ихъ началась только съ 1585 года , и предокъ ея первый перенесъ пребываніе кубо въ *Іеддо*.

Даири никогда не оставляетъ своего пребыванія въ *Міако*. Эшо вѣчная шюрма его. Гарнизонъ , содержимый сеугуномъ , сдерживаетъ знаменитаго плѣнника , и позволяющъ ему выходить изъ дворца его

только въ храмы , и то въ установленные праздничные дни. Никакой государственный доходъ не поступаетъ въ казну даири , и пошому гражданскій соправитель великодушно снабжаетъ его деньгами на содержаніе его великолѣпнаго Двора. Это дополняется еще нѣкоторыми предоставленными даири средствами дохода : духовныя званія , всѣ подчинены его выбору , но онъ не отдаетъ ихъ даромъ , а продаетъ. Онъ продаетъ также почешныя званія щеславной знаши Японской , и иногда даже самому сеугуну , которій , изъ политической предосторожности , поддается безвредной прихоши своего сотоварища. Словомъ — деньги , шишулы , знаки опличія , все это въ изобиліи отдано духовному владыкѣ Японіи , но за то щастельно удаленъ онъ отъ всякаго политическаго вліянія , и отъ всякой исполнишельной власпи. Единственное недвижимое владѣніе , оставленное ему , составляетъ городъ Міако , съ округомъ. Чтобы развлечь чѣмъ нибудь скуку заключенія , и отврапишь даже самую легкую мысль о возвращеніи власпи , постарались бѣдному даири предписатьъ тяжкій образъ жизни , совершенно занятой церемоніяломъ и непрерывнымъ эпикешомъ. Даири не только священная особа для всѣхъ , но онъ священъ въ собственномъ своемъ мѣнѣи , и ему спрочайше запрещается почищать себя принадлежащимъ къ людямъ смершнымъ и преходящимъ. Онъ обязанъ величать себя богомъ , говоришь , дѣйствовать , какъ богъ , и не только передъ народомъ , но и во дворцѣ своемъ , передъ своими при-

ближенными , даже оспаваясь одинъ. Если опъ всего эшого онъ несовершенно сходитъ съ ума, то, по крайней мѣрѣ, долженъ помѣшаться. Вѣря, что онъ богъ, бѣднякъ не спанетъ уже увлекайся ничтожнымъ честолубіемъ земли, необходимо долженъ презираетъ все земное величіе , и предославитъ такіа мѣлочи сеугуну. А только эшого-то и хотятъ хищрые, хоша и ничтожные передъ его божественностью товарищи.

Но, бытъ Японскимъ богомъ довольно тяжело , и божественность даири спюитъ ему каждый день, каждый часъ, каждый мигъ , множества всяческихъ заботъ. Запрещено ему касаться ногами земли , и когда надобно пересунуть куда нибудь , его садятъ на плеча свои избранные служители, или несутъ въ норимонѣ, или, когда онъ непременно самъ хочетъ идти , надѣваютъ ему на ноги сандалии , съ подошвами, въ двѣнадцать пальцевъ толщиною. Бытъ на свободномъ воздухѣ ему не позволяется, и хоша солнце услаждаетъ весь міръ своими лучами , бѣдный даири не смѣетъ унизить себя прикосновеніемъ свѣша солнечнаго къ святому тѣлу своему.

Тѣло даири счищается споль священнымъ , что бѣдняку не позволяють спричь волосъ и обрѣзывать ногтей. Все это исполняютъ особенные служители, ночью , когда даири уснетъ. Пробудившись , и увидя похищеніе святыни , онъ обязанъ приходитъ въ величайшую ярость , и еслибы кто нибудь опкрылъ ему виноватыхъ , долженъ наказатъ ихъ.

Прежде, даири принужденъ еще бывалъ цѣлое утро просиживать на своемъ пронѣ, съ тяжелою, тройною короною на головѣ, важно, задумавшись, и совершенно не двигаясь. Малѣйшее движеніе рѣсницы при такомъ сидѣнн счишалось предзнаменованіемъ бѣдсвія и гибельныхъ послѣдствій. Но еслибы даири покачнулъ головой — ужасъ распространился-бы по всему государству, всѣ Японцы трепетали-бы, думая, не разверзаются-ли уже бездны Океана, готовясь поглотить ихъ проклятые осырова! Кое-какъ, эпо сидѣнье, столь тягостное бѣдному даири, и столь ужасающее народъ, было уничтожено.

Одежду даири составляетъ шелковое черное полукафшанье, сверхъ котораго надѣвается еще красный длинный кафшанъ. Кромѣ этого закушываютъ его свяшоспъ въ огромную симару, изъ тончайшаго шелковаго флера. Шапка у даири конической фигуры, подобная шапкѣ Далай-Ламы, съ кошорымъ вообще у него большое сходство; кругомъ шапки находясь зубчики, въ родѣ вѣнца, въ три ряда, на подобіе шіары. Лобъ даири бываетъ раскрашенъ бѣлою и красною краскою.

Даири всегда угощаютъ великолѣпнымъ споломъ. Каждый вечеръ пригошворяютъ ему богатые ужины, во всѣхъ двѣнадцати отдѣленіяхъ его дворца, и когда онъ назначитъ, въ кошоромъ именно отдѣленіи угодно ему совершать свою трапезу, всѣ снаряды угощенія переносятся въ назначенное отдѣленіе изъ другихъ. Пока даири кушаетъ, гремитъ оглушающая музыка. Посуда на столѣ его

бываешь глиняная, и ее потчасъ бьютъ, едва шелько снимутъ со стола. Японцы свято вѣрятъ, что еслибы кто нибудь изъ нихъ прикоснулся къ кушаньямъ, оставшимся послѣ даири, исключая членовъ царскаго семейства, у такого безбожника потчасъ распухнутъ горло и ротъ, и онъ немедленно задохнется.

Наслѣдованіе сана даири устанавливается совѣшомъ духовныхъ, который всегда назначаетъ въ преемники мнимому богу и царю кого нибудь изъ ближайшихъ людей умершаго, малолѣтнихъ и взрослыхъ, сына, дочь, даже иногда вдову прежняго даири. Выборъ и перемена тщательна скрывается отъ народа. По примѣру нашей сшаринной поговорки — *Le Roi est mort, vive le Roi* — Японцы также могутъ восклицать: «Даири умеръ — да здравствуетъ Даири!» Нигдѣ эта формула, для изъясненія непрерывности временной власти, не можетъ быть приложена такъ вѣрно, какъ въ Японіи.

Придворные, окружающіе даири, и такъ-же святыя, какъ и онъ самъ, занимаются только духовными предметами. Подобно сшариннымъ Каполическимъ прелатамъ, они имѣютъ эпархіи, куда ежегодно отправляются на нѣсколько мѣсяцевъ. Даири имѣетъ двѣнадцать законныхъ женъ, которыя одѣваются въ шелковыя платья, столь нелѣпо широкія, что въ церемоніальной одеждѣ своей почти не могутъ ходить.

Будучи духовнымъ властителемъ Японіи, и богомъ, разумѣется, даири долженъ счищаться по

всему выше сеугуна, своего главного министра и полководца. Хотя въ сущности, вся власть въ государствѣ принадлежишь сеугуну, но онъ обязанностью почиашъ не оспаривашъ у дайри никакихъ внѣшнихъ формъ первенства, хотя совершенно и всячески ограждаешъ на дѣлѣ власть, у него похищенную. Такъ, во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, касающихся политическихъ отношеній государства, законодательнаго нововведенія, дипломатическаго вопроса, сеугунъ посылаетъ къ своему товарищу, спросишь его согласія. Подобныя посылки и спросы производятся съ величайшею пышностью, чтобы поразить народъ величіемъ обряда, и увѣришь его въ добромъ согласіи, какое существуетъ между двумя властителями. Съ своей стороны, дайри постоянно содержишь въ Іеддо нѣсколько духовныхъ сановниковъ, для надзора за поступками сеугуна, во всемъ томъ, что касается религіи. Даже нѣсколько почешныхъ женщинъ присылаются изъ Міако въ Іеддо, съ довольно страннымъ назначеніемъ—наблюдашь за хозяйствомъ во дворцѣ Іеддскомъ, и доносишь дайри, если сеугунъ вздумаетъ измѣняшь своимъ супругамъ. Все это дѣлаешся въ добромъ согласіи, какъ установленіе, освященное вѣковымъ обычаемъ. Въ каждый новый годъ, сеугунъ посылаетъ богашые подарки дайри, и между ними непременно должна быть бѣлая цапля съ черною головою, которую самъ сеугунъ обязанъ добыть, выѣзжая въ поле съ соколами. Выѣздъ для этого, и присылка цапли по-

помъ , считающіеся важнымъ государственнымъ дѣломъ.

Но кромѣ постоянныхъ дружескихъ сношеній , рѣдко проходитъ безъ того пять лѣтъ , чтобы одинъ разъ, въ теченіе этого времени , сеугунъ не посѣтилъ лично даири , въ его священномъ дворцѣ. Пышность и церемоніальность при такихъ посѣщеніяхъ бывають столь велики, что для пригошовленій употребляется не менѣе восьми мѣсяцевъ. Моншанусъ передалъ намъ описаніе одного изъ этихъ великолѣпныхъ путешествій, исчисливъ всѣ подробности роскоши , наблюдаемой при такомъ случаѣ. Въ назначенный день, говоритъ Моншанусъ , улицы Міако , съ утра были усыпаны палочковымъ порошкомъ , отъ чего казались онѣ блестящими, будто покрытыя серебряною пылью. Рано пошянулось шествіе, съ лаковыми ящиками , гдѣ положены были драгоценные подарки , съ придворными дамами въ норимонахъ, офицерами, чиновниками , на лошадяхъ , въ сопровожденіи служителей , которые держали вожжи , или шли съ зонтиками. За этимъ авангардомъ капились шри карешы, везомыя каждая парой черныхъ воловъ, покрытыхъ малиновыми шелковыми шканими. Карешы эти были чудомъ роскоши и искусства , и ихъ цѣнили неменѣе 400,000 франковъ каждую ; ободья у нихъ были позолоченные, а спицы колесъ покрыты золотомъ и финифтью ; въ карешахъ сидѣли шри любимцы сеугуна, и попомъ несли за ними, въ норимонахъ , другихъ подругъ сеугуновыхъ. Богатство, ѣхавшихъ въ недалекомъ разстояніи, ка-

репъ даири и сеугуна было выше всякаго описанія. Золото , серебро , шелкъ , лучшая живопись , самый блестящій лакъ , рѣзьба , изящество формы соединялись въ этихъ чудесахъ Японской художественности. Воображеніе впечатлѣніе , какое все это должно производить на народъ , при свитѣ , состоящей въ нѣсколькихъ тысячахъ молодыхъ знатныхъ Японцевъ , въ шелковыхъ и парчевыхъ плащяхъ , на лучшихъ , какія только есть въ государствѣ , лошадяхъ ! Изъ всѣхъ конныхъ и пѣшихъ полковъ присланы были сюда избранные люди , увеличивъ собою великолѣпіе свиты двухъ государей Японіи.

Послѣ такого торжественнаго шествія , начинающагося въ Міако бесѣды и совѣщанія между даири и кубо. Они продолжаются недѣлю , и обрядъ оканчивающъ врученіемъ взаимныхъ подарковъ. Моншанусъ говоритъ , что въ его время полипическій властитель Японіи представилъ духовному своему владыкѣ : 3000 слишковъ серебра , двѣ сабли , съ ножнами изъ чистаго золота , двѣши узорчатыхъ парчевыхъ плащей , приста плащей ашласныхъ , 42,000 пезановъ шелку , пять большихъ серебряныхъ вазъ , съ мускусомъ , и десять дорогихъ коней , съ уборомъ. Можешь быть , этошь реэспръ , и самая подробность обрядовъ и великолѣпія , слишкомъ увеличены легковѣрнымъ и хвастливымъ пушениственникомъ XVII-го вѣка — тогда это было въ обычаѣ—но если почесъ правдою только половину , и того довольно для изумленія самаго невнимательнаго зриателя !

Таковы отношенія между двумя Японскими властителями. Понятно, что кубо, действительный Государь Японіи, охотно готовъ уступать мнимому владыку своего мнимымъ преимуществамъ. Но въ основаніи, кубо настоящій повелитель государства, а поному и настоящее мѣсто правительсва находится въ Іеддо. Туда являющся *даміо*, феодальные владѣльцы, между которыми раздѣлена вся Японія. *Гокозіо*, или непосредственное владѣніе кубо, управляемое отъ его имени *обанжо*, или наместниками, какъ уже говорилъ я, состояющъ только *пять* обласей. Все остальное дѣлится между 200-ми *даміо*, состояющими вассаловъ и данниковъ кубо. Независимость этихъ мелкихъ государей постепенно ослабѣваетъ болѣе и болѣе. Система кубо постоянно состоитъ въ томъ, чтобы понемногу уничтожать подчиненныхъ ему опидѣльныхъ феодаловъ, что и производится весьма успѣшно. Нынѣ, изъ 200 *даміо*, независимыхъ одинъ отъ другаго, обладашелей удѣловъ, или *кокфовъ*, самовластныхъ прежде безъ исключенія, остается только трое, въ *Kamia*, *Сатсума*, *Сендай*, которыхъ можно еще почесть свободными отъ надзора и опчета сеугуну; всѣ другіе суть простые наместники его въ своихъ наслѣдственныхъ обласяхъ, принужденные оставлять семейства свои въ Іеддо, какъ заложниковъ, или аманатовъ, ручательствомъ за свое повиновеніе. *Сендайскій даміо* первый и главнѣйшій изъ всѣхъ. Когда являешся онъ въ Іеддо, 30,000 человекъ сопровождаютъ его, и свита его кажется точно

царская. Его посѣщенія сеугуну производятся съ великолѣпіемъ необыкновеннымъ. Впереди развѣ-
вающія несомыя знамена , а попомъ , въ ящикахъ ,
на палкахъ съ золошыми макушками, на подушкахъ,
несущъ аллебарды, копья , ружья, пистолеты, плю-
мажи , лошадиные хвосты бѣлаго цвѣта, и спѣ-
лы въ богатыхъ колчанахъ. Наконецъ являющ-
ся осѣдланые кони , соколиная и псовая охота ,
оркестръ музыкантовъ, сошны паланкиновъ и но-
римоновъ , а въ заключеніе ящики , превосходно
лакированные, гдѣ лежатъ кирасы и шлемы князя.
Вся процессія его чиновниковъ , офицеровъ , сол-
давъ, слугъ, прислужниковъ, идетъ въ опредѣлен-
номъ порядкѣ и извѣстной стройности ; всякій
напередъ знаетъ свое мѣсто , по закону эпикеша,
изучаемому съ младенчества ; каждый хранитъ
уставъ, важно , благоприсойно , не смѣя сдѣлать
ничего что ему запрещено , и особенно не имѣя
даже идеи, что можно простиупить въ чемъ ни-
будь , доказывающемъ важность , величіе и могу-
щество ихъ , кто его выше.

Будучи самыми значительными людьми въ госу-
дарствѣ, дамо несутъ тяжести , равныя ихъ пре-
имущества. Обязанные выполнять все расходы
по мѣстамъ своихъ управленій, они принуждены
еще выгадывать суммы, копорыя должно имъ по-
сылать въ Іеддо, какъ дань, снавивъ опряды войскъ
въ распоряженіе кубо, содержащъ въ своихъ резид-
денціяхъ великолѣпные дворы , и по приказу кубо
немедленно являясь , для представленія своего

личнаго обожанія власпишелю Іеддо. По всему этому, кромѣ пяши, или шеспи, всѣ даміо довольно бѣдны, между шѣмъ, какъ сеугунъ получаешь отъ нихъ доходу отъ 600 до 800 милльоновъ ежегодно.

Власъ кубо, среди этого покорнаго феодализма, ограничивается однакожь въ правахъ своихъ. Главнѣйшіе даміо призывающся для составленія высшаго совѣща, сзываемаго по волѣ, но имѣющаго власъ рѣшительную. Имя его *Тзинъ-джо-но-зіо*, то есть, Совѣтъ средній общій. Онъ дѣлился на *Сикъ-бу-но-зіо*, совѣтъ законодательства и народнаго ученія; *Тзи-бу-но-зіо*, совѣтъ главный внутреннихъ дѣлъ; *Минъ-бу-но-зіо*, совѣтъ дѣлъ народныхъ, или общей полиціи; *Фіо-бу-но-зіо*, совѣтъ главный военный; *Гхіо-бу-но-зіо*, совѣтъ уголовныхъ дѣлъ; *Ойко-уро-зіо*, совѣтъ финансовый; *Кунай-но-зіо*, совѣтъ царскаго двора. — Все государство раздѣлено на восемь большихъ опдѣловъ, именуемыхъ *до*, то есть, *пути*. Эти до подраздѣляются на 68-мь *кокфовъ*, или областей, заключающихъ въ себѣ 622 *кори*, или округа.

Число войска, выставляемаго отъ даміо сеугуну, сообразуется съ мирнымъ, или военнымъ состояніемъ государства. Во времена Кемпфера, войско Японское состояло изъ 138,000 пѣхоты и 38,000 конницы. Кромѣ этого, содержимаго князьями, сеугунъ имѣлъ еще на собственномъ своемъ счетѣ 100,000 солдатъ и 20,000 лошадей, что составляло гарнизоны въ крѣпостяхъ, гвардію и лич-

ную воинскую свиту сеугуна. И пѣхопа и конница дѣлялся на множество разныхъ участковъ. Надъ каждымъ пяпью солдатами поставленъ начальникъ, называемый « комиссаромъ сарачинскаго пшена , » пошому, что онъ принимаетъ на пяперыхъ подчиненныхъ раціонъ пшена изъ казенныхъ магазиновъ. Пяпъ такихъ комиссаровъ подчиняюща офицеру, въ родѣ подпоручика. Надъ десяпью эшими офицерами находяща офицеръ въ родѣ капитана, и два поручика. Далѣе слѣдуютъ чины въ родѣ нашихъ батальонныхъ командировъ и полковниковъ. Жалованье почти всегда выдается сарачинскимъ пшеномъ. Установленнаго мундира нѣтъ; отъ того видна ужасная песпроша въ одеждѣ солдатъ и офицеровъ; каждый одѣвается, какъ можетъ и какъ хочетъ, въ высшихъ чинахъ носятъ кирасы и брони, украшая шапки солницами, мѣсяцами и всякими другими эмблемами. Хотя ружья употребляютъ въ Японской арміи, особливо съ фишилями, но можно сказать, что сабля любимое оружіе Японцевъ. Люди всѣхъ званій носятъ на поясахъ сабли, фуша въ при длиною, немного кривая, и съ толстымъ обухомъ. Люди военные и знашны надѣваютъ по двѣ сабли, обѣ на одну сторону. Закалка сабель Японскихъ превосходна. Особенно сшаринныя сабли превзойдутъ всякій Дамасскій клинокъ, и Японцы увѣряютъ, что доброю саблею, удалцы ихъ могутъ разрубить человека на-двое, отъ головы до ногъ.—Военное званіе чрезвычайно уважается въ Японіи. Простолудинъ, говоря съ солдатомъ, обязанъ называть его *сама* (господинъ),

и оказывать ему знаки почтенія. Это, и плашье военныхъ людей, шелковое, иногда вышитое золотомъ и серебромъ, вводило Европейцевъ въ забавный обманъ; простые солдаты Японскіе казались имъ важными чиновниками, и смиренно кланялись они спражъ своей, думая, что все это весьма значительный народъ.

Осправленіе правосудія въ Японіи дѣлается весьма просто и правильно. Уложенія здѣшнія неогромны, потому что при неподвижности нравовъ не бываетъ надобности ни въ какихъ новыхъ прибавкахъ. Японцы сравниваютъ свои уложенія съ бронзовою колонною, копорой не должны вредить ни время, ни непогоды. Они соглашаются, что законы, составленные въ древнѣйшія времена, могутъ теперь казаться слишкомъ строгими, но мысль, что древность и неизмѣнность составляютъ главную силу закона, заставляешь ихъ воздерживаться отъ всякихъ перемѣнъ. Для уменьшенія буквальной строгости употребляется милосердное изъясненіе, и приложеніе не въ полной силѣ. Впрочемъ, полиція, употребляемая, какъ предупредительное средство, уменьшаетъ число преступленій въ государствѣ. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ столь строгаго надзора полицейскаго, какъ въ Японіи. Нерѣдко, когда въ слѣдствіе тайнаго розыска полиціи, откроется, что дѣло, кажущееся весьма важнымъ по суду, въ сущности и по совѣсти не таково, правительство произвольно прекращаетъ преслѣдованія и устраняетъ судъ. Это называютъ здѣсь *наибунъ*. Противоположное этому име-

нуешся *омите-муки*. Въ послѣднемъ случаѣ, дѣло предаешся полному суду, и обвиняемый Японецъ судишся публично, подвергаясь всей спрогоспи закона. Въ обласпяхъ непосредственно подчиненныхъ кубо, какъ-то, въ Нангазаки, рѣшенія даешъ комишешъ изслѣдовашелей, подъ предсѣдательствомъ правишеля, кошорый попомъ опвѣчаешъ за рѣшеніе. Судьи, сославляющіе комишешъ, боясь опчета, не щадяшъ ничего, ни спрогоспи, ни времени, ни допросовъ, чшобы дознашся истины. Рѣдко бываешъ, чшобы при судѣ продолжительномъ истина наконецъ не опкрывалась. Тогда немедленно рѣшаюшъ дѣло. Въ случаѣ необходимости, позволяешся пышка, но общепринятое мнѣніе почти рѣшишельно не допускаешъ ее, и попому рѣдкіе примѣры пычки случаюшся шолько при важныхъ преступленіяхъ.

Въ Іеддо, передъ дворцомъ сеугуна, а также и въ мѣспахъ пребыванія обласпныхъ правишелей, передъ ихъ жилищами, поставлены ящики, въ два фуша длиною, назначенные для принятія жалобъ прошивъ чиновниковъ правишельства. Всякій Японецъ, почишающій себя обиженнымъ, можетъ положить въ ящикъ просьбу. Два офицера находяшся безпресшанно подлѣ ящика, и должны замѣчанъ, кшо кладешъ въ него просьбы. Каждая просьба должна бышъ запечатана жалобщикомъ, и подписана имъ, съ означеніемъ его жилища. При соблюденіи такой формы, просьба опсылаешся въ Іеддо, а въ прошивномъ случаѣ сжигается, если шолько бумага безъ подписи не будетъ при раза положена

въ ящикъ; тогда ее отправляютъ вмѣстѣ съ другими прошеніями. Все, что получается такимъ образомъ въ столицѣ, въ назначенные дни открывается передъ самимъ сеугуномъ, и онъ все прочитываетъ. Если жалоба основательна, немедленно приступаютъ къ розыску и изслѣдованію. При открытой розыскомъ правды, виновный, кто-бы онъ ни былъ—банжо, ошпона—предается спрогому суду и наказанію; но если жалоба окажется несправедливою, ужасное наказаніе падаетъ на ябедника; посадивъ на лошадь, возятъ его по городу, въ предшествіи превеликаго бумажнаго знамени, гдѣ написаны его имя, возрастъ и пресупленіе; на каждой площади, на каждомъ перекресткѣ читаютъ приговоръ клеветнику, и потомъ везутъ его на извѣстное мѣсто казни, гдѣ рубятъ ему голову.—Въ собственнѣхъ сеугуновыхъ обласпяхъ, правитель не можетъ осудить на смертную казнь, безъ подтвержденія государя. Феодалы независимы, но за то они почти никогда не опредѣляютъ смертной казни, ибо такое рѣшеніе считается безславіемъ цѣлой обласпи, и кромѣ того князь опасается спрогихъ выговоровъ сеугуна, который упрекаетъ ихъ въ подобномъ случаѣ испорченностью нравовъ между людьми, имъ подчиненными. Вообще, какъ въ судебномъ, такъ и во всякомъ другомъ отношеніи, Японцы находятъ болѣе выгодъ жить подъ управленіемъ князей, нежели подъ непосредственнымъ правленіемъ кубо; у князей правленіе болѣе отеческое, налоги не столь тяжелы, и ихъ не такъ

спрого взыскивають. Сверхъ того, болѣе быва-
 етъ сближенія между народомъ и правителемъ въ
 феодальныхъ обласяхъ, гдѣ чиновники почти всегда
 опредѣляются на всю жизнь, и даже передають
 должности свои по наслѣдству, нежели въ обла-
 сяхъ, гдѣ всякій почти годъ прѣзжаютъ новые
 правители, не столько заботясь о благосостояніи
 подвластныхъ, сколько объ угожденіи своему оп-
 даленному власителю. — Большая часть важныхъ
 преступленій, какъ-то: убійство, контрабанда,
 зажигательство, воровство, подвергаются смерт-
 ной казни. Если преступникъ благороднаго проис-
 хожденія, какъ милости проситъ онъ позволенія
 погибнуть не отъ руки палача, но самому себѣ
 разрѣзать брюхо. Получивъ такое позволеніе, одѣ-
 вается онъ въ лучшее свое платье, сзываетъ род-
 ныхъ, прощается съ ними, открываетъ себѣ жи-
 вотъ и рѣжетъ его вдоль и поперекъ. Этимъ
 родомъ смерти очищается всякое преступленіе, и
 обычай разрѣзывать себѣ брюхо дѣло столь обык-
 новенное въ Японіи, что каждый знашій Япо-
 нецъ всегда носитъ при себѣ орудіе, копорымъ
 законно можеть исполнить такое кровавое дѣло.
 За одно слово, за малѣйшую обиду, при бездѣль-
 ной ссорѣ, Японецъ черпнетъ ножомъ свой бѣдный
 животъ, и странный обычай эиотъ такъ всеобщъ,
 что слыша о подобномъ родѣ самоубійства, никто
 ему не удивляется, и только спрашиваютъ, что
 было тому причиною? Дѣшей знашнихъ семействъ
 учатъ съ самага дѣтства, какъ должно имъ, въ
 случаѣ необходимости, исполнить разрѣзыватье

живота ловко и съ пріятностію , даюшъ имъ въ эпномъ уроки , какъ умерешъ такимъ образомъ съ чесшю, и уроки эпи выслушивающся ими шакъ-же охотно ; какъ знашныя Европейцы охотно слушающъ уроки въ шанцованьи. Это направленіе понятій, съ самага юнаго возраста, внушаешъ Японцу совершенное презрѣніе къ смерти. Предпочитая смерть малѣйшей обидѣ, Японцы, горячо спремяшся предупредить безчесііе поржественною , благородною разрѣзкою живота своего. Фанашическая заботливостъ о чеспи составляетъ одну изъ замѣчательныхъ сторонъ народнаго характера между Японцами , и сохраняешъ въ немъ какую-то швердостъ, не смотря на продолжшельностъ мирнаго состоянія государства. Законы позволяющъ каждому произвольное самоубійство , и только требующъ для этого установленной формы. Чшобы самоубійство было произведено по закону , надобно несчастной жертвѣ одѣшся въ бѣлое плашье, особеннаго фасона, безъ гербовъ и украшеній; потомъ завѣшнвающъ внѣшностъ дома бѣлыми пиканями, закрывая гербы хозяина; собирающся родные, и особеннымъ кинжаломъ несчастный разрѣзываетъ себѣ животъ. Гражданскіе и военные чиновники всегда бывающъ гошovy на подобное дѣло, до такой степени, что кромѣ обыкновенной одежды, въ дорогу берущъ съ собою плашье, необходимое для законнаго самоубійства.

Однажды два чиновника , служившіе при Дворѣ сеугуна, встрѣпились на лѣстницѣ; одинъ сходилъ внизъ , держа въ рукахъ пустую чашу ; другой

шелъ къ верху съ блюдомъ , назначеннымъ для се-
угунова спола. Случайно, они сполкнулись сабля-
ми. Дѣло было совершенно ничтожное, но сходяв-
шій съ лѣспницы оскорбился , и напрасно изви-
нялся другой, говоря, что это бездѣлка, что если
сабли ихъ и задѣли одна другую, то въ сущности
онѣ спояшъ одна другой. « Я докажу тебѣ , что
ты ошибаешься — возразилъ обиженный — и что
твоя сабля моей не споишъ. » — Выхвапивъ кин-
жалъ свой, онъ разрѣзалъ себѣ живопъ. Не гово-
ря ни слова , другой бѣжипъ , спавипъ блюдо на
царскій сполъ, возвращается, запыхавшисъ, къ сво-
ему умирающему сопернику, кричипъ ему: « Если-
бы обязанность службы меня не задержала , тебѣ
не удалось-бы опередипъ меня! » Онъ разрѣзалъ
себѣ немедленно живопъ , и горделиво говорилъ
попомъ , умирая : « Видите-ли , что моя сабля не
хуже его! »

Подобныя событія происходятъ здѣсь безпреспан-
но. Въ 1808 году , Англійскій военный корабль,
Фаэтонъ, вошелъ въ Нангазакскую гавань дальнимъ
проливомъ , копорый до того времени считался
непроходимымъ , и попому не былъ охраняемъ
спражею. Только тогда замѣпили нежданнаго го-
спня , когда корабль былъ уже близъ Папенберга ,
въ одной лѣѣ опъ Нангазаки. Ничего не опасаясь,
мѣспное начальство думало, что это Голландскій
корабль , и не препяспвовало его приближенію.
Но едва разспопрѣли Брипанскій флагъ, спрашная
спревога распроспранилась во всемъ городѣ. Пра-
випель поспѣшно призывалъ войско , находившееся

въ окрестностяхъ; Японскія лодки спѣшили захва-
 пить выходъ изъ залива дерзкому посѣшителю, и
 44,000 солдатъ спало на берегу, гошоясь дорого
 разсчитавшись съ Англичанами за ихъ бесполезную
 отвагу. По счастью, капитанъ корабля замѣшилъ
 всеобщее волненіе, и поспѣшилъ убраться съ на-
 ступившимъ приливомъ, прежде нежели могли вос-
 препятствовать его уходу. — По нашимъ поня-
 тіямъ и образу отвѣтственности чиновника, что
 должно было слѣдовать изъ этого происшествія?
 Виноватъ-ли былъ правитель Нангазаки? Военный
 судъ Европейскій могъ-ли осудить его? Безъ со-
 мнѣнія — нѣтъ. Но Японскіе законы не такъ снис-
 ходительны, и ничѣмъ не лзя было оправдать
 передъ сеугуномъ небрежности, произведшей слѣд-
 ствія столь неожиданныя. Правитель рѣшился
 предупредить безчестіе суда и приговора. Посо-
 вѣтовавшись съ своимъ *гокаро*, или главнымъ адъ-
 ютантомъ, и сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряже-
 нія по должности, онъ оставилъ казенный домъ,
 гдѣ жилъ, чтобы не осквернить его своею смер-
 тью, удалился въ садовую бесѣдку, и опорожнивъ
 послѣдній стаканъ сакки, по обычаю, разрѣзалъ
 себѣ животь. Желая докончить скорѣе его смерт-
 ные спраданія, одинъ изъ друзей дорѣзалъ несча-
 сного самоубійцу. Заливъ Нангазакскій ввѣряет-
 ся охраненію князя Физена, и онъ долженъ былъ
 также подлежать строгой отвѣтственности; но,
 какъ смерть правителя уже очищала преступле-
 ніе, то князь былъ наказанъ только сподневнымъ
 арестомъ въ его дворцѣ. Потомъ заставили его

заплашишь годовой доходъ, 4000 кобанговъ (около 28,000 рублей), вдовѣ и дѣтямъ несчастнаго правителя.

Презрѣніе смерти и частыя самоубійства существуютъ въ Японіи не въ однихъ благородныхъ званіяхъ; между прослоудинами они встрѣчаются нерѣже, но только ихъ менѣе замѣчаютъ. Опять всего этого является между Японцами какое-то щегольство рѣшимостью на самоубійство, хвастовство этимъ, хотя такое нелѣпое направленіе умовъ вовсе не доказываетъ мужества. Увѣряютъ самовидцы, что Японцы, гошове рѣзали сами себя по одиначкѣ, между тѣмъ большіе прусы въ битвахъ и сраженіяхъ. Прибавимъ однакожь, что многіе спорятъ противъ этого, увѣряя, что на войнѣ они весьма храбры и мужественны.

Успраняя обвиненіе въ прусоспи, за Японцами останешся еще довольно значительныхъ пороковъ: они сластолюбивы, безпорядочны въ домашней жизни, суевѣрны, горды, недовѣрчивы, мспишельны, какъ Корсиканцы, до того, что изъ рода въ родъ передаютъ свою ненависть. Но многія добрыя качества замѣняютъ у нихъ нравственные недоспашки. Понятливые, умные, промышленные, гошове на всякую идею образованія, нелишенные великодушія и благородства души, чувствительные ко всему доброму и прекрасному, Японцы, по слишкомъ унижаемые, по излишне превозносимые, по безприсраспному соображенію худа и добра составляютъ народъ болѣе достойный похвалы, нежели осужденія, умный, просвѣщенный, и одинъ

изъ наиболѣе преуспѣвшихъ въ Азіятскомъ образованіи. Одаренные здравымъ смысломъ и настойчи-
чивостью, они умѣютъ утвердиться въ томъ что
поняли, и осуществивъ понятое терпѣливымъ тру-
домъ. Феодалная покорность, въ какой живутъ
Японцы, не исключаетъ у нихъ идей личной незави-
симости и народнаго достоинства. Аристократи-
ческія преимущества терпимы у нихъ потому что
ко, что они не тягостны. Ихъ князья и знатные
имѣютъ главное основаніе власти своей въ томъ,
что справедливо управляютъ людьми, подчиненны-
ми имъ по праву наслѣдства. Впрочемъ, каждому
званію предоспавлены здѣсь свои обязанности и
свои права, свой участокъ рабства и своя доля
свободы.

Народонаселеніе Японское дѣлится собственно
на восемь званій. Они суть: *даміо*, копорыхъ вла-
дѣнія и шишуль наслѣдственны; *шадамодо*, вто-
рой классъ знатныхъ, раздѣляющіе съ даміо права
на государственныя должности; *духовенство*, под-
чиненное даири; *солдаты*, копорые за долговре-
менную службу получаютъ степень *доссиновъ*; на-
конецъ *купцы*, весьма многочисленные и богашые въ
Японіи, но мало уважаемые, хотя ссужаютъ при
случаѣ денегъ князьямъ, *ремесленники*, *земледѣль-
цы*, и небольшое число *Корейскихъ* и *Кишайскихъ*
невольниковъ. Званію земледѣльцевъ хуже всѣхъ въ
Японіи, ибо рѣдко земля, ими обрабатываемая,
принадлежитъ имъ; они нанимаютъ ее у владѣльца,
оплачивая за то три пятыхъ доли произведенія, и

обыкновенно это бываетъ лучший участокъ сбора, когда между шѣмъ съемщики земель, почши всегда, живушъ недоспащочно, въ бѣдныхъ хижинахъ, ими самими построенныхъ. Самымъ низкимъ занятіемъ почищается въ Японіи живодерство, и люди этимъ занятые принуждены исправлять должность палачей и пюрешниковъ; они составляютъ особый цехъ, и имѣють право собирать милоспшню въ установленные дни первого и послѣдняго мѣсяцевъ въ году.

Въ слѣдствіе всего этого общеспвеннаго дѣленія, каждый Японецъ живетъ въ своихъ правахъ и въ своей обязанности, что и производишь опноспшельную независимость каждаго, равно для всѣхъ полезную. Дѣяшельный ремесленникъ шакъ-же пользуется общимъ уваженіемъ, какъ чиновникъ и благородный. Впрочемъ, при климатѣ умѣренномъ и при землѣ плодоносной, у Японцевъ мало нужды, ибо у нихъ мало потребностей. Съ уваженіемъ правимый высшими, любя свои законы, зная ихъ, увѣренный, что никто не исключенъ изъ ихъ власти, Японецъ остается доволенъ своимъ состояніемъ, и старається улучшить участь свою, не выходя изъ ея предѣловъ. Нигдѣ не ограждена шакъ сильно безопасность лица и имѣнія, какъ въ Японіи. Идущій благоразумно пушемъ жизни своей, не боишься здѣсь ни высшаго, ни нисшаго себя. Довѣренность къ закону, вѣра въ общую незыблемость успавовъ и частное довольство, поддерживающъ равновѣсіе въ неравенствѣ, согласіе въ разногласіи частностей.

У народа, такимъ образомъ устроеннаго, при учрежденіяхъ, шоль мудрыхъ, и правахъ, не уступающихъ имъ, обычаи могутъ имѣть свою странную спорону, но никогда не предсавяшъ они шоль нелѣпныхъ и безчеловѣчныхъ уродствъ, какими ошличаются ошъ всѣхъ народовъ Индія и Малезія. Самый почтенный, возвышающій лучшія способности души челоѣческой обычай Японцевъ—благотѣніе ихъ къ усопшимъ. Нисшія званія довольствуются погребеніемъ покойниковъ на кладбищахъ; шѣло обливають благовоніями; пошомъ кладушъ въ гробъ, зарывають въ землю, и савяшъ на могилахъ деревья и цѣшны. Дѣши и ближніе сродники покойника обязаны наблюдать за сохраненіемъ могилы, и исполняють эшо въ шеченіе многихъ лѣшъ, иногда даже цѣлую жизнь свою. Они обрабатываютъ, украшаютъ могильный цѣшникъ, и приходяшъ на него ошдыхашъ съ своими семействами. — Но богачей Японскихъ не хороняшъ въ землю, а сожигаютъ, съ великолѣпною церемоніею, при многочисленныхъ собраніяхъ народа. За часъ до шого времени, когда должно выносишъ покойника изъ его дома, шолпа родствениковъ, въ лучшихъ плашьяхъ своихъ, собирается на шо мѣшо, гдѣ должно происходишъ сожженіе шѣла. Женщины, родственицы, или близкія къ семейству умершаго, являюшся одѣшныя въ бѣлое плашье, съ служанками, одѣшыми шакже въ бѣлое, ибо эшомъ цѣшъ почиается здѣсь шраурнымъ; на головы накидываютъ онѣ полосатыя покрывала. Тогда являешся старшій жрецъ шой секшы, къ кошорой

принадлежалъ умершій. Несомый въ огромномъ норимонѣ, онъ блискаетъ золотомъ и драгоценною одеждою, окруженный нисшими жрецами, одѣшыми въ особенные полукафтанья и плащи изъ чернаго флера. За нимъ слѣдуетъ человекъ въ сѣрой одеждѣ, неся зажженную сосновую головню, и послѣдуемый другими, поющими гимны въ честь ихъ бога. Пошомъ идушъ, въ два ряда, другіе прислужники, держа копья, на кошорыхъ повѣшены бумажныя корзины, наполненныя розами и другими цвѣтами изъ бумаги, и попрысая ими ось времени до времени. Тупъ начинающія отдѣленія людей, несущихъ фонари, покрытые прозрачнымъ флеромъ, и другихъ, имѣющихъ на головахъ маленькія, черныя, коженныя, лакированныя, треугольныя шляпы, на кошорыхъ припилены билешы, съ означеніемъ большими буквами имени покойника. Вся эша процессія, перемѣшанная съ значками и норимонами, бонзами и друзьями покойнаго, духовными и свѣтскими людьми, движется, всходишъ, сближаешься наконецъ на высоту, гдѣ, въ особенной загородкѣ, бываетъ устроенъ косшеръ. Число присутствующихъ при обрядѣ проспирается иногда до 500 и 600 человекъ, и обширное пространство покрывается ими, прежде нежели шѣло покойника вынесутъ изъ его жилища. Наконецъ является норимонъ покойника; шѣло находится въ немъ посшавленное въ положеніи молящагося человека, съ опущенною головою и сложенными на груди руками; сверхъ плашья надѣвается на мершваго бумажная ряса, съ изрѣченіями изъ священныхъ

книгъ. Кругомъ похороннаго норимона, несомато шестью челоѡками, идушъ дѣши покойника, богато одѣшья, и самый младшій держишъ факель, предназначенный къ зажженію коспра. Едва покойникъ досшигнешъ мѣсша, гдѣ находится косперъ, всѣ присушснвующіе, спѣснся въ загородкѣ, начинаюшъ ужасно кричащъ, и вопли ихъ еще спрашнѣ являющся опъ звуковъ придцаши шамшамовъ. Косперъ составляетъ большая пирамида сухихъ дровъ, покрывая обьяриною шканью. По обѣ спороны ея находящся сполики, съ конфекшами, фрукшами и печеньемъ, а на одномъ опдѣльномъ споникѣ бываешъ посшавлена коспрюлька, съ горящими угольями, и блюдо съ алоэвыми полѣнами. Когда ушвердяшъ шѣло на косперѣ, старшій бонза начинаешъ пѣсню мершвыхъ, кошорой впоритъ все собраніе. Пошомъ, размахнувъ при раза факеломъ надъ головою покойника, онъ опяшъ опдаешъ его младшему изъ дѣшей, кошорый несъ прежде факель, и шомъ зажигаешъ косперъ, съ шой спороны, гдѣ лежишъ голова мертвеца. Тушъ наперывъ, всѣ спѣшащъ подбросишъ въ прескучее пламя масла, благоуханій, алоэвыхъ полѣнъ, и всякихъ вещесшвъ, пахучихъ или горючихъ, послѣ чего все собраніе удаляешся, въ безмолвіи и задумчивосши, оставляя бѣднымъ, что было пригошовлено съѣдомаго окресшъ коспра. На другой день ближніе и родня покойника приходишъ и собираюшъ въ фарфоровый кувшинъ пепель, кости и зубы сожженнаго. Покрывши кувшинъ богашымъ покрываломъ, берегушъ его въ домъ умершаго семь дней, и по-

номъ переносяшъ въ мѣсто, гдѣ опредѣлено окончательное погребеніе. Такая погребальная церемонія стоишъ дорого, и знающимъ людямъ обходился иногда неменѣе 42,000 рублей. Главный расходъ бываетъ шумъ на плашу духовенству.

Кромѣ погребальнаго обряда, послѣ смерти каждаго умершаго, есть еще годовой праздникъ для поминовенія всѣхъ усопшихъ, называемый *бонъ*. Въ этотъ день зажигаютъ фонари при дверяхъ каждаго дома. Народъ толпами выходитъ изъ городовъ на сѣшеніе шѣней. Прибывши на мѣсто, гдѣ по общему мнѣнію можно ихъ встрѣпить, каждый начинаешъ привѣтствовать, поздравляшъ невидимыхъ мершвецовъ, приглашаешъ ихъ ѣсть конфеты и пить чай. Потомъ разсанавливаютъ на могилахъ кладбища множество блюдъ съ лучшими кушаньями. Японцы вѣряшъ, что мершвецы всаюшъ въ слѣдующую ночь, и ѣдятъ все оставленное для нихъ на кладбищѣ.—Спрожайшій шрауръ по умершемъ носился два года. Пока продолжается онъ, должно воздерживаться отъ всякихъ забавъ. Траурное платье, здѣсь и въ Кишаѣ, какъ уже говорилъ я, бываетъ бѣлаго цвѣта. Головную повязку при немъ составляютъ широкій вѣничикъ, съ длиннымъ, развѣвающимся сзади флеромъ. Платье это шьется широкое, безъ отворзтія спереди, и бываетъ подпоясано въ два ряда широкимъ кушакомъ изъ сѣтки. Шаровары составляютъ родъ мѣшка, изъ небѣленой шкани, какъ и все платье.

Рожденіе человека дѣлаешъ у Японцевъ гораздо менѣе шума, нежели смерть. Кажешся, что въ

Японіи нѣтъ даже законнаго подтвержденія на рожденіе дѣтей, пошому, что нѣтъ никакой мѣрики. Вѣроятно, это происходитъ отъ Японскаго закона, кошорый оставляетъ дѣтей въ полную волю опцовъ, даже съ правомъ на жизнь и смерть ихъ. Пошому дѣшоубійство здѣсь весьма часно и рѣдко наказываешся. До юношескаго возраста, дѣти подчинены сшрогой власши родишелей. Но едва придуть они въ возрастъ, какъ перемѣняють имена, и съ тѣхъ поръ совершенно свободны отъ опеки родишельской. Тогда опцы и мащери помышляють о женишбѣ сыновей, если, по семейнымъ опношеніямъ, они не были обручены въ малолѣтствѣ. Свадебный обрядъ опсправляешся обыкновенно за городомъ, въ полѣ, подъ шашромъ, нарочно поставленнымъ. Тутъ находишся алшаръ, гдѣ споишъ идолъ съ собачьею головою, какъ символъ вѣрности. Женихъ и невѣсша подходятъ вмѣстѣ, пока жрецъ чишаешъ молитву, и пошомъ, по данному знаку, невѣсша беретъ факель, зажигаешъ его на алшарѣ, и предспавляешъ своему жениху, кошорый зажигаетъ имъ свой. Пока горяшъ факелы, всѣ присушствующіе радосшно восклицаютъ, и эшимъ кончишся весь обрядъ. Только для полного окончанія бросають въ огонь плашья, кошорыя носила въ дѣтствѣ новобрачная, и кошорыя шеперь уже не годяшся для нея.

По спранному и неизъяснимому обычаю, Японка должна обезобразишъ себя въ шомъ день, когда выйдешъ за-мужъ. Она обязана зачернишъ свои прелесшныя, перловыя зубы сосшавомъ, опшраши-

шельнымъ и ѣдучимъ, выбришь свои красивыя, полумѣсяцемъ брови, вымазашъ губы зеленою краскою, и напачкашъ лицо бѣлилами. Обычай пребудетъ, велишь непремѣнно, и каждая порядочная женщина станется чучелою въ день свадьбы. Это опличительный знакъ замужества, и никто не смѣетъ измѣнить обычая споль гадкаго и глупаго.

Супружескія обязанности неодинаково исполняются въ Японіи со стороны мужа и жены. Сколь вѣрны, домосѣдливы и добрыя манеры семействъ бываютъ Японки, споль, напрошивъ, Японцы склонны къ разсѣянію и шалостямъ. По закону коренному, мужъ можетъ имѣть, кромѣ законной жены своей, одну и даже двухъ любовницъ, и если только состояніе позволяетъ, то рѣдкій Японецъ не пользуется такимъ правомъ. Не смотря на подобный безпорядокъ и происходящее отъ того соперничество въ правахъ, Японки остаются вѣрны мужьямъ своимъ, нерѣдко живутъ въ согласіи съ любимицами мужа, и почитаютъ ихъ своими сестрами. За то мужъ обязанъ вознаграждать почитательностью къ женѣ, и услугами, безпорядочность своего поведенія. Законная жена первенствуетъ надъ своими соперницами, считается госпожею въ домѣ, и, если только она попребудетъ, любимицы мужа обязаны служить ей. Онѣ не бръютъ себѣ бровей, однакожь чернятъ зубы. Имъ не позволяется никогда сидѣть за столомъ хозяина, и одна жена пользуется этимъ великимъ правомъ. Женщинъ въ Японіи, вовсе не запираютъ, какъ это дѣлается всюду на Востокъ, но

онѣ могутъ всегда показываться въ люди, всюду являясь, и съ открытымъ лицомъ. Свободно ходящъ онѣ по улицамъ, въ дома, въ публичныя бани. Употребленіе банъ здѣсь всеобщее, и слишкомъ частое наслажденіе ими необходимо должно способствовать раннему спарообразію Японокъ.

По Японскимъ законамъ, разводъ позволяется, и состояніе женщины бываетъ въ этомъ отношеніи весьма незавидно. Если онѣ жены нѣтъ дѣтей, мужъ легко можешь разорвать супружество, и даже не обязывается обеспечить чѣмъ нибудь жребія оставленной имъ женщины. Вообще Японскіе законы мало благоволятъ къ прекрасному полу. Женщина не допускается здѣсь въ свидѣтели, и къ какому-бы званію ни принадлежала, всегда зависить онѣ своихъ родителей. Въ общественной жизни, напрошивъ, Японская женщина находится почти въ тѣхъ-же правахъ, какъ Европейская, съ тою только разницею, что въ Японіи мало раздѣляется она наслажденія жизни своего мужа, и—несетъ полную долю его заботъ и трудовъ.

Путешествіе по Японіи въ норимонахъ непрудно и недорого, только медлительно. Почтовые и постоялыя мѣста учреждены повсюду, строго надзираются, и содержатся, либо на счетъ самого сеугуна, либо на счетъ князей, ему подвластныхъ. Смоля по дорогѣ, остановки учреждены на разстояніи пуши отъ $1\frac{1}{2}$ до 4-хъ часовъ. При каждой находятся носильщики для норимоновъ и подставныя лошади, для перевозки тяжестей. Обыкновенно

венно бывають еще пущь гостинницы, гдѣ Японцы любящъ опдыхать за чашкой сакки, среди красивыхъ прислужницъ. Когда путешествуемъ знаппый человекъ, съ большою свитою, онъ опрягаетъ впередъ нарочныхъ, для подготовленія пошребнаго числа носильщиковъ и лошадей. По приморьямъ и около озеръ оспавляютъ норимоны, и берутъ лодки, въ копорыхъ помѣщаются проѣзжіе и тяжеспи. Эпи суда, удобныя и надежныя, успроены шакъ, что ихъ можно спянушь бичевою, въ случаѣ безвѣпрія, или прошивнаго вѣтра. Почповыя сообщенія производятся курьерами, изъ копорыхъ каждый держишь на плечѣ палку, на копорой прицѣпляется небольшой ящикъ съ письмами. Курьеры скачушь такимъ образомъ одинъ за другимъ, сопровождаемые почповымъ надзирапелемъ; по приѣздѣ на мѣспо смѣны, онъ передаетъ ящики другимъ курьерамъ, уже гошовымъ. Такимъ образомъ почпа идетъ льѣ по 20-пи въ день. Значекъ съ сеугуновымъ, или княжескимъ гербомъ, поставленный на ящикѣ, иногда колокольчики, слышимые издалека, извѣщають встрѣчныхъ о томъ, что ѣдешъ курьеръ, и дають имъ возмжноспъ поспѣшнѣ очиспишь ему дорогу.

Въ Японіи считають при главныя вѣры, подраздѣленные на множеспво различныхъ сектъ. Прежніе путешеспвенники почпи ничего не передали намъ объ этомъ предметѣ, кромѣ извѣспій весьма смѣшанныхъ. Ученому Клапропу обязаны мы поясненіемъ и исправленіемъ спаринныхъ извѣспій. Три

главныя Японскія вѣры суть: религія *Синто*, или *Синъ-Съу*, *Буддизмъ* и *Конфуціева*.

Синто, древнѣйшая изъ всѣхъ, была первобытною въ Японіи. Она заключается въ поклоненіи духамъ, или невидимымъ божествамъ, всюду обитающимъ. *Даири*, по своему небесному происхожденію, былъ нѣкогда главнымъ начальникомъ этой вѣры. Прежде всего признаетъ она богиню *Тень-сіо-дай-синъ* (великаго духа свѣта), отъ которой происходятъ *даири*. Главный храмъ этой богини, *Най-Ку* (внѣшній), находится близъ *Уза*, въ области *Изе*. Онъ былъ основанъ 44-мъ *даири*, за 4 года до Р. Х.—Это весьма простое зданіе, окруженное семью другими храмами, посвященными разнымъ богамъ и геніямъ. Недалеко отсюда, на горѣ *Нуки-Нуко-Яма*, находящаяся двадцать четыре маленькихъ капища, образующихъ собою *Гхе-Кгу*, посвященный духамъ покровителямъ. Здѣсь призываютъ бога *Тоіо-ке-о-дай-зина*, почитаемого создателемъ земли и неба. Этого бога, защитника *даири*, часто бываетъ предметомъ его особеннаго благоговѣнія. При возведеніи на престолъ cadaго *даири*, измѣряютъ новаго владыку бамбуковою проспью, и такая мѣрка остается въ храмѣ навсегда; послѣ смерти cadaго *даири* вносящая въ *Най-ку* двѣнадцать, или тринадцать листовъ бумаги, на которыхъ написаны бывающія имя и дѣянія покойнаго властителя. Всѣ бамбуковыя мѣрки умершихъ *даири* почитаются, какъ священные *ками* (духи). Кромѣ ихъ хранятся еще въ *Гхе-Кгу* соломенная шляпа, плащъ, для защиты отъ дождя, и заспупъ—эмблем-

мѣ земледѣлія, которое считается въ Японіи впо-
рымъ занятіемъ, послѣ военнаго. Гхе-кгу, подобно
другимъ храмамъ, былъ воздвигнутъ также за 4
года до Р. Х.—Онъ окружается чешырьмя религі-
озными памятниками, посвященными землѣ, мѣсяцу,
вѣтрамъ, и проч. — Шестнадцать капищъ и кап-
лицъ, съ ихъ отдѣльными принадлежностями, по-
строены подлѣ, и восемь другихъ нѣсколько да-
лѣе. Вообще вся область Изе покрыта храмами и
мѣстами жертвоприношеній — это *святая область*
Японіи. Братъ богини Тенъ-сію-дай-синъ, по Япон-
скимъ легендамъ, назывался *Фатсманъ*. Главный
храмъ его построенъ за 570 лѣтъ до Р. Х., въ
Уза, въ области Бунзенъ. Фатсманъ считается
богомъ войны, и бережетъ неприкосновенность
государства; по этому, къ нему посылаются опъ
кубо посольства, въ случаѣ войны.

Богиня Тенъ-сію-дай-синъ основательница госу-
дарства, мать даири, по мнѣнію послѣдователей
синто, какъ я уже говорилъ, есть первое изъ
всѣхъ Японскихъ божествъ, и опъ того происхо-
дитъ религіозное благоговѣніе Японцевъ къ ихъ го-
сударямъ. Народъ вѣришь, что если у даири нѣтъ
дѣтей, святая прародительница посылаетъ ему
дитя опъ себя. Поэтому, въ случаѣ надобности,
при входѣ во дворецъ даири, подъ деревомъ, кла-
дутъ младенца какого нибудь знашнаго рода, и
видя его, народъ радуется чуду. Душа даири по-
читается безсмертною, но не только для одного
даири, религія синто признаетъ для всѣхъ людей
жизнь человека за могилою. Души всѣхъ людей, го-

воряшъ жрецы, должны явиться передъ небесными судіями, произносящими приговоръ. Души людей добродѣтельныхъ помѣщаются въ така амакавара (высшую площадь неба), гдѣ дѣлаются онѣ kami, или благошворительными геніями; души злыхъ людей повергаются въ не-нокунжи (царство корней). Японцы воздвигаютъ въ честь разныхъ kami міа, деревянные храмы, гдѣ символъ божества помѣщается по срединѣ зданія; символъ эшопъ состоишь въ полоскахъ бумаги, прикрѣпленныхъ къ палочкамъ дерева *финоки* (*Thuja japonica*), и подобные символы находятся въ Японіи въ каждомъ почти домѣ, ибо почти при каждомъ домѣ есть свой маленький міа. Подобныя часовеньки окружаютъ зелеными вѣтвями сакари, мирша и сосны. Спавяшъ въ нихъ по двѣ лампы, чашку съ чаемъ, и множество кувшиновъ съ сакки. Къ эшому присовокупляется еще, какъ орудія для богослуженія, или какъ символы, колоколь, цвѣты, барабанъ, и другія музыкальныя орудія, и наконецъ зеркало, эмблема чистоты душевной. Хошя просто спроимые, но въ соединеніи съ жилищами жрецовъ, міа составляютъ довольно обширныя зданія, украшенныя почешнымъ входомъ. Передъ такими храмами обыкновенно выснавляются испуканы двухъ собакъ, *Команну*, а передъ святилищемъ Тень-сіо-дай-зинъ всегда бывають два ея товарища *Фино-о* (царь огня) и *Митза-о* (царь воды), слѣдовавшіе за богинею въ ея путешествіи изъ Фіуга въ Идзуміа. Испуканы эшихъ двухъ боговъносяшъ во всѣхъ процессіяхъ, отправляемыхъ въ честь Тень-сіо-дай-синъ. — Въ на-

значенные дни, міа оглашаюція молишвами въ честь богини, основавшей царство добрыхъ даири, и во славу всѣхъ шѣхъ, чьи души послѣ смерти сдѣлались ками. Никто не смѣетъ молиться прямо Тень-сіо-дай-синѣ, ибо молишва будетъ недѣйствительна, но ея милость испрашивается черезъ посредство *Зинго-зиновъ*, или божествъ покровительныхъ и хранишельныхъ. Ками включаюція сюда, кромѣ перешедшихъ въ это званіе изъ людскихъ душъ, хотя онѣ и сдѣлались черезъ то ками; но живошныя помѣщены многія, особливо лисицы. Лисица, бурая преимущественно, какъ умнѣйшая изъ всѣхъ другихъ, есть великій ками, и ее вопрошають при затруднительномъ дѣлѣ. Воздвигается ей маленькій храмъ во внутренности дома, и въ немъ спавяшъ кушанья, состояція изъ бобовъ и краснаго пшена. По слѣдствіямъ этой жершвы, можно судить, какъ думаютъ Японцы, объ успѣхѣ или неудачѣ предпріятія. Если кушанье исчезнетъ—это значить, что его лисица съѣла, и успѣхъ вѣренъ; если кушанье непронушо — горе шѣмъ, кто спавилъ его: въ дѣлѣ, о кошоромъ они моляшся, не бываеъ успѣху!

Нынѣ, жершвы, приносимыя ками, ограничиваюція только кушаньями, пшеномъ, рыбою, козляшиною, но въ древнѣйшія времена, кажешся, лилась иногда подъ ножомъ жрецовъ человѣческая кровь. Такъ для умилоспивленія злыхъ духовъ, каковы: *Кью-синъ-ріо*, девятиглавый драконъ горы *Токакузи*, и другіе неменѣе спрашныя духи *Іамато*, имъ жершвовали милыми людьми какого нибудь се-

мейства, молодыми и красивыми дѣвушками, или юношами, подававшими хорошую надежду въ будущемъ.

Жрецы религіи синто запускають себѣ волосы, подобно простолудинамъ, и могутъ жениться. Гробы послѣдователей этой религіи должны имѣть наружную форму шѣла человѣческаго. Въ прежнія времена, когда умиралъ значительный человѣкъ, нѣсколько друзей и слугъ его были похороняемы съ нимъ живые. Попомъ ихъ не хоронили, но они разрѣзывали себѣ животы. Все это уничтожено еще 33-мъ даири, за 3 года до Р. Х., но, вопреки уничтоженію, продолжалось до конца XV вѣка; съ этого времени смерть живыхъ людей замѣнили разбиваньемъ глиняныхъ куколъ.

Каждый округъ въ Японіи имѣетъ своихъ покровителей, боговъ, милосердію кошорыхъ испрашиваютъ всѣ люди, переходящіе черезъ мѣста ихъ владычества. Каждый опасный проѣздъ, каждый мысъ, грозящій во время бури, охраняется особымъ духомъ-покровителемъ, кошорому предлагаютъ жертвы, испрашивая его защиты. Мореходцы, переправляясь черезъ море между Нифономъ и Сикокфомъ, не забываютъ мимоходомъ приносить въ жертву крабовъ, рѣчную рыбу, чеснокъ и скилловъ, *Конфиру*, почишаемому за *тенгу*, или небеснаго пса, хранителя этого моря. Такихъ *тенговъ* представляютъ обыкновенно въ видѣ человѣка, съ крыльями лешучей мыши и птичьимъ клювомъ.

Вторая, самая распространенная и болѣе общенародная въ Японіи религія, есть *Буддизмъ*. Начав-

шись во времена древнѣйшія, это вѣрованіе бы-
спро усилилось въ срединѣ Азіи, обрашилось въ
Кишай и достигло Кореи. Отсюда перешло оно
на Японскій архипелагъ, въ 552 году послѣ Р. Х.—
Лѣтописи Японскія говорятъ, что въ этомъ го-
ду, одинъ изъ Корейскихъ государей отправилъ
своего посланника къ даири *Кинъ-мен-тенъ-о*, съ
изображеніемъ испукана *Буддо-Сакія*, и съ духов-
ными книгами своей вѣры. «Испытай это новое
ученіе,» говорилъ даири одинъ изъ министровъ
его. — Нѣтъ, не испытывай—возражалъ другой—
въ нашей землѣ есть уже довольно боговъ, и если
мы станемъ поклоняться чуждымъ, наши могутъ
этимъ оскорбиться. — Даири избралъ среднее рѣ-
шеніе: не объявилъ себя ни прошивъ новой рели-
гіи, ни за нее, но вскорѣ новая религія начала
всюду торжесствовашъ; сперва проникла она въ
чершюги знатныхъ, и отсюда разлилась въ умахъ
простонародія, которое ослѣпилось ея обрядами,
величественными и важными, въ сравненіи съ про-
стымъ богослуженіемъ вѣры синшо. Обращеніе сдѣ-
лалось всеобщимъ и число буддистовъ безмѣр-
нымъ; не только потребовали жрецовъ буддійскихъ
изъ Кореи и Кишай, но множество Японцевъ от-
правилось еще на материкъ Азіатскій, изучашъ
буддизмъ въ шамонскихъ его обителяхъ и про-
повѣдывашъ потомъ на своей родинѣ. Дошло до-
шло наконецъ, что многіе даири, забывши боговъ
синшо, тайно принимали буддизмъ, а князья цар-
ской крови явно брили себѣ головы и дѣлались
бонзами, нимало не возбуждая народнаго негодо-

ванія. Въ 805 году, 50-й даири принялъ буддійскую вѣру шоржесшвенно, самъ явился въ шонъ мрачный храмъ, гдѣ должно было совершиться обряду принятія, поставилъ въ чершогихъ своихъ испуканы буддійскіе, и велѣлъ изъяснять себѣ духовныя книги новой вѣры.

Когда такимъ образомъ буддизмъ сдѣлался первенствующимъ и общенароднымъ вѣрованіемъ, правительсшво объявило его главною вѣрою государсшва. Эшо произошло безъ сопротивленій и безъ гоненій, и страннѣмъ слѣдсшвіемъ шакого событія было шо, что послѣдовашели синшо приняли буддизмъ, не думая, что нарушаютъ эшимъ прежнюю вѣру свою. Мало по малу, обѣ религіи какъ-шо смѣшались въ глазахъ народа. Теперь видите въ Японіи идола буддійскіе въ капищахъ синшо, а испукановъ kami спавяшъ въ буддійскихъ храмахъ, и трудно угадашъ мѣру соединенія обѣихъ вѣръ и причину подобныхъ смѣшеній.

Считаютъ въ Японіи *восемь* главныхъ секшъ буддійскихъ, и ихъ продолжштельная и запушанная родословная можетъ бышъ любопытна шолько для ученыхъ и филологовъ. Вообще главное различіе заключаешся въ нѣкошорыхъ книгахъ духовныхъ, принимаемыхъ одними, опвергаемыхъ другими, но кромѣ шого есш еще много религіозныхъ предметовъ, раздѣляющихъ секты буддійскія. Самая замѣчательная секта *Икко-Сіо* (исшшнное наблюденіе вѣры), основанная *Синъ-Раномъ*, ученикомъ *Гхенъ Ко*. Жрецы, ей слѣдующіе, составляютъ главный религіозный коллегіумъ въ Японіи. Они почитаютъ

родственниковъ даири , опрашивающъ волосы на головѣ, носящъ по двѣ сабли, и въ путешествіяхъ одѣваясь, какъ знатные Японцы. Норимоны ихъ подобны употребляемымъ средними званіями , но убранство лошадей, на которыхъ ѣздящъ они, не уступаетъ убору лошадей княжескихъ. Они ѣдящъ рыбу и мясо , и вступающъ въ супружество съ знатнѣйшими Японскими семействами. Вообще жрецы эшой секты богаты, сильны, уважены, и съ сеугуномъ обходящся, почти какъ равные съ равнымъ. При вступленіи на престолъ новаго сеугуна, они не получаютъ отъ него, подобно жрецамъ всѣхъ другихъ исповѣданій, грамахъ, укрѣпленныхъ красною печатью , но только представляютъ ему отъ себя подписки , у которыхъ печати бывающъ изъ ихъ крови, и которыми обязывающъ они защищать новаго государя отъ всякихъ опасностей.

Гораздо болѣе странная секта именуется *Жаммабо* (люди спящіе въ горахъ). Это родъ пустынниковъ , которымъ народное изувѣріе придаетъ сверхъ-естественныя знанія и даръ волхвованія. Отъ другихъ буддистовъ отличаящся они тѣмъ , что жрецы ѣдящъ мясо и женящся. Жизнь ихъ проходитъ въ странствованіяхъ по горнымъ вершинамъ, почиаемымъ святыми мѣстами. Они ходящъ босые , но плащъ носятъ весьма широкое. Огромная шапка ихъ , въ видѣ карпуза , съ длинными лопасями по плечамъ , и длинная перевязь , концы кошорой связывающъ назади, придаетъ имъ видъ странный и неуклюжій. Одѣяніе другихъ бон-

зовъ болѣе свободно. Иные брѣютъ голову, другіе имѣютъ право оставлять пучекъ волосовъ на головѣ, но всѣ одѣваются въ широкіе кафтаны, какими оплчаются вообще буддійскіе жрецы Азійскаго машерика.

Буквально говоря, Японія покрыта буддійскими храмами, называемыми *зи*. Самый огромный и лучший храмъ *Фо-ко-зи*, о которомъ сказывалъ я, говоря о столицѣ даири *Міако*, и гдѣ находится огромный идолъ *Будды блистающаго*. Неподалеку отъ него видно капище, называемое *Мими-тсука* (гробница ушей). Тушъ погребены уши и носы Корейцевъ, убитыхъ въ сраженіи съ Японскимъ государемъ *Тайко*. Побѣдитель велѣлъ обрѣзать ихъ послѣ сраженія, посолишь, и въ боченкахъ переслать въ Японію.

Будду почитаютъ въ Японіи просто святымъ человекомъ, но обожаютъ его, какъ бога, и кромѣ него поклоняются еще какимъ-то вымышленнымъ богамъ буддійскимъ, называя ихъ *Амида*, или *Ксака*, и *Канонъ*. Послѣдній сынъ перваго. Такъ, по крайней мѣрѣ, передали намъ имена эшихъ боговъ путешественники, наблюдавшіе религію Японцевъ. Амиду предсавляютъ подъ разными видами, но всего болѣе изображаютъ въ видѣ человека съ собачьею головою, держащаго кругъ въ рукѣ, и ѣдущаго на седмглавой лошади. Ему жертвуютъ разными кушаньями, славя ихъ въ храмахъ, и вѣроятно, жертвы эши достаются потомъ жрецамъ. Изъ всѣхъ испукановъ Канона, или правильнѣе *Кангъ-вона*, лучший находится на открытомъ мѣ-

снѣ, въ пустынномъ и дикомъ ущеліи близъ Міа-ко. Туда сходящся Японцы со всѣхъ сторонъ, поклоняющся исполинскому кумиру своего бога, изображеннаго съ двадцатью руками, держащаго двадцать стрѣлъ; на груди его написано семь дѣшскихъ головъ. Голова идола, его положеніе и принадлежности, напоминающъ буддійскіе религіозные памятники въ Индіи. Еще храмъ Канона, замѣчательный, такъ, что объ немъ стоишь упомянуть, находится близъ Осака; это красивое зданіе, съ кривыми кровлями, которыя украшены фигурами, съ рѣзбою по стѣнамъ снаружи, и съ великолѣпными садами. Въ этомъ храмѣ служатъ двѣсти жрецовъ, живущихъ въ строеніи, прилежащемъ къ храму.

Японскій буддизмъ перенялъ, кажется, въ своихъ обрядахъ, многое изъ нелѣпностей браминскаго идолослуженія. Между Японцами встрѣчаются примѣры такого-же безумнаго фанатизма, такой-же спраски къ самоубійству въ честь своей религіи, какія видимъ въ Бенаресѣ, Яггернауѣ, Мадрасѣ, Пондишери и вообще въ Индіи. Изувѣры здѣсь также шопящся, сжигаются, заспавляющъ душии, раздавливаютъ себя во имя своего идола. Иные приковываютъ себя къ святымъ утесамъ и гибнутъ голодомъ. Другіе предпринимающъ опдаленныя путешествія босыми ногами и съ открытою головою. И въ Японіи есть свои жоги, какъ въ Индіи, родъ опшельниковъ, которымъ предписывается самая строгая жизнь. Они служатъ обычными путешественниками пилигримовъ въ безче-

ловѣчномъ обрядѣ *вѣсовъ*. Этомъ обрядъ состоишь въ слѣдующемъ: послѣ продолжительнаго спрансивованія, изувѣры приходящъ наконецъ къ извѣстной горной вершинѣ, возвышающейся за облака. Тутъ жоги устроивающъ коромысло, на которомъ цѣпляющъ нѣчто въ родѣ большихъ вѣсовъ. На одну изъ досокъ, составляющихъ такія вѣсы, повѣшенную надъ спремнинами горы, поочередно садятся пилигримы, между шѣмъ, какъ на другой доскѣ накладывается тяжестъ, ушверждающая равновѣсіе. Въ этомъ положеніи, каждый пилигримъ долженъ сказать свою полную исповѣдь въ грѣхахъ, и если бонзамъ покажется, будто кто нибудь спараеся что нибудь скрышь, они потрясающъ доску, и несчастный исповѣдникъ падаетъ въ бездны, съ высоты болѣе 500 шуазовъ. Съ благоговѣйнымъ ужасомъ смошряшъ на это зрѣлище шоварищи грѣшника.

Третье вѣрованіе, также довольно многочисленное въ Японіи, есть религія *Сукдо*, или ученіе Конфуція. Въ 284 году по Р. Х., при царствованіи даири *Озинъ-Тено*, прибыли въ Японію изъ Корей люди, изученные вѣрѣ Кишайскихъ ученыхъ. Они принесли въ Міако книгу Конфуція, или *Ронъ-Го*, представили ее даири, и изъяснили свое исповѣданіе одному изъ его сыновей. Знаменишый *Во-Нинъ*, бывшій начальникомъ этой духовно-лишперашурной миссіи, оказалъ попомъ такія услуги Японіи, что его причли въ боги послѣ смерти, и съ этого времени распространилось въ Японіи письмо Кишайское.

Со временъ Озинъ-Тено до нашего времени, идеографическіе знаки Кишайскіе оснаюшся въ употребленіи у Японцевъ, такъ, какъ и самый языкъ Кишайскій. Письмена употребляются наиболѣе въ ученыхъ книгахъ, но это не мѣшаетъ имъ быть вообще вѣдомыми между народомъ. «Между шѣмъ (говоритъ Клапрошъ) Японцы видѣли, что по устройству своему, языкъ ихъ разнишся значительнѣе отъ Кишайскаго, и поелику Кишайскіе знаки часто имѣютъ многія значенія, то Японцы признали необходимость писанія, которое удаляло-бы всѣ такія неудобства. Поэтому, въ первыхъ годахъ VIII-го столѣтія, изобрѣтена была *Японская силлабическая азбука*, именуемая *Кана-Кана* и *Фиро-Кана*, совершенно приспособленная къ языку шеземному. Употребленіе этихъ письменъ всеобще въ Японіи, и рѣдко найдется Японца, который не умѣлъ-бы ихъ читать. Съ шѣхъ поръ, какъ Японцы начали имѣть письменный языкъ, литература ихъ, изъ столѣтія въ столѣтіе, оказывала болѣе и болѣе успѣховъ. Къ сожалѣнію, она едва извѣстна въ Европѣ; но по немногому числу книгъ, которыя успѣли мы получить отъ Японцевъ, видно, что у нихъ есть книги всякаго рода, особенно сочиненія историческія, а равно и другихъ множествъ.»

Употребленіе бумаги началось въ Японіи съ VII-го вѣка; типографіи Японскія печатаются на манеръ Кишайскій, то есть, Японцы вырѣзываютъ выпуклыя буквы на доскахъ, какъ мы гравировемъ выпукло по дереву, и начало этого иску-

спива въ Японіи относится къ 1205 году. Слѣдовательно, Японцы опередили насъ въ печатаньи книгъ почти 250-ю годами.

Склонность Японцевъ къ литературѣ и ученью не уступитъ охотѣ къ этимъ предметамъ Китайцевъ. Любя изучать иностранные языки, Японцы мучатъ вопросами всякаго, обо всемъ, что онъ знаетъ. Тунбергъ не зналъ куда дѣваться отъ распроса своихъ полмачей. Солдата Японскаго всегда увидите при его портѣ съ книгою въ рукахъ. Общее чтеніе народа составляютъ наиболѣе историческія повѣсти, или стихопворенія, гимны въ честь боговъ, описательныя идилліи, любовныя пѣсни.

Театръ Японскій, по многимъ подробностямъ, приближается къ театру Китайскому, о которомъ я говорилъ подробно. У Японцевъ такія-же трагедіи, такіе-же актеры, такія-же плясуньи и машины. Но декорации Японскія гораздо лучше. На сценѣ являющіяся дома, мосты, сады, фоншаны, горы, лѣса, и иногда обольщеніе глазъ бываетъ превосходно. Сцена измѣняется въ виду зрителей. Въ каждой пьесѣ непременно должно быть *двѣнадцать* дѣйствующихъ лицъ, мужчинъ и женщинъ. Актрисы принадлежатъ къ Японской вольницѣ, но актерами бывающъ нерѣдко молодые люди хорошихъ семействъ, играющіе по охотѣ. Пьесы театральныя состоятъ изъ любовныхъ походовъ героическихъ временъ, но есть и трагическія драмы, гдѣ развязку составляютъ ядъ и кинжалъ. Содержаніе всегда берется въ старинныхъ лѣтописяхъ.

Едва зрѣли увлекуща соспраніемъ, являешся смѣшное лицо, въ родѣ Итальянскаго арлекина, начинаешъ шутить, и превращаешъ слезы въ громкій хохотъ. Пляски обыкновенно начинають и за-ключаютъ каждое сценическое представленіе.

Ученыя свѣдѣнія Японцевъ находящіяся почти на одинаковой степени съ свѣдѣніями Китайцевъ. У знающихъ людей найдете географическія карты, но грубыя и нелѣпыя. Только въ Іеддо естъ небольшой астрономическій комитетъ, похожій на Пекинскій Математическій трибуналъ. Подобно Китайскому трибуналу, комитетъ Іеддскій обязанъ сочинять календарь и вычислять затмѣнія. Головинъ упоминаетъ объ Японцѣ *Мамія-Ринзо*, который посланъ былъ къ нему, во время его за-поченія, чтобы усовершенствоваться въ Астро-номіи. Этому Японскій астрономъ слылъ чудомъ учености между земляками, и между шѣмъ, не шуя, спрашивалъ у Русскаго капитана, что такое секстанъ и компасъ?

Медицина Японская опсала не столько, какъ Японская Астрономія. Европа одолжена даже Япо-ніи нѣсколькими лекарствомъ, болѣе или менѣе употребительными. Накалываніе (ассиривecture), на примѣръ, которымъ недавно хотѣло воспользо-ваться въ Европѣ шарлатанство медиковъ, было изобрещено въ Японіи. Чтобы уничтожить ко-лошье, Японскіе врачи втыкають больному въ шѣло, золотыя, или серебряныя, осприя иголки. Прижиганіе (тоха), котораго употребленіе всеоб-

щѣе и дѣйствіе менѣе сомнишельно, началось первоначально также на Японскихъ островахъ. Берущъ для этого немного сухаго моху, сдѣланнаго изъ сѣбля артемизіи, кладущъ его на больное мѣсто шѣла, и послѣ призванія какого-то духа, зажигающъ. Мохъ горитъ медленно, почти безъ пламени, обжигаетъ кожу и шѣмъ вылечиваетъ. Это не только употребляютъ, но даже злоупотребляютъ въ Японіи. Туземцы нерѣдко дѣлаютъ себѣ прижигу, какъ предохранительное средство, ежемѣсячно. Если рана не разбаливается сама собою, ее расправливаютъ толченымъ лукомъ. Лекаря Нангазакскіе прописываютъ прижигу отъ всего, но особливо отъ подагры. Обыкновенно, прижиганіе дѣлается на верхней части шѣла, и отъ этого въ Японіи у рѣдкаго мужчины, и даже у женщинъ, не бываетъ множества слѣдовъ прижиги. Японскіе врачи сущіе невѣжды въ Анашоміи. Для распознаванія болѣзней щупаютъ однакожь они пульсъ больного. Кровоопусканіе и діэта кажутся имъ вовсе бесполезнымъ дѣломъ. Напрошивъ, всегда совѣствуютъ они больному побольше ѣсть, и пить чай, сколько можешь онъ болѣе.

Руководѣльная промышленность въ Японіи равняется съ Кишайскою и Индійскою. Есть мастера для опличной обдѣлки желѣза, мѣди и стали. Я говорилъ уже о превосходствѣ Японскихъ сабель, не уступающихъ Дамасскимъ и Харассанскимъ. Шелковыя и изъ хлопчатой бумаги издѣлія, фарфоръ, мѣлкія галантерейныя вещицы, а также

бумага, лаковыя подѣлки, стеклянныя вещи, и множество другихъ предметовъ, доведены у Японцевъ до высокой степени совершенства. Въ инструментахъ для измѣренія времени они такъ успѣли, что могутъ составить и устроить карманные часы. — Главнѣйшія торговыя мѣста въ Японіи суть *Осакка, Нангазаки, Кази-но-Мотсь*.

Нѣкогда флоты Японскіе являлись по окрестнымъ морямъ и плавали даже въ Индію, но послѣ губительнаго междоусобія между Японцами-язычниками и Японцами-христіанами, и изданія пошомъ строгихъ запрещеній, въ 1585 году, Японія не имѣетъ ни одного военного корабля, и купеческія суда Японцевъ строятся только для прибрежнаго плаванія. Выходъ изъ государства запрещенъ такъ строгъ, что даже заведенный нечаяннымъ случаемъ, плѣномъ, насильственнымъ или кораблекрушеніемъ въ иностранныя государства, Японецъ не избѣгаетъ строгатаго преслѣдованія, а нерѣдко жестокаго наказанія, по своемъ возвращеніи въ отечество.

Единственный, открытый чужеземцамъ портъ Японскій—*Нангазаки*, и сюда допускаются только Голландцы, Китайцы и Корейцы. Число кораблей, копорые каждый изъ сихъ народовъ можетъ прислать въ Нангазаки, опредѣлено и предварительно назначено. Но если внѣшняя торговля Японская ограничена такимъ стѣснительнымъ образомъ, за то внутренняя находится въ дѣятельномъ и цвѣтущемъ состояніи. Никакая таможня, никакой внутренній налогъ не задерживающъ въ Японіи

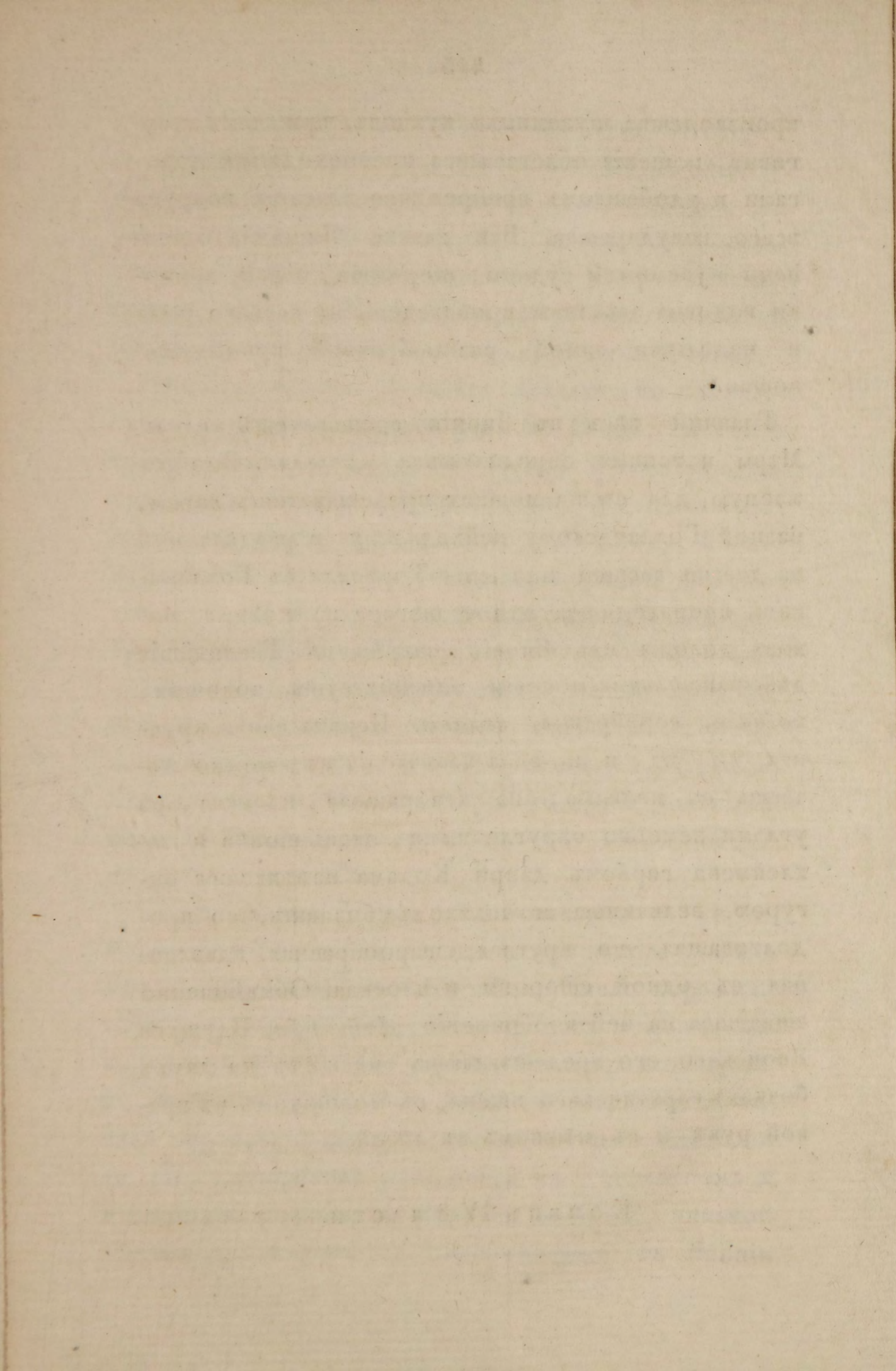

производства шеземныхъ купцовъ, при чемъ тор-
говья сношенія облегчаются превосходными доро-
гами и удобствомъ прибрежнаго плаванія вокругъ
всего государства. Всѣ гавани Японскія напол-
нены шеземными судами; поржища, лавки, ярмар-
ки годовыя завалены произведеніями всякаго рода
и издѣліями самой разнообразной промышлен-
ности.

Главный вѣсъ въ Японіи составляетъ *пикюль*.
Мѣры погонныя опредѣляются *наттами*. Вообра-
жаемую для счепа монету представляетъ *таиль*,
равный Голландскому рейхсдалеру, и раздѣляемый
на десять частей, или *ма*.—Торговля съ Голланд-
цами производится мѣною шовара на шоваръ. Вы-
возъ золота изъ Японіи запрещенъ. Главнѣйшія
дѣйствительныя монеты здѣшнія сусъ, золотыя,
кобанги, серебряныя, *кодамы*. Первая самая круп-
ная монета, и не зная назначенія ея, можно по-
честъ ее медалью; она квадратная, плоская, съ
углами немного округленными, очень тонка и за-
клеимена гербомъ даири. Кодама измѣняется фи-
гурою, величиною и чеканомъ; бываетъ, по про-
долговатая, по круглая, шарообразная, вдавлен-
ная съ одной стороны и плоская. Обыкновенно
спавишся на ней изображеніе *Дайкокфа*, Плущуса
Японскаго; его представляетъ сидящимъ на двухъ
бочкахъ сарачинскаго шена, съ молошкомъ въ пра-
вой рукѣ и съ мѣшкомъ въ лѣвой.

Конецъ IV-й части.

О П И С А Н І Е

рисунковъ, принадлежащихъ къ четвертой части *Всеобщаго путешествія*.

Листы. Изображ.

LXX. 138. Видъ Кипайскихъ укрѣплений въ пропокѣ рѣки Чу-Кіангъ (Тигровой), или Восса de Tigris (пастъ пи-гра), между берегомъ и оспровомъ Вангъ-Тонгъ (ч. IV. стр. 11).

LXXI. 139. Видъ Кипайскаго селенія, на берегу Чу-Кіанга, и споящаго вдали *та*, или башни (ч. IV, стр. 16).

140. Видъ Кипайскаго жилища, построеннаго изъ старыхъ лодокъ, на берегу Чу-Кіанга (ч. IV, стр. 16).

LXXII. 141. Видъ улицы въ Канпонѣ (ч. IV. стр. 30).

142. Изображеніе Канпонскихъ Кипайцевъ, цырюльника, почешнаго жителя, просполюдина и разнощика (ч. IV, стр. 32).

LXXIII. 143. Видъ части Кипайскаго опдѣленія въ Канпонѣ (ч. IV, стр. 81).

144. Изображеніе гражданскаго мандарина, въ полной одеждѣ, и Канпонскаго фактора (Comptador) Европейскихъ конпоръ (ч. IV, стр. 86 и 43).

LXXIV. 145. Видъ стѣны и ворошъ Кипайскаго опдѣленія въ Канпонѣ (ч. IV, стр. 36).

146. Изображеніе Кипайскаго милиціоннаго солдата, и воина изъ Тигроваго полка, опборнаго войска Кипайскаго (ч. IV, стр. 95 и 184).

LXXV. 147. Видъ Кипайскаго моста объ одной аркѣ, съ торжественными вратами, на немъ построенными (ч. IV, стр. 141).

148. Изображеніе жены Кипайскаго мандарина, диняпи и служанки (ч. IV, стр. 91).

LXXVI. 149. Два изображенія Кипайца, осужденнаго на *кангу*, и полицейскаго спорожа за нимъ (ч. IV, стр. 94).

150. Изображеніе ногъ Кипайской знашной женщины (ч. IV, стр. 92).

LXXVII. 151. Видъ Кипайскаго гидравлическаго способа, замѣняющаго шлюзы (ч. IV, стр. 141).

152. Изображеніе Кипайскаго развозчика съѣстныхъ припасовъ, и шлежки съ парусомъ (ч. IV, стр. 97).

LXXVIII. 153. Видъ части Пекинской стѣны и городскихъ воротъ (ч. IV, стр. 142).

154. Изображеніе Кантонскаго полицейскаго мандарина, несомато въ паланкинѣ (ч. IV, стр. 103).

LXXIX. 155. Видъ Великой стѣны, отдѣляющей Монголію отъ Кипая (ч. IV, стр. 146).

156. Видъ Кипайской крѣпости и *пей-занга*, или торжественныхъ воротъ, близъ Пекина (ч. IV, стр. 143).

LXXX. 157. Видъ части дворца Юань-Мингь-Юань, близъ Пекина (ч. IV, стр. 144).

158. Изображеніе Кипайскаго поселенина и семейства его (ч. IV, стр. 97).

LXXXI. 159. Видъ башни, или *та*, близъ Сы-Чу, въ Кипаѣ (ч. IV, стр. 143).

160. Изображеніе богдыхана Фу-ги, и идола, находящихся въ Пекинскомъ храмѣ Тивангь-Мiao (ч. IV, стр. 158).

LXXXII. 161. Изображеніе Кипайскихъ лодокъ съ пловучими клѣпками, для перевоза по водѣ упокъ (ч. IV, стр. 204).

162. Изображеніе жонки, изъ Кипайской области Чу-Кiao (ч. IV, стр. 205).

Листы. Изображ.

LXXXIII. 163. Изображеніе Кипайской жонки, для перевоза большихъ грузовъ, въ Кантонѣ (ч. IV, стр. 205).

164. Изображеніе большой Кипайской военной жонки (ч. IV, стр. 205).

LXXXIV. 165. Видъ *Напа-Кіанга*, столицы на островахъ *Льу-Чью* (ч. IV, стр. 211).

166. Видъ погребальницы на *Льу-Чью* (ч. IV, стр. 211).

LXXXV. 167. Изображеніе *Коми*, одного изъ старшинъ въ *Напа-Кіангѣ*, и жены его (ч. IV, стр. 214).

168. Изображеніе *бодеза*, или жреца *Льу-Чьускаго*, и еще одного изъ начальниковъ *Напа-Кіангскихъ* (ч. IV, стр. 216).

LXXXVI. 169. Изображеніе *Укома*, начальника въ *Напа-Кіангѣ*, и семейства его (ч. IV, стр. 215).

170. Изображеніе *Льу-Чьускаго* идола *Куангъ-Ионга*, или богини прощенія (ч. IV, стр. 221).

LXXXVII. 171. Изображеніе жонки, везущей въ Кипай изъ *Льу-Чью* подаши (ч. IV, стр. 236).

172. Видъ сада жрецовъ, на *Льу-Чью* (ч. IV, стр. 219).

LXXXVIII. 173. Изображеніе свиты, сопровождающей *Укома* въ его прогулкѣ (ч. IV, стр. 219).

174. Изображеніе *Корейскихъ* маэпрозовъ и ихъ начальника (ч. IV, стр. 264).

LXXXIX. 175. Видъ Японской военной караульни, близъ *Нангазаки* (ч. IV, стр. 286).

176. Изображеніе Японцевъ, привѣтствующихъ другъ друга при встрѣчѣ (ч. IV, стр. 284).

XC. 177. Видъ крѣпости близъ *Нангазаки*, порже-ственно убранной флагами (ч. IV, стр. 283).

178. Изображеніе Японскихъ солдатъ, коннаго и пѣшаго (ч. IV, стр. 285).

XCI. 179. Видъ улицы въ *Нангазаки* (ч. IV, стр. 294).

180. Изображеніе Японокъ высшихъ званій, на Нангазакскомъ гуляньѣ (ч. IV, стр. 295).

ХСII. 181. Видъ Оннайскаго дворца въ Японіи (ч. IV, стр. 306).

182. Видъ Фирандской крѣпости, въ Японіи (ч. IV, стр. 306).

ХСIII. 183. Изображеніе трехъ Японскихъ чиновниковъ, въ Осака (ч. IV, стр. 312).

184. Изображеніе Японской щеголихи, и ручной колясочки, въ которой она прогуливается (ч. IV, стр. 313).

ХСIV. 185. Изображеніе Японскихъ нищихъ, и семейства, осужденнаго на изгнаніе (ч. IV, стр. 321).

186. Изображеніе народнаго цирка и борцовъ Японскихъ (ч. IV, стр. 330).

ХСV. 187. Изображеніе аудіэнціи Голландскихъ посланниковъ въ Іеддо (ч. IV, стр. 343).

188. Изображеніе торжественной жонки, на которой везли Русскаго посланника въ Нангазаки (ч. IV, стр. 348).

ХСVI. 189. Изображеніе Буддійскаго идола *Амида*, въ Японіи (ч. IV, стр. 407).

190. Изображеніе Буддійскаго идола *Канона*, или *Канѣ-Вона*, близъ Міако (ч. IV, стр. 407)

ХСVII. 191. Видъ храма Кангъ-вонова, находящагося близъ Осака (ч. IV, стр. 408)

192. Изображеніе Буддійскихъ жрецовъ, различныхъ сектъ, въ Японіи (ч. IV, стр. 406).

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Стр.

ВСЕОБЩЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. *Китай и Японія, съ островами Лву-Чвускими.*

ГЛАВА XXXIV. *Китай. Переѣздъ изъ Макао въ Кантонъ.*

Рѣка Чу-Кіангъ, или Тигровая. Островъ Линтинъ. Конспрабанда опиумомъ. Восса de Tigris и островъ Вангъ-Тонгъ — плохая крѣпость Кишайская; проѣздъ корабля Альцесшы, въ 1846 году; сторожевая Кишайская флошилѣя. Кишайскія башни, или та. Островъ Валпоа. Кишайскія оранжереи. Видъ Кантона. Жилища и жишье Европейцевъ. Запрещеніе Европейскимъ женщинамъ жишъ въ Кишаѣ.....

7

ГЛАВА XXXV. *Китай. Кантонъ. Три города въ одномъ.*

Улицы Каншонскія, лавки, торговля, рынки; одежда жишелей и промышленность. Видъ площадей. Искусство масперовыхъ. Кишайское ошдѣленіе Каншона. Число жишелей. Жилище Вице-Короля. Различіе частей города. Пожаръ 1823 года. Третье ошдѣленіе — Кантонъ на водѣ.—Прелесъ его, веселая жизнь. Ловкость и плюшовство Кишайскихъ слугъ. Посшавщики, или Compradores Каншонскіе.....

30

ГЛАВА XXXVI. *Китай. Кантонъ. Гуну. Ганисты. Зрѣлище*

присшани. Система торговли Каншонской съ Европейцами. Кангъ-Гснѣ, Ганисты, Гуну, факшоры. шаможня. Предметы торговли. Чай, пригошвленіе

и вывозъ его, соршы и количесшво. Привозные шовары. Будущность Кишайской шорговли. Угощеніе у ганисша. Кишайскій обѣдъ. Пирушка у другаго ганисша—шеашръ и драма Кишайская.—Еще пиръ у ганисша—Кишайскій городъ; жилище Кишайца, косшюмъ мандарина; садъ, обѣдъ, жена Кишайца.—Прогулка по Каншону—Канга, солдашы, поселяне, Буддійскій пагодъ. Ссора.....

46

ГЛАВА XXXVII. *Китай. Сношенія съ Европейцами. Посольства. Нейгофъ, Макартней, Тзитзингъ и фанъ-Брамъ, Линдзей и Гушцлавъ. Незнаніе Кишай Древними. Серика. Древность Кишай. О-ло-пенъ и христіанство. Монголы. Маркъ-Павель, Монше-Корвино, Тома Пирезъ, Миссіонеры—ихъ успѣхи и упадокъ.—Голландскіе послы и описаніе Нейгофа. Русское посольство и описаніе Бея—Пекинскій Дворъ, забавы его и великолѣпіе. Дальнѣйшія сношенія съ Рускими. Англійскія посольства: Маккартней—плаваніе по Желтому морю и рѣкѣ Пеи-Го; Пекинъ—дворецъ Юангъ-Мингъ-Юангъ; Великая стѣна; дворецъ Те-го; путь изъ Пекина въ Каншонъ.—Амгерсхъ, Тзитзингъ и Брамъ.—Прибрежное плаваніе Линдзее и Гушцлава, ошъ Кантона до Кореи.....*

104

ГЛАВА XXXVIII. *Китай. Выводъ общій: произведенія природы, правленіе, религія, нравы, обычаи, законы, литература, науки, искусства. Запрудненія Кишайской географіи. Просирансшво, земледѣліе, произведенія природы—звѣри, пшицы, рыбы, ископаемыя.—Правленіе, аристокрація, управленіе обласшей, войско, законы.—Письмена, языкъ, знанія, художесшва, промышленность, лишшерашура—энциклопедія, поэзія, книги Конфуція.—Вѣра.—Женщины—многоженсшво. Сшрасшъ къ играмъ. Пороки и добродѣтели.....*

176

ГЛАВА XXXIX. *Отбѣздъ изъ Кантона. Формоза. Лву-Чву. Разсшаваніе съ Барономъ. Обращное плаваніе въ Макао. Кишайскія суда. Опяшъ Кишайскій мореходъ. Островъ Формоза—произведенія, жишели; владѣнія Кишайскія—Лву-Чву, столица Напа-Кіангъ—добро-*

душіе и ласковостъ жишелей. Спаршина Коми. Посѣщеніе другихъ спаршинъ—Укома и его семейство; бодезы, или жрецы. Мадера, Анъ-Ніагъ. Европейская красавица. Сады жрецовъ и храмъ. Ужинъ. Прогулка по ошрову. Прелестъ и богатство природы. Кишайская жонка, ея ошпышіе и праздникъ..... 200

ГЛАВА XL. *Льу-Чьу. Исторія, Географія.* Мифологическое начало Льу-Чьусцевъ; завоеваніе Кишайцами; подданство Кишаю; война съ Японіею; пребываніе Бенъовскаго. Броушонъ, Галль и Бичей. — Происхожденіе, образованіе, языкъ, законы, правленіе. Обряды при воцареніи государей. Доходы, промышленность, положеніе—произведенія природы, мореплаваніе и торговля Топографія..... 240

ГЛАВА XLI. *Японія. Нангазаки.* Разсѣванье съ Льу-Чьусцами. Корейцы. Ужасный ураганъ на Японскомъ морѣ—кораблекрушеніе—спасеніе на ошровъ *Квузу*. Ошправленіе въ *Нангазаки*—Японская крѣпость. Японцы, ихъ видъ и одежда; солдаты и офицеры. Голландская факшорія и ошровъ *Дезиля*. Прогулка по городу—гулянье; Японскія женщины. Торговля Голландцевъ въ Японіи. Ошправленіе въ *Теддо*..... 260

ГЛАВА XLII. *Японія. Теддо.* Дорожные экипажи. Дворецъ *Оннайскій*. Крѣпость въ *Фирандо*. Жилища Японцевъ. Японская жонка. Плаваніе моремъ въ *Теддо*. Гнъ Блокфіусъ и Японская флора. *Осакка* — крѣпость, красавицы. *Міако*, сшюлица *даури*—храмы и идолы. Дорога ошъ моря до *Теддо*—земледѣліе, нишіе, предметъсшье. *Теддо*—дворецъ *кубо*, улицы, дома, полиція, чайные дома, или *тзіайа*, народный циркъ и борцы Японскіе. Посѣщеніе богатаго Японца—*Фарфоръ* и рѣдкосши..... 304

ГЛАВА XLIII. *Японія. Сношенія съ Европою, миссіонеры, посольства Голландцевъ. Русское посольство.* Прибытіе Поршугальцевъ въ Японію. Обращеніе въ христіанство Японцевъ, гоненіе, истребленіе Христіанъ, изгнаніе Европейцевъ. Монополія Голландцевъ—посольство Вагнера; описанія Кемпфера и Тунберга; уни-

женіе Голландцевъ. Русское посольство—посоль Рязановъ; пріемъ его и ошвѣщъ Японцевъ — Хвостовъ и Давыдовъ. Плѣнь Головинна и великодушіе Рикорда. Новѣйшія извѣстія..... 336

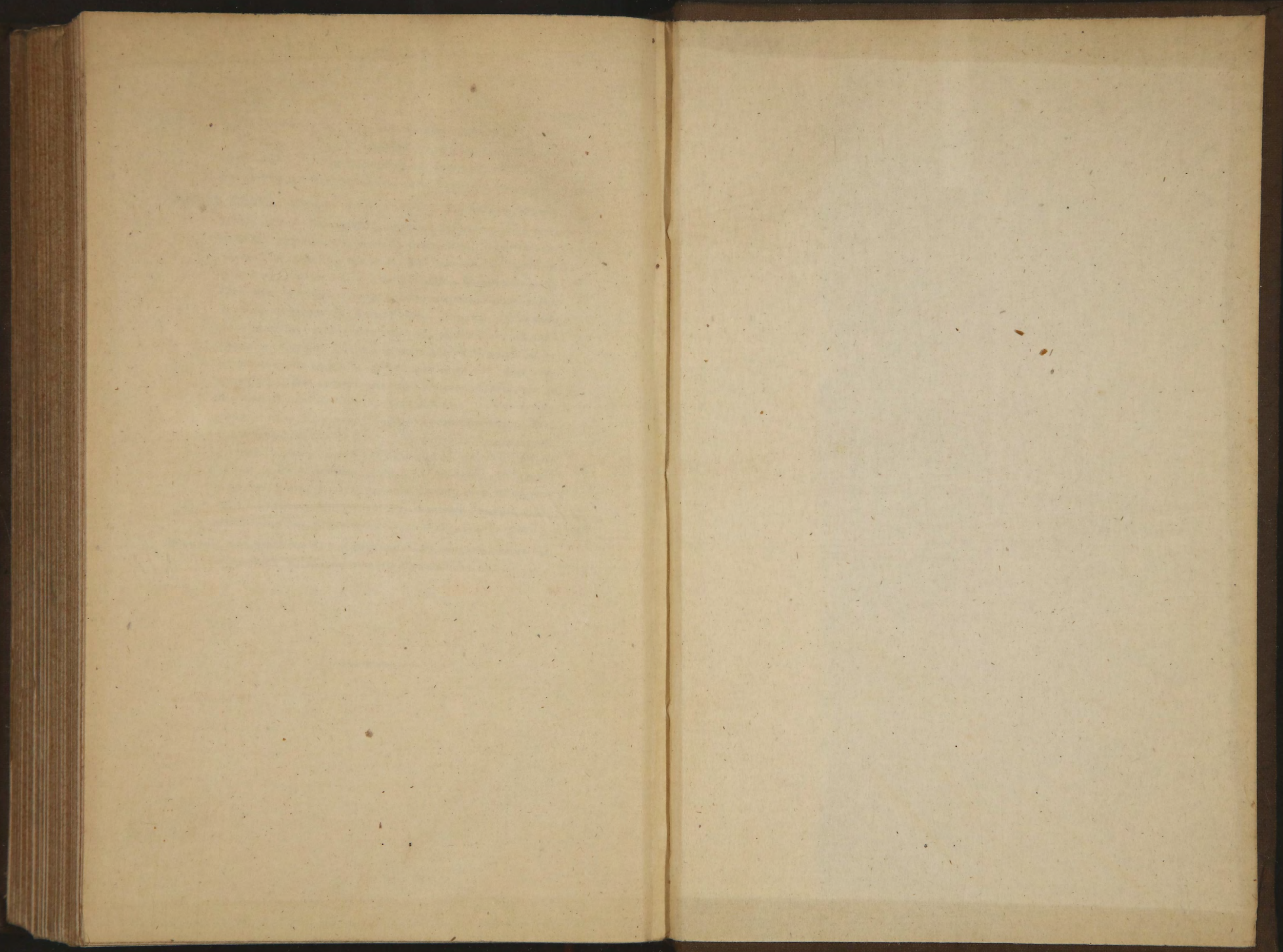
ГЛАВА XLIV. Японія. Общій выводъ. Географія, Исторія: нынѣшнее состояніе, правленіе, законы, нравы, обычаи, характеръ, знанія, искусства, промышленность, торговля, религія. Исчисленіе Японскихъ острововъ; области и дѣленія ихъ. Происхожденіе Японцевъ и споръ о томъ. Историческая міеологія. Древнія переселенія Кишайцевъ. Даири, духовный царь Японіи. Кубо, или сѣугунъ, политическій властитель Японіи. Дѣленіе власшей и отношенія между ними. Гокосіо, или удѣль кубо. Даміо, или вассалы кубо. Верховный совѣщъ, войско, правосудіе и законы. Ящикъ прошеній. Склонность къ самоубійству и презрѣніе смерти. Характеръ Японцевъ. Званія и нравственный бытъ. Похороны, свадьбы, домашняя жизнь. Образъ путешесствій, почты. Вѣры —Синто, боги, храмы, догматы, жрецы; Буддизмъ —храмы, боги, секты; религія Сукдо, или Конфуціева.—Письмена, литерашура, шапръ, науки, промышленность, монета..... 358

Описаніе пятидесяти пяти рисунковъ, принадлежащихъ къ четвертой части Всеобщаго Путешествія..... I

ДЮМОНЪ-ДЮРВИЛЯ

ВСЕОБЩЕЕ

ПУТЕШЕСТВІЕ

IV.

У. 5.